

Ольга Борисовна Обнорская

САД УЧИТЕЛЯ

Издательство «Сиринь»

— Я хочу спросить Тебя о том, как мне передать людям то, что я получаю от Вас? И передавать ли это людям? И кому? И в какой форме? И всё ли давать или только избранные места? Ты знаешь, Учитель, я ведь записываю всё, что начала видеть с весны, с самых первых дней. Получилась книга, по-моему, очень благоуханная и нежная книга, которую я пробовала читать некоторым, и вижу, что она волнует их сердца. Может быть, будет возможно, когда-либо издать её? И как Ты повелишь теперь поступить мне?

Учитель улыбался.

— Да, Мы знаем, что ты записываешь всё. И это прекрасно. Мы и хотим, чтобы это была книга. И к ней, по-моему, очень подходит название «Благоухание сердца» (название «Сад Учителя» — было дано Им же позднее). Ты её дашь в мир. Не сейчас... Я полагаю, что это будет очень благоуханный дар миру. Нами это уже всё предусмотрено. Иди и не тревожься об этом. Всё придёт в нужный час, и всё будет именно так, как надо.

Предисловие к «Саду», данное Учителем

Я вовсе не хочу сказать, что это — реальность, та реальность, к которой вы привыкли в повседневности. Но это реально, как реальны ваши мечты, воплощённые в форму, как реально ваше творчество, которое даёт форме творческое воплощение.

Надо ли задумываться над тем, существует ли «Сад» реально? Истинны ли облики Учителей, которых здесь видели другие, иным способом?

Всё это несущественно.

Но существенно то, что здесь запечатлён Образ, дыхание того Света Истины, которое излучает из себя сердце ищущее.

Здесь дан опыт одной души, искавшей Света, жаждавшей прозрения и благословения Учителя.

Прикосновения Учителей — благостны. И они даются всем. Но не все могут ощущать их. Те, кто уже имеют эти силы восприятия, смогут оказать миру дивную помощь, передав ему свой опыт для того, чтобы каждый почувствовал в своём сердце ободрение и понял бы, что Учитель скрыт в каждом как его сущность. И Его чарующий голос скажет Своё Слово и раскроет однажды Своё дивное присутствие в каждом сердце.

Примите мир Наши! Да будет благо Наше в каждом сердце полно и ненарушимо, как бы слитое через единое сердце со всем сущим

1936

В мае 1936 года я начала ощущать присутствие Учителя.

Сначала очень неясно и туманно, в виде мечты. Мне вырисовывалась Его высокая фигура, полная благородства, величия и спокойствия в движениях.

Потом ясно увидела только ноги Учителя, обутые в лёгкие сандалии, и себя, рыдавшую у Его ног. Это я видела несколько раз. Приблизительно двадцать первого мая я увидела Учителя, сидящего на простой, деревянной терраске. Одна Его рука лежала на перилах, а

другая покоилась на коленях. Лицо Его было отвёрнуто от моего зрения! Он смотрел на тропинку, скрывающуюся в зелени, и словно ждал кого-то на ней.

Это я видела два раза.

23 мая

Я рыдала у ног Его на той же терраске. Он ласково поднял меня и что-то сказал вроде: «Встань. Довольно омывать мои ноги слезами».

Я плохо видела Его лицо и слова Его не слышала, а как бы чувствовала, но не всё. Это длилось недолго.

24 мая

Видела то же. Но я не рыдала. Я сидела на полу у ног Его. Он говорил мне что-то, но я не слышала слов.

Облик Учителя всё ещё мне не чётко. Мне чудится Он русым. Глаза изумительной синевы, отливающей золотом. Бороды и усов нет. Рот улыбается иногда. Очень благородный овал лица.

Вообще трудно описать Его, тем более что я всё время напрягаюсь, чтобы не потерять видения, которое дрожит, как в воде. Чем больше и сознательнее я напрягаюсь, тем хуже вижу. Когда же я созерцаю, не думая о том, как это происходит, я вижу яснее и отчётливее.

25 мая

Видела Его в Саду под деревом. Что-то писал за деревянным столом. Я села у ног Его. Кротко и ласково Он говорил мне что-то, но слов я не слышала. Я не могла долго созерцать и скоро «ушла». В сердце было неизъяснимое счастье.

Вечером того же дня я хотела опять увидеть Его. Словно я шла по тропиночке и подошла к Его дому. Всего дома я не видела ни разу, а только часть терраски, деревянную, небольшую. И теперь я увидела только одну калитку, которая вела на террасу. Она была закрыта. Я поняла, что мне нельзя идти дальше и услышала «беззвучный голос»: «Приходи завтра».

26 мая

Учитель сидел в Саду под деревом и что-то писал. Ясно видела Сад. Очень много цветов и кустов цветущих. Пробыла безмолвно около Учителя очень недолго. Шла обратно Садам, но видела его не весь.

27 мая

Учитель сидел на террасе. Его ноги стояли на скамеечке, простой, сосновой скамеечке очень чистой и свежеструганной. Я подошла близко к Нему и села на пол около скамеечки, на которой стояли Его ноги. Учитель сидел нагнувшись вперёд, Его локти лежали на коленях, а в руке Он держал веточку какого-то растения. Он что-то говорил мне. Но я не слышала Его слов, я ещё не понимала Его.

Потом я просила Его о прозрении. Я, рыдая, лежала на полу. Учитель стоял надо мной и, воздев руки, молился.

Когда я поднимала на Него глаза, я ощутила силу, которая исходила из всего Его облика во время молитвы.

Потом я опять сидела у ног Его. И Он дал мне лист бумаги и перо, и я услышала голос Его, очень мягкий и нежный:

— Пиши.

Всем, всем, всем...

Всем народам, всем людям всех стран:

Возлюбите Истину превыше всего, и мудрость прольётся на вас.

Познайте единство, ибо нет в мире разделения и каждый несёт ответственность за каждого. И нет чужой скорби и чужих страданий. Если они не поняты вами и не разделены, как ноша вашего сердца, тогда нет понимания и истинной любви в сердцах ваших.

Возжелайте Истину превыше всего, и Истина снизойдёт к вам.

Значение каждого дня усвойте.

Примите мир в ваши сердца и покой.

После чего Учитель взял листок из рук моих, поднял его в воздух двумя пальцами и дунул на него, он мгновенно сгорел голубым огнём. Учитель улыбнулся мне и сказал:

— Теперь он полетел в мир людей и войдёт в сердца тех, кто способен принять его.

Учитель благословил меня, сказав:

— Я позову тебя сегодня ещё, но без зова не иди ко мне. Лишь по утрам можешь идти без зова.

Учитель поднял моё лицо за подбородок и взглянул мне в глаза. Но у меня не было силы запечатлеть ни лица Его, ни дивного взгляда, я видела Его как бы сквозь туман. И Учитель сказал:

— Скоро научишься видеть Меня ясно и чётко. Иди с миром, дитя Моё.

Я уходила по тропинке Сада. Обернувшись, увидела фигуру Учителя на терраске. В радостном порыве я подняла вверх обе руки, приветствуя Его. И Учитель тихо поднял в ответ руку. Рукав Его белой одежды был похож на белое крыло.

Тропинка стала узкая, повела куда-то вниз, сначала меж кустов и трав, потом, резко повернув, стала каменистой, кусты и травы сменились высокими скалами. Я поняла, что домик Учителя где-то высоко в горах.

Днём, того же числа.

Я шла по узенькой, каменистой тропинке среди высокого и густого кустарника. Очень спешила. Иногда с большой силой приходилось отводить ветки и продираться сквозь чащу кустов.

Вдруг навстречу мне я увидела Учителя. Он был как бы бестелесен и соткан лишь из сияния. В порыве какого-то большого волнения я упала перед Ним на колени и обняла Его ноги. Он нагнулся ко мне, но я не чувствовала ни Его ног, ни Его прикосновения. Когда я подняла голову, чтобы взглянуть на Него, уже никого не было, и я лежала одна на каменистой тропинке меж кустов.

28 мая

Продиралась сквозь кусты и колючки, следуя по очень слабому намёку на тропинку. Вдруг чаща кустов раздвинулась, и между ними оказалась тропиночка узкая, но ровная. Она довела меня до калитки Сада. Калитка была деревянная, без запора. Внутренний голос сказал: «Войди».

Я открыла калитку и вошла в Сад. Дорожка стала гораздо шире и была посыпана песком. По обеим сторонам были цветущие кустарники. Я не знаю, какие это цветы, но они были белые. Внутренний голос сказал: «Осмотришься кругом». Я подняла голову вверх и увидела ясную синеву неба и на нём одинокое белое облако. Вдали виднелись снеговые вершины гор. От всего струилась радость и покой. Тропинка закончилась площадкой роз. Это была довольно большая площадка, посередине которой на высокой клумбе цвели всевозможные сорта роз. Сбоку площадки находилась сквозная беседка, увитая диким виноградом. Оттуда вышел Учитель. Я опустилась перед Ним на колени. Он улыбнулся:

— Поздно приходишь, лучше бы пораньше, — и повелел взойти с Ним в беседку.

Учитель указал мне на скамеечку у Его ног, я села, и Он дал мне лист бумаги и перо, сказав:

— Сейчас я тебе продиктую...

Но тут моё сознание стало раздираться, и я не слышала, что продиктовал мне Учитель. Когда я снова получила способность видеть и слышать, я услышала голос Учителя:

— Теперь всё. Иди.

— Жажду прозрения! — прошептала я.

Учитель поднял руки вверх и сказал:

— Помолимся вместе.

Я опустилась на колени и тихо повторяла слова молитвы.

— Господи! Помоги сердцу жаждущему прозрения. Просвети его силой Твоей мощи и любви. Все мы дети Твои, и Ты — Отец наш. И всё в воле Твоей. Аминь.

Учитель подошёл к розовому кусту и, сорвав цветок, сделал мне знак приблизиться. Затем приколот розу на моей груди возле сердца и сказал:

— Не забывай меня. Иди с миром в сердце. Цветок поможет тебе хранить в сердце любовь ко Мне и оживит твою память.

Я ощущала в сердце трепет и смущение, словно я получала то, чего я совсем не достойна, словно вот-вот и я потеряю этот дар видения.

Я ушла опять той же тропинкой, через калитку, но не дошла до каменистой тропинки, как всё окончилось.

День.

Идти было легче, чем утром. Быстрее дошла до калитки, ведущей в Сад. Шла той же тропинкой с кустами с обеих сторон. На них блестящая, плотная зелень, цветы мелкие, белые, пахнут горьковатым миндалём.

Дойдя до площадки роз, я свернула почему-то направо и вышла к маленькому озерку, совершенно круглому.

Около него стоял Учитель, весь залитый светом, и кормил двух белых лебедей. Учитель увидел меня и пошёл мне навстречу. Я опустилась перед Ним на колени.

— Ну, не потеряла розу, которую Я тебе дал утром?

Он говорил улыбаясь.

— Она здесь, Учитель! — И я указала на цветок у моего сердца, который несколько не увял за день, а как будто ещё больше распустился.

— Следуй за Мной!

Учитель шёл впереди меня спокойной и ровной походкой, не тихо и не быстро. Я смотрела на волосы Учителя и не могла рассмотреть, какой они длины.

Вдруг Он обернулся ко мне и сказал:

— Я не ношу коротких волос, но и очень длинные Мне мешают.

Я была смущена, что Он угадал мои мысли. Мы шли по небольшой аллейке. Деревьев было мало, больше было цветов и кустарников в цвету. Я увидела домик Учителя. Он очень небольшой, типа побелённых известкой домиков, которые строят на юге. Но всё же весь дом я ещё не видела совсем ясно и отчётливо. Только терраску видела ясно. Она небольшая, внутри слева небольшая дверь, ведущая внутрь дома. Мы взойшли на неё через низенькую калиточку, через которую я уже входила.

Учитель сделал мне знак остановиться на пороге, а сам вошёл в комнату.

На терраске я видела кресло Учителя, стоящее около перил, и низенькую скамеечку для ног. Всё это было сделано из сосны, простое, очень чистое, как бы совершенно новое.

Учитель скоро вышел ко мне, неся в руках большую книгу. Он сел в кресло и велел мне приблизиться и сесть на скамеечку у Его ног.

— По этой книге Я буду учить тебя жизни, — сказал Он, чуть улыбнувшись, и передал мне большую и толстую книгу, тяжести которой я не ощутила. Я положила книгу на колени. Она была в гладком, жёлтом переплёте из кожи, с медными уголками и с очень красивой и узорчатой, широкой медной застёжкой. Обрез книги был ярко-красный.

Учитель повелел мне раскрыть книгу. На первой странице я увидела рисунок. Это было дерево. Рисунок был исполнен красками: зелёной, красной, чёрной и жёлтой по белому фону.

Он занимал собой всю большую страницу книги. У дерева были обнажённые, очень могучие корни и ветки, идущие близко от корней во все стороны. Очень много было веток, в очень разнообразном и причудливом сплетении. На ветках были, как мне показалось, какие-то фигуры, и знаки, и числа, очень много всего, я не успела во всё вникнуть. Учитель сказал:

— Это дерево Жизни. Его корни ушли во тьму веков, и мы даже не знаем, когда возникли они. Нижние ветки — это «начала» или «силы» Жизни, которые хранят всё дерево и составляют его мощь. Далее идут ветки менее мощные, это «стихии». На них ты видишь сразу и плоды, и цветы, и почки. Это всё вместе составляет текучесть Жизни. Это то, что было, то, что есть, и то, что будет. Обрати внимание на верхушку дерева, она как бы срезана, и из неё выходит пламя, охраняемое двумя коленопреклонёнными ангелами.

Я всё это увидела. Пока Учитель говорил, дерево переливалось разными огнями. Когда Учитель умолк, дерево погасло и стало видно просто как рисунок.

— Закрой книгу, — сказал Учитель, — на сегодня это всё. — И взял книгу из моих рук. Он встал и понёс книгу очень бережно к себе в комнату, и я видела сверкание углов и ярко-красный обрез книги.

Я стоя ждала Учителя. Он вышел и сказал:

— Это всё. Можешь идти.

Я опустилась на колени перед Учителем и мысленно сказала:

— О, Учитель! Дай мне знак, что всё это не грёза, не наваждение моей фантазии, а истинно я вступила в Твою жизнь и имею счастье быть в Твоём святом окружении.

Учитель мягко сказал:

— Надо иметь больше доверия к себе и к Нам. *Я говорю тебе!* Иди с миром и не утяжеляй себя такими мыслями. Прими мир Мой и благо.

Учитель благословил воздух надо мной и сошёл с терраски. Я пошла за ним.

Учитель пошёл по другой дорожке Сада. Она вела куда-то резко вбок, а потом спустилась вниз и закончилась калиточкой. Учитель Сам открыл калитку, пропуская меня, и закрыл ее. Я опустилась перед Ним на колени в земном поклоне. Когда я подняла голову, никого не было.

29 мая.

Шла по аллее кустарника мимо площадки роз, мимо пруда... Вышла к домику Учителя. На терраске сидел Учитель. Он поднял руку в знак приветия и разрешения приблизиться. Войдя на терраску, я опустилась на колени перед Учителем, но Он повелел мне встать и сесть на скамеечку. На Его коленях уже лежала толстая книга, которую я видела вчера. Учитель положил её мне на колени и повелел раскрыть. Я отстегнула застёжку и опять открыла первую страницу, на которой был рисунок дерева.

— Смотри внимательно, — сказал Учитель. — Обрати внимание на корни и скажи Мне, что ты видишь?

Я смотрела, и мне казалось, что я вижу много корней, которые расползались во все стороны и как будто шевелились под моим взглядом. Но, чем больше я смотрела, тем меньше их становилось, и наконец я увидела один огромный корень. Я рассказала Учителю всё так, как видела.

— Поистине так, — сказал Учитель, — ибо люди всегда склонны видеть много корней, хотя корень всего *один*. Теперь обрати внимание на ствол дерева и на ветки.

Я смотрела на ствол и нашла, что он совершенно ровный и прямой до самой вершины, которая была срезана и из неё шёл огонь. Самые могучие ветки и самые прямые были внизу, они как бы охватывали собой все ветки. Они, идя снизу, закруглялись постепенно, как чаша, и поднимались вверх так, что все ветки были как бы внутри их. Следующие ветки были менее могучи, но тоже шли по той же линии, как и наружные. Потом шёл ещё один ряд ветвей ещё тоньше тех двух. Но остальные ветки, находящиеся внутри, были очень замысловато изогнуты, как бы в узоры, и я заметила, что чем дальше они были от ствола дерева и от корня, тем тоньше они были и тем запутанней был их узор. Всё это я рассказала

Учителю.

— Поистине так! — сказал Он. — Ты правильно видела. Первый ряд веток это могучие начала или силы Жизни. Потом два ряда более тонких ветвей — это стихии, а остальные ветки — это царства — животное, растительное и минеральное. Чем дальше они отстоят от корня и от ствола, которые олицетворяют собой Жизнь проявленную, тем запутаннее и сложнее узор веток, ибо чем ближе к корню Жизни, тем величественнее и проще Жизнь. Так. Теперь закрой книгу. На сегодня довольно.

Я закрыла книгу и передала её Учителю. Он положил её к Себе на колени и сказал:

— Пока ты не окрепнешь настолько, что жизнь реальности, то есть жизнь возле Меня, не станет для тебя такой же привычной и ясной, как твоя обычная, повседневная жизнь, до тех пор ты не сможешь подолгу оставаться у Меня. А теперь пойди в Сад и сорви первый цветок, который увидишь, и принеси Мне.

Я сошла с терраски, и первое, что я увидела, был большой куст белого шиповника в полном цвету. Я вопросительно взглянула на Учителя, и Он, улыбаясь, кивнул мне. Я сорвала красивый белый цветок и бережно принесла его Учителю. Он взял шиповник и стал прикалывать его к моему платью, возле сердца, говоря:

— Как белизна и невинность этого цветка, да будет чистота и простота твоего сердца. Это Мой дар тебе на сегодняшний день. Иди с миром и помни, что во все трудные минуты твоей жизни Я Сам встану возле тебя. А этот дар Мой будет с тобой сегодня весь день как знак любви и благоволения.

Я опустилась на колени и поцеловала край Его одежды. Было так светло на сердце и так не хотелось уходить!

Учитель сказал:

— Ты будешь возвращаться сюда всё чаще и чаще и будешь подолгу гостить у Меня, когда окрепнешь сердцем.

Я ушла по той же тропинке, что и вчера.

Вечером.

Внутри меня голос сказал: «Учитель ждёт тебя».

Я почти бежала по тропинке, продираясь сквозь кусты. Голос внутри меня сказал: «Потише, потише... Подходя к дому Учителя, нельзя делать никаких резких движений». Я замедлила шаги. Вошла в калитку Сада. Прошла аллею цветущих кустарников. Чувствовался вечер и близость заката. На площадке роз стоял Учитель и поливал из лейки цветы. При виде меня Учитель поставил лейку на дорожку:

— А! Наконец-то ты пришла. Я долго ждал тебя сегодня.

Радость, восторг охватили меня. Я упала на колени и покрыла бурными поцелуями Его ноги. Внутренний голос сказал: «Потише, потише, не надо столько бурных вибраций».

Я взглянула на Учителя. Его лицо, чуть склонённое, было обращено ко мне с такой любовью и лаской, что я снова, в каком-то экстазе, стала целовать край Его одежды.

— Тише, дитя... Не надо... Наша любовь не в этом выражается. Встань.

Он подошёл к скамейке, стоящей среди роз, и сел. Я хотела опуститься на песок у Его ног, но Он сказал:

— Сядь рядом. Младший или старший — всё едино.

Я села рядом. Мысль, что я сижу рядом с Учителем, приводила меня в трепет.

Учитель сидел, наклонив корпус вперёд и облокотясь на колени. Он смотрел задумчиво перед собой и молчал. Потом сказал:

— Учись сдерживать чувства. И в молчании учись созерцанию. Не надо так бурно расточать энергию. Лучше её направить в глубь себя.

Он опять задумался и замолчал. Было очень тихо. Близился закат. Потом сказал:

— Подними Мне эту палочку, что лежит на дорожке.

Я подала Ему коротенькую сухую палочку какого-то растения. Учитель дунул на неё, и на ней распустился цветок.

— Красиво? — спросил меня Учитель.

— Очень... — прошептала я.

Учитель снова дунул на цветок, и всё исчезло, и в руках Учителя была только сухая палочка.

— Вот так вы захватываетесь иллюзией. Вы украшаете цветами прах и цепляетесь за него, а дунуть — и нет ничего. — Учитель встал и сказал: — Иди, дитя, и приходи завтра... Береги цветок своего сердца, — добавил Он.

Я тихо-тихо уходила с площадки роз. Цветы, политые Учителем, были ещё влажны, и капли дрожали на розах, как роса. Вечерело. Небо стало розовым. Я очень тихо шла по тропинке к выходу из Сада...

На этом всё закончилось.

30 мая.

Внутренний голос сказал: «Учитель уже ждёт тебя!» Но я всё что-то медлила, никак не могла сосредоточиться. Ничего не видела. Вдруг увидела себя на крутой и очень каменистой тропинке. Она тоже вела к домику Учителя. Вскоре я заметила крышу домика в зелени и маленькую калиточку, ведущую в Сад. Это была тропинка, по которой я уже уходила однажды, но ещё ни разу не приходила.

Учитель сидел на терраске. Он указал мне на скамеечку возле себя и пристально посмотрел на меня. Я села. Учитель взял моё лицо за подбородок и повернул к себе. Внутренний голос сказал мне: «Смотри на Учителя и запоминай Его лицо». Но я чувствовала Его взгляд на себе, и ничего не могла запечатлеть. Во мне не было этой силы.

Учитель положил мне на колени книгу, ту же, что и вчера, и сказал:

— Раскрой её.

Я опять раскрыла её на странице, где был рисунок дерева Жизни.

— Смотри на него, наблюдай и скажи Мне, что ты видишь.

Я смотрела, и мне казалось, что ветки шевелятся и переливаются разноцветно и словно призрачно. А из верхушки дерева шёл огонь: красный, белый и синий. Я рассказала Учителю.

— Поистине так, — сказал Он, — все вещи на земле иллюзорны и все светятся разноцветно.

Тут я почувствовала, что слабею и плохо вижу. Учитель опять пристально посмотрел на меня и сказал:

— Закрой книгу и дай Мне.

Я исполнила. Он сказал:

— Встань и следуй за Мной.

Я всё время чувствовала какую-то неустойчивость в своём видении, и это мне очень мешало. Учитель сошёл вместе со мной с терраски и остановился возле куста белого шиповника. Тут всё окончательно «разорвалось», и я открыла глаза. Мне было тяжело почему-то, и я чувствовала себя плохо. Мне было неприятно, что видение разорвалось так внезапно. Вдруг голос внутри сказал: «Учитель зовёт тебя». Я обрадовалась, сделала усилие, сосредоточилась и снова очутилась в Саду. Учитель стоял у куста и как бы ждал меня. В руке Он держал сорванный листок шиповника и подал его мне, сказав:

— Приложи его ко лбу, чтобы мысли очистились, к глазам, чтобы глаза прозрели, к кончику носа, чтобы твоё дыхание было правильно, к кончику языка, чтобы очистился твой вкус, потри кончики пальцев — это даст внутреннюю силу организму.

Я выполняла всё это по мере того, как говорил Учитель. После этого Он взял лепесток из моих рук и крепко сжал его между ладонями. Когда Он разжал их, лепестка уже не было.

— Не удивляйся этому, — сказал Учитель, — это всё не существенно. Важно твоё очищение и внутреннее прозрение. Он пошёл по дорожке и сделал мне знак следовать за Ним. Мы прошли некоторое время молча. Потом Учитель обернулся и сказал:

— Теперь иди с миром. Будь в духе. Пребывай сегодня в созерцании, в молитвенном

благоговении и в молчании. Иди с миром.

Всё кончилось.

31 мая.

Очень долго не могла сосредоточиться. Вдруг сразу увидела себя стоящей перед терраской Учителя. Он сидел на обычном месте и кивнул мне, разрешая войти. Учитель указал мне на скамеечку, которая стояла возле стены и была чуть повыше той, на которой стояли ноги Учителя. Когда я села возле Него, Он подал мне уже заранее приготовленную книгу.

— Раскрой её.

Я открыла её в том же месте, на котором было нарисовано дерево Жизни.

— Смотри на него и говори Мне, что ты видишь.

Я смотрела и, к своему ужасу, ничего не видела, кроме туманных пятен.

— Учитель, я ничего не вижу!

Тогда Учитель сказал:

— Поверни ко Мне лицо. — Учитель прикоснулся двумя пальцами к моим глазам.

— Теперь смотри, — сказал Он. — Видишь?

— Да, вижу! — радостно ответила я.

Я увидела дерево, как бы всё переливающееся светом. Внутри каждой ветки шёл (как красная ниточка или жилка) красный свет, его обволакивал ярко-зелёный, а зелёный замыкался в золотисто-белый. И всё это мерцало и струилось. Я рассказала Учителю то, что увидела.

— Да, так, — сказал Он. — Это три жизненные силы всего сущего. Красный — это могучая животная сила; зелёный — это астрал или иначе эфирно-звёздная субстанция сущего, и золотисто-белый, а в некоторых местах ослепительно белый Свет — это духовная Сущность, Атма, Бог. Смотри дальше.

Я смотрела и увидела, что все ветки переплелись между собой. Не было ни одной, которая не была бы связана с другой и через другую со всеми вместе. Я рассказала об этом Учителю.

— Поистине так, — сказал Учитель, — ибо всё едино и всё вытекает одно из другого. Смотри дальше.

Я увидела плоды дерева, висящие на нижних ветках, бывших внутри трёх больших веток сил и стихий. Некоторые из них были отталкивающего вида, сизо-чёрные, пепельно-серые, они свисали как трупы, повешенные на стволах, или как грязные мешки, наполненные нечистотами. Но другие сверкали среди веток как драгоценности, мерцая как звёзды, но их было меньше. Вид же всех был разнообразен, но делились они на тёмные, тускло-мерцающие, светящиеся и ярко светящиеся. Я всё это рассказала Учителю.

— Правильно. Это всё так. Это всё дела человеческие, — ответил Учитель. — Поистине все они прах, но все они имеют разноцветную окраску и значение, а свет некоторых, как свет звёзд дальних, проникает и до наших дней сквозь века. Смотри ещё.

И я увидела, что дерево всё окуталось как бы светящимся туманом, сквозь который я слабо различала всё дерево, а туман стал крутиться вокруг дерева спиралью, слабо мерцая.

— Что это за туман, Учитель? — спросила я.

— Это есть общая жизненная сила, которая наполняет собой всё. Это род светящегося эфира, и он даёт жизнь всему. Без него не было бы возникновения жизни, как без воздуха люди не могли бы дышать. Закрой книгу. На сегодня это всё.

Я закрыла книгу и передала её Учителю.

— Теперь иди, дитя.

Но я упала перед Ним на колени и, рыдая, сказала:

— О, Учитель! Я не чувствую себя достойной быть возле Тебя. Открой мне, почему Ты удостоил меня своей лаской и вниманием? Чем я заслужила это великое счастье?

— Дитя, — ответил тихо и мягко Учитель, — никто из нас не знает, чем он заслужил

милость Высочайшего, но Его любовь присутствует и живёт в каждом без разделения и различия. Есть только один закон, по которому каждый получает всё нужное ему — это если он готов к восприятию. И потому не мучь себя сомнениями. Встань и следуй за Мной.

Учитель сошёл с терраски и подошёл к кусту шиповника. Он сорвал листок, приложил его к Своему лбу, глазам и губам и к сердцу, подал мне и сказал:

— Съешь этот листик, и через три дня ты почувствуешь в себе новые силы.

Я с благоговением приняла из Его рук листик и съела его.

— Теперь иди, — сказал Учитель.

Я осмелилась и взглянула прямо в Его лицо. Но черты Его ускользали от моего зрения, я не могла ярко запечатлеть Его лица.

Учитель вошёл на терраску и закрыл за собой калитку. А я ещё медлила на дорожке Сада, так не хотелось уходить! Учитель взглянул на меня... Всё кончилось.

1 июня.

Взошла в аллею цветущих кустарников. Они отцветали. На мокрой дорожке (как будто недавно прошёл дождь) лежало много белых лепестков. Небо было ясное. Проходя через площадку роз, я увидела Учителя в виноградной беседке.

— Входи! — сказал Он.

Я низко Ему поклонилась и вошла. В глубине беседки стояла полукруглая скамейка и овальный стол. Учитель указал мне на скамейку и повелел сесть рядом с Ним.

— Сегодня Я буду учить тебя писать, — сказал Он улыбаясь. Перед Учителем лежали пачки тоненьких листов бумаги и несколько перьев. Учитель начал учить меня знакам. Он указал мне уже довольно много разнообразных знаков (они у меня записаны отдельно), но вдруг я почувствовала, что начинаю слабеть и всё ускользает из моей памяти. Учитель заметил это и сказал:

— Положи руки на стол, ладонями вниз. — Затем Он положил свои руки поверх моих.

— Смотри Мне в глаза.

Я пыталась смотреть, но не могла. Я не могла удержать своего взгляда в Его взоре.

— Я не могу смотреть в Твои глаза, Учитель, — сказала я, отворачивая голову.

— Это пройдёт, когда ты очистишься. В тебе ещё много неочищенных вибраций. Тебе надо окрепнуть.

Потом Учитель показал мне ещё несколько знаков и продиктовал простенькую фразу, составленную из знакомых уже знаков.

— А теперь следуй за Мной, — сказал Учитель, окончив занятия со мной.

Мы вышли из беседки, и Учитель подошёл к какой-то травке на газоне, сорвал её, растёр пальцами и, подозревая меня, велел понюхать, глубоко и медленно вдыхая. Запах был непередаваем: он источал какую-то свежесть без особого аромата.

— Это укрепит тебя, — сказал Учитель.

Мы пошли по направлению к дому. Около входа на терраску Учитель повелел мне остановиться и подождать Его, а Сам прошёл в комнату. Через некоторое время Он вышел оттуда, держа что-то в руке. Учитель приблизился ко мне, и я увидела, что Он держит тоненькую цепочку, а на ней висел шарик, очень похожий на жемчужину. Он переливался нежно-золотым светом. Цепочка тоже была какого-то перламутрово-белого цвета, и всё это было неописуемо прекрасно.

— Это Мой дар тебе, — сказал Учитель. — Носи его не снимая. Он имеет способность принимать различные оттенки. По нему ты узнаешь о состоянии окружающих тебя вибраций и о своём собственном внутреннем состоянии. Все положительные вибрации твоего существа дадут ему лёгкие, прозрачные и светлые оттенки; все грубые, все тяжёлые и вредные и даже опасные для тебя состояния отразятся тоже на этом шарике, и свет его погаснет, он станет мутным, тёмным и даже чёрным. Бойся вызвать его потемнение. И не оставайся там, где окружающие тебя вибрации будут действовать на шарик мутными потемнениями. Дай Я сам надену его на тебя.

Я опустилась на колени, и Учитель надел мне его. Этот знак на моей шее светился чуть видным светом, переливаясь временами перламутром.

— Помолимся вместе, — сказал Учитель. — Встань рядом со Мной. Во время молитвы самое правильное положение — это стоять совсем прямо, а руки поднять вверх, ладонями внутрь. По рукам втекает сила в человека.

И Учитель произнёс молитву:

— О, Всеведущий, Вездесущий! Ты, наполняющий Собою всё и всех содержащий в себе, да будет свято и благословенно Имя Твоё, неизреченное в веках, неведомое, сущее века веков. Просвети, озари сердца благостной Своей любовью. Претвори тьму в Свет. Дарованное Тобой да пребудет чистым и сверкающим в нас. Очисти жаждущих Света волей Своей. И вложи любовь Свою в сердца наши. Аминь.

— Аминь, — повторила я.

— Теперь иди, дитя, придёшь ко Мне завтра.

Я склонилась перед Учителем в земном поклоне, и всё кончилось.

2 июня.

Я увидела себя стоящей в беседке, в которой была вчера. Как и вчера, Учитель сидел перед столом, на котором лежали стопки белых листиков бумаги, перья и книга. Я опустилась перед Учителем на колени.

— Встань, — сказал Учитель. — Мне не требуется земных поклонов. Я твой Друг и Наставник. А почитание наше мы сохраняем только для одного Сущего в веках. Сядь рядом. Не забыла то, что Я объяснял тебе вчера?

— Нет, Учитель.

— Тогда повтори Мне всё то, что ты помнишь о знаках.

Я повторила.

— Хорошо. Сегодня Я дам тебе ещё несколько знаков-слов. Запоминай.

И Учитель начертил мне несколько знаков, объясняя их значение.

— А теперь возьми и раскрой её.

И Учитель подал мне книгу, которую я уже знала. Я открыла её на том же рисунке: «дерево Жизни».

— Смотри пристально, — сказал Учитель, — и скажи мне, что ты видишь.

Под моим взглядом дерево стало оживать и мерцать, разгораясь всё сильнее. Я увидела на нём цветы, светящиеся разноцветно. Они были похожи на что-то одушевлённое, так как мерцание некоторых походило на дыхание. Цветы занимали пространство посередине дерева. Некоторые цветы раздувались, как большие мыльные пузыри, и тут же лопались, а на их месте возникали другие. Некоторые цветы горели ярко и спокойно, другие мерцали тихо и таинственно, а иные как бы судорожно дёргались, то погасая, то снова разгораясь. Всё это было очень разнообразно и чудесно. Я сказала всё это Учителю. Он сидел задумчиво, опершись рукой на подбородок, слушая меня.

— Да, всё это чудесно, — сказал Учитель, — это всё жизни людей настоящего дня. Они все занесены в «Книгу Жизни», и каждая имеет свой цвет и свет, форму и назначение. Если бы ты могла видеть по-настоящему, ты увидела бы ещё ярче всё и значительнее. Смотри ещё.

Я смотрела и видела, что к каждому цветку было как бы приставлено число и знак, в некоторых из них я угадывала уже известные мне знаки, но большинство было мне ещё неизвестно. Я сказала и об этом Учителю.

— Да, каждая жизнь имеет своё число, свой знак, своё назначение. Ты знаешь — саттва, раджас и тамас — их соединения составляют сущность стхулашарира, то есть физического тела. Но в каждом человеке преобладает сильнее то или иное начало, и от этого зависит знак Лебеда, который сопровождает человека. Знаком Лебеда мы называем каждый индивидуальный знак человека. Смотри дальше...

Я смотрела и видела, что выше цветов находятся почки. Они занимали собой всю

верхушку дерева. И тоже были различных цветов, но яркого света не было меж ними, все они светились как бы изнутри, так бывает виден свет через неплотно закрытые ставни. Около каждой почки было маленькое светоносное облачко, каждая почка была как бы окутана таким прозрачным, всё время вибрирующим облачком. Я сказала, что видела, Учителю.

— Да, это всё жизни будущего. Они ещё готовятся к проявлению, и облачко, которое окружает каждую почку, как ты правильно увидела, это та сила, которая их питает и подготавливает их раскрытие. Смотри ещё.

Я посмотрела на верхушку дерева и ясно увидела красный, белый и зелёно-синий огонь, выходящий как бы из ствола дерева, как дым из трубы. Огонь свивался вместе, но каждый цвет пребывал обособленно. Ангелов, которых я видела на рисунке дерева, по бокам огня, не видела. Но я видела ослепительное сверкание с обеих сторон огня. Я рассказала и это Учителю.

— Да, это огонь Жизни. И его охраняют два могучих светозарных Духа. Видеть тебе их ещё не дано. А на картинке они изображены в виде двух ангелов с крыльями, как их обычно изображают люди в своих святых книгах. Закрой книгу. На сегодня это всё.

Я закрыла книгу и передала её Учителю.

— Теперь возьми бумагу и перо, я продиктую тебе. Дети любви Моей! Пребудьте совершенны, в духе и в крепости устремления. Не забывайте о любви Моей, направленной к вам. И пусть силы Мои дадут вам силы и Моя любовь откроет любовь вашу.

Лицо Учителя стало светиться дивно и как бы невыносимо для зрения.

— Теперь иди, дитя, и храни Мой дар, что Я тебе дал вчера, всегда в таком состоянии, как сейчас.

Я взглянула на висящую «жемчужину» на моей груди. Она была молочно-белая и мерцала светом перламутра.

— Храни её чистоту, и она сохранит твою.

На этом всё закончилось.

Тот же день, пять часов. Вечер.

Шла по тропинке, ведущей к Саду. Взошла через калитку в аллею отцветающих кустов. Было очень тихо. Дойдя до площадки роз, увидела Учителя. Он переходил от куста к кусту, подчищал их и срезал то ту, то другую розу. Учитель приветствовал меня в ответ на мой низкий поклон и передал мне много срезанных, разнообразных сортов прекрасных роз. Он продолжал свою работу, переходя от куста к кусту, а я следовала за Ним. В Его жестах была особая простота и благородство, всё в Нём было гармонично, не суетливо и не медлительно, всё в меру. Около Него сердцем овладевала особая тишина и спокойствие. Так и ходила бы за Ним всю жизнь в молчании, созерцая Его и принимая из Его рук розы. Я обратила сегодня внимание, что на Учителе было ослепительно белое одеяние вроде туники, с очень мягкими складками при движениях. На подоле шла узенькая пурпуровая полоска, которая ещё более подчёркивала белизну всей одежды.

— Ты рассматриваешь Мою одежду, — сказал, не оборачиваясь, Учитель. — Да, Я очень люблю белый цвет и охотно ношу его. Вообще никогда не надевай на себя чёрных, мрачных, тускло-грязных тонов одежду. Лучше, если б она всегда была на тебе белая. Но если этого трудно достигнуть, то не носи, по крайней мере, ничего пёстрого, крикливого. Хороши цвета сиреневые, тёмно-лиловый цвет фиалки, синие всех оттенков и голубые, также золотисто-жёлтые. Пусть одежда твоя будет гладкая и простая.

Учитель помолчал и через некоторое время добавил ещё:

— Цвет имеет большое значение. Но люди этого не знают и чаще всего носят что попало. Отнесись к этому серьезнее. Тебе это особо надо знать. Цвет может улучшить твою чувствительность к восприятию Нас или, наоборот, помешать. Вещь, которая на человеке, должна быть проста, но удобна и изящна. Нет никакой надобности ходить обтрёпанными и в чём попало. Надо быть сознательным во всём. Простота и благородство вкуса приведут к гармонии и красоте.

Учитель кончил подрезать розы и сложил ножницы.

— Некоторые цветы очень полезно обрезать часто, — сказал Он, отбирая у меня часть роз к себе на руку, — это не вредит растению, а укрепляет его силы.

Учитель пошёл по направлению к дому. Я следовала за Ним, немного отступя.

Опять обратила внимание на ту красоту и благородство, с которой Он нёс розы на длинных стеблях, положив их на руку, чуть согнутую в локте. Я не могла оторвать глаз от этой величавой простоты, естественности и красоты, сочетавшихся с мужественностью и силой. Мы шли молча. Учитель иногда ласково оглядывался на меня. Но всё же Его лицо я ещё не могу видеть так ясно, чётко, как всю Его фигуру. Мы подошли к терраске. Учитель отворил калитку и взошёл первым, сказав мне:

— Следуй!

На терраске около стены стоял небольшой сосновый стол, который я раньше не видела. Учитель, положив на него розы и указав мне, куда положить те, что несла я, ушёл в комнату. Он вышел оттуда, неся большую ярко-голубую фарфоровую вазу. Учитель поставил её на стол и стал ставить в неё розы. Не торопясь и всё же как-то изумительно быстро и ловко, Он сортировал цветы и составил роскошный букет. Окончив, Учитель подошёл к своему обычному месту и опустился в кресло, сказав:

— Подойди ко Мне и сядь возле на скамеечку. Скажи Мне, имеешь ли ты твёрдое понятие о своей цели?

— Нет, Учитель.

— А что же ты думаешь сделать, чтобы осознать её в себе ясно и твердо?

— Очиститься... — прошептала я.

— А что же ты для этого предпринимаешь?

Я молчала.

— Я скажу тебе несколько слов о практическом значении очищения, — сказал Учитель. — Но только тебе, и никому другому, так как каждому будет сказано иное в своё время, для него только нужное. Здесь нет стандарта. Каждый организм, каждая индивидуальность требует к себе особого отношения.

Очищение должно касаться всего организма человека, как его физического, так и его других тел. Все они тесно связаны между собой и влияют друг на друга.

Скажу сначала о физическом теле. Не надо излишне возиться со своими привычками, надо уметь обходиться без привычек, но иметь некоторые навыки необходимо. Например, перед сном тебе очень полезно растирать всё тело тугой рукавичкой или фланелью. Так же и утром. Ложиться спать и вставать тебе, конечно, надо пораньше. Но спать твоему организму надо не меньше восьми часов. Физическое тело, как хорошие часы, требует завода в одно и то же время, для него на всё должно быть своё время. И это ведёт к укреплению всего организма. Спать лучше без всяких одежд. Приток свежего воздуха к телу тебе обязателен. Омывай тело, но помни, что чистоплотность — вещь хорошая, но нельзя этим наполнять весь день. На ночь и утром не забывай делать гимнастику, но не утруждай излишне сердце и мускулы. Пища должна быть простая, умеренная по количеству, но без истощения. И всё же лучше недоесть, чем переест. Следи за полостью рта. Чаше положи его, он нередко бывает источником заразы. Следи за желудком. Ну, вот пока это всё насчёт твоего тела. После Я скажу тебе ещё о некоторых навыках, нужных тебе. О внутреннем очищении Я бы сказал: живи, направив взор на Мой дар, что висит на твоей груди. Он — твоя совесть. Он тебе многое вовремя укажет, если ты не будешь забывать чаще смотреть на него.

И ещё помни: никогда не застывай в самодовольствии. Как бы хорошо ты ни сделала, всегда можно сделать ещё лучше. Стремись во всём делать лучшее, изо всех сил своих. Это ты запомни и ещё...

Тут, я не помню как, моя голова в приливе глубокой любви припала к коленям Учителя, а он положил на неё свою лёгкую, нежную руку и закончил:

— Запомни ещё, что все в глубине своей — едины. А то, что составляет различия, — то преходящее. Имей в сердце источник пламенной любви к Богу сердца своего, и ты

очистишься.

Учитель замолчал, и рука Его нежно погладила мои волосы.

— Теперь иди, дитя!

Учитель подошёл к букету и, выбрав оттуда маленький бутон белой розы, сказал, подавая его мне:

— Преврати его в розу большую и пышную...

Я сошла с терраски и оглянулась. Учитель стоял выше перил, на фоне голубой вазы и дивных роз. На этом всё закончилось.

3 июня.

Я прошла через калитку Сада на площадку роз. Учитель пребывал в беседке.

— Доброе утро, Учитель!

— Доброе утро, дитя! Входи.

Я вошла и низко-низко Ему поклонилась.

— Садись рядом, вот тебе бумага и перо. Напиши все знаки, которые Я тебе показал за эти дни.

Я написала. Учитель просмотрел их и дал мне ещё несколько новых знаков.

Потом Учитель стал мне диктовать послание, но я не смогла его запомнить и записать, так как во мне вдруг произошёл разрыв и всё замутнело передо мной.

— Ты ослабла, — сказал Учитель и провёл рукой по моему лицу. — Сегодня днём Я опять позову тебя, а сейчас иди.

И я ушла.

Семь часов. Вечер.

Я увидела себя стоящей у ног Учителя на коленях и рыдающей. Я плакала очень горько и склонялась всё ниже и ниже к ногам Учителя.

— Ну, будет. Встань, дитя, — необычайно мягко и тихо сказал Учитель. — Осуши слёзы. Сядь подле и расскажи, о чём ты плачешь?

— Я не могу говорить, Учитель... Ты лучше меня знаешь причину моих слез...

— Да. Я знаю. Вибрации внешнего мира коснулись тебя, а твоё сердце, ещё недостаточно окрепшее в своей внутренней жизни, не сумело противопоставить им ответную силу. Да, в мире сейчас идут войны, смуты, распри, горе и смятение... Тем нужнее нам сейчас крепкие сердца, те проводы, через которые пройдёт Наш Свет в мир людей и прольётся жизнь Духа в Его простейших вибрациях, но которые сейчас так необходимы людям. Не плачь, дитя! Слёзы, эти солёные капли воды, совсем не помогают ни пониманию, ни душевной крепости. Ты должна быть твёрдой среди бурь. Не отдалению от жизни учу тебя. Всё придёт в нужный час. Отри слёзы. Посмотри, что стало с твоей жемчужиной?

Я посмотрела. На неё легли тёмные полосы, как от грязи. Я их потёрла пальцем.

— Оставь, это не стирается, — сказал Учитель. — После это исчезнет само.

Учитель встал и покрыл мою голову краем своего широкого белого рукава:

— Очищаю тебя силой данной Мне благодати, — тихо произнёс Он. — Теперь иди с миром. Дай спокойствие своим проводникам. И не надо больше омыwać Мои ноги слезами, — шутливо добавил Он.

Учитель сошёл вместе со мной с терраски на дорожку Сада. Я, уходя, обернулась. Учитель стоял, освещённый солнцем, и пристально смотрел мне вслед. Всё кончилось.

4 июня.

Шла по направлению к островку роз. По дороге сорвала белую, очень нежную розу, ещё влажную от росы.

Учитель сидел в беседке и что-то писал. При виде меня Он отложил перо и сказал:

— Входи, дитя.

— Доброе утро, Учитель!

И я положила возле Него белую розу. Учитель улыбнулся:

— Принимаю твой дар...

Он понюхал её и положил возле себя.

Садись и пиши то, что Я сейчас тебе продиктую. Пиши.

Всем, всем, всем...

Сегодня день Радости. Да будут сердца ваши светлы и особенно улыбчаты в этот день. Ещё твёрже и напряжённее стойте. За Нами — Слово Наше, и Мы должны сказать миру через вас, дети наши. Осознайте в себе мужество, силы, пролейте бодрость вокруг себя, укрепляйте слабых и малодушных. Твёрже стойте, ибо Нам надлежит сказать Слово миру через вас. Со всей заботой охраняемые, явите должное в должный час.

Учитель взял бумагу из моих рук и подал мне книгу.

— Теперь возьми и раскрой книгу. Смотри и Расскажи, что увидишь.

Я стала смотреть на тот же рисунок дерева Жизни. Под моим взглядом оно начало оживать. Я увидела, что часть могучего корня погружена в ослепительный свет, откуда всё дерево как бы брало себе питание. От этого света в корень поступал огонь белый, зелёный и красный. И эти три цвета входили в каждую ветку. Я сказала про это Учителю.

— Да. Это так. Дерево Жизни не имеет самостоятельного бытия, но питается от вечной Реальности, видеть которую не дано никому, видимы только Её проявления. Эти проявления выражаются в трёх силах: саттва — дух, раджа — энергия, страсть, тамас — инертность, темнота, неведение. Эти три силы действуют вместе, и от разнообразия их соединений появляется разнообразие форм, свойств и качеств. Смотри её.

Я смотрела, и моё внимание направилось на среднюю часть дерева, с цветами. Они «дышали», как и вчера, но, кроме них, я увидела в ветвях как бы мелькающих птиц и бабочек. Вернее, это были световые тени очень причудливых форм и вибраций. От каждого цветка подымалось как бы испарение света. Сливаясь вместе, эти «испарения» образовывали световые облака, иногда ясные, светлые, а иногда тёмного, угрожающего вида. Все они возникали, держались некоторое время и исчезали, а на их месте образовывались новые. Ещё я заметила, что все цветы как бы подвигались вниз, а сверху поступал новый ряд расцветших цветов. Я рассказала всё это Учителю.

— То, что показалось тебе птицами и бабочками, это всё людские желания, которые возникают и исчезают, а на их месте возникают новые. Желания неутолимы, и часто человек так захватывается ими, что многие жизни гонятся только за одной какой-либо «бабочкой» желания. «Испарения» каждого цветка — это внутренняя жизнь человека, чувства, мысли, объединённые с другими «испарениями». Они порождают облака, часто тёмные, это смуты, войны, жестокости, порождённые такими несовершенными «дыханиями» отдельных личностей. Светлые облака, происходящие от благородных и светлых порывов человеческих душ, объединяясь, создают светлую силу, которая иногда, воздействуя на тёмную, нейтрализует её силу. Но чаще случается наоборот. Движение цветов — это движение жизни. Одни жизни людей раскрываются, другие уходят. Остаются их дела, и те потом теряются в веках и распыляются. Смотри дальше...

Я смотрела и увидела, что три главные ветки, которые составляли как бы чашу, замыкающую в себе все остальные ветки, тоже были трёх цветов: белого, зелёного и красного. Эти огни текли по всем веткам, так как все ветки были соединены друг с другом. Эти три могучие внешние ветки заканчивались вверху множеством разветвлений, которые, в свою очередь, соединялись со всеми остальными. Так что поистине — всё было во всём.

Я рассказала и это Учителю.

— Да, это так, всё во всём. И нет ничего, что не было бы тесно связано со всем. Это главный закон Жизни. Закрой книгу.

Я закрыла. Учитель взял её и сказал:

— На сегодня довольно. Я тебя не позову больше сегодня. Тебе надо отдохнуть.

Мы вышли из беседки.

— Встань, помолимся вместе, — сказал Учитель.

И, воздев к небу руки, Он произнёс:

— О, Всемогущий Отец наш! К Тебе простираем руки и молим Тебя: пребывай в сердцах наших, очищая их. Да будет Свет Твой в нас и да будет воля Твоя всегда, как и во все века. Аминь.

— Аминь, — повторила я тихо.

— Аминь, — пропели тонкие голоса вокруг нас.

— Учитель, могу ли я спросить Тебя, кто эти незримые голоса, которые пропели «аминь»?

— Это маленькие духи Света. Они окружают нас. Их тела тебе не видны. Они не подлежат рождению в форме человека, но имеют тонкое, светящееся тело, очень необычной формы. Они часто бывают возле людей, но ими совершенно не сознаются. Их очень много, и они очень разнообразны. Некоторые из них очень могущественны и пламенно-сверкающи, другие менее, но все они имеют своей основой Свет, и всё то, что свойственно Свету, — их притягивает. Иди с миром, дитя. И не давай своей жемчужине затемняться.

Учитель пристально посмотрел на меня, и в это мгновение мне показалось, что я ясно и отчётливо вижу всё лицо Учителя, особенно Его глаза — очень голубые с золотым отливом. Но это было мгновение. Учитель пошёл к беседке, оставив меня, взволнованную и потрясённую. Всё кончилось.

5 июня.

Подошла к площадке роз. Сквозь виноградную листву беседки я заметила белеющую одежду Учителя. Я остановилась недалеко от входа, стараясь запечатлеть Его черты, закрепить, удержать их в себе.

— Что это ты там рассматриваешь, дитя? Входи!

Я вошла, поклонилась и села по Его знаку подле Него.

— Я хотела ярче запечатлеть черты Твоего лица, Учитель, — ответила я.

— Не надо. Когда придёт время, ты увидишь их очень ясно и чётко и узнаешь имя Моё. Открой книгу.

Учитель придвинул мне книгу, и я открыла её на том же месте, что обычно.

— Смотри, — сказал Учитель.

Я смотрела, и дерево под моим взглядом стало оживать и наливаться светом. Побежали по нему огни, замерцали цветы. Потом я увидела как бы туман, который стал отделяться от всего дерева, наполняясь голубоватым, как бы лунным, светом. Всё дерево им окуталось. Я сказала Учителю.

— Так, а теперь переверни страницу.

На другой странице было нарисовано то же дерево, но всё оно было как бы нежнее в контурах и в более зелёной окраске, красная совсем отсутствовала и лишь белая придавала сияние всему дереву.

— Смотри пристально, — сказал Учитель.

Я смотрела и увидела, что все три крайние ветки как бы расплылись в туманности и слились в одно, образовав что-то вроде оболочки, которая мне напоминала белок яйца, окутывающий желток. Я сказала Учителю.

— Да, верно. Эти силы и есть как бы белок, питающий то, что внутри него. Смотри ещё.

Я смотрела и видела, что всё дерево искрится и вибрирует сильнее, чем я видела раньше. И всё светилось гораздо нежнее, причём многое, что я видела раньше на первом рисунке, отпало, а многое прибавилось. Например, не было так резко очерченных форм дерева, ни почек, ни цветов, ни плодов. Но зато усилились вибрации света. Я сказала Учителю.

— Да, это астральный мир Жизни. Закрой книгу. На сегодня довольно. Пиши, Я тебе

продиктую.

И я записала:

Всем, всем, всем...

Даны знаки Наши и числа. Умейте их запечатлеть. Пребудьте собраны и бдительны в днях ваших. Скоро наступят дни, которые потребуют великих сил и напряжения. Дети Наши должны быть готовы.

Учитель взял от меня листочек, разорвал его на пять частей и бросил в воздух. Они вспыхнули синими искорками и исчезли.

— Я хочу дать тебе ещё понятие о некоторых знаках.

Учитель показал мне несколько знаков и объяснил их значение. Закончив, сказал:

— На сегодня это всё. Я дал тебе жемчужину (как ты называешь Мой дар), но ты ещё плохо ею пользуешься. Это неоценённый дар, который тебе безошибочно укажет, насколько чисты твои мысли и чувства, а также каково твоё окружение. Следи за моим даром, помни о нём и наблюдай его переливы. Иди с миром. Сейчас Я не могу быть с тобой дольше. Но, если будет возможно, Я позову тебя сегодня днём. Иди.

И Учитель отпустил меня.

Вечер. Семь часов.

Увидела себя возле домика Учителя. Терраска была пуста, а дверь в комнату приоткрыта. Я остановилась в нерешительности.

— Входи, дитя! — вдруг послышался голос Учителя изнутри дома. — Я сейчас выйду к тебе.

Голос Учителя звучал как-то необычайно радостно. Я поднялась на терраску и остановилась. Из комнаты вышел Учитель. На Нём была одежда приятного зелёного цвета, напоминающего зелёные, молодые яблоки. Рукава были широкие, но плотно схваченные у кистей рук. А на голове был тюрбан из лёгкой кремовой материи, один конец которой спускался на шею. Я была поражена таким непривычным видом Учителя, как вдруг из комнаты вышел «мой» Учитель, в своей обычной, белой одежде, без тюрбана на голове, такой величественный и вместе с тем простой и близкий сердцу. На моём лице отразилось, вероятно, изумление.

— Приблизься, — сказал Учитель и, улыбаясь, положил руку на моё плечо.

— Вот то дитя, о котором Я говорил сегодня, — сказал Он. И я почувствовала, что этот гость в зелёном тоже Учитель. Теперь я разглядела, хотя и недостаточно ясно, лицо Учителя в зелёной одежде. Его лицо мне показалось мужественным и суровым, черты лица более резкие, чем у Учителя в белом, лицо гораздо смуглее, а глаза мне показались чёрными и очень пронзительными. Вообще от всего облика этого Учителя на меня веяло необычайной, непреодолимой силой. Он пристально смотрел на меня, отчего я себя ощутила цыплёнком под взглядом орла. Потом Он повернул голову к Учителю в белом и сказал властным голосом какое-то слово на непонятном мне языке. И голос Его был похож на орлиный клёкот. Лицо Учителя в белом как бы светилось, что я уже наблюдала, когда Он бывал чем-либо особенно обрадован.

— Иди, дитя, — сказал Он, — пройдишь по Саду. Мы позовём тебя.

Я сошла в Сад, не смея оглянуться в сторону терраски, и пошла тихо по дорожке, по направлению к площадке роз. Отойдя немного от домика Учителя, я остановилась около полянки, засаженной какими-то травами, которые росли на тщательно сделанных грядках. Я подумала, что это, вероятно, какие-нибудь целебные травы... А в сердце моём был смутный трепет, словно где-то решалась моя судьба.

— Где ты, дитя? — услышала я голос Учителя. И я увидела обоих Учителей, идущих ко мне навстречу. По-прежнему лицо «моего» Учителя светилось внутренним счастьем, а лицо Учителя в зелёном было строго и пронзительно, но величественны и прекрасны были оба

лица. Они оба приблизились ко мне. «Мой» Учитель положил руку мне на плечо и сказал:

— Этот Учитель берёт тоже тебя под свою высокую милость. Отныне у тебя два Учителя.

Учитель в зелёном вдруг улыбнулся, и лицо Его сразу потеряло всю суровость и стало необычайно нежным.

— Не держись овечкой, которую должны съесть волки, — сказал Он.

Я упала на колени и заплетающимся языком пролепетала:

— О, Учителя мудрости! О, Высшие! Откройте мне, чем это я заслужила такую высочайшую милость и честь и почему это мне дано иметь двух Учителей...

Наверно, мой лепет был очень смешон в эту минуту, так же и вид мой. Оба Учителя переглянулись, и «мой» Учитель сказал:

— Встань. Тут нет ни особой милости, ни особой заслуги. Нам виднее, чем вам, кто Нам нужен и почему. Твоё дело следовать за Нами. Мы сами, когда придёт время, откроем тебе всё, что тебе надлежит знать. А пока следуй за Нами.

И оба Учителя пошли по дорожке Сада. Оба были почти одинакового роста. Фигура Учителя в зелёном была чуть повыше, шире в плечах и мужественнее. Но оба шли величавой походкой, а я плелась сзади и чувствовала себя собачонкой, которую приласкали и позвали с собой добрые люди. Вышли за ограду Сада. Учителя остановились. «Мой» Учитель сказал:

— Я сообщаю тебе, что завтра с утра ты пойдёшь к новому Учителю. Он живёт ещё выше, чем Я, и путь к нему лежит мимо Моего Сада.

— Тебе помогут найти Меня, — сказал Учитель в зелёном.

Я с отчаянием, вопросительно взглянула на «моего» Учителя. Он понял мой взгляд и ответил на него:

— Я тоже приду туда.

Учитель в зелёном сказал какое-то слово, опять напомнившее мне орлиный клёкот, и «мой» Учитель отпустил меня.

6 июня.

Я подошла к калитке Сада. Учитель стоял за калиткой и как будто бы ждал меня.

— Я хочу показать тебе направление к дому Учителя, — сказал Он. — Мы решили, что ты придёшь к Нему одна, без Меня. Ты не должна бояться Учителя. Его доброта и Его великодушные неистощимы. Это великая честь и счастье, что Он будет давать тебе свои поучения. Ты теперь должна быть особенно сознательна во всём. Завтра ты придёшь ко Мне, как обычно, а сейчас следуй по этой тропе вверх. Когда будешь сбиваться с пути, тебя направят. Иди, дитя!

Он коснулся моей головы и стал удаляться. Я пошла в указанном мне Учителем направлении. Тропинка была очень крутая и каменистая. Чем выше я поднималась, тем каменистее она становилась. Где-то, далеко ниже меня, плыли тучи. Видно, это была огромная высота. Я уже ничего не боялась, а шла твёрдо и спокойно. В одном месте тропа вдруг исчезла, и я не знала, куда идти. Как вдруг услышала впереди себя как бы звон колокольчика — очень нежный серебристый звук. Я последовала за его зовом и опять вышла на тропу, лежащую ещё выше. Я шла легко. Вдруг тропинка побежала резко вниз, потом, как бы сделав петлю, стала снова подниматься вверх, и в конце её я увидела дом, как бы высеченный в скале. Он совсем не походил на уютный, белый домик «моего» Учителя. Дом был под цвет скал — дымчато-серый, и мне показался он двухэтажным, не похожим на обычный дом. Вокруг не было ни деревца, ни кустика, ни одного цветка, только скалы и синее небо. Я подошла к массивной, тёмной двери, она была слегка приоткрыта. Я вошла и увидела перед собой лестницу, которая шла наверх, лестница была сделана из тёмного дерева. Я поднялась наверх, прошла через площадку и вступила в очень большую залу. В зале мне показалось темновато, несмотря на множество очень узких и очень длинных окон без стёкол, вроде прорезей в стене, через которые свободно проходил воздух и ветер. Зал занимал весь верхний этаж. Я не видела в нём больше дверей, кроме той, через которую я

только что вошла. Комната была почти пустая, только в глубине стоял массивный стол вроде письменного и вокруг него табуреты и резные стулья с высокими спинками. На столе лежали рукописи и книги.

Учитель сидел за столом, лицом к двери. Он был в той же зелёной одежде, в которой я видела Его вчера. Его взгляд был устремлён на меня. Я опустилась на колени, в поклоне. Учитель сказал:

— Встань! Разве тебе не сказано, что мы не ищем и не чтим коленопреклонения. И если ты уже призвана Нами, тебе незачем падать ниц перед Нами. Только в исключительных случаях Мы коленопреклоняемся. Также должна поступать и ты. Подойди и сядь подле Меня.

Учитель указал мне на стул, стоящий подле Него. Я села лицом к свету. Учитель смотрел на меня благожелательно, с лёгкой улыбкой в глазах. Он дал мне возможность освоиться и успокоиться. Я теперь смогла яснее рассмотреть Его лицо и теперь ясно увидела, что глаза у Него не чёрные, а ярко-синие, но брови и ресницы очень чёрные и густые. У Учителя были небольшие усы и борода. Цвет лица смугловатый. Некоторое мгновение длилось молчание.

— Ну, теперь ты перестала Меня бояться?

И всё лицо Учителя как бы озарилось улыбкой.

— Да, Учитель, — прошептала я улыбаясь.

— Тем лучше! Ты будешь приходить ко Мне через каждые два дня на третий по утрам. А в остальные дни ты будешь бывать у другого Учителя, которого ты уже знаешь.

Чему Я буду учить тебя, это ты узнаешь после, а пока Я тебе скажу предварительно несколько слов. Ты знаешь, конечно, что всё в вашем мире имеет три измерения, но кроме трёхмерного измерения есть и иные исчисления и иные формы бытия. Вот, взгляни...

Учитель снял с пальца кольцо с огромным изумрудом не виданной мною красоты и формы.

— Ты видишь сейчас кольцо, а теперь взгляни...

Учитель дотронулся до него пальцем, и кольцо потеряло свою форму. Оно заколебалось, расплылось как бы в воде, и засветилось всё это золотисто-красным светом, местами принимая синевато-красный оттенок.

— Это уже иной мир формы, его мы будем изучать с тобой когда-нибудь...

Учитель коснулся снова кольца, и оно приняло свой прежний вид. Учитель надел его на палец.

— Встань, иди рядом со Мной.

И мы тихо и медленно стали ходить вокруг залы, а Учитель говорил мне:

— Ты должна твёрдо и ясно запомнить, что твоё тело, твоя форма, это ещё не *ты*; твоё истинное *Я* находится *за* формой. Ты должна научиться не отождествлять себя с телом и уметь управлять им в совершенстве. Тебе надо очиститься. И Мы должны помочь тебе в этом в кратчайший срок. Ты должна ясно понять и осознать свои задачи и свою цель. Мы тебя хотим испытать как «провод Света». Миру надо сейчас дать то «Слово», в котором мир так нуждается. Это не будет, конечно, единственное Слово, которое скажется через тебя и через других, конечно, нет. Размах и возможности для передачи в мир Слова и Вести огромны.

Тебе необходимо пока запомнить три правила:

1. Никогда, ни при каких обстоятельствах не думай о себе высоко.

2. Не желай употребить себе на пользу или для своей выгоды то, что ты получаешь через Нас.

3. Не будь злопыхательствующей ни против мира, ни против его дел, какими бы они ни казались тебе тёмными и неприятными. У Нас есть нужные и ценные люди. Но *там*, где Мы хотим тебя поставить, ты будешь одинока. От тебя потребуется много сил, напряжения и усилий. Ты должна понять, что никаких компромиссов и слабости тут невозможно. Отныне твоя внешняя жизнь резко меняется тоже. Среди людей часто ты будешь очень одинока.

Подумай, пока не поздно. Можно ещё отступить, если ты чувствуешь трепет боязни, сомнений, если ты чувствуешь, что не силах быть бойцом за жизнь духа и принять *всё*, что из этого вытечет...

Учитель остановился и взглянул на меня.

— Я готова, Учитель, принять всё, — прошептала я и тихо опустилась перед Ним на колени.

Учитель скрестил руки над моей склонённой головой и стал говорить что-то на непонятном мне языке. Может быть, Он скреплял этим моё решение, я не знаю...

Когда Учитель кончил, Ему ответили голоса со всех концов залы: «Аминь».

Это не были голоса нежных, серебристых колокольчиков, духа Света в Саду Учителя, это были человеческие голоса, словно в зале присутствовало ещё несколько человек.

— На сегодня это всё, — сказал Учитель. — Теперь иди. Тебе не надо проходить каждый раз тот путь ко Мне, который ты совершила сегодня. Ты будешь сразу находиться у Моих дверей. Можешь уйти.

И я ушла.

(Три дня пропустила по очень трудным обстоятельствам.)

10 июня.

Подошла к калитке, ведущей в Сад. Пошла по аллее кустарников. Они уже отцвели. Не знала, где найду Учителя. Прошла мимо площадки роз. Подошла к терраске. Она была пуста. Я снова пошла к площадке роз и там в беседке увидела Учителя. (Внутренний голос сказал мне, что я потому не увидела Учителя сразу, что утратила «чуткость направления».)

— Входи, дитя, — сказал Учитель, заметив меня.

Я низко Ему поклонилась, взошла и села на своё место. Учитель что-то писал. Он скоро закончил свою работу, отложил перо и подал мне книгу.

— Раскрой её.

На этот раз книга раскрылась не на рисунках, а на странице, где были начертаны очень крупно какие-то знаки.

— Вот по знакам, которым Я тебя учу, ты когда-нибудь сможешь прочесть эту книгу, — сказал Учитель. — Теперь закрой её и смотри, Я тебе покажу ещё несколько знаков.

Учитель занимался со мной некоторое время знаками, потом продиктовал маленький диктант из знаков, которые я уже усвоила.

— Постарайся запомнить всё то, что Я тебе говорил за эти дни. Все эти знаки, что Я даю тебе сейчас в письменном виде, будут тебе в пояснение тех внутренних знаков, которые со временем раскроются в тебе. Сейчас пока довольно. Пойдём со Мной.

Мы пошли из беседки.

— Пройдёмся по Саду, — сказал Учитель.

Мы пошли тихо и молча по дорожкам. Мне показалось, что Учитель очень сосредоточен. Он был задумчив и как бы отсутствовал. По дороге Учитель сорвал какую-то травку и долго растирал её пальцами. Потом Он остановился и сказал мне:

— Понюхай её глубоко, это очистит и укрепит тебя.

Я вдохнула свежий и необычайно нежный аромат, стараясь как можно глубже вдохнуть его.

— Ты ещё придёшь ко Мне сегодня днём, а пока иди, дитя.

Учитель положил мне руку на голову и сказал:

— Да будет мир Мой в сердце твоём и над тобой.

Вечер. Семь часов.

Внутренний голос мне сказал: «Учитель ждёт тебя». Но по внешним причинам я не могла сразу уединиться, чтобы сосредоточиться. И вдруг я услышала голос Учителя внутри себя: «Я жду тебя, дитя!» И сразу я увидела себя возле терраски. Учитель сидел там.

— Иди скорее, — сказал Он, — и садись на своё место.

Я низко Ему поклонилась и села на низенькую скамеечку у ног Его. Учитель сидел, как обычно, в кресле. Его ноги в сандалиях стояли на скамеечке, белоснежная одежда ниспадала складками, руки были спокойно сложены на коленях, и во всём Его облике было столько мира, гармонии! Такой глубокой благожелательностью ко всему веяло от каждой складки Его одежды, что всё моё существо влеклось преклониться перед Ним.

Учитель молча, ласково смотрел на меня. Потом тихо сказал:

— Я хочу спросить тебя... Сможешь ли ты ответить Мне твёрдо на вопрос, который Я предложу тебе? Чувствуешь ли ты в себе достаточно сил, чтобы, твёрдо решив, ответить?

— Я полагаю, что да, Учитель, — ответила я.

— Готова ли ты следовать за Нами? И не держит ли тебя ещё что-либо на земле, о чём ты тоскуешь, с чем не хочешь расстаться? Подумай глубоко и ответь Мне.

— О, Учитель! Ты знаешь обо мне всё лучше, чем я сама себя знаю. Но должна сказать Тебе, что я всем сердцем люблю своего мужа. Он, как дитя, мне данное. Я оставила его и тоскую, как будто я сделала бесчестный поступок. А между тем возле него я чувствую, как затаптываются мои лучшие чувства, как я слабею духовно и не могу ничего в себе укрепить. Я хочу его счастья, а меж тем делаю его несчастным...

— Дитя, дитя... — тихо произнёс Учитель и коснулся слегка моей головы, — это всё личное, личное. Это всё не имеет значения и той существенной ценности, как это тебе кажется сейчас. Это всё преходящее... А то, к чему зовёт тебя сердце, — это вечное. Твоя личная любовь должна расшириться, она должна претвориться в любовь нетленную, распуститься дивным сверкающим цветком сердца, чтобы ты могла протянуть его не одному только человеку, а всему миру. Осознай ясно зов своего сердца, к чему оно призывает тебя? Или твоё сердце тебя призывает только к личной любви, чтобы сохранить для одного то, что должно быть отдано всему миру? Подумай и реши сама.

Внезапный порыв охватил меня. Я встала и, подняв руки, как для молитвы, произнесла:

— О, Учитель! Я посвящаю себя на искание истины. Нет иной любви и не должно быть в сердце моём, только во имя Вечного.

— Да будет так! — мягко сказал Учитель.

И мне показалось, что вдруг вокруг стало всё светлее. Это светился дивным светом весь облик Учителя, моего обожаемого Учителя. Нет не моего, а нашего общего со всеми вами, идущие вместе, идущие рядом со мной! Я упала к ногам Учителя...

— Да будет так! — тихо повторил Учитель, и от взора Его струился свет, проникая в моё сердце.

— Запомни эту минуту, дитя. Такими словами не шутят. Нарушив их чистоту, ты в будущем наложишь на себя тяжёлые последствия. Да не будет этого. Да благословит тебя любовь Наша.

На этом всё кончилось.

11 июня. Утро.

Я была в смятенном состоянии и не могла ничего увидеть. Видение всё время разрывалось, и пришлось прекратить все попытки.

Вечер. Семь часов.

Внутренний голос мне сказал: «Тебе нельзя сейчас идти к Учителю. Он не звал тебя». Но я мятежно сказала: «Пойду!» И пошла. Я вошла в Сад и, пройдя немного по аллейке кустарников, вдруг увидела обоих Учителей. Они тихо подвигались мне навстречу, разговаривая между собой. Я остановилась, как пригвождённая к месту, испытывая стыд, как воришка, которого поймали на месте преступления, мучительно придумывая, что бы мне сказать. Оба Учителя заметили меня. Они переглянулись и остановились неподалёку от меня.

Учитель в белом сказал:

— Зачем ты пришла в такое время, когда Я не звал тебя?

Его голос звучал не строго и как бы таил скрытую улыбку. Что мне было ответить? Сказать, что у меня снова мятеж в сердце? Но об этом было стыдно и больно говорить после вчерашних решений. Я молчала. Учитель сказал:

— Подойди, дитя, к Нам поближе.

Я подошла. Он положил руку мне на голову и, слегка запрокинув её, посмотрел мне прямо в глаза:

— Больше доверия, больше доверия и к Нам, и к своим силам!

— Учитель! — воскликнула я со смелостью отчаяния. — Но поможет ли всё это мне освободиться от личности, от своего эгоизма?

Учителя переглянулись снова, и Учитель в зелёном одеянии сказал:

— Поможет ли солнце прорасти семени, если оно готово к прорастанию?

— Так, о, Учитель! Но не солнце ли повергает растение засухе?

Учитель слегка улыбнулся и сказал:

— Дитя, не уподобься сама такому засушливому растению. Не суди о том смело, чего не знаешь. Иди с миром. Завтра, ровно в девять утра, Я буду ждать тебя.

— Иди с миром! — сказал и Учитель в белом. — Послезавтра придёшь ко Мне, как обычно, утром.

Оба Учителя прошли дальше. Я стояла одна на дорожке и смотрела на Их величавые фигуры, уходящие в даль аллеи.

На этом всё закончилось.

12 июня.

Я стояла возле дверей дома Учителя в зелёном. Открыла дверь и вошла по лестнице вверх. Я вступила в большую залу, в которой уже была однажды. После яркого солнца в ней казалось темновато, но потом глаза привыкли. Через множество узких прорезов-окон было достаточно света и воздуха. Учитель сидел за столом и над чем-то работал. Я низко поклонилась Ему.

— Подойди, дитя, и сядь. Ты пришла немного рано, но Я сейчас освобожусь.

Я потеряла способность видеть, до тех пор пока Учитель не окончил своей работы, и лишь когда раздался голос Учителя: «Я окончил», — я снова получила возможность видеть Его и Его окружение. Учитель пристально, слегка испытующе, но ласково смотрел на меня.

— Так ты хочешь получить Высшее Знание? — спросил Он.

— Да, Учитель. Но ещё больше я хотела бы освободиться от своего эгоизма, почувствовать в себе великую Любовь и единение.

— Это всё тесно связано одно с другим. Я не могу дать тебе ни больше, ни меньше, чем ты в состоянии воспринять. Тут бессильна воля Учителя. Я не колдун, не чародей, чтобы вызывать силы и временно оживлять то, что не подлежит оживлению. Мы можем только помочь развиться тому, что уже готово к росту. Как садовник не может сам создать зерно, а может только помочь его росту, улучшить его сорт и качество, а сила для роста скрыта в самом семени, так и Я могу дать тебе только то, что ты в силах воспринять. Там, где ты не в силах, — никто не может помочь тебе. Прежде всего тебе надо окрепнуть, чтобы быть в Нашем присутствии.

Я действительно чувствовала в себе какую-то тяжесть, меня стала окутывать какая-то безвольная дремота.

— Сегодня Я скоро отпущу тебя, но вечером позову снова. А пока побудь одна.

Учитель вышел из залы, а я подошла к окнам подышать свежим ветром. Я увидела цепи снеговых вершин и скал, лежащих ниже окон. Но и перед окнами были скалы жёлтого камня, от них ложились фиолетовые тени. Меня удивило, что снеговые вершины были ниже дома Учителя, а здесь, на такой высоте, не было снега. Я отошла от окон. На душе было беспокойно. Сомнения и тревоги терзали меня. Мне захотелось молиться. Я опустилась на колени.

— Господи! Очисти сердце моё,

Помоги моему прозрению,
Даруй мне сил и укрепи меня.
И да будет воля Твоя... — произнесла я.

— Аминь, — произнёс голос стоявшего возле меня Учителя.

Я не заметила, как Он подошёл. Я поспешно встала с коленей.

— Да будет мир над тобой, дитя! Не смущайся. Все проходят через эти ступени сомнений и неверия в свои силы. Несозвучие Нам родит отдалённость, но чем ближе твоё сердце будет к Нам, тем глубже ты воспримешь нашу силу, и она поможет раскрыться твоей силе. Иди, дитя, с миром!

Вечер. Пять часов.

Я стояла на каменистой тропиночке не遠далеке от дома Учителя и рассматривала Его дом. Он был двухэтажный, каменный. На втором этаже были узкие, частые прорезы-окна, но внизу я не заметила ни одного окна. Неужели Учитель живёт там без света? — подумала я. Противоположной своей стороной весь дом был прилеплен к скале, как бы составляя с ней одно целое. Вдруг на моё плечо легко опустилась рука Учителя, и Он сказал:

— Действительно, Я не всегда нуждаюсь в окнах и могу жить и без солнца и без света. Даже без воздуха, — заметил Он как бы шутливо.

Мы вошли в дом.

— Пройди наверх, Я сейчас приду к тебе.

Я поднялась в залу. Теперь я хорошо разглядела её. И стены, и пол, и потолок были из какого-то тёмного дерева, оно издавало смолистый аромат. Я осматривала стены, когда в комнату вошёл Учитель.

— Это горный кедр, — сказал Он. — Кедр и сосна — это лучшие озонаторы воздуха и имеют особую внутреннюю силу для лёгкости духовных проводников.

Учитель подошёл к столу и, сев на стул, стоявший посередине стола, указал мне на место сбоку стола. Я заметила, что и стол и стулья покрыты тончайшей резьбой. Я взглянула на Учителя и тут только заметила, что Он снял тюрбан, отчего открылся Его прекрасный лоб и волосы, волнистые, откиннутые назад. Его лицо уже не казалось мне таким суровым, как раньше. И одежда на Нём была другая, голубовато-зелёная, очень лёгкая на вид, хотя и плотной ткани, очень широкая, со множеством красивых складок, лежащих от каждого Его движения в новых, гармоничных сочетаниях. Около кистей рук рукава были плотно застёгнуты, а вокруг шеи был завязан лёгкий золотистый шнурок, продёрнутый вместо воротника.

— Возьми бумагу, — сказал Учитель, — Я тебе продиктую расписание дня. Заметь себе, что ты взята Нами на испытание. Мы дадим тебе всё, на что ты способна реагировать, и поможем раскрыть то, что уже готово в тебе к раскрытию. Может быть, укажем тебе дальнейшие пути. Но помни, от тебя самой зависит всё, от того, как ты будешь воспринимать и отзываться на протянутые к тебе вибрации. А теперь пиши.

Вставать не позднее семи часов. До восьми ты должна провести все процедуры, которые нужны для твоего тела: растирание, гимнастика, ванна или душ. Всё это очень важно сейчас для тебя. Всё тело должно быть очищено, чтобы работать без перебоя. В восемь часов молитва, небольшое чтение, размышление. В девять часов ты будешь приходить к кому-нибудь из Нас. От одиннадцати до двенадцати, если останется время, — делай свои дела по дому. В двенадцать часов — молитва. Помни, что в это время ты молишься со всеми Нами и со всеми детьми Нашими. Но пока ты будешь молиться одна. От двенадцати до часа — первый завтрак. Пища должна быть лёгкая, не жирная, но питательная. Овощи, фрукты, молочные продукты, рис, пшеничный хлеб, но не очень белый. Всё острое, возбуждающее, перебродившее Нами не рекомендуется, также как и крепкие напитки, алкоголь всякого рода. Тебе полезно пить чистую воду натошак и на ночь. После завтрака до трёх ты работаешь, пишешь. От трёх до пяти — делаешь свои дела по дому. В

четыре часа можешь съесть что-либо лёгкое, фрукты, чашку молока, если захочешь есть. В пять часов ты будешь у Нас. Иногда это будет отменяться. Тогда ты будешь читать, писать, размышлять. В шесть часов — вторая еда. И после никаких умственных напряжений. Хороша небольшая прогулка перед сном. В десять часов быть в постели. Перед сном обязательно растирание всего тела и обмывание конечностей. В двенадцать часов ночи желательно, чтобы ты вставала на молитву, но пока это необязательно.

— Это всё. Старайся придерживаться этих указаний, пока не будет дано изменений. Старайся выполнять всё точно. Это даётся тебе для того, чтобы вступить в гармоничное с Нами. Это поможет тебе очиститься и внутренне.

— Учитель, можно задать Тебе вопрос?

— Можно.

— Я бы хотела знать Ваши имена, Учитель.

— Это не существенно. Ты их узнаешь со временем. Не будь любопытна. Тебе даётся ровно столько, сколько надо, и будет дано тогда, когда для этого настанет время. Можешь идти. Теперь ты придёшь ко Мне пятнадцатого. Да будет мир в твоём сердце, ненарушимый ничем внешним.

Всё закончилось.

13 июня. Утро.

Вошла в Сад Учителя. Как будто бы только что прошёл дождь... Все кусты, цветы, дорожки Сада были мокрые, с некоторых кустов ещё капали крупные капли. По небу неслись разорванные облака, и проглядывало солнце. С площадки роз шёл Учитель. Он нёс какие-то садовые инструменты и казался особенно светлым.

— Ты рано пришла, дитя. Но всё равно я уже всё закончил.

— Я помогу Тебе нести, Учитель.

— Возьми. — И Учитель передал мне лейку и грабли.

Он, конечно, не нуждался в моей помощи. Но Его светлое сердце знало, что этим Он мне доставит живую радость. Около терраски Учитель указал мне, куда всё это поставить, потом тщательно вытер подошвы ног о половичок перед домом и взошёл на терраску. Его примеру последовала и я. Учитель снял висевшее у входа в комнату полотенце и стал вытирать руки, всё время ласково и дружелюбно поглядывая на меня.

— Ну, — сказал Он, — тебе уже дал Учитель расписание дня. Я всё знаю. Садись, сейчас мы будем с тобой заниматься.

— Учитель, я не могу сейчас заниматься, у меня мигрень. Я ничего не смогу понять...

Учитель внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Я попробую полечить тебя.

Он вошёл в комнату и скоро вернулся, держа в руке какой-то белый порошок на бумажке. Он подал его мне.

— Принять внутрь? — спросила я.

— Не угадала! Понюхать. Очень глубоко понюхать, сначала правой, а потом левой ноздрей, по очереди несколько раз.

Кроме того, Он взял чуть-чуть порошка и рассыпал его над моей головой.

— А теперь иди и ляг. Лучше всего, засни. Я позову тебя сегодня в пять часов.

И Он отпустил меня.

Вечер. Пять часов.

Я вошла в Сад Учителя и смутно чувствовала, что найду Его где-то в ином месте, чем обычно. Я прошла мимо площадки роз, подошла к терраске — она была пуста. Тут я заметила ещё одну тропинку, которая шла вдоль дома и уводила в глубь Сада. Я решила идти

по ней. По бокам были посажены ягодные кусты, потом стали попадаться фруктовые деревья, то персиковые, то сливовые, яблони, груши, много всяких пород, которых я и не знаю. Я решила, что вошла во фруктовый сад. Дорожка уже кончалась и упиралась в какие-то кусты, очень густые, а по ту сторону кустов стояло большое дерево. Я уже хотела повернуть обратно, как вдруг послышался голос Учителя:

— Я здесь, дитя!

Я осмотрелась, не понимая, откуда исходит голос.

— Я здесь, дитя! — повторил смеющийся голос Учителя, и вдруг я себя увидела по ту сторону кустов возле дерева. Под ним, за круглым столиком, сидел Учитель. Он смотрел на меня смеющимися глазами.

— Мы, кажется, с тобой играли в прятки? Садись, дитя. У тебя голова не болит?

— Благодарю Тебя, она почти прошла. Я могу воспринять всё, что Ты мне скажешь.

— Отлично! Вот тебе листик бумаги. Я буду тебе показывать знаки, а ты их запоминай и зарисовывай на своём листке.

И Учитель начертил несколько знаков, дав мне пояснение их смысла и значения.

— Заметь себе, Наш язык сильно разнится от вашего. У Нас нет желаний и нет разделений на противоположности. Мы умеем по двум, трём знакам восстановить всю глубину мыслей, посланных Нам. Правда, что у Нас есть нечто, что помогает Нам видеть. И сейчас ты увидишь, что это такое. Передай Мне свой листок со знаками. И раскрой книгу на странице со знаками. Я хочу, чтобы ты попробовала в них разобраться.

И Учитель подал мне книгу. Я открыла её на странице знаков.

— Смотри на них пристально, — сказал Учитель.

Я смотрела и вдруг увидела, что знаки перестали быть чёрными, они начали принимать различные цвета и затем стали светиться. Некоторые знаки горели изумительно ярко, другие были тусклы и их тёмный цвет как бы поглощал свет не излучая.

— Они все светятся различно, Учитель, — сказала я.

— Правильно. Вот это и составляет то, что Нам помогает разбирать многое без иных указаний, это цвет и свет знаков, заменяющих качества и многое другое, что бывает скрыто в знаке. Ты тоже со временем научишься этому. Пока укажу на общее правило: чем цвет ярче и прозрачнее, тем яснее и сверкающе его свет, и это означает наиболее возвышенное чувство, благородное качество, и наоборот, чем темнее цвет, тем тусклее свет и тем мрачнее качество и чувство. Обо всём этом Я тебе скажу после, подробнее. Закрой книгу. Встань и помолись.

Учитель встал и поднял руки на молитву.

— О, Высочайший! Преклоняемся перед Тобой и возносим Тебе сердца наши. Отец наш всемогущий, благодарим Тебя и Твою щедрость за милость к нам, детям Твоим. Каждый вздох наш принадлежит Тебе. И Ты наполняешь нас, Непостижимый, вне всего Сущий, Единый, Неизреченный. Нет слов для восхваления Тебя, и нет выражения для той Любви, что стремится слиться с Тобой, о, Отец наш. Аминь!

— Аминь, — прошептала я про себя. В сердце было удивительное чувство: было как-то торжественно, неопишимо. От головы Учителя ясно шли вверх два светлых луча, и вокруг всего Его облика разливался нежный свет. В экстазе я упала на колени и поцеловала землю у Его ног.

— Дитя, дитя... — сказал Учитель, — встань! Ты целуешь прах. Я понимаю движение твоего сердца и принимаю его, но никогда не забывай, что поклоняться достойно только Сущему внутри нас. И в Нём мы все едины. И только через одного Он проявляет Себя более ярко, а другой ещё не раскрыл Его в себе. И ты тоже достигнешь этой высокой радости и блаженства: жить в Нём, слиться с Ним. В этом назначение всего человечества.

— Аминь, — пропели в воздухе нежные голоса.

— Иди с миром! Завтра Я жду тебя.

Свет вокруг Учителя уже погас, и Он, как обычный человек, деловито складывал бумаги и перья, чтобы нести их в дом.

14 июня. Утро.

Я вошла в беседку на площадке роз. Учитель был там. Я низко Ему поклонилась.

— Учитель, — сказала я, — у меня сегодня опять мигрень. Я не знаю, буду ли я в состоянии воспринимать всё, что Ты скажешь мне.

Учитель встал.

— Пойдём со Мной.

Мы пошли по дорожке и дошли до того места, где росли лечебные травы.

— Посиди здесь на лавочке, — сказал Учитель. А Сам пошёл вдоль грядок. Через некоторое время Он вернулся, держа в руке корешок какого-то растения, и, сев подле меня, стал его очищать ножичком.

— Вот видишь этот корешок? Понюхай его.

Я понюхала. Мне показался его запах знакомым.

— Это валерианов корень. Он успокаивает нервные центры. Вот пожуй его как можно мельче и проглоти. Потом уходи и ляг заснуть. Тебя надо будет серьёзно полечить. Прими мир Мой.

И Учитель отпустил меня.

Вечер. Пять часов.

Вошла в Сад Учителя. Шла по дорожке, ведущей к площадке роз. И вдруг увидела обоих Учителей, Они подвигались мне навстречу. Подойдя ближе, оба ласково на меня поглядели. Я низко поклонилась Им.

— Пройди, дитя, на терраску, — сказал «белый» Учитель. — Я сейчас к тебе приду.

Я опять низко Им поклонилась и прошла дальше. Подойдя к домику Учителя, я стала его рассматривать, стараясь запечатлеть его. Он был не велик, белый, вымазанный извёсткой. Одно окно, большое, квадратное, было около терраски. Я видела домик только с одной стороны. Он весь утопал в зелени и в цветах. Всюду было столько внимания ко всему, всё было в таком живописном порядке! Пока я стояла и рассматривала домик, подошёл Учитель. Вид Его был необычайно светел, я бы сказала, даже сверкающ. В руке Он нёс белую розу. Когда Учитель подошёл совсем близко ко мне, сверкание вокруг Него погасло. Мы вошли на терраску и сели. Учитель подал мне книгу и сказал:

— Раскрой её.

Я раскрыла её на странице, где были нарисованы различные цвета.

— Видишь ли, — сказал Учитель, — вот основные цвета радуги, и каждый из них имеет три оттенка. Кроме того, сочетания цветов с другими дают новый цвет. Кроме этих, видимых глазу цветов, есть ещё изумительные цвета, которые не принадлежат человеческому спектру, о них мы сейчас не будем говорить. Каждый цвет имеет своё значение, которое усиливается или уменьшается от силы или степени окраски. Вот обозначения некоторых цветов:

белый — сила;

жёлтый — власть;

оранжевый — гармоничность;

красный — страстное начало;

синий — интеллект;

зелёный — интуиция;

фиолетовый — духовность.

Это основные значения, но они могут меняться от прибавления к одному цвету другого. Теперь скажу о значении цвета света:

белый свет — высокая духовность;

жёлтый — озарённость;

оранжевый — устремлённость;

красный — любовь; чем нежнее красный свет, переходящий в розовый, тем

возвышеннее любовь;

синий свет — экстаз;

зелёный — прозрение;

фиолетовый — глубокое благоговение, преклонение в духе.

По мере того как Учитель называл цвета, Он взмахом руки вызывал в воздухе и свет его, который зажигался и гас.

— Значение цвета и света огромно. Мы ими очень широко пользуемся. Теперь закрой книгу. На сегодня это всё. Я тебе ещё хочу сказать о значении молитвы. Очень важно всем существом вникать в моление. Ты теперь видишь, как в глубине твоего сердца молится маленький человечек. Он в своей молитве доходит иногда до экстаза, до изнеможения. Ты видишь, что от силы эмоций человечек в сердце бывает как бы насквозь «пропотевшим», это и есть правильное моление. Пока этого нет, нельзя считать молитву доходчивой и правильной. Но это может прийти, если ты будешь вникать в молитву и понимать её значение. А теперь помолимся.

Учитель и я подняли вверх руки, и Учитель произнёс:

— Отец наш! Тебе возносим сердца наши. Очисти их милосердием Своим и славой Света Своего. Сущий в веках — пребывай с нами и дай нам крепость и силу Твою. Аминь.

Я хочу ещё сказать тебе, что молитва может быть очень краткая, важна не длительность её, а сила устремлённости. Иди, дитя, с миром.

15 июня. Утро.

Подошла к дому Учителя в зелёном. Открыла дверь. Поднялась в залу. Учитель сидел за столом.

— Подойди и сядь. Я ждал тебя.

Учитель был в зелёной, малахитового тона одежде. На пальце сверкал огромный изумруд. Весь вид Учителя был прекрасен и внушал трепет.

— Учитель, могу ли я просить у Тебя указания в моей личной жизни? Спросить Твоего совета?

— Спрашивай. Но помни, «спрашивать Учителей» можно только в том случае, если ты действительно нуждаешься в серьёзном совете и не можешь решить вопрос самостоятельно. Мы предпочитаем, чтобы вы сами решали свои личные дела.

— Ты прав, Учитель. Я сама могу решить этот вопрос, прости мою необдуманность.

— Отлично, — сказал Учитель. — Мы приветствуем всякую самостоятельность мысли, характера, инициативы.

Несколько мгновений длилось молчание. Учитель как бы в задумчивости смотрел на кольцо и чуть-чуть повёртывал его на пальце, отчего свет камня сверкал то сильнее, то слабее.

— Вот что, — сказал вдруг Учитель решительным тоном, вставая. — Я хочу сделать маленький опыт. Следуй за Мной.

Мы сошли вниз по лестнице, и где-то в стене (я не видела, где именно) Учитель нажал что-то, и вдруг бесшумно в стене открылась дверь.

— Следуй, — сказал отрывисто Учитель и перешагнул порог в какую-то зиявшую темноту. Я вступила за Ним, и дверь бесшумно закрылась за моей спиной. Был полный мрак. Учитель ничем не предупредил меня, и я чуть не упала, под ногами нащупывались ступени. Я стала особенно внимательна и тщательно нащупывала в темноте каждую ступеньку. Мне казалось, что они вели куда-то вниз бесконечно долго. Я ничего не видела и не слышала даже шагов Учителя впереди себя. Казалось, что я совершенно одна иду в каком-то бесконечном спуске вниз, назначение которого я не знаю и не смею спрашивать. Временами сердце билось как-то особенно сильно, то вдруг замирая, и мне казалось, что я задыхаюсь в темноте. Но, стиснув зубы, я всё шагала и шагала по ступеням...

— Тебе не страшно? — вдруг откуда-то из темноты донёсся голос Учителя.

И сразу сердце моё стало биться ровно и спокойно, и я вздохнула полной грудью.

— Нет, Учитель, — бодро ответила я.

Тогда я увидела тоненький зелёный лучик, сверкнувший в темноте впереди меня, но гораздо ниже.

— Следуй за этим светом, — сказал Учитель.

Спуск вскоре после этого окончился. Но я продвигалась медленно вперёд, так как ощупывала ногой каждый шаг. Вдруг слабый зелёный свет исчез, и я осталась опять в полном мраке. Мне хотелось крикнуть, позвать Учителя, но я поборолла в себе этот трепет малодушия и двигалась вперёд. Вдруг я снова увидела этот лучик, но в другом направлении. Оказывается, был крутой поворот вбок, за которым я не могла увидеть свет, внезапно потеряв его. Ещё некоторое время я шла за зелёным лучиком. Вдруг голос Учителя сказал:

— Остановись здесь. — И зелёный свет погас. Всё погрузилось снова в непроницаемую темноту и тишину. Под ногами я нащупывала что-то мягкое, вроде ковра, воздух был тёплый, не удушливый. Вдруг снова голос Учителя, плывущий откуда-то сверху, над моей головой, произнёс:

— Тебе не страшно?

— Нет, Учитель!

— Тогда сделай три быстрых шага вперёд.

Я шагнула быстро раз, другой и вдруг, как бы сорвавшись, полетела в пропасть. Мой полёт был стремителен, тёплый ветер свистел в ушах, голова кружилась, наконец я потеряла сознание. Очнулась я всё в той же большой зале. Я сидела на стуле, как обычно, а Учитель сидел за столом и в спокойной задумчивости поворачивал кольцо на пальце. И всё происшедшее со мной сейчас я могла бы счесть сном, словно мы с Учителем никуда и не уходили из залы. Но Учитель поднял на меня улыбающиеся глаза и сказал:

— Мы приветствуем мужество, стойкость, выдержку во всём. Человек трусливый, слабый, нерешительный — ещё не готов для познания высших тайн. То, что предстоит тебе узнать, и то, в чём ты будешь жить, это всё даст тебе новые силы и понимание. То, что было до сих пор, — это только подготовка. Она может продлиться очень долго, это будет зависеть от тебя. А настоящее обучение начнётся после, может быть, ещё и не скоро. Научись всё принимать в глубокой сдержанности чувств и в спокойствии. Во мраке твоей жизни есть ещё только один слабый луч, но он ещё трепетен и слаб, умей укрепить его. Иди с миром. Помни, отныне ты принята в Наше братство, но ещё не совсем. Это братство иное, чем то, о котором говорили и писали. Через это братство ты вступишь в иное состояние, и оно приведёт тебя к новому посвящению. Но это ещё всё будущее. Повторяю, всё зависит от тебя. Иди с миром! Сегодня Я ещё позову тебя.

Вечер.

Я вошла в залу Учителя. Он стоял возле одного из окон и как бы созерцал дали. Не оборачиваясь ко мне, Он произнёс:

— Подойди ко мне.

Я подошла. Внимательным, как бы пронизывающим меня насквозь взглядом Учитель смотрел на меня в молчании.

— Тебе надо научиться находиться в Моём присутствии. Я знаю, что тебе это ещё трудно. Посмотри на стену сзади тебя. Я начертил на ней три правила для тебя. Прочти их.

Я обернулась. По стене струились какие-то красно-жёлтые огненные слова, но я ничего не могла прочесть: они мерцали, то убегая от моего взора, то снова появляясь уже в другом месте.

— Я ничего не могу прочесть, Учитель! Что-то мерцает на стене, то появляясь, то снова убегая... Я ничего не могу прочесть... — с огорчением сказала я.

Учитель медленно обернулся ко мне, приложил палец к моим глазам, и вдруг свет на стене стал разгораться красновато-синим огнём, слова перестали быстро трепетать, и с трудом, но я прочла:

1. Каждому даётся то, чего он достоин на том месте, которое он заслужил, и в тот час, который для этого настал.

2. Тот, кто способен жить в присутствии Учителей, лишается способности жить для себя.

3. Научись распознаванию между истинным и ложным, вечным и преходящим, и это даст тебе право войти в первые врата посвящения.

Смысл этих слов я передаю сейчас верно, но, написанные на стене, они звучали иначе, и я не могу воспроизвести их в этой неуловимости. Я медленно, по складам, читала вслух написанное на стене. Потом всё погасло.

— Запомни это, — сказал Учитель. — И ещё Я скажу тебе, что, добившись света, не уходят обратно во мрак, а стремятся запечатлеть этот свет в себе. Человек обычной жизни живёт, черпая силы из внешней жизни, он весь как бы в оболочке этой внешней жизни, а внутри его всё спит. А человек, который прозрел к истинной жизни, живёт внутренней жизнью и оттуда даёт волны света во внешний мир. Претворение в себе всех свойств в новые, более тонкие и духовные, это и есть та работа, которую тебе надлежит произвести в себе. Теперь в тебе не должно быть никаких сомнений и колебаний, а твёрдая решимость. Выбор сделан — теперь следуй ему. С каждым разом твои силы в моём присутствии будут крепнуть. А пока иди с миром! Через два дня ты снова придёшь ко Мне.

Всё это Учитель говорил, тихо двигаясь по зале вместе со мной и держа руку на моём плече. Он остановился, снова пронзительно посмотрел на меня и после мгновенного молчания закончил:

— Иди с миром в сердце!

16 июня. Утро.

Подошла к беседке на площадке роз. Оттуда вышел Учитель и сказал:

— Сегодня утром мы не будем с тобой заниматься. Пойдём походим по Саду, Я поговорю с тобой.

И мы медленно пошли по дорожке. Учитель был погружён в задумчивое молчание. Мы вышли к небольшому пруду, около которого я уже видела однажды Учителя, кормящего лебедей. Прудик был очень мал. Он был совершенно круглый и прозрачный. Как круглое зеркало, лежал он в зелёной оправе цветущих водяных растений, которые отражались в нём. Мы сели на скамеечку против него. Учитель сидел, слегка нагнувшись вперёд, погружённый в какие-то думы. Я тихо сидела возле Него. Лёгкий ветерок временами колыхал зеркальную поверхность воды и колебал в ней цветы и облака.

— Заметила ли ты, — тихо начал Учитель, — как люди цепляются за внешние дела? Они их считают очень важными и отдают им всю свою устремлённость. И это очень правильно на той стадии развития, на которой они сейчас находятся; иначе не было бы никакой деятельности в мире и всё остановилось бы, если люди не были бы так убеждены, что их дела необходимы и важны. Тот же принцип веры в важность своего дела должен быть и на духовном плане. Ты должна быть очень убеждена в истинности того дела, которое ты сейчас совершаешь. Ты должна твёрдо верить в жизнь твоего истинного Я. Ты должна непоколебимо искать истину через все препятствия, которые, возможно, встанут на твоём пути. Ты должна будешь пройти через многие испытания. Твой жизненный путь ещё не окончен. Он продлится, чтобы ты могла завершить его озарением духа. Но помни, через большие испытания должна пройти твоя душа раньше, чем ты сможешь начать истинно разбираться в духовных ценностях. Закон для всех один. Всякое нарушение закона ведёт к расстройству гармонии, и тогда не будет в человеке нужной силы для достижения цели. Всякое вживание в духовный мир происходит с усилием, с болью. Сейчас ты переживаешь возраст духовного дитяти, и оттого всякое твоё усилие сопряжено с болью. Но усилие вызывает не только боль, но и радость, конечно. Когда же ты преодолеешь трудности, тогда и усилие исчезнет. Как дитя, научившись ходить, уже не чувствует усилия, чтобы держать

равновесие, — но ходит и бегает свободно. Мы помогаем тебе. И ты должна изо всех сил стараться закрепить в себе усилия.

Учитель встал и сказал:

— Пойдём к дому.

Всё время Учитель был задумчив и молчалив. Подойдя к терраске, Учитель сказал:

— Я хочу дать тебе разрешение приходить в Мой Сад в течение дня, когда захочешь. Но не ищи тогда встречи со Мной. Может быть, ты будешь чувствовать, где Я нахожусь, но и тогда не иди в том направлении. Может быть, Я сам буду приходить к тебе не в обычные часы нашей беседы. Но часы, которые Я тебе назначил утром и иногда вечером, остаются те же. Сегодня в пять часов приходи обязательно, Я буду заниматься с тобой. А сейчас иди с миром, дитя Моё. Помни о жемчужине, висящей на твоей груди.

И Учитель отпустил меня.

Вечер. 5 часов.

Я закрыла за собой калитку Сада и пошла по аллейке. Чувствовала необычайную бодрость, лёгкость и радость в сердце. Всё воспринимала чётко и ясно. Прошла площадку роз. Учителя не было в беседке. На терраске тоже никого не было. Но из дома донёсся голос Учителя:

— Я сейчас выйду, входи, дитя!

И Он показался в дверях. Его облик, такой светлый, такой близкий сердцу в своей величавой простоте, сегодня какой-то особой радостью наполнил моё сердце.

— Садись, дитя, мы немного позанимаемся с тобой. Очень немного...

Учитель сел в кресло, а я, как всегда, на скамеечку около Его ног.

— Сегодня Я тебе покажу два новых знака и объясню их значение.

Учитель начертал их на чём-то, вроде грифельной доски, потом объяснил и сказал:

— Сегодня о знаках больше не будем говорить. Я хочу тебе сказать ещё о красках и цветах. Как Я уже говорил, цвет имеет огромное значение и большое оккультное влияние. Он оживляет всё. Цвет и цветовой свет оживляет все предметы физические и также духовные, и не только предметы, но каждое чувство, каждая мысль имеет свой световой оттенок. Этот свет постоянно мерцает, переливается один в другой и проникается друг другом. Имеет значение также и звук. В мире всё звучит, всему присуща своя нота звучания. Имеющий возможность видеть этот мир сверкания, может также и услышать необычайные мелодии, не похожие на звуки ваших музыкальных инструментов, которые поистине иногда способны содрать все нервы с чувствительного существа. Эта музыка свето-цвета неопишима. А теперь представь себе миры, несущиеся в пространстве, сверкающие различными цветами и рождающие каждый свою музыкальную ноту. Это не совсем точно, так как сумма всех звуков одного такого светила составит только одну ноту. И представь себе этот мировой оркестр, эту мировую симфонию, воплощение которой невозможно, она даже не снилась и величайшим музыкантам земли. Это — музыка сфер. Да, поистине всё в мире дивно и прекрасно, — закончил Учитель, вставая.

— Пройдёмся по Саду, — сказал Он.

Мы сошли в Сад. Пока мы шли по дорожкам, Учитель говорил:

— Взгляни, как всё прекрасно вокруг. И почувствуй, что Жизнь едина, целостна в своём начале. По существу нет различия между тобой и Мной. Нас наполняет Единая Жизнь. Это, конечно, надо понять, надо осмыслить... В своей Сути — мы едины. Нет деления...

И вдруг я ощутила в сердце какой-то трепет. Как бы тёплый ветер пронёсся в нём.

— Учитель! Мне кажется, что я сейчас ощутила в сердце какой-то трепет, оно как-то особенно шевельнулось во мне... Я не могу этого выразить словами...

И я остановилась, поражённая, переживая это невыразимое чувство, которое вдруг слило весь мир в единое в моём сердце.

— Я не сомневаюсь, что ты поняла это. И ещё глубже поймёшь и больше... — сказал Учитель, и Его лицо мгновенно просияло, и весь облик Его как бы озарился светом, и вокруг

Него распространилось сияние. Это Радость Учителя засверкала в ответ на мою Радость. Об этом мгновении я больше не могу сказать ничего, у меня нет для этого слов. Учитель сказал:

— Я хочу тебе сейчас показать мир невидимых форм. — И Он сильно взмахнул рукой, как бы рассекая воздух.

И вдруг всё привычное — небо, кусты, цветы, весь Сад, сам Учитель, всё, что окружало меня, — исчезло. Нет, не исчезло, а превратилось в нечто колеблющееся, сверкающее, принимающее удивительные световые формы. Всё вокруг меня переливалось, словно сверкающая радугой текущая вода. Мне начало казаться, что я задыхаюсь, исчезаю в этих волнах, заливающих меня со всех сторон.

— Учитель! — вскричала я в испуге. — Я ничего не понимаю, и это всё душит меня...

И в то же мгновение всё приняло прежний вид. Учитель стоял подле меня и улыбался.

— В этом нет ничего страшного. Надо только научиться видеть правильно. Пойдём на терраску.

И мы пошли обратно. По дороге Учитель говорил:

— Ты всегда можешь приходить в Мой Сад, как Я тебе уже говорил. Ты можешь созерцать всё, что здесь находится, то ценное, чего ты ещё не видела. Это тебя укрепит, и пребывание в Моём Саду даст покой и мир сердцу...

Мы подошли к дому и вошли на терраску.

— Подожди здесь, — сказал Учитель и ушёл в дом.

Я стояла одна, охваченная чувством такой радости, которую я давно не ощущала. Во мне переливалось чувство счастья, большой лёгкости и внутреннего света.

17 июня. Утро.

Учитель сидел на терраске. Я тихо вошла и села на скамеечку. На сердце было смятение, взволнованность и боль...

— Учитель, позволь мне преклонить колени и поплакать возле Тебя... Душа моя тоскует. — И я, рыдая, склонилась к Его ногам.

— Дитя, дитя... О чём плачешь ты? Всё это пустое. Если вдуматься глубоко, ты поймёшь, что всё это преходящее.

— Так, Учитель, но ведь это «преходящее» есть живая ткань нашего сердца, и пока оно бьётся в этой жизни, ему от многого больно.

— Надо суметь, чтобы не было больно. Всё, что творит разделённость, — творит и боль. Только в глубоком понимании *Сутти* всего нет боли, так как там нет разделения. Ранит только личное, только то, что в себе несёт мысль об разделённости, об отделённости от всего мира. Ранит только то, что содержит мысль о себе в своей ограниченности и в обособлении. Нет слёз и горя, когда сердце едино с Высшей Сутью всего.

— Я ещё не умею жить так, Учитель!

— Вот потому ты и плачешь. Но Я вижу всё глубже тебя, и Мне жаль сил твоих, затраченных зря, и твоей энергии, которую ты направляешь на то, в чём нет ценности. Отри глаза. Сядь. Я тебе хочу сказать о знаках.

Учитель взял дощечку, начертил на ней знак и попробовал обратить моё внимание на другое.

— Знаки имеют различное значение в связи с тем, как они расположены.

— Я слушала, но слёзы все лились и лились. Учитель отложил дощечку и встал:

— Пойдём, дитя, пройдемся по Саду. Тебе необходимо успокоиться и обрести душевный мир.

Мы сошли в Сад. Подошли к лечебным травам. Учитель велел мне посидеть на скамейке, а Сам пошёл меж грядок с травами. Вскоре Он пришёл и принёс два корешка. Сев подле меня, Учитель поскоблил их костяным ножичком и подал мне.

— Понюхай их глубоко несколько раз, а потом разжуй хорошенько и съешь. Это тебя успокоит. Надо тебе полечить сердце. Оно у тебя подорвано, и эти слёзы берут от тебя много сил. И ты позволяешь такому ничтожному случаю так больно врываться в своё сердце!

Тихо, но уверенно в меня входили тишина и покой глубокий сердца. Учитель встал и сказал:

— Пойдём на площадку роз. Помолимся там.

И на площадке среди роз Учитель произнёс молитву:

— О, Владыка сердец наших! Очисти нас и помоги вознестись сердцем к Твоему престолу. Уничтожь слепоту сердца, которое не видит, но жаждет прозрения! Аминь.

Окончив молитву, Учитель возложил обе руки мне на голову и в молчании поддержал их некоторое мгновение на мне. Потом тихо сказал:

— Иди с миром!

Вечер.

Взошла в Сад. Шла очень быстро. Прошла на площадку роз. Взглянула в беседку, Учителя там не было. Меня охватила какая-то особая нежность при мысли о Нём. Мне захотелось скорее найти Его. И вдруг меня охватила слабость, как бы дремота. Я сделалась вся вялая и не могла ничего больше видеть. Видение оборвалось. Через некоторое время я попыталась снова вернуться в Сад. Я опять увидела площадку роз, но дальше я не могла сдвинуться с места и стояла как бы пригвождённая к земле. Я увидела Учителя, который быстро шёл навстречу. Он подошёл, положил руку мне на плечо и сказал:

— Тебе надо отдохнуть. Слишком много вибраций в тебе и вокруг тебя. Тебе надо отдохнуть, — повторил Он, — не печалься, но вернись обратно. Слишком много затраченных сил. Надо помнить, что твой духовный организм ещё очень нежен и неустойчив. Иди с миром! Завтра не ходи к Учителю. Он даёт тебе приказ отдохнуть и привести свои проводники в более спокойное состояние. Не печалься, Я могу говорить тебе завтра. Да будет мир Мой над тобой, дитя!

И Учитель благословил меня.

(День пропустила по приказу Учителя.)

19 июня. Утро. У Учителя в зелёном.

Взошла в дом Учителя. Поднялась по лестнице в залу. Учитель сидел за столом и повелел приблизиться.

— Садись. Я тебе продиктую некоторые правила.

И Учитель дал мне лист бумаги и перо.

— Пиши.

- 1. Пока твои глаза способны плакать, ты ещё не способна истинно прозреть.**
- 2. Пока ещё твой ум беснуется, как молодой слон на привязи, он не способен правильно размышлять.**
- 3. Пока твоё сердце не способно вместить в себе весь мир в единстве, ты не способна переступить порог вечного.**

Потом Учитель мне продиктовал ещё:

Истинно говорю вам всем, что только тот приблизится, кто имеет в этом великую нужду и кто поставил «искание» превыше всего в своей жизни, твёрдо установил в себе цель и направление и идёт, ничем не смущаемый. Закон Наш гласит: открой каждому всё, что знаешь, если он сумел приблизиться, если ты видишь его усердие и устремлённость. Не оставляй его даже тогда, когда он, временно ослабнув, как бы отойдёт от тебя, но всячески поощряй и поддерживай его. Тот, кто «ищет», похож на путника в пути: он переносит всяческие лишения, скорби и испытания, имея впереди только одну цель: достигнуть Дома своего и там обрести покой.

Да будет мир всем сердцам, ищущим и жаждущим! Да не омрачит их поиски желание внешних впечатлений и самоутверждение в личном, ибо это только туже

завяжет повязку на глазах и отведёт путника от его цели.

Это всё, — сказал Учитель. — Помни, ты на испытании. От тебя будет зависеть многое. Но если ты избере́шь ещё мир внешних форм и иллюзий, то и тогда Мы не оставим тебя, поскольку это будет возможно. Пребудь в устремленности и горении сердца. Ты ещё только поднимаешься на ту ступень, которая ведёт на путь ученичества. Никогда не забывай, приходя к Нам, приносить в своём сердце устремлённость, почитание, радость внутреннюю — это всё необходимые условия твоего очищения.

Учитель встал и сказал:

— Помолимся.

Голос Учителя звучал особенно торжественно и сильно, когда Он произносил молитву. Но слова молитвы звучали на непонятном мне языке, хотя сила их пронизывала сердце, наполняя его трепетом. Кончив молитву, Учитель сказал:

— Подойди, дитя, Я благословлю тебя. Вот сейчас можешь встать на колени.

Я опустилась на колени перед Учителем, и Учитель произнёс, воздев надо мной руки:

— Да будет благословенно сердце ищущее! Да прозреет оно от слепоты своей! Да узрит Свет среди мрака! Аминь. Иди с миром, дитя, и помни, что «Дар Учителя» — это больше, чем простой подарок. И те, кто уже могут лицезреть Учителя, должны быть особенно вдумчивы и строги к себе, мужественны и тверды.

Я низко поклонилась Учителю, встав с коленей, и Он отпустил меня.

(Здесь настал перерыв в несколько дней. Я должна была уехать в другое место, и переезд, и всё вокруг меня мешало мне пойти к Учителю в назначенные часы.)

21 июня.

Наконец мне удалось проникнуть в Сад.

«Если я не увижу Учителя, — думалось мне, — то, по крайней мере, я побуду в Его Саду».

Я шла по знакомой тропинке. Всё было залито солнцем. Я дошла до домика Учителя. Терраска была пуста. Я преклонила колени перед её входом и собиралась уже уйти, как вдруг из комнаты вышел Учитель.

— Ну, что же, входи! Ни одно усилие не пропадает, если оно сделано от чистого сердца.

Я радостно устремилась на терраску.

— Остановись! — повелел Учитель. — Не приближайся ко Мне. Тебе предстоит сначала три дня очищения, когда ты вернёшься к себе домой. И только после этих трёх дней ты сможешь видеть Нас. Это не наказание и не упрёк, но ты нарушила круг гармоничного состояния твоих проводников, начертанный Нами, и тебе предстоит теперь, очистившись, начать всё сначала. Всякие вибрации внешнего мира губительны и мертвящи для ростков твоего сердца. Мы решили дать тебе срок до двадцать пятого июня. И тогда, очищенная внутренне и внешне, ты снова вернёшься к Нам. А пока ты лишаешься общения с Нами на эти дни. Запомни: только тогда, когда ты поймёшь всю важность совершаемого сейчас в твоей жизни и ничто не поколеблет тебя, только тогда ты истинно будешь с Нами, до тех пор все тщетно. Человек, преданный внешнему и нарушающий внутренние законы, Нам не созвучен. Ты должна была всё забыть и отдать, но сохранить внутреннее видение. Ты же последовала за суетой и потеряла сокровенное. Запомни: отныне жемчужина не будет тобой зрима, и лишь когда ты очистишься, ты увидишь её, и это будет знак Нашего разрешения тебе приблизиться. Помни: здесь нет места пустой забаве, всё это гораздо значительнее и серьезнее, чем ты предполагаешь, и, действительно, требует всех твоих сил и полное забвение себя, как личности. А пока — прими мир Наш.

Всё исчезло.

(Три дня я жила в глубокой внутренней тишине, вернувшись снова в свой домик на

берегу моря. Все три дня я провела в строгом посте. Даже не выпила ни капли воды. Этот строгий трёхдневный пост прошёл как-то удивительно легко. Я всё время ощущала себя бодрой и лишь на третий день почувствовала лёгкую слабость в теле. Ни есть, ни пить не хотелось и даже не думалось об этом. Я ждала с трепетом двадцать пятого числа, — дня разрешения приблизиться снова к Учителям.)

24 июня.

Встав в двенадцать часов дня на свою обычную молитву, я вдруг «увидела» снова Сад Учителя. Со всех дорожек шли люди в белых одеждах. Все шли к площадке роз, где и встали полукругом, оставив проход перед беседкой, откуда вышел Учитель. Все низко Ему поклонились.

— Помолимся, братья, — сказал Учитель и воздел руки для молитвы. Все, как один, тоже подняли руки.

— О, Владыка мира! — начал Учитель.

Дальше я не запомнила. После молитвы все низко поклонились Учителю и стали расходиться. Я стояла позади всех, и мне казалось, никем незримая. Но очи Учителя остановились на мне. И Он повелел мне приблизиться.

— Завтра утром Я жду тебя, — сказал Он мне ласково. — Ты уже очистилась. Иди с миром.

И я увидела на своей груди снова жемчужину, чистую и переливающуюся светом. Я в восторге склонилась перед Учителем до земли. Он всё время светло улыбался.

— В шесть часов вечера приходи сегодня на общую молитву со всеми.

И Он отпустил меня.

25 июня. Утро. 8 часов.

Я вошла в Сад. По дорожкам шло много людей. Все в белых одинаковых одеждах. Были среди них и дети. Все они стекались к площадке роз и становились полукругом в несколько рядов, сохраняя молчание. Учитель появился среди ожидающих и встал впереди всех.

— Братья! — сказал Учитель. — Перед началом молитвы Я хочу сказать Слово о том, как надо молиться. Когда Я произношу слова, не старайтесь запоминать их, а вкладывайте всё своё чувство в мысль, перед Кем вы стоите в вашей молитве, Кому вы молитесь. В часы наших кратких молитв мы особенно приближаемся к Нему, и не должно быть никакого иного чувства, кроме глубокого сосредоточения в Боге. Важны не слова, а то, что за словами. Можно говорить тысячи молитв, и они будут ничто, и сказать одну, которая будет идти из сердца, и в неё вложится всё чувство. Помолимся, братья.

И Учитель произнёс молитву.

Вечер. 5 часов.

Я опаздывала не по своей вине, но всё время держала мысль, что Учитель ждёт меня.

— Не торопись! — вдруг услышала я в сердце Его кроткий и тихий голос. — Я подожду тебя.

Как только я смогла освободиться, я пришла в Сад. Учитель был на терраске.

— Подойди и сядь, — сказал Он.

Я села на скамеечку, как обычно.

— Мне надо многое сказать тебе. Почему ты думаешь, что тебе надо советоваться с кем-то о том, правильны ли твои посещения Учителей? Если ты сама чувствуешь сердцем их неправильность, то к чему тебе убеждения другого? А если ты чувствуешь, что они правильны, то как кто-то посторонний может разубедить тебя? И если ты чувствуешь истинность того, что ты сейчас получаешь от Нас, перестанешь ли ты приходить к Нам, если кто-то другой усомнится в этом или даже осмеёт тебя? Это одно, что Я хотел тебе сказать. И ещё следующее: пора тебе перестать сомневаться, а надо быть твёрже. Надо верить в свою

Суть и не сомневаться. Ты сейчас не одинока. Помни, что ты сейчас взята Нами на испытание. Всё — едино. Но те, кто созрели к пониманию, те скорее приблизятся к Свету. Но придут все. У всех есть свой час, более близкий или далёкий. Я очень рад, что ты живёшь сейчас одна, и никто с тобой не живёт из твоих близких. Тебе необходимы сейчас тишина и одиночество. Это не значит, что ты уводишься от жизни людей, но это значит, что ты должна окрепнуть в тишине раньше, чем явится возможность вернуться к обычной жизни и передать людям что-либо ценное. Вот это пока всё.

Я грустно подумала о знаках, которые Учитель мне больше не показывает, и о книге, которую я давно не видела. Учитель улыбнулся.

— Временно Я не передаю тебе ничего нового. Это временное отклонение от намеченного раньше плана. Но все, что тебе надлежит узнать, — узнаешь. Завтра ты придёшь после утренней молитвы не ко Мне, а к другому Учителю. А послезавтра придёшь ко Мне, и дальше всё будет опять, как обычно.

Учитель встал.

— Будь в духе. Не забывай Нас в дне своём.

Всё исчезло.

26 июня. Утро.

После утренней молитвы я пошла к Учителю в зелёном. Перед Его домом я немного задержалась и ясно запечатлела всю его строгую необычайность и какую-то дикую величавость. Подойдя ближе, я увидела дверь открытой. Я вошла по лестнице вверх и прошла в залу. Учитель сидел за столом и писал. Вокруг Него было много рукописей и книг.

— Подойди, дитя, и сядь.

Я поклонилась Учителю и, подойдя к Нему, села на стул.

— Я сейчас буду предлагать тебе вопросы, на которые ты должна мне дать ответы. Но только помни, что ответы должны быть чистосердечны и твёрды. Я спрашиваю. Если тебе будет предложено всё богатство мира, то есть знатность, роскошь, слава, всеобщее поклонение, полное довольство во всех жизненных отношениях, или жизнь в полной неизвестности, непонимаемая никем, терпящая большие невзгоды, но Цветок Счастья расцветёт в твоём сердце, что выберешь ты?

— О, Учитель! Не может быть сомнений... Я ищу раскрытия этого Цветка в сердце... А все блага жизни, мне думается, я уже испытала, испытала и их призрачность, и их сладость, претворившуюся в горечь.

— Так. Значит ты твёрдо выбрала?

— Да, Учитель.

— Тогда Я спрашиваю дальше: если ты дашь обещание, обет, сумеешь ли держать данное слово, не нарушая его? Подумай хорошенько.

— Учитель, у меня бывали нарушения слов и обещаний и не раз, но я полагаю, что теперь я найду в себе силу выдержать обещание, данное Высшим.

— Так. Отныне ты разлучена с мужем навсегда. И это Наше решение твёрдо и ненаруσιμο. Принимаешь ли ты обет выполнения Нашего решения? Подумай хорошенько.

Я поникла. Вся моя бедная любовь затрепетала. Но чего же я колеблюсь? Ведь любить его я могу, любовь нельзя отнять, я только больше не буду его женой и не увижу его. И я твёрдо ответила:

— Да, Учитель!

— Ты его, может, и увидишь теперь, но ненадолго. Ты будешь с ним разлучена. Твоя жизнь выбрана. Ты сама сделала свой выбор. Да, будет так! Вот всё, что Я хотел тебе сказать на сегодня.

Учитель встал. В Его глазах, устремлённых на меня, были и ласка, и сострадание, и ещё что-то, величие чего я не умею выразить словами.

— Иди с миром, дитя! Теперь ты придёшь ко Мне через два дня на третий, как обычно, в девять утра.

Я низко поклонилась Учителю.

Ночь. 12 часов.

Я была разбужена внутренним голосом на молитву. Я вошла в Сад Учителя. Я в первый раз в нём была ночью.

Я шла по дорожке, ведущей к площадке роз, и множество фигур в темноте двигалось туда же. Я заметила, что на груди у каждого светился синеватый огонёк. И эти маленькие огоньки мерцали как-то дивно и таинственно. На площадке все встали полукругом, как обычно. Было очень красиво из-за множества огоньков на груди у каждого.

Потом знакомый голос Учителя в зелёном произнёс:

— Помолимся, братья!

Все подняли руки вверх, и я увидела, что свет исходил из жемчужин, висевших, как и у меня, на груди каждого, и этот синевато-лиловый свет сейчас довольно сильно был заметен в темноте.

Молитва не была длинной. После молитвы Учитель сказал:

— Братья! Между нами находится новый член вашей семьи. Это ещё очень юный брат, но Мы ждём его быстрого роста. Примите его в сердца ваши и любите, как Мы любим всех вас.

И какой-то силой я почувствовала, что это говорится обо мне. И я почувствовала, что взоры всех обратились на меня, и тихие голоса со всех сторон ответили:

— Мы принимаем её... Отныне мы дадим ей нашу помощь, и сочувствие, и внимание всегда, во всякое время, когда она пожелает.

И голос Учителя ответил из темноты:

— Аминь.

Я почувствовала, что и мне надо что-то сказать, и, волнуясь, сказала:

— Братья! Может быть, я и не так скажу, как надо... Но я благодарю вас от всего сердца... Я обещаю не порочить любви, которую вы мне даёте, и ответить на неё так сильно, как только могу.

И Учитель ответил:

— Аминь! Идите все с миром и вступите в сон. До утра, братья! — сказал Он, и все стали расходиться.

27 июня. Утро. 8 часов.

Когда все стали полукругом на молитву, Учитель вышел из беседки на молитву и сказал:

— Братья! Перед молитвой Я хочу вам напомнить о завтрашнем дне. Завтра наступает то, что Мы называем «очищение сердца». Надо быть особенно чуткими и внимательными в эти дни. Они тянутся до пятого июля. Будьте внимательны к тому, что исходит из вас в мир. С утра обдумайте свой день, что вы дадите миру, как сможете вы провести день ваш наиболее плодотворно. Нет никаких указаний никому. Каждый должен сам обдумать своё очищение сердца. Держите мысли в Свете, а сердце в любви и да будет над вами мир, братья! Помолимся.

Каждый раз молитва произносится Учителем различно. Но всегда она имеет три части. Каждая часть начинается возгласом: «О, Владыка мира!» Первая часть — это хвала и воздаяние любви к Богу. Вторая — прошение Света и очищения. Третья — отдание себя Его Свету и Его воле. Все три части обычно очень небольшие. После молитвы Учитель отпустил нас.

Утро.

Через десять минут я снова пришла в Сад к Учителю. Он был в беседке. Учитель протянул мне листок бумаги и сказал:

— Прочти.

— Человек даёт миру свою душу, — прочла я.

— Поговорим об этом, — сказал Учитель.

— Что это значит «дать миру свою душу»? Это значит перестать быть эгоистичным, связать себя с миром в одно. Как раньше человек заботился и думал только о себе, так теперь он должен перенести фокус своего внимания с себя на окружающий мир. «Дать свою душу миру» — это значит быть высоко настроенным и уметь видеть истинное и важное. Теперь почитаем.

И Учитель протянул мне книгу.

— Раскрой её.

Я открыла книгу на рисунке «Дерево Жизни».

— Смотри пристально, — сказал Учитель, — и говори Мне, что ты видишь.

Я смотрела и увидела на всех ветках числа. Потом дерево стало светиться и переливаться разными цветами; потом я увидела как бы ноты, появляющиеся в свете. Я сказала Учителю.

— Это значит, что мир можно понять в числе, в цвете, в свете, в звуке и в других соотношениях, ещё не ведомых людям. Смотри ещё.

Я смотрела и видела, как один свет как бы переходил в другой. Не было ничего, принадлежащего только одному чему-нибудь; всё вливалось во всё, и всё, вытекая, питало другое. Я сказала Учителю:

— Да, ничто в мире не разобщено. Всё во всём и всё зависит друг от друга. В этом и есть единство мира. Никто и секунды не сможет прожить в разобщённости, ибо каждый есть продукт совокупности всего. Смотри ещё.

Я смотрела и видела, как плоды, отрываясь, распадались, как бы сжигаясь в огненных ветках начал, и на их местах появлялись новые плоды; цветы тоже расцветали, то появляясь, то исчезая. Словом, всё было в движении, но в очень определённом, гармоничном, а не в хаотическом и сумбурном. Я сказала Учителю.

— Это и есть движение, жизнь мира. Жизнь есть то преходящее, что составляет видимые формы или, как некоторые называют, иллюзорность, за которой стоит истинная Реальность, неизменная, не имеющая ни атрибутов, ни качеств. Это — Абсолют, «То», «Единое Вечное», чему нет названия, но из чего происходит всё. Закрой книгу. На этом закончим. Иди с миром. В пять часов Я жду тебя снова.

И Учитель отпустил меня.

День. 12 часов.

Все сошлись на молитву. Учитель вышел из беседки весь сверкающий радостью.

— Да будет мир вам, братья!

— И Тебе, Учитель!

После молитвы Учитель сказал:

— Те, кому назначено, пусть останутся.

На этом всё закончилось.

День. 5 часов.

Вошла в Сад. Шла по аллее кустов. Они уже давно отцвели... По дороге я вдруг заметила, что на мне одето белое платье, как у всех братьев, с тоненькой алой полоской на подоле. Но моя жемчужина, покоясь на белизне моей новой одежды, тихо светилась, ясно и ровно. На сердце было легко и радостно. Я вошла на площадку роз. В беседке никого не было. Я прошла к круглому пруду. На нём плавали два белых лебедя. Но Учителя и там не было. Но мне всюду чувствовалось присутствие Учителя. Словно Он был повсюду в Саду, и незримый след Его присутствия трепетал на всём, как солнечные лучи на розах. Подошла к терраске. Она была пуста. Я пошла к фруктовому саду. Действительно, там около одного из деревьев стоял Учитель. Он собирал плоды в корзинку, которая стояла у Его ног, полная тёмно-лиловых слив, как мне показалось. Увидя меня, Учитель сказал:

— Ну и отлично, что ты пришла сюда, подойди, Я дам тебе попробовать этот плод.

И Он протянул мне крупную сливу. Но на вкус она походила на очень сочную и сладкую вишню, только без косточки. Учитель сказал:

— Это совсем особый сорт. Смесь сливы с вишней. И надо этот способ скрещивания передать людям, он очень прост, дерево требует мало ухода и даёт богатый урожай, а его плоды вкусны и очень полезны. Они соединяют в себе лучшее от сливы и вишни.

Учитель всё это договорил уже по дороге к дому. Взойдя на терраску, Учитель прошёл в комнату, сказав:

— Сядь, дитя, и подожди Меня. Я сейчас к тебе выйду.

Я села на скамеечку и стала рассматривать свою новую одежду. Она была из плотной ткани, очень мягкая и шелковистая, необычайно лёгкая, и я совсем не могла определить, что это за ткань. Я очень радовалась ей и чувствовала, словно я надела на себя новую душу. Учитель вышел и сел в кресло. Он взял дощечку и карандаш и стал чертить и объяснять мне знаки. Потом отложил дощечку и сказал:

— Ничто в мире не пропадает. Всё переходит из одного в другое. Рушатся миры, но лишь для того, чтобы создались новые, ещё более высокой эволюции, где буквально каждый атом есть переродившаяся субстанция исчезнувших миров. Всё во всём! Когда человечество поймёт, что оно составляет единое целое, крепко почувствует своё единение со всем сущим в мироздании, тогда оно будет готово для приятия нового сознания на новой планете и в иных условиях.

Учитель помолчал и задумчиво повторил:

— Да, всё во всём... И сила, одухотворяющая всё, — Любовь. И пока это понимание не достигнуто сердцем, ничто ещё им не может быть истинно постигнуто.

Учитель встал.

— Я ещё хочу тебе сказать, чтобы ты чаще приходила в Мой Сад. Пойдём, Я тебе покажу одно место в Саду, где особенно хорошо сидеть и размышлять.

Мы спустились в Сад и пошли налево в ту его часть, куда я ещё ни разу не заходила. Это была наиболее дикая часть Сада, неводеланная, в ней росли высокие деревья и густые кусты, много травы. Мы дошли до места, откуда открывался чудесный вид на горы, на их снежные вершины. Здесь, в кустах, образующих нишу, стояла скамейка.

— Сядем здесь, — сказал Учитель. — Это место очаровательно. Приходи сюда. Я тоже люблю бывать здесь. Но Мне нет времени для долгого здесь пребывания. Я не всегда веду жизнь такого «счастливого фермера», каким ты Меня видишь, — прибавил Он улыбаясь. — У Меня много различных дел, и Я часто удаляюсь из Сада и надолго. У Нас нет ночей для сна. Наша жизнь не подкрепляется сном, она в этом не нуждается. У Нас есть другие способы отдыха.

Мы сидели недолго.

— Вернёмся обратно на терраску, — сказал Учитель. Там Он ушёл в комнату и скоро вернулся. В руке Он держал два разных листика разных растений. Одним Он потёр мне виски, между глаз и около ушей. Прикосновение этого листочка было слегка шершаво, но мягко. Другим листиком Учитель протёр мне оба глаза и велел потереть его в пальцах. Этот листик был гладок и холодноват на ощупь, раздавленный, он издавал аромат лимонной корки.

— Это укрепит тебя, — сказал Учитель. — Иди с миром! И не забудь, что в шесть часов молитва.

Весь облик Учителя так прекрасен! Сегодня я особенно ясно разглядела тонкую, одухотворённую красоту Его лица. Иногда на Его лицо, как лёгкое облако, налетала тень грусти, но, когда оно освещалось радостью, его свет мне казался солнцем, освещающим миры. Более совершенной красоты, благородства и одухотворённой нежности я не могу себе представить. И всё же, всей красоты этого дивного лица я не могу ещё почувствовать ясно, во всей глубине Его красоты и мудрости. Но счастье во мне растёт от сознания всей необычайной радости, которая выпала на мою долю.

Вечер.

Я вошла в Сад. По всем направлениям, со всех дорожек шли братья в белых одеяниях, таких, как и на мне теперь. Некоторые шли группами в три, четыре человека, некоторые парами и одиночки. Некоторые сидели на скамейках и тихо беседовали. Число их всё прибывало. Я чувствовала себя среди них как бы чужой и, робко прижавшись к кусту, стояла в отдалении. Ко мне подошла девушка, очень красивая блондинка, я её заметила ещё утром на молитве.

— Пойдём к нам. Мы хотим быть с тобой.

Она взяла меня за руку и повела к площадке роз. Мы шли молча, но она так ласково улыбалась, и её глаза говорили мне без слов. На площадке роз уже было много людей в белом. К нам подошли ещё четыре девушки и молча, улыбаясь как-то особенно значительно, окружили меня. Были ли они все красивы? Не знаю, в них было что-то значительное, что-то очень родное и близкое сердцу. Вдруг одна из них шепнула мне:

— Мы все любим Учителя!

И все тихо рассмеялись радостным и счастливым смехом.

Вообще это трудно рассказать. Мы не привыкли к такому общению, без особых слов, без любезностей, которыми не всегда искренне мы обмениваемся при встречах. Часто люди произносят слова как бы для того, чтобы крепче поставить преграду между собой и людьми, чтобы сильнее отгородиться от них и спрятать за словами свои истинные мысли и чувства. Здесь же было так, словно каждое сердце было как открытый настежь дом, где всё радостно, чисто и залито солнцем.

Многие подходили к нам. Без любопытства, без суетливости и восклицаний, но полные какой-то особой, внутренней радости, новые друзья приняли меня в своё братство. Это было духовное моё общение без слов и совершенно непонятное в обычных условиях жизни. Вдруг, словно лёгкий ветерок, пронёсся шёпот среди братьев, и все стали полукругом на площадке перед беседкой. Моё место на этот раз пришлось в первом ряду, почти против беседки. Учитель вышел к нам. Сияние явственно окружало Его. Все, как трава под лёгким ветерком, склонились перед Ним в лёгком поклоне.

— Перед началом молитвы Я хочу, братья, напомнить вам о высоком значении завтрашнего дня, — сказал Учитель. — Завтра день «очищения сердца». Вы должны быть очень собранны, очень бдительны и готовы всячески проверять себя, каждый на своём месте. Это должно быть большим и радостным праздником для всех вас. А теперь помолимся, братья.

После молитвы все безмолвно стали расходиться.

В двенадцать часов ночи была опять на молитве в Саду.

28 июня. Утро.

Я вошла в Сад. Прошла на площадку роз. Никого на ней не было. Меня это удивило. Я села в ожидании на скамейку. Вдруг ко мне подошла одна из вчерашних девушек и сказала:

— Пойдём скорее! Сегодня будет молитва в другом месте, все уже собрались там.

Она взяла меня за руку, и мы пошли в ту часть Сада, которую я называла «фруктовой». Там, на площадке, где под большим деревом стоял круглый стол и скамейка, уже все стояли полукругом, ожидая Учителя. Мы встали с краю. Учитель пришёл вскоре:

— Мир вам, братья!

— И Тебе, Учитель, — ответили все.

Учитель произнёс молитву и, отпуская нас, сказал:

— Идите с миром и помните, что сегодня великий день «очищения сердца».

Все поклонились Учителю и разошлись.

Утро. После молитвы.

Я осталась. Учитель подозвал меня и, сев на скамейку под деревом, сказал:

— Скажи, как ты себе представляешь очищение сердца?

— Очень смутно, Учитель.

— Я скажу тебе: очищение сердца — это не значит завоевание добродетелей и совлечение с себя противоположных им качеств. Борьба с противоположностями ещё не есть очищение сердца. Истинное очищение сердца происходит, когда мы постоянно держим его раскрытым перед очами духа и ясно видим всё, что его наполняет, всё, что вливается в него, и всё, что исходит из него. Очистить сердце — значит принять Свет в него. Это очищение не приходит сразу. К этому надо стремиться постоянно. Нет сердца достаточно очищенного, можно стать ещё совершеннее. Чистота здесь — не качество, не противоположение обратной стороне — нет; здесь подразумевается такое *состояние*, когда сердце может воспринимать мир только очищенным взором, а всё негармоничное ему отпадает, как сухой лист с ветки. Иди, дитя, приходи в пять часов. Иди с миром!

В двенадцать часов дня была на общей молитве в Саду.

5 часов.

Несколько раз сосредоточивалась. Учителя нигде не видела. Чувствовала в себе беспокойство и тяжесть. Наконец увидела Учителя, входящего через калитку. Он откуда-то возвращался. При виде Учителя сразу стало у меня на сердце спокойно.

— Я не буду сегодня заниматься с тобой, дитя. Иди с миром! Сегодня в шесть часов Я не буду с вами на молитве.

И Учитель отпустил меня.

Вечер. 6 часов.

Все уже стояли полукругом, когда я присоединилась к братьям. Читать молитву вместо Учителя вышел один из присутствующих братьев, не очень молодой, аскетического типа. Он сказал:

— Братья! Учитель поручил мне провести молитву вечера сегодня. Помолимся, братья.

Все подняли руки для молитвы.

— О, Владыка мира! Да будет благословенно Имя Твоё от века веков. Аминь.

И мы ответили: — Аминь.

— О, Владыка мира! Прелей мир в сердца предстоящие. Даруй нам свет прозрения и понимания и благослови нас. Аминь.

Все: — Аминь.

— О, Владыка мира! Тебе предаём тела и души наши, ибо Ты один повелеваешь миром, и мы — Твои, ибо Ты — Отец Наш! Аминь.

Все: — Аминь.

— Да будет мир вам, братья.

— И тебе, брат.

И все, сотворив брату поклон, стали расходиться в молчании.

29 июня. Утро.

После молитвы в восемь часов я прошла на терраску вместе с Учителем. Учитель принёс из комнаты небольшую книгу, сел в кресло, а я у ног Его. Он развернул книгу и прочитал:

Великое знание Жизни не есть достояние одного человека, это — удел человечества.

Время останавливается на пороге Вечности.

Те, кто умеют читать «Книгу Жизни», получают полностью всё знание, скрытое и явное.

Только глупцы граничат Жизнь и ищут разделения. Во всём заложен единый принцип любви и единения.

Законченных фаз развития нет ни в чём, ибо всё развивается в безграничности.

Учитель, прочёл всё это и закрыл книгу.

— На сегодня это всё. Иди с миром. Пребывай в духе, дитя.

И Учитель отпустил меня.

30-го я не могла видеть, но была передача в слухе.

1-го июля я тоже не могла видеть.

2 июля. День. 5 часов.

Взошла на терраску. Учитель сидел в кресле и смотрел на меня. Я остановилась в нерешительности. Учитель продолжал молча смотреть на меня.

— Можно мне подойти к Тебе, Учитель? — робко спросила я.

— Можно.

— Можно мне встать на колени?

— Можно.

— Можно мне поплакать, Учитель?

— Нет, этого нельзя. — И Учитель улыбнулся. — Ты опять хочешь омыть мне ноги солёной влагой? Ну, а теперь встань с коленей и сядь рядом.

Я встала и села на скамейку.

Учитель смотрел на меня не строго, но пытливо и без улыбки.

— Скажи, что с тобой? — спросил Он.

Я молчала, поникнув.

— Посмотри, что стало с твоей жемчужиной. Она вся почернела. Вот только чуть-чуть белеет одно местечко. Дитя, дитя! Всё в твоей власти. Соберись с силами и пребудь в духе.

Учитель встал и прошёлся по терраске.

— Мы тебе даём ещё два дня на испытание. Ты подумай только: ты держишь испытание, а позволяешь себе так опускаться.

Учитель положил руку мне на голову.

— Пребудь в мире и в духе! Приходи сегодня в шесть часов на общую молитву. И начни снова регулярный образ жизни. Когда сердце полно чистоты и устремлённости, тогда всё будет правильно. Не забывай о своей клятве.

Учитель возложил руку мне на голову и произнёс:

— Очищаю тебя силой данной мне благодати. Да будет мир над тобой, дитя! Будь в духе. Иди.

И Учитель отпустил меня.

Вечер. 6 часов.

Все братья собрались на площадке роз. Мой приход вызвал их живую радость. Ко мне подходили, смотрели ласково, жали руки, но ни о чём не расспрашивали, только старались быть особенно ласковыми со мной. Я была глубоко тронута их отношением.

Вошёл Учитель:

— Помолимся, братья!

— О, Владыка мира! Благослови сердца в вечера час.

— Аминь, — ответили все.

— О, Владыка мира! Твоим величием наполнен весь мир. Да будет благословенно имя Твоё.

— Аминь, — ответили все.

— О, Владыка мира! Даруй нам познать волю Твою и приобщи нас к Свету Своему.

— Аминь! — ответили все.

— Мир вам, братья!

— И Тебе, Учитель!

Потом Учитель подозвал меня, поставил перед всеми братьями и сказал:

— Братья! Пожелайте сил и мужества нашему новому брату. Чтобы он был полон той внутренней тишины, которая составляет неотъемлемую принадлежность каждого из вас.

И все тихо ответили:

— Желаем! От всего сердца желаем! Да будет мир сердцу твоему, брат наш.

И я унесла с собой всю силу их сочувствия, и это укрепило меня.

3 июля. Утро.

После молитвы в восемь часов утра я прошла в беседку к Учителю. Он сидел, окружённый рукописями.

— Здравствуй, дитя! Я вижу, что сегодня тебе лучше.

Я села возле Учителя. Он развернул передо мной большой лист бумаги, на котором был нарисован круг, а в нём ещё и ещё круг.

— Посмотри на этот рисунок. Это схема Земли и её оболочек. У Земли несколько оболочек, так же как и у человека. Землю нельзя рассматривать как что-то неодушевлённое. Она имеет так же, как и человек, свои пути эволюции. Но только её пути иные, чем у человека, и жизнь её выражается иначе.

Учитель скатал рисунок.

— На сегодня это всё. Иди, дитя, с миром. В пять часов я позову тебя обязательно.

День. 12 часов.

Было очень солнечно. Все были в белом, все радостные шли по дорожкам Сада, и у всех, я заметила, жемчужины были ясные и мягко переливались светом. Меня радостно окликали кругом, догоняли, шли рядом.

Учитель произнёс молитву:

— О, Владыка мира! Да будет Имя Твоё благословенно от века и до века.

— Аминь!

— О, Владыка мира! Ты, даровавший нам жизнь, дыхание и форму и охраняющий наше бытие, озари наши сердца светом своей мудрости и любви.

— Аминь!

— О, Владыка мира! Да будет воля Твоя совершенная, над нами. Ей мы предаем себя. Аминь!

И мы все закончили:

— Аминь!

Учитель сказал:

— Да будет мир всем вам и тишина сердца. Те, кому назначено, — оставайтесь, остальные идите с миром в день ваш.

День. 5 часов.

Я была в лесу, далеко от дома. У меня не было с собой часов, но внутренний голос настойчиво произнёс: «Учитель ждёт тебя».

Учитель был на террасе.

— Подойди, дитя, и сядь.

Он ушёл в комнату и вскоре вышел и вынес книгу, которую положил мне на колени, и повелел:

— Разверни её.

Я развернула на рисунке необычайном. На всём листе белой страницы был нарисован змий. Он стоял на хвосте и был весь закручен спиралью. Он был ярко-зелёного цвета, и только голова была красная с жёлтым, с золотой коронкой наверху. По зелёной его коже шли золотые чешуйки. Учитель сказал:

— Это мистический змий. На самом деле никакого змия нет, а есть вихревое спиральное движение, по которому строится всё мироздание. Смотри дальше...

Я смотрела и увидела, как рисунок стал оживать, разгораться ослепительным светом и вращаться сначала медленно, потом так быстро, что я потеряла спираль из поля зрения и видела только ярко светящуюся звезду. Я рассказала всё это Учителю.

— Да, это так. Это и есть центробежная сила мира. Закрой книгу. На сегодня это всё. Завтра ты придёшь к другому Учителю. Иди с миром, дитя.

В шесть часов вечера и в двенадцать часов ночи была на общей молитве.

4 июля.

Подошла к дому Учителя в зелёном. Взошла в залу. Учитель ходил по залу и что-то не то измерял, не то пристально рассматривал на стене. При виде меня Учитель сказал кратко:

— Входи.

Указал на стул за столом и, дав мне перо и бумагу, сказал:

— Пиши!

Тот, кто преступит через черту, положенную ему, примет на себя и всю ответственность, и все последствия этого. Второе: законы повинуются тому, кто умеет уважать законы.

— Это всё.

Учитель диктовал мне это, стоя около одного из окон, в узкое отверстие которого врывался яркий солнечный луч, и вся фигура Учителя была освещена им, как сиянием.

— Теперь подойди ко Мне.

Я подошла. Учитель взял меня за подбородок и пристально посмотрел мне в глаза. Его голубые глаза казались почти чёрными, и взгляд был пронзительный, но не страх вызывали они во мне, а священный трепет.

— Помни, ты всё ещё на испытании. Мы не можем дать тебе больше, чем ты можешь вместить. Когда ты чувствуешь, что слабеешь сердцем, изо всех сил держись за Единое Реальное. Иди. В пять часов придёшь ко Мне опять.

День. 5 часов.

Подошла к дому Учителя. Открыла дверь и стала подниматься по лестнице, считая ступени, их было пятьдесят. Лестница выходила на небольшую площадку, а оттуда дверь вела в залу. Учитель сидел за столом.

— Подойди и сядь, — повелел Он.

Некоторое время длилось молчание, во время которого я думала о дивной необычности, почти сказочности всего происходящего. Учитель смотрел на меня, чуть улыбаясь.

— Тебе всё это кажется необычным... Действительно, это состояние мало понятно людям. Это состояние в своей простоте мало кому даётся. Умей ценить дарованное. Это на грани сна, однако же это и не сон. И всё же ты смотришь на это иногда, как на волшебную сказку, в которой Я представляюсь тебе в виде чародея-волшебника. И ты ждёшь, что вот-вот Я хлопну в ладоши, и выбегут маленькие карлы, духи гор, и станут служить Мне... Или великаны предстанут по моему зову. Нет, можно обойтись и без карлов, и без великанов. Всё это гораздо проще, но гораздо глубже и значительнее, чем ты себе представляешь.

Учитель встал.

— Пойдём со Мной.

Мы вышли на площадку лестницы, спустились вниз. Внизу, за лестницей, Учитель нажал какую-то кнопку в стене, и в ней медленно раскрылось отверстие в виде двери, ведущее в какую-то темноту. Учитель перешагнул порог и, вероятно, повернул выключатель в стене, так как вдруг всё осветилось приятным зеленоватым светом.

— Войди! — повелел Учитель, и я последовала за Ним, а дверь бесшумно задвинулась за нами. Мы были в очень большой круглой комнате. Посередине стоял большой круглый стол и двенадцать деревянных кресел из тёмного резного дерева. Кругом в стенах были вделаны шкафы, полные книг и рукописей. Свет струился с потолка, но источника света не было видно. Потолок мне казался сделанным из матового стекла. Учитель подошёл к одному из шкафов и достал оттуда большую скатанную трубку и развернул её на столе. На ней было начертано множество кругов, или, вернее, эллипсов, одни входили в другие и замыкались снова в большие. С непривычки всё это рябило в глазах, и было трудно разобрать сразу, что и к чему относится.

— Вот взгляни, — сказал Учитель и показал на небольшую точку на карте. — Это Земля. Видишь, у неё три оболочки. У каждой из этих оболочек своя жизнь и свои законы, и все эти три оболочки заключены, в свою очередь, в три оболочки ещё больших размеров. Это солнечные оболочки, которые обхватывают все планеты. И планеты своими оболочками влияют также друг на друга. Вся Солнечная система обнимается оболочкой ещё больших размеров, где, в свою очередь, идут подразделения на большие и меньшие круги. И все они влияют друг на друга и составляют «мировую цепь» Вселенной. И так до бесконечности, о которой не может мыслить человеческий ум. Всё это изображено здесь, на чертеже, простой схемой. На самом деле это всё похоже скорее на гигантскую спираль.

Учитель задумчиво свёртывал карту.

— Это Я тебе показал так бегло для того, чтобы ты поняла, как величественно всё мироздание, как всё соединено со всем и как ничтожны человеческие личные печали и радости на фоне этого могучего космоса, часть которого, очень, очень малую, кстати сказать, занимает Земля. Всё сущее на Земле тоже являет собой одно целое. Всё во всём. И все мы — лишь части целого. Я хочу, чтобы ты твёрдо осознала величие мироздания и глубокое значение каждого существа на своём месте. Мы с Учителем наблюдаем тебя и следим. Очень важно, чтобы ты встала на «свое» место, так как вслед за тобой встанут и другие части на свои места. И это сразу даст толчок, приведёт в движение силу многих душ, ищущих Света. Пойми, что у Нас нет личной заинтересованности в тебе, но ты представляешь собой ту нужную «частицу», которая нужна для целого. Вот почему ты должна быть очищена в краткий срок.

Голос Учителя вдруг стал торжественным и проникновенным:

— Отныне ты принята Нами в Белое братство как младший брат. Отныне ты должна помнить, что ты — часть целого. Отныне вся твоя жизнь должна быть согласована со всем братством.

Я упала на колени и с трепетом вслушивалась в слова Учителя. И вдруг я увидела светящийся зеленовато-голубой золотистый шар, плывущий в воздухе навстречу мне. Он долетел до моей головы, коснулся лба и разлился таким ослепительным светом, что я невольно зажмурилась. Голос Учителя донёсся до меня словно издалека:

— Отныне ты принята в Наше Белое братство. Аминь. Встань, брат.

Потрясённая, я встала перед Учителем.

— Помни, твоя жизнь теперь должна быть строго согласована с Нами. Расписание, данное Мною тебе на каждый день, пока остаётся в силе. Лёгкие детали в нём могут видоизменяться, но часы общих молитв и общений с Нами неизменны и должны быть соблюдаемы тобой точно. Иди с миром. И пребудь в Свете.

Я обняла, склоняясь, ноги Учителя. Я не знала, чем выразить свой молчаливый восторг и преданность. Учитель поднял меня с коленей и сказал:

— Не надо коленопреклонений, брат. Отныне мы с тобой братья, хотя Я и являюсь твоим Учителем и Наставником, но у всех нас Один Отец, а все мы только Его дети.

Учитель открыл дверь, потушил свет, и мы вышли на площадку. Учитель отпустил меня.

День. 5 июля. 5 часов.

Я вошла в Сад. Подошла к домику Учителя. В первый раз ясно, отчётливо увидела открытое окно в домике рядом с террасой. Оно было большое, квадратное. Внутри, прямо против открытого окна, виднелось другое, тоже широко открытое окно. Я не заглядывала, конечно, в комнату, а прошла прямо на террасу. Учитель был уже там. Он, улыбаясь, сказал значительно:

— Входи, *брат* !

Когда я села на скамеечку. Он положил руку мне на голову и, глядя прямо в глаза, сказал:

— Поздравляю тебя! Отныне ты принята в нашу семью. Я очень, очень рад за тебя. Ты должна твёрдо осознать всё значение этого. Пойдём пройдемся по Саду.

Мы сошли в Сад. Мы шли рядом. Учитель положил мне руку на плечо, и я невольно подражала Его лёгкому и ритмичному шагу. Учитель говорил:

— Ты теперь должна научиться осознавать себя не в жизни тела, а в духе, живущем в теле, которым ты пользуешься, разумно о нём заботишься, получаешь впечатление о внешнем мире. Но ты должна научиться не захватываться ни своими эмоциями, ни переживаниями. Сразу ты не достигнешь этого, но ты должна к этому стремиться. Тебе надо быть самостоятельной в мысли; быть ответственной за свои поступки. В минуты великой слабости ты можешь просить сил у всего братства, частью которого ты теперь являешься. У каждого из нас есть своя миссия, есть план, который он должен выполнить. И тебе будет скоро открыта твоя миссия, и ты должна будешь разработать план своего выполнения. Но пока ты должна окрепнуть. Для этого тебе необходимо проверять себя, следить за собой, чтобы твоя внутренняя жизнь была для тебя на первом плане и ты ясно осознавала её существенную необходимость.

Мы шли по направлению к той части Сада, откуда были видны снеговые вершины. Мы подошли к скамейке, стоявшей в нише из зелени, и сели. Вид сияющих снежных гор и голубых пространств открылся перед нами.

— Отчего ты сюда не приходишь? — спросил Учитель. — Это место очень красиво, и ты можешь здесь размышлять, созерцая эти снеговые вершины. Я ещё многое должен тебе сказать, и ещё многое должно в тебе раскрыться. Но тебе надо сначала окрепнуть. Твёрже проникайся сознанием важности творимой сейчас в тебе жизни. В тебе всё должно переродиться. Это и есть творческая магия, когда ты из одного состояния творишь другое. Тут действуют оккультные силы. Берегись расточать свои силы на личные достижения. Никогда не чувствуй своего превосходства, помни, что все призваны, все в пути. Тебе надо уметь так жить, словно ты всё время ткёшь тончайшую ткань, которая может порваться от малейшего неосторожного движения. И всё же надо уметь жить и во внешней жизни, иметь видимость заинтересованного всем человека и всё же не быть привязанным ни к чему. Живи так, словно внутри тебя живёт свидетель всего, а жизнь вокруг тебя будет течь как обычно, и люди не будут знать о твоей внутренней жизни. Умей быть терпеливой, терпимой ко всему, умей разбираться во всём. И помни, помни, что ты уже вступила в новую жизнь.

Учитель встал.

— Теперь иди, дитя. Прими мир и покой сердца.

Вечер. 6 часов.

Все шли по дорожкам Сада, стекаясь к площадке роз. По дороге все меня радостно приветствовали. Ко мне подошли мои новые друзья, две девушки.

— Пойдём с нами вместе. Сегодня так радостно сердцу! — сказала одна.

— Сегодня праздник! — сказала другая.

Мы пришли на площадку роз, и все встали на молитву. Учитель вышел из беседки.

— Братья! Сегодня у нас радость: появился новый член Нашего братства. Подойди! — сказал Учитель, взглянув на меня.

Я подошла к Учителю.

— Ей мы дали имя Астра, что значит «звезда». Приветствуйте её, любите её! Отныне

она наш младший брат.

И все ответили:

— Аминь.

После Учитель сотворил молитву и отпустил нас.

6 июля.

После утренней молитвы Учитель позвал меня, и мы пошли к терраске. По дороге Учитель спросил, помню ли я вчерашнюю нашу беседу. Я ответила, что помню, и передала её своими словами. На терраске Учитель мне говорил:

— Самое главное теперь это укрепиться тебе в мысли, что твоё тело это ещё не есть ты, что твоё тело это только орудие твоё. Научиться управлять своим телом необходимо, но не надо отождествляться с ним. Всегда чувствуй себя над ним. Это даст тебе новую силу. Всякое событие ты должна встречать сверхлично, то есть придавая всему освещение вечного и не улавливаясь ничем внешним. Иди с миром, дитя. В пять часов приходи снова.

Вечер.

Взошла в Сад. Пройдя площадку роз, увидела Учителя. Он шёл мне навстречу.

— Я шёл к тебе навстречу, так как у меня сейчас очень мало времени для беседы с тобой. И Я не хотел, чтобы ты теряла минуты по дороге ко Мне. Идём, пройдемся по Саду.

Мы пошли по дорожке. Учитель мне казался задумчивым. Он говорил:

— Ты должна быть осведомлена о многом раньше, чем сделаешься сознательным членом Нашего братства. Главное, ты должна окрепнуть в сознании, что твоя внешняя жизнь менее реальна, чем внутренняя. Ты должна научиться различать Законы и жить согласно им, а не захватываться случайностями, которые так владеют людьми. Одним словом, отныне ты должна переродиться. Я всё думаю, как помочь тебе скорее и быстрее пройти очищение. Чем укрепить в тебе сознание твоего настоящего *Я* и указать место всему личному и преходящему!

Учитель остановился, положил руку мне на лоб и посмотрел пристально в глаза. Он молчал так несколько минут и потом сказал:

— Когда Я смотрю в твои глаза, то через них Я проникаю в глубину твоего сердца и тем вливаю в тебя новые силы и укрепляю твои духовные центры. Это необходимая помощь. В одиночестве не пройти. Когда мы видим, что сердце горячо ищет и человек борется, чтобы достичь понимания, в нужный для него момент мы всегда приходим на помощь. Но люди мало этим озабочены, и Наша помощь редко достигает сразу их сознания. Чаще это доходит до них в постепенности. Теперь мне надо уйти. Общей молитвы в шесть часов сегодня не будет у меня в Саду. Ты одна в шесть часов помолись у себя. Заметь, что важны *не слова молитвы*, а *та доля времени*, которую ты наполняешь напряжением воли сердца и возносишь свой дух к Единому, как бы стремясь слиться с Ним. И чем глубже и чище это устремление, тем глубже твоё сознание устремляется навстречу Вечному. Иди, брат мой, и прими мир сердцу! Завтра в девять часов утра ты будешь у другого Учителя. Не опаздывай! Каждая секунда, которую Он уделяет тебе, значительна и драгоценна. Умей ценить их.

И Учитель отпустил меня.

7 июля. Утро. 9 часов.

Я вошла в залу Учителя и приветствовала Его глубоким поклоном. Он сидел за столом и указал мне место на стуле возле Него. Учитель сказал:

— Прими положение тела, которое тебе будет всего удобнее.

Он встал и протянул обе руки по направлению ко мне.

— Теперь возьми полное дыхание и удержи его возможно дольше. Так. Теперь медленно выпускай его. Так. Побудь без дыхания. Теперь снова, медленно, набирай воздух. Удержи его в себе сколько можешь и медленно выпускай. Так. Побудь без дыхания сколько можешь, но не напрягайся через силу. Начни всё снова.

Когда я проделала это около пяти раз, Учитель сказал:

— Довольно. Теперь встань. Набери воздух и сделай два шага, а на третьем выпусти его. Следующие два шага пройди без дыхания, а на третьем шаге набери воздух. Потом снова следующие два шага держи воздух, а на третьем шаге выпусти его. Так, так.

Я всё это проделала под управлением Учителя, а потом самостоятельно.

— А теперь сядь, — повелел Учитель. — Зажми правую ноздрю и сделай вдох через левую. Потом зажми левую и выпусти воздух через правую, потом, зажав левую, набери воздух через правую и выпусти левой... так... так...

Когда я проделала это несколько раз, Учитель повелел мне встать и показал, как делать очищающее дыхание. Я, набрав воздуха, медленно поднималась на носки, разводя руками большой круг над головой, потом также медленно опускалась на пятки и опускала вниз руки, выдыхая воздух.

— Вот и всё на сегодня, — сказал Учитель. — Дыхание имеет очень большую силу и значение. И уметь управлять им необходимо. Дыхание — это жизнь не только тела, но и души. Иди с миром! В пять часов приходи обязательно.

И Учитель отпустил меня.

День. 5 часов.

Поднялась по лестнице в залу Учителя. Она мне показалась пустой. Но когда я всмотрелась, то увидела Учителя, стоящего в тени между двумя окнами так, что я не сразу могла Его разглядеть.

— Подойди ко Мне, — сказал Учитель, — и протяни Мне руку.

Я протянула.

— Представь себе, что будет с рукой, если её лишить всех пальцев?

— Она лишится способности брать, держать предметы и ощущать их осязанием.

— Да, так. А теперь представь себе, что ты ослепла.

— Я не смогу ничего видеть, Учитель.

— Итак, если все твои органы чувств будут уничтожены, ты лишишься общения с миром физических форм. Но, кроме этих физических органов чувств, есть ещё психические, при которых можно пользоваться всеми чувствами. Они гораздо тоньше и сильнее, чем физические чувства. Эти психические силы раскрываются в человеке, когда он делается достаточно зрел для этого, когда он не станет злоупотреблять ими для своих личных целей и выгод. Но иногда их рост вызывают насильственно, специальными методами, для своего личного употребления и возвышения. Такое раскрытие их Нами не приветствуется, и часто оно кончается трагически для его обладателя. А теперь подойди ко Мне поближе и скажи, что ты видишь в этом окне?

— Цепь горных вершин, Учитель.

— А теперь взгляни на самую высокую снеговую вершину, что ты видишь на ней?

— Я вижу на ней как бы ярко светящуюся точку. Она подобна белой звезде. И мне кажется, что она движется.

— Нет, ошибаешься, она не движется. Со временем ты увидишь, что означает эта блестящая точка. И иногда ты сможешь к ней приблизиться. А теперь Я поручаю тебя попечениям нашего брата.

И Учитель посмотрел на кого-то, стоящего за моими плечами. Я обернулась. В нескольких шагах от нас стоял юноша восточного типа, очень стройный, с огромными чёрными глазами. Он тоже был в белой одежде братства. Очень чёрные, прямые волосы были откинута со лба назад. Он поклонился, приложив руку ко лбу и сердцу. Учитель что-то сказал ему на непонятном мне языке. Юноша ответил тихо и односложно.

— Теперь иди с ним, — сказал Учитель. — Он будет разъяснять тебе всё, что будет надо. Ко Мне придёшь через два дня на третий.

И Учитель отпустил нас. Мы спускались с лестницы вместе с моим новым другом. Я искоса его рассматривала.

— Ты не должна бояться или стесняться меня, — заговорил он, — я твой ближайший друг. Ты всегда можешь позвать меня, в любой час. Я всегда смогу говорить тебе. Меня зовут Нумен. Но ты можешь меня звать сокращённо: Нуми.

Мы вышли из дома и шли по скалистой тропе. Нуми остановился:

— Ты поручена мне, и я отныне сопутствую тебе всюду.

Он поклонился мне, прижав руку ко лбу и к сердцу. Всё исчезло.

9 июля. Утро.

Не по своей вине, но я опаздывала к Учителю на целый час. Подошла нерешительно к терраске. Учитель сидел там.

— Разрешешь мне войти, Учитель? — робко спросила я.

— Входи. Садись.

Я поклонилась Учителю и села на своё место. Учитель передал мне книгу.

— Раскрой её.

Я раскрыла на странице, где были начертаны какие-то разнообразные знаки в цветной окраске.

— Это звуки, — сказал Учитель. — Каждый звук имеет свой определённый цвет и форму, и даже запах. И это всё построено очень закономерно. Когда человек начнёт правильно видеть, он начнёт в этом разбираться. Сегодня Я не могу уделить тебе больше времени, ты очень поздно пришла. Поэтому не будем сейчас их разбирать. Иди с миром, дитя. И помни чаще о Нас в дне своём. Приходи сегодня в пять часов.

День. 5 часов.

Не доходя до калитки Сада, я встретила Нуми.

— Ты идёшь к Учителю? — спросил он.

— Да.

— Подожди немного. Учитель сейчас занят. Пойдём посидим в Саду.

Мы вошли в Сад и сели на скамеечку возле пруда. Нуми мне говорил:

— Обязательно надо размягчение сердца. Надо не создавать в себе препятствий. Непротивление злу — это прекрасно. Но я бы сказал, что не только злу, но и непротивление своему высшему Я необходимо. Когда это ты поймёшь в совершенстве, тогда всё станет легче для тебя, тогда не будет мелких угрызений совести, раздражения, несдержанности чувств. Тогда ничто в тебе не будет «противиться» высшему Я и будет только одна Его воля в тебе.

Нумен остановился, поглядел пристально вдаль и сказал:

— Ну, теперь кажется пора. Иди к Учителю. Иди к Учителю.

Он заботливо осмотрел меня, снял какой-то волосок с одежды и одёрнул складки. Я усмехнулась его заботливости. Он тоже улыбнулся:

— Как няня, да? Так и надо. Ведь ты мне поручена. Пойми, в этом сейчас моя главная работа.

Я поклонилась ему и пошла к Учителю. На терраске я увидела обоих Учителей. Они о чём-то разговаривали. Я замерла в трепете, не решаясь подняться к Ним.

— Входи, входи! — сказал Учитель в белом. — Я сейчас выйду к тебе.

И Они оба ушли в комнату. Но скоро вышли обратно. Учитель в зелёном был, как всегда, сдержан и величав, Учитель в белом казался бледным и будто опечаленным. Учитель в зелёном, проходя мимо меня, отрывисто произнёс:

— Завтра в девять у Меня. Без опозданий. Нумена видела?

— Он был со мной сейчас здесь, в Саду, — робко ответила я.

Учитель слегка улыбнулся:

— Отлично!

И сказал ещё что-то Учителю на непонятном мне языке. Он сошёл с терраски и скрылся в Саду. Учитель сел в кресло. Положительно, Он был чем-то глубоко взволнован. И мне даже

показалось, что в Его прекрасных очах блеснули слезы. Учитель тихо сказал:

— Да, Я скорблю. И Мы можем плакать. Только Наши слёзы имеют иные причины, чем ваши. И это не Мои слёзы, а скорбь мира.

— Учитель помолчал немного, а потом передал мне книгу.

— Разверни её.

Я её раскрыла на совершенно чистом белом листе, как мне сначала показалось. Потом я заметила посередине листа точку.

— Смотри в эту точку, — сказал Учитель.

Я стала смотреть... И вдруг меня охватила непреодолимая сонливость.

— Учитель, я, кажется, засыпаю... — пробормотала я.

Учитель коснулся меня рукой:

— Не спи! — приказал Он. И повелел закрыть книгу. Сонливость прошла. Но Учитель взял от меня книгу, сказав: — Значит, надо ещё подождать, рано...

Учитель дал мне перо и бумагу и сказал:

— Пиши.

Всем, всем, всем...

О, дети Света! Соедините силы ваши. Не пребывайте разобщёнными, ибо настало время всем нам быть объединёнными. Нельзя теперь сказать: «Этого человека я избираю предпочтительно перед другими». Нет, пришло время сказать: «Идите все и соединяйтесь как можно крепче, так как не только качество ваше ценно, но и количество вас сейчас имеет значение и важность». Запомнить надо знаки Наши: число 7 — решающее и час дня — полдень, переход из восходящего на нисходящее. Имейте мужества броню и будьте собраны в сердцах ваших.

— Всё.

Потом Учитель взял листок, разорвал его на пять частей и бросил в воздух. Они с силой вспыхнули синим светом и исчезли.

Учитель сказал:

— Сильный — тот, кто не обороняется и не защищает себя, но кто имеет мужество отдать себя на защиту других. Обещай Мне, что ты не дрогнешь сердцем и не свернёшь с пути, что бы ни встало перед тобой.

И Учитель пристально посмотрел на меня.

— Я от всего сердца даю это обещание и хочу сдержать его, — ответила я.

— Надо быть ко всему готовой и сознательно встретить всё, *что будет*. Праздные разговоры изгоните совсем. Теперь не время болтовне, когда каждый шаг важен и каждый вздох значителен. Имейте мужества броню! Иди, дитя, с миром!

И Учитель отпустил меня.

10 июля.

Подошла к дому Учителя в зелёном. Взошла в залу. Учитель сидел за столом, велел мне подойти и сесть.

— Знаешь ли ты излучения из рук человека?

— Нет, Учитель.

— Левая рука как бы впитывает в себя прану из мирового резервуара, а правая — излучает прану. Но иногда бывает наоборот, тогда рождаются левши. Очень редко бывает у людей, что обе руки могут одновременно и излучать и получать прану, это даёт очень большую магнетическую силу, и этим владеют в совершенстве посвящённые. Человек живёт физическим телом, а между прочим, совершенно не знаком с ним и не умеет управлять ни своими внутренними органами, ни их функциями. Многие научные теории вследствие этого ошибочны. Вот почему ваши доктора бывают иногда так беспомощны перед некоторыми тайнами заболеваний. Я скажу тебе, например, что каждый орган в человеческом теле есть

нечто живое, это организм, имеющий свою жизнь и сознание. Печень, сердце, селезёнка, желудок, кишки и т. д. — всё это отдельные, живые организмы, все они разнятся друг от друга, но все подчинены одному общему центру — солнечному сплетению и кундалини. И влиять на эти органы надо различно. Так же сеть кровеносных сосудов, лимфатических желёз, это всё целые миры, которых человек не осознаёт в себе и не умеет ими повелевать и пользоваться ими правильно. Человек не понимает значения многих органов в теле. Высшее Я человека — это Свидетель, часто молчаливый и безгласный. Интеллект и чувства принадлежат сознанию, строго говоря, ещё не человека, а «предчеловека». Разум и сердце должны ещё утончиться, развиваться, одним словом, быть способными провести истинно человеческое сознание, сознание, лишённое я, эго. Пока этого ещё нет, высшее Я не может проявиться в человеке. На сегодня это всё. Скажи Нумену, чтобы он дал тебе сегодня более подробные сведения о теле.

И Учитель отпустил меня.

11 июля. Утро.

Мы с Нуменом шли по Саду Учителя, держась за руки. Не доходя до терраски, Нуми оставил меня, сказав:

— Учитель на террасе. Иди.

Учитель, как всегда кроткий и прекрасный, встретил меня ласково. Он усадил меня возле Себя, внимательно оглядел и сказал:

— Не надо тебе так долго оставаться на солнце. Это вредит нервной системе. Я не могу сейчас с тобой заниматься из-за этого. Иди домой, оботрись вся влажной тканью и посиди или полежи в тени. Приходи завтра! Иди с миром.

12 июля. День. 5 часов.

Подошла к терраске. Учитель сошёл мне навстречу и сказал:

— Пройдёмся по Саду.

Мы пошли в ту часть Сада, откуда открывался вид на снеговые горные вершины. Учитель положил руку мне на плечо и как бы вёл меня. Он тихо говорил мне:

— Я рад, что твоё сердце сейчас мирно, и в нём тишина. Тогда оно становится восприимчивее к Свету. Следует тебе запомнить, что самое существенное для тебя — это жизнь духа в тебе. Это самое твоё дорогое и ценное.

Он помолчал немного.

— Заметила ли ты, что последнее время Я с тобой ничем не занимаюсь? Мы решили сейчас отложить занятия, пока ты не окрепнешь. Твои нервы очень напряжены. Ты должна уметь управлять ими. Мне хочется, чтобы ты вся прониклась важностью совершаемого в тебе перерождения. Ты должна научиться жить не в повседневности и не зависеть от тела и его желаний. Конечно, пока ты живёшь в теле, оно должно быть здоровым (хотя ты будешь часто болеть — это последствия твоей кармы). Ты не должна волноваться внешним, исключи всякое раздражение и умей дать мыслям иное направление, когда они полны в тебе смуты. Жизнь духа проста. Но в простоте своей она величественна и раскрывает новые горизонты для мысли и чувств. Иди с миром!

И Учитель отпустил меня.

Вечер. 6 часов.

Я взошла в Сад. По всем дорожкам шли братья. Подошла одна из девушек, которая чаще других бывала возле меня.

— Где ты была? Отчего не молилась с нами?

Она задавала вопрос, потом смотрела мне в глаза и словно в них читала безмолвный ответ. Вообще между нами не было «разговоров». И вопросы и ответы возникали как-то иначе, чем обычно. Я увидела Нуми. Он шёл к нам навстречу.

— Это любимый ученик одного из Учителей, — сказала девушка.

Нумен подошёл к нам и взял меня за руку:

— Пойдём со мной!

Мы пошли с ним в боковую аллею.

— Отчего ты так редко зовёшь меня? Я должен общаться с тобой больше, но без твоего зова я не приду. Жизнь сердца легка, когда оно на правильном пути. И она тягостна, когда теряет своё направление. Наша любовь не требует взаимности, она нечто такое, что вытекает из сердца навстречу всему. Это наше естественное состояние сердца, и мы не прикладываем к этому никакого усилия. Мы, все братья, соединены между собой такой любовью. Пойдём. Сейчас Учитель придёт на молитву.

Мы вернулись на площадку роз, где все братья уже стояли в ожидании Учителя. Точно лёгкий шёпот ветра пронёсся по рядам братьев при виде Нуми, и многие лица повернулись к нему с любовью. Вышел Учитель и произнёс молитву. После молитвы Он позвал к Себе Нумена, отпуская нас всех.

13 июля. Утро. 8 часов.

Учитель шёл со мной по Саду и говорил:

— Запоминай, не учу тебя, а направляю. Тем и ценно Наше участие в вашей жизни, что оно даёт толчки направления, а отнюдь не навязывает свою волю.

Мы шли снова к скамейке, стоящей в зелёной нише против горной цепи. Учитель опустился на неё и сделал мне знак сесть рядом. Верхушки гор золотило утреннее солнце.

— Смотри, сколько простора! Не давай теснить себя ничему мелкому, корыстолюбивому, выбирайся на просторы духа, там нет места ничему неустойчивому и мелкому. Храни сердце в чистоте. Пойдём. Пора на молитву.

Мы пошли обратно. Сад уже наполнялся братьями. Учитель останавливался, заговаривал то с тем, то с другим из них, иногда молча с улыбкой смотрел на проходивших. К Нему подходили, следовали за Ним, а Он шёл, выделяясь среди всех своей осанкой, спокойный, мудрый, величавый.

15 июля.

Взошла в залу к Учителю. Он сидел у стола. Перед Ним стоял кто-то, одетый тоже в зелёное одеяние и в желтоватом тюрбане. Он, наклоняясь к Учителю, слушал, что Тот ему говорил. При моём появлении Учитель сделал ему знак, и с низким поклоном человек удалился.

— Подойди и сядь, — сказал Учитель.

Несколько мгновений длилось молчание, потом Учитель сказал: — Не думай, что очищение сердца это нечто лёгкое и займёт несколько недель или месяцев. Нет, пройдут годы и годы и, может быть, вся твоя жизнь, посвящённая этому усилию очищения. Ты должна запомнить, что никогда, ни при каких обстоятельствах человек не может получить больше того, чего он достоин, то есть сам построил в своём существе возможность понимания. Следовательно, ты должна энергично и бдительно следить за собой, а не полагаться на знание другого, который якобы может тебе передать всю полноту понимания. И ещё: умей в каждодневности разбираться и отделять существенное от несущественного. Всё должно встать на своё место. Ты должна понять глубину закона бытия, по которому всё имеет первопричину и возвращается к ней. И ещё: научись строгой чёткости мысли и очищай себя от всего хаотичного, случайного. Научись также, пребывая в духе, отдавать всё своё устремление Высочайшей Сути. Наполняя свою жизнь разнообразными делами, не придавай им того значения, которое затемняет понимание Цели Жизни твоей и растущего понимания. Так живи.

И Учитель отпустил меня.

День. 5 часов.

Учитель ходил по зале и что-то читал в маленькой книжечке, держа её перед собой. Не

отрывая глаз от книги, Он сказал мне:

— Подойди и иди рядом.

Я тихо шла рядом с Учителем. Вскоре Учитель кончил читать, спрятал книжечку в складках своего платья и подошёл к одному из окон. Здесь Он остановился, облокотясь спиной о каменную раму окна, и, глядя на беспредельность скал, сказал:

— Всё, что совершается сейчас в твоей жизни и будет совершаться, ты должна принять как испытание твоей силы. Помни, что Мы следим за тобой. Ты пока освобождаешься от участия в общей работе братства, но скоро, очень скоро, Мы тебя включим в Нашу цепь. Это будет зависеть от тебя. Ты должна будешь проводить Наши мысли там, где Мы укажем. Есть в мире много людей, чьи сердца уже готовы ко многому, они готовы к восприятию Нашей вести. И тут ты можешь быть полезной. Мы укажем тебе в нужное время, куда тебе следует направить Нашу весть. Каждому, кто вступает в Наше братство, даётся известное испытание, и, если он его успешно выполнит, Мы поручаем ему работу в той области, в которой он может быть Нам всего полезнее. От тебя зависит многое. Среди внешних дел не забывай о жизни сердца и этой жизни внутренней подчини и всё внешнее. Прими благословение всего братства! И пребудь в мире и в духе.

Придётся ко Мне через два дня.

И Учитель отпустил меня.

16 июля.

Взошла в беседку к Учителю. Он сидел за столом. Я села на обычное место и спросила:

— Учитель, как мне распознать во всём волю Бога, чтобы мне не творить случайного, а творить волю Его?

Учитель казался погружённым в глубокую задумчивость... Потом тихо сказал:

— Тот, кто ищет Истину, идёт тернистой тропой. И нет ему улады ни в чём внешнем. Он не ищет для себя и не выбирает, что ему лучше, а принимает то, что существенно и то, что не идёт вразрез с его внутренним голосом. Творить волю Бога, значит принимать *всё* благостно и радостно приветствовать всякие трудности на пути, ничем не возмущаться и не замутнять внутреннего ока. Соблюдай во всём гармонию. И тишину сердца возвращай не на себялюбии, а на большой отрешённости, отходя от своих личных выгод и интересов. Каждый сам должен проложить себе пути и добиться понимания. Этому научить нельзя.

Учитель встал и, благословив, отпустил меня.

17 июля не могла быть в Саду у Учителя.

18 июля. Утро.

Я вошла в залу Учителя. Он стоял около окна и повелел мне приблизиться.

— Слушай и запоминай: назначение каждого человека твёрдо знать, что он есть сущность преходящая и видоизменяющаяся, как и всё в мире. Стойкими и мужественными Мы называем тех, которые твёрды и устойчивы в своих исканиях духа. Не пройти, если сердце человека полно колебаний и сомнения. Выражая себя как личность, человек не осуществляет в себе вечности. Он цепляется за всё видимое, так как «потустороннее» пугает его своей загадочностью. Но загадки нет, есть только один закон, по которому Суть всего неизменна, а форма преходяща. Если бы человек имел «глаза в вечном», он многое начал бы строить иначе в своей внешней жизни и во внутренней. Нельзя дожидаться каких-то благоприятных моментов для жизни искателя духа. Каждый момент благоприятен для человека сильной воли и решимости. Не снижайте себя, а ищите возвысить уровень ваших знаний в духе. Помните о вечном и умеете правильно воспринимать мир видимых форм. Это всё. Подумай над всем этим в тишине сердца. Иди с миром и приходи в пять часов.

День. 5 часов.

Взошла в залу. Учитель сидел за столом.

— Подойди и сядь, — сказал Он. — Сегодня Я тебе скажу несколько слов о значении чувств. Ты должна научиться повелевать своими чувствами. Обычно люди живут окружённые, как облаком, мраком своих чувств. Их мир чувств очень ограничен, нечист и часто хаотичен. Ты должна научиться владеть своими чувствами, а не давать им повелевать собой. Для этого ты не должна отождествляться с ними, а научись смотреть на них со стороны, как бы присутствовать при их возникновении и овладевать ими в зачаточном состоянии. Например, когда чувство гнева уже разрослось до аффекта, то поздно уже повелевать им, оно повлечёт тебя за собой.

Учитель встал.

— Пройдёмся по зале.

Мы тихо ходили кругом залы, и Учитель говорил мне:

— Разберём какое-нибудь чувство. Например, личную любовь. Как сильно человек бывает уловлен ею! Как трудно ему бывает освободиться из её власти. Ослеплённый ею, как много творит он безумств и ошибок. Надо уметь разбираться в своих страстных желаниях. Никогда не отождествляй *себя* со своим телом, со своими мыслями и чувствами. Научись стоять в стороне от своих желаний. Научись в совершенстве владеть собой. Это первое, что тебе необходимо. Учитель, в Саду которого ты бываешь, мне говорил о тебе с большой верой. И Я верю в тебя.

Учитель вдруг остановился и посмотрел на меня. И в эту секунду я чётко увидела Его светлые, прозрачные глаза на смуглом лице, чёрные ресницы и брови. Всё Его лицо необычайно. Мало сказать, что лица Учителей прекрасны. Я теперь ясно вижу Их лица. И несмотря на то что по чертам лица Они так различны, Они имеют что-то общее — это величие, благородство духа, внутренняя гармония, простота и любовь. Такая любовь, которую мы, простые смертные, ещё не знаем и не постигаем. Учитель отпустил меня после своих последних слов.

И я, уходя, унесла в себе прилив новых сил.

19 июля. День был пропущен по не зависящим от меня обстоятельствам.

20 июля.

Голос во мне сказал: «Учитель хочет видеть тебя». И я пошла, хотя час был неурочный. Я шла в Саду вместе с Нуми. Учитель шёл нам навстречу. На голове у Него был намотан лёгкий белый шёлк. Учитель как бы собирался выходить. Приблизясь к Учителю, мы остановились. Учитель сказал:

— Я призвал тебя, чтобы ты не тосковала о нарушенных часах наших встреч с тобой. Сейчас это не так существенно, так как за тобой Мы все следим. Ты уже «Наша». Главное — живи в вечном и будь в духе. Мы всё знаем о тебе и о том, что происходит сейчас в твоей жизни.

Я, изнемогая от тоски, склонилась, рыдая, у ног Учителя. Он простёр надо мной руки, словно в молитве, и громко произнёс:

— Да будет благословенно Имя Твоё в веках, даровавший нам Свет и Жизнь. — Потом обратился ко мне своё нежное лицо и сказал: — Встань! Слёзы твои пройдут... Всё пройдёт... Но останется Дух вечно живой и чистый. Живи, памятуя о Совершенном. Не поддавайся ничему личному, минутному. Тебе требуется сейчас всё твёрдо продумать и решить. Какой путь земной избрать — не так существенно, как существенно жить устремлённо, в духе, ни на секунду не отдаляясь от вечной Цели. Иди с миром, дитя, и пребудь в духе. Нуми, не покидай её сейчас.

И Учитель удалился, спокойный, величественный, полный красоты и гармонии.

День. 5 часов.

Я пришла немного раньше. Нуми был со мной и сказал, что Учителя ещё нет дома. Мы только что сели около площадки роз в ожидании Учителя, как Он показался на дорожке. Он

шёл по направлению к дому и позвал меня с собой. На террасе Учитель оставил меня и вошёл в комнату. Вскоре Он вышел оттуда, сняв с головы тюрбан, в руках нёс книгу. Учитель передал её мне, сел в кресло и сказал:

— Попробуй развернуть книгу, посмотрим, что ты увидишь?

Я развернула книгу и увидела на фоне белой страницы три розовых пузыря. Я сказала Учителю. Он улыбнулся.

— Это не пузыри, это миры. Смотри дальше.

Но дальше я ничего не видела. Мне было трудно и тяжело смотреть. Я сказала Учителю.

— Закрой книгу. Это три красных кровяных шарика. Я хотел показать тебе их движение и провести аналогию между ними и мировыми глобусами. Всё создано по единому принципу. Но сегодня мы не будем говорить об этом и закончим. Подожди, Я дам тебе принять лекарство.

Учитель пошёл в комнату и вернулся оттуда, держа в руке, на крохотной лопаточке, какой-то белый порошок:

— Прими этот порошок, он укрепит тебя.

И когда я его приняла, Учитель добавил с ободряющей улыбкой:

— Больше смелости, больше внутренней решимости. Тот, кто избрал «Путь», уже не принадлежит себе. Надо приучать себя к мысли, что ты уже не та, которой была раньше. И надо создать для этой «новой» новую форму существования и новое окружение. Завтра в девять часов утра приходи к Учителю в горах, обязательно. Иди с миром! Будь бодра и спокойна в глубине своего сердца.

И Учитель отпустил меня.

21 июля. Утро. 9 часов.

По дороге к дому Учителя меня встретил Нуми. Он остановил меня и сказал:

— Раньше чем ты пойдёшь к Учителю, подумай ясно, куда ты идёшь и Кто будет говорить с тобой. Следует отдать себе отчёт во всей важности этих мгновений, чтобы не относиться к этому легкомысленно.

У дверей дома Учителя Нуми покинул меня. Я поднялась в залу, Учитель сидел за столом. Я приветствовала Его глубоким поклоном.

— Подойди и сядь.

Я села.

— Скажи Мне, что ты предпринимаешь для очищения сердца?

— Мне кажется, что я делаю ещё очень мало.

— Напрасно! Тебе даются ясные директивы. Ты должна чётко выполнять их. Кроме того, часы, назначенные для молитвы, должны быть строго соблюдаемы тобой. Это приучает к точности и развивает волю. Надо уметь находить нужное время и не забывать об этом. Всё, что тебе указывается Нами, должно быть строго выполняемо. Свидания с Нами должны быть для тебя реальнее, чем жизнь повседневности. Ты должна научиться жить в этом состоянии совершенно легко и просто. Пойдём.

Учитель встал, и я последовала за Ним.

Мы спустились в нижний этаж, где Учитель открыл какую-то дверь, спустились по ступеням немного вниз и вошли в большую ярко освещённую комнату, где в полной тишине за большим столом сидели братья в белых одеждах за какой-то работой. Некоторые сидели отдельно за маленькими столиками. На столах стояли разные приборы из металла и стекла, над которыми, склоняясь, братья делали какие-то опыты. Другие склонялись над чертежами или книгами, некоторые что-то писали. Никто не пошевелился и не поднял головы при нашем приходе. Учитель тихо говорил мне, стоя со мной возле лестницы, по которой мы спустились в комнату:

— Они не замечают нашего присутствия. Их работа в духе, хотя и кажется тебе как бы на физическом плане. Ты можешь их видеть. Но они как бы отсутствуют. Они все

выполняют одну общую работу, но каждый ведёт своё самостоятельное дело. Смотри и поучайся, как надо работать в коллективе. Каждый из них в совершенстве выполняет свою часть работы, всё время имея в виду общее, целое. Некоторые приходят работать в астральных телах, другие только в ментальных. Здесь никого нет в физическом теле. Для этого существуют иные возможности. Идём отсюда.

Мы опять поднялись в залу. Учитель подошёл к столу. Смотри пристально на меня, Он достал из стола какую-то вещицу и сказал:

— Протяни Мне правую руку.

Я протянула. Учитель надел мне на безымянный палец кольцо, сказав:

— Это кольцо ты будешь носить, не снимая, до самой смерти. Это кольцо имеет множество свойств, которые ты будешь узнавать в постепенности. Однажды ты его получишь и на физическом плане.

Я смотрела на кольцо. Оно было как бы сплетено из двух полосок серебра и золота, причём на них было что-то написано. Посередине полоски причудливо изгибались в рисунок, который я не могла разглядеть. Учитель говорил:

— Когда ты достаточно окрепнешь, тогда ты сможешь прочесть то, что написано на кольце, и тогда ты увидишь, какой рисунок составлен посередине кольца. Но это будет не раньше, чем ты совершенно очистишься сердцем. Теперь иди с миром!

И Учитель отпустил меня.

День. 5 часов.

Нумен ждал меня на скалах. Он мне показался огорчённым.

— Отчего ты запаздываешь? Как можешь ты запаздывать? — говорил он. — Учитель ждёт тебя уже целую минуту!

Я вошла в залу. Учитель сидел за столом. Его глаза, устремлённые на меня, почему-то смеялись, но я не знала, почему. Учитель сделал мне знак приблизиться и сесть.

— Что ты знаешь о связи Учителя с учеником?

— Мне кажется, что я ничего об этом не знаю, Учитель.

— Ты думаешь, что видишь Нас впервые? А Мы тебя знаем очень-очень давно, через многие твои воплощения и изменения формы. Вот почему твои поступки, как личности, Нас мало трогают и волнуют. Мы видим дальше, и Мы знаем больше. Тем, кто много имеет, — умножится, а у тех, кто мало имеет, — отнимется. Как это понимать? Ты знаешь?

— Я хотела бы знать, Учитель.

Это означает, что тот, кто сумел приблизиться и внутренне наполниться, — тому даётся помощь Наша и этим увеличатся силы его. Но кто вял внутренне и не склонен к работе внутренней, поглощён только внешними переживаниями, от того отнимутся и те творческие силы, которые он мог бы, но не захотел использовать. Встань! Пройдёмся по зале.

Мы тихо прохаживались вокруг залы, и Учитель говорил:

— Я не хочу давать тебе указаний для внешней жизни, но Я укажу тебе только общее направление. Ты должна сама строить свою жизнь. Ты должна сама найти в себе всё нужное для духовного роста и укрепить это в себе. Очень важно иметь чёткую, ясную линию в себе, не впадая в узость морали и всяческих несоответствий нашему широкому взгляду на жизнь. Ты должна быть гибка и чётко уметь разбираться в условиях своей жизни, чтобы жизнь ума и сердца соответствовала твоей всей жизни, твоим поступкам.

— Учитель, как мне распознавать волю Бога и творить её?

— Воля Бога вложена во всё. Жить, принимая все жизненные явления, как знаки проявления воли Бога, это есть простейшая ступень понимания воли Бога. Ты должна, если хочешь следовать воле Бога, быть довольной всем посылаемым тебе, не впадать в отчаяние ни от чего и быть готовой в каждое мгновение расстаться со всеми, кого ты любишь, со всем, чем ты призрачно владеешь. Но и это ещё не значит творить волю Его. Истинно творить волю Его может лишь тот, кто прозрел и полно и гармонично слит с Жизнью, которая во всех Едина. Но об этом ты после ещё узнаешь.

Учитель остановился и позвал:

— Нумен!

Нуми появился в дверях.

— Объясняй ей всё. Говори с ней, не покидай и охраняй! Ты знаешь её.

И Учитель отпустил нас.

22 июля. Утро.

Я шла к Учителю по Его цветущему Саду. Я нагнала Его, окружённого несколькими юными братьями. Все они шли по направлению к домику Учителя и о чём-то оживлённо говорили. Вдруг Учитель остановился и громко сказал:

— Нет, нет. Я не даю никаких указаний, действуйте сами.

Все поклонились Учителю и отошли. Я следовала за Учителем в небольшом отдалении. На терраску я вступила следом за Ним. Сев в кресло, Учитель указал мне на скамеечку рядом и, дав перо и бумагу, повелел писать:

Всем, всем, всем!

Научитесь жить в Радости, ибо Радостью создан мир. В вашем окружении не всё радостно, но от вас зависит всё превратить в Радость. Я говорю о Радости Духа, которая не живёт во мраке. Не предавайтесь унынию, не омрачайте чувств. Любопытно, что вы, «стремящиеся к радости», часто носите в себе мрак и уныние. Не лучше ли жить в Радости, отдавая себя Лучу Света, и в Его немеркнущем Свете видеть всё? Я говорю о Радости, рождённой в глубинах сердца. Как достичь такой Радости, будучи беспечным, неестественным, угрюмо напряжённым? Носите в себе мысль, что источник всего — Радость. И что вы имеете внутри себя эту Радость, равной которой нет в мире. Ищите утвердиться в этой мысли, и вы увидите, как уврачуется ваше сердце и вольются в него свет, мир и покой... Храните сердца чистыми! Это значит, не улавливайтесь никакими реакциями, не предавайтесь злоязычию, сплетням, пересудам. Научитесь мыслить кратко, сжато; пусть ваши разговоры не напоминают бесконечной нити ненужного разглагольствования, которая опутывает как паутина всех слушающих вас, но пусть мудро и просто ваша речь отвечает на насущные потребности сердца. Храните сердца чистыми! Это значит, не омрачайтесь и не впадайте в безразличие по отношению к внешнему миру, но, пребывая в себе светлыми, помните: всё одно. И вы не сможете устоять в одиночестве, не будучи связаны с Целым.

— Это всё.

Учитель взял у меня бумагу, разорвал её на мелкие части и бросил в воздух. Они вспыхнули ярким светом и исчезли.

— Иди с миром, брат! И приходи в пять часов.

День. 5 часов.

Учитель был в беседке. Он длинными садовыми ножницами обрезал листья винограда, густо разросшиеся и мешающие сидеть на скамейке. Скоро Учитель закончил подрезку листьев и сказал:

— Пойдём на терраску.

По моей просьбе Учитель дал мне нести ножницы. Мы шли рядом.

— Учитель, могу я спросить Тебя?

— Спрашивай.

— Правильно ли я поступаю, что посвящаю некоторых в то, что я имею этот дар видеть Вас и возможность бывать подле Вас и так чудесно получать Вашу помощь?

— В этом должна разбираться ты сама. Достаточно ли они подготовлены, чтобы правильно принять твоё сообщение? Не надо делать из этого достояние масс, так как это

может возбудить у неподготовленных сердец дурные чувства, например, любопытство, зависть и прочее и прочее. Но посвятить в это некоторых людей, которые правильно воспримут это, Я считаю не только правильным и полезным, но даже необходимым.

Учитель помолчал и добавил:

— Только ты не должна позволять окружать себя никаким ореолом таинственности и избранничества, как бы заманчиво это ни представлялось тебе и другим. Относитесь к этому *просто* и по возможности внуши такое же отношение к этому и тем, кому ты сделаешь признание в этом. Следует направлять свои мысли на глубину, а не на видимость фактов. Ещё скажу, что к каждому Мы приходим в нужный ему момент в том или ином виде. Умейте видеть Нас! Умейте слышать Нас!

Мы подошли к терраске. Учитель показал, куда поставить ножницы, и прошёл в комнату; скоро Он вышел и сел на своё обычное место.

— Сядь около Меня, дитя. Мне хочется спросить тебя... Почему ты больше не бываешь по утрам на общих молитвах?

Я молчала, опустив голову.

— Я знаю, теперь по утрам ты бываешь занята хозяйством и заботами о близких. У тебя «нет времени»... Но так ли это? Разве ты не можешь отложить эти утренние важные заботы для других дел, более важных?

Учитель смотрел на меня с мягкой улыбкой.

— Необходимо быть целеустремлённой и чётко выполнять все Наши задания. Помни, что «искушения» не живут где-то вне тебя — они все находятся в тебе. И в тот миг, как в тебе исчезнет всякая способность «искушаться», ничто извне не сможет искушить тебя. Иди с миром! И Я хотел бы, чтобы сегодня ты была в шесть часов на молитве.

23 июля записано не было.

24 июля. Утро.

Взошла в залу к Учителю. Он указал мне на стул возле себя. Учитель сказал:

— Я дам тебе сегодня три правила. Запоминай: первое, соблюдай законы данные миру; второе, умей всюду находить гармонию; третье, никогда не будь личной. Эти три правила подразделяются на следующие: первое, все законы мира можно выразить одним словом — Единство. И потому помни: всё Едино. И не разобщайся и не отвращайся ни от чего. Законы, данные миру, непоколебимы. И они повелевают тобой, пока ты их не осознаешь. Когда же ты их осознаешь *в себе*, а через себя и во всём мире, тогда они придут тебе на помощь. Все законы мира — благие, и лишь затемнённое сознание человека не видит их блага. Второе, ищи гармонии во всём, ибо это один из законов, данных миру, пребывать в гармоничности единства. Завершение человека в духовном просветлении есть высочайшая гармония. Всякая дисгармония ведёт к хаосу, к страданию и отделяет человека от совершенства. Ищите в себе гармонию! Понятие о гармонии вырастает вместе с раскрытием углублённого понимания в человеке. И потому раскрывайте в себе понимание. Третье, не быть личным, то есть не думать о мире со своей личной точки зрения. Старайтесь воспринимать мир как целое. Не будьте мелкими и обособленными в своём эгоизме. Понимайте Целое — то, что составляет основу всего человечества. Общее благо — твоё благо и благо отдельной души есть достояние всех. На сегодня это всё. Иди с миром и пребывай в благе.

И Учитель отпустил меня.

День. 5 часов.

Я поднялась в залу Учителя. Когда я села на своё обычное место, Учитель встал, подвинул мне бумагу и перо и сказал:

— Пиши то, что Я тебе продиктую.

Учитель ходил вдоль длинного стола и диктовал мне:

— Запоминай.

Во все века всем людям присуще искание в себе Бога. Им были даны указания и времена, когда они могли получать наиболее яркие просветления. Им были даны руководства, знаки, вехи, указывающие направления на путях их. Всего не исчислить, что было дано в помощь человечеству! Но оно медленно, слишком медленно просыпалось. Теперь дано иное. Теперь Мы возжигаем очаги Света в сердцах людей, тех, кто может, воспламенившись, стать факелом в ночи. И Мы бросаем эти живые факелы в мир, налитые субстанцией Наших мыслей и чувств. Они должны воспламенять собой сердца спящих. Знание Высших тайн — это знание прежде всего самого себя. Трудно проникнуть человеку в тайник его собственного сердца. Всё отвлекает его, во всём он видит себе преграды. Он хватается за пустое и несущественное, принимая обманчивые огни майи за истинный Свет. Мы воздвигли по всей земле памятники Наших мыслей, в которых до сих пор заключена «Тайна», неразгаданная человечеством. Но теперь Мы не делаем тайн из многого. Мы не говорим о чудесах, но о знании. Нам не надо поклонения, признания, почитания. Наша миссия среди людей гораздо глубже и значительнее, чем это могут понять сейчас люди. Мы твёрдо руководим человечеством в его опасном пути, полном столкновений, кровопролитий и ужаса. Мы незыблемы, как маяк на гранитном утёсе среди бушующих волн океана.

Приближаются тяжкие времена для человечества. Имеет большое значение сейчас каждое сердце, рвущееся к Свету. Нам нужно сейчас много «искр Света» в мире, чтобы они светили среди того мрака и бедствий, которые зальют сейчас мир, уже готовы залить его.

— На этом Я заканчиваю.

Учитель сел и сказал:

— Вот почему Мы приблизили тебя, так как ты способна стать такой «искрой» и воспламенить многих. Иди с миром! Готовь себя к великому служению миру своим существом, всей своей устремлённостью. Мы ведём тебя.

И Учитель отпустил меня, благословив.

25 июля.

Пришла в Сад к Учителю гораздо позднее, чем обычно. Учитель ласково встретил меня, но сказал:

— Ты пришла в неурочное время, слишком поздно! Я уже не могу сейчас дать тебе много времени. Я уже занят другим...

— Я знаю, Учитель. Прости, прости меня! Когда я делаю свои маленькие насущные дела каждого утра, я знаю, что Ты ждёшь меня, что я совершаю преступление, но я не могу всё отшвырнуть и найти возможность уединения, не возбуждая вопросов и любопытства тех, кто живёт со мной, но не знает моей внутренней жизни. Ты ведь знаешь, что я теперь не одна... Прости меня!

— Я всё это понимаю и принимаю. Но ты должна знать, что то высочайшее благо, которое тебе сейчас дано, должно быть и принято тобой с должным чувством. Ничто, дитя, не имеет цены рядом с этим. То, что ты получаешь сейчас, — это очень редкостный дар. Говорю это не для твоей гордости, но чтобы ты знала всю силу получаемого и ценила это и хранила свято в глубине сердца. Иди с миром! Нуми скажет тебе сегодня слово.

И Учитель отпустил меня.

27 июля. Утро.

Поднялась в залу Учителя. Учитель стоял возле одного из узких окон и читал, держа в руке крохотную книжечку. Увидя меня, Он сказал:

— Сядь к столу. Я сейчас кончу.

Через некоторое время Учитель подошёл ко мне, молча собрал со стола несколько книг и, сказав «следуй», пошёл из залы.

Мы спустились вниз. Учитель открыл дверь в круглую комнату со шкафами, где мы уже были один раз. Осветив комнату, Учитель подошёл к одному из шкафов, поставил туда принесённые Им книги, потом выбрал другие и закрыл шкаф.

— Сядь за стол, — сказал Он и развернул на столе как бы карту звёздного неба. Учитель говорил:

— Нет в мире ничего обособленного. Мироздание есть выражение всей Жизни. Звёзды слиты со всей жизнью Земли так же, как отдалённые страны слиты на земле друг с другом и составляют одно целое земли. Всё бесконечно проникает друг друга, всё в движении, но всё, решительно всё в своей основе одно. Это первый великий закон. Всё мироздание построено по единому принципу, из единого материала. Посредством немногих основных законов получилось всё разнообразие форм и выражений жизни. Человечество приближается к такому периоду, когда ему пора начать признавать себя гражданами не одной какой-либо страны, а гражданами всего земного шара. А отсюда будет переход к гражданам всей вселенной, всего мироздания. Но это будет ещё нескоро. Отсюда родятся широта мысли и взлёт духа. Человек научается отрывать от своих курятников и строить жизнь во имя всего человечества, всего мироздания. Всё, чем человечество сейчас гордится, это всё ещё только обширная детская, где дети строят дома из кубиков, принимая их всерьёз. Есть мысли, которые должны прозвучать сейчас твердо и властно. И они уже раздаются кое-где. Но масса ещё ими не захвачена. Это дело нескольких будущих столетий. Сейчас жизнь людей будет бурно перестраиваться. Взгляни на карту. Видишь все эти глобусы, линии, точки, меридианы и субрадиусы? По этим воображаемым линиям движутся миры. Никто не знает закона их направления, но одно ясно, что все тела движутся по извечному плану и в полной закономерности. В мироздании нет законченности. Развитие не останавливается ни на секунду, но в этом развитии есть множество изменений, разрушений, превращений. Пойми как можно лучше, что каждый человек есть существо сложное и, как всё сущее, он состоит из множества частей, имеющих, в свою очередь, самостоятельную жизнь. Но все они подвластны, координированы с Общим, с Целым, с высшим *Я* в человеке. И нет в мире горшей участи, чем мнить себя обособленным от чего бы то ни было. Жизнь новых людей будет строиться, принимая в расчёт всё, даже свет самой дальней звезды. И тогда человек научится находить истинное единство и познает своё истинное назначение и своё место на земном шаре. В этом скрыто зерно новой жизни человечества, когда оно будет называть себя гражданами всей вселенной.

Учитель скатал карту, спрятал её в шкаф и сказал:

— Пойдём!

Мы снова поднялись в залу. Учитель сказал:

— Я тебе ещё раз советую быть твёрже в своём устремлении. Не поддавайся мелочам. Помни, что жизнь твоя строится по закону всего мироздания и что жизнь в тебе принадлежит всему миру. И потому не огораживай её заборчиками личного существования. Иди с миром! На сегодня это всё.

И Учитель отпустил меня.

День. 5 часов.

Я пришла к Учителю. Он был в зале. Он повелел мне записать Его слова:

— Пока ты ещё не окрепла, Мы даём тебе следующие указания.

Никогда не спеши. Если чувствуешь, что не можешь всего выполнить, делай то, что можешь. Но никогда не делай два-три дела зараз. Старайся делать всякое дело изо всех сил, не помышляя ни о чём другом. Очень важна устремлённость чувств в одном направлении. Усидчивость помогает концентрировать силы на одном деле, не рассеиваясь и не приходя в раздражение и нетерпение. А устремлённость чувств

удерживает силу в одном фокусе.

Ты должна ещё усвоить, что для Нас ты не личность, а дух вечный, к которому обращены Наши взоры. Твоя форма, или, вернее, твои скорлупы, они в периоде развития и должны быть в кратчайший срок изменены так, как Мы находим для тебя нужным и полезным, без ущерба для твоего здоровья и жизни. Лучшая форма служения Нам та, которую ты себе представляешь наилучшей и наивысочайшей для себя. Но формы служения Нам чрезвычайно обширны и разнообразны в противоположностях. Приложи усилие сердца к Нашим указаниям. Больше твёрдости и сознания важности того, что ты получаешь.

Духовная связь рождается вне времени и пространства, и тогда, в мире форм, она является как неодолимое влечение и являет собой очаг силы любви. И проявляется на земле в условиях исключительной красоты и силы духовного единения. Такие случаи — редкостные явления на земле, вскоре в мире будет большая рождаемость душ, близких друг к другу, и на духовном плане это поможет человечеству в его высоких стремлениях. Имеет значение каждый отдельный очаг Света, каждое духовное осознанное начало. Именно оно есть Наш провод Света. Ещё скажу несколько слов о дружбе и о внутреннем достоинстве. Дружба — это не есть близость, основанная только на общности интересов. Дружба — это нечто гораздо большее, где доверие друг к другу сочетается с глубоким пониманием. Основные законы дружбы: полная солидарность с внутренним исканием друг друга. Дружба не состоит в сентиментальных уверениях в любви, а это есть готовность воспринять жизнь друга как свою собственную. Здесь важно не оказание помощи друг другу, даже не доверие (хотя это тоже необходимо), но важно глубокое понимание сути друг друга, которая Едина.

Внутреннее достоинство создаётся непоколебимой уверенностью в чистоте, в святости своего глубинного Я, подчинение себя Ему во всём, всецело. Имея в себе такое подчинение, человек никогда не может предаться пошлости ни в какой степени, ни при каких случаях — она просто станет для него невозможной.

И ещё скажу несколько слов о благом служении и о радости сердца. Благом служение — это когда вся жизнь человека как бы протекает в сплошной молитве к Богу, когда всё, что встречается в дне его, человек воспринимает как благо. Человек весь перерождается, его эгоизм исчезает, всё его устремление — к Богу. Вся жизнь такого человека — песнопение души, посвящённой Богу. И это раскрывает в сердце такие глубины и такие возможности, перед чем все обычные желания счастья кажутся ребячеством. Жить в таком просветлённом состоянии и есть радость сердца.

— Всё, что ты сейчас записала, ты дашь тем людям, которым это будет дорого и нужно. Ибо каждому Я дам, кто придёт ко Мне с раскрытым сердцем, и он получит весть Мою в разнообразных случаях своей жизни.

Помни: не вы для Нас, а Мы для вас. И все величайшие люди были только слугами человечества. Поэтому никогда не ищи горделиво выделиться и обратить на себя чьё-то благосклонное внимание, а будь скромно рада, что и через тебя даётся в мир радость. Невидимые помощники мира, вернее безвестные, гораздо ценнее, чем те, которые знамениты. Именно от «невидимых» идёт в мир сила, благословение и вдохновение. Дыхание каждого дня насыщено их великой Славой, Силой и Любовью.

Это всё. Мир озарений — это мир реальности. Это не мир грёз — это действительность. Твёрже стой и будь устремлённей. Иди и через два дня придёшь снова. Будь в мире и будь в духе.

26 июля.

Я вошла в Сад вместе с Нуми. Мы шли по дорожкам, и мне было очень радостно, что я снова в Саду Учителя. Нуми сказал:

— Учитель сейчас занят. Подождём и посидим здесь у пруда.

Не успели мы сесть, как Нуми сказал:

— Учитель зовёт меня, — и ушёл.

Вскоре он вернулся.

— Учитель просит передать тебе, что сегодня Он не может принять тебя, но чтобы ты не огорчалась этим. Завтра обязательно приходи к другому Учителю. Посидим здесь, я скажу тебе Слово.

Мы сели на скамью возле пруда, и Нуми сказал:

— Когда человек получает помощь Учителя или Слово Его, он не должен терять связи с Ним весь день. В каждое мгновение он должен чувствовать себя в Его окружении, в Его незримом наблюдении. Ты слишком часто отдаляешься от Учителя и позволяешь себе увлечься вибрациями слишком тяжёлыми, чтобы влияние Учителя могло достичь тебя. Нельзя так. Надо уметь, находясь всюду, сохранить собранность чувств. Всякое колебание, всякая неустойчивость излишни теперь. Надо жить в вечном, то есть не снижать себя временным и случайным, а помнить, что истинная жизнь имеет иные корни и истоки её не здесь, во внешнем, а гораздо дальше, гораздо глубже. Прошу тебя, соберись с силами и не растрачивай зря энергии. Мы все стараемся защитить тебя от колебаний, могущих повредить твоему духовному росту, но в известных пределах. Наша помощь тогда эффективна, когда ты сама идёшь ей навстречу.

На этом Нуми закончил. И мы расстались.

27 июля было пропущено.

28 июля.

Я вошла в беседку к Учителю. Он был не один. Около Него сидела девушка в белой одежде братства.

— Входи! — сказал Учитель. — Поздоровайтесь друг с другом. Это душа тебе близкая, Астра. Её зовут Анита. Встаньте, возьмитесь за руки и взгляните в глаза друг другу. Может, вы вспомните свои прошлые встречи?

Девушка была довольно высокого роста. Свежий цвет лица и большие серые глаза делали её очень привлекательной. Гладкие русые волосы были откинuty назад и острижены. Её глаза смотрели ласково и доверчиво. Я охотно и доброжелательно смотрела на неё, но ничего не могла вспомнить. Но глаза Аниты вдруг наполнились слезами, и она горячо обняла меня, воскликнув:

— О, Учитель! Я помню, помню её! Это действительно близкая мне душа, которую я всегда любила.

Но моё сердце не дрогнуло, не зажглось в ответ её воспоминанию, не знаю почему.

— Сядьте, — мягко сказал Учитель, — и скажите, кто из вас ощущает своё старшинство? Я не о годах спрашиваю.

Анита живо ответила:

— Я чувствую, что Астра старше меня. Она более подвинута, чем я.

— Вот книга, — сказал Учитель, подавая её мне. — Раскрой её на дереве Жизни и пусть Анита смотрит и скажет Мне, что она видит.

— Я вижу, Учитель, цветы на дереве. Они растут на моих глазах и исчезают. Я вижу их световые излучения, которые также разнообразны и так же преходящи, как цветы. А также я вижу, как чудесно переливается всё дерево светом.

— Так, — сказал Учитель. — Теперь пусть Астра смотрит.

— Я вижу как бы светящегося змия, Учитель, который обвил всё дерево, начиная с корня... Но это не змий, это спираль, которая вертится со страшной быстротой и излучает вокруг себя сияние.

— Да, это так, — сказал Учитель. — Закрой книгу. Я вам скажу несколько слов о спирали. «Спираль мира» это есть воображаемая спираль, по которой всё движется в мироздании. Этим знаком Мы обозначаем обычно всё, что имеет движение, стремление

вверх, экстаз. Наивысшая напряжённость, завихрённость спирали родит искру — очаг Света, который, в свою очередь, распространяет спирали Света. Это довольно сложно вам сейчас объяснить, но главная основа всего мироздания лежит в этой взвихрённости. Отсюда большое почитание змей. У древних змея была эмблемой спирали и мудрости. На этом Я вас отпускаю. Идите с миром. Отныне вы будете изредка встречаться у Меня друг с другом.

И Учитель отпустил нас.

День. 5 часов.

Шла по Саду с Нуми. Я хорошо его рассмотрела. У него необычайно большие глаза на сравнительно маленьком лице. Очень тонкая, почти бестелесная фигура. И весь он похож на стебель какого-то растения, который венчается цветами его глаз. Около террасы Нуми покинул меня. Учитель сошёл ко мне и сказал, что мы пройдемся по Саду. Мы пошли по тропинке в сторону снеговых гор. Подошли к скамеечке в нише, и Учитель сел на неё, а я осталась стоять возле Него.

— Мне надо сказать тебе, что, когда человек начинает внимательно относиться ко всему, что он делает, это имеет большое значение. Человек затрачивает очень много энергии на бессознательные, пустые действия. Чем человек сознательнее, чем больше он вкладывает творческих сил в своё сознание, тем способнее он творчески пересоздать каждое своё действие. В том-то и дело, что люди часто действуют бессознательно и это вносит в их жизнь беспорядочность, суету, неряшество и много других более серьезных недостатков. Всё, что ты встречаешь в дне своём, надо встречать сознательно. Более яркое впечатление от всего, более интенсивные мысли и восприятия будут следствием сознания. Надо научиться быть заинтересованным в том, что делаешь. Всё, что человек делает с любовью или во имя любви, он делает лучше. Что такое неряшество, как не отсутствие любви и вкуса к тому, что делается. Нет разницы, будет ли вещь большая или маленькая, касается ли она многих людей или одного, имеет ли она мировое значение или нет, всё, решительно всё должно быть сознательно, точно, ясно, красиво, гармонично, аккуратно. Не впадайте в отчаяние от ваших недостатков, но боритесь с ними тем, что будьте внимательны ко всему, что вы делаете, чувствуете, думаете. Это очень существенно, так как человек должен быть настроен как чудесная скрипка и всё в нём должно быть гармонично и привлекательно, каждая мелочь должна быть воспринята с внутренней серьёзностью. Нельзя изолироваться от общества людей. Помните, что все вы продукты мирового содружества. Так и запомните: содружество, взаимоотношение различных частиц космоса. Поэтому не чуждайтесь человечества, а давайте всего себя полнее и радостнее миру, потому что этим вы только возвращаете то, что принадлежит всему миру. На сегодня это всё. Идём, дитя. Скоро уже шесть часов, время молитвы.

Мы молча шли обратно. Учитель держал руку на моём плече, и я чувствовала всё время как бы волну радости и силы, изливающуюся на меня. Учитель зашёл к себе домой, а я прямо пошла на площадку роз, где уже собрались братья на молитву.

Слово Учителя, обращённое к братьям после молитвы

Братья, Я хочу обратить ваше внимание на слова молитвы «Да будет воля Твоя». Это не означает пассивное и безразличное отдавание себя всему, что наплывает на вас, не желая в этом разбираться самому, а пассивно говоря: «Да будет воля Твоя!» Не в этом дело. Надо уметь чутко раскрывать в себе сознание присутствия в вас Высшего и прислушиваться к Его голосу в вас. Главное в этом прошении: «Да будет воля Твоя!» — это признание себя частью Высшего, и этим отдаванием себя Его воле вы раскрываете в себе Высшее сознание, вы принимаете Его высшее господство над вами и отдаётесь Ему разумно, поняв, что истинное благо — это есть отдавание своей личности и замена её блага благом Высшим.

Этим Я заканчиваю сегодняшнюю молитву.

29 июля. День. 5 часов.

Я сидела в глухом ущелье, на дереве, перекинутом через ручей. Место удивительно живописное и уединённое. Я иногда прихожу сюда сосредоточиваться. И сегодня я пришла сюда. Ручей бежит очень издалека, со снеговых вершин дальних гор. Я знаю, он образует где-то, в глубине ущелья, водопад, но здесь ручей течёт спокойно, журча по гранитному ложу, образуя местами водоёмы, которые как-бы нарочно выдолблены в граните. В этих естественных ваннах очень удобно омыться. Я и сидела сейчас неподалёку от одного из таких водоёмов, где только что совершила омовение перед тем, как сосредоточиться. С обеих сторон ручья поднимались высокие горы, покрытые лесом. Ущелье такое узкое, что солнце почти не проникает в чашу леса. И здесь всегда, в самый сильный зной, прохладно. Я описываю так подробно это место потому, что оно осталось для меня значительным. Я сидела на дереве, свесив ноги в ручей, и, закрыв глаза, стала сосредоточиваться. Вдруг непонятное волнение овладело мной. Я открыла глаза и увидела Учителя в белом. Он сидел на этом же дереве, рядом со мной, только по другую его сторону. Учитель сидел молча, слегка нагнувшись вперёд, положив локти на колени и слушая пение ручья...

— Ты послушай его. Ведь, кроме журчания, ручей поёт ещё песенку... Она похожа на колыбельную... Ты слышишь? — тихо сказал Он.

Я прислушалась. Действительно я услышала ясный и высокий звук, не похожий ни на какой инструмент, ни на голос. Этот звук имел несколько коротких нот, которые составляли настоящую мелодию, которую пел ручей, непрерывно аккомпанируя себе журчанием. Это было так нежно и так прекрасно среди тишины природы, в присутствии Учителя. Мы некоторое время молча слушали. Я не смогла тогда даже охватить всей неожиданной радости от присутствия Учителя *в моём дне* ! Потом Учитель сказал совсем тихо, как бы не желая спугнуть тишину и пение ручья:

— Жизнь сердца проста, тиха... Она не требует много для своей полноты и счастья. Она несложна и подобна этой тихой песенке ручейка. Но в простоте такой жизни кроется огромное величие. И силы души зреют быстрее, когда сердце живёт в такой углублённой тишине и сосредоточении. Приучай себя к созерцанию природы в молчании мыслей и чувств, но дай природе раскрыться в тебе или, вернее, сама растворишься в ней. Но для этого не надо ничего насильно надумывать, это должно быть твоё естественное состояние, которое протекает светло и просто, как течёт этот ручей с его нехитрой песенкой. А теперь пойдём отсюда.

В следующее мгновение я почувствовала себя в Саду Учителя. Мы шли по дорожке по направлению к дому, и Учитель говорил:

— Вот видишь, как это просто... Теперь иди с миром. И приходи на общую молитву.

30 июля. Утро.

— Сегодня ты придёшь к Учителю в горах только в пять часов. Так повелел Учитель. — Эти слова мне сказал Нуми.

5 часов.

Взошла в залу. Учитель сидел за столом и писал.

— Сядь. И найди способ занять себя эти несколько минут, пока Я буду занят, — сказал Учитель.

Я сидела сбоку Учителя и созерцала Его. У Учителя было очень тонкое, изящное лицо, нос прямой, а не орлиный, как мне казалось раньше. Во всей фигуре чувствовалась большая сила и энергия. В лице Учителя совершенно нет никаких признаков долгих лет. Каждая черта Его лица полна силы и расцвета жизни. Рука легко и изящно держала перо. Писал Он очень быстро крупным красивым почерком. На пальце горел зелёный изумруд. Я вспомнила о кольце, которое Учитель надел мне на палец, но я плохо его осознавала.

Учитель кончил писать, взглянул на меня и, чуть улыбнувшись, сказал:

— Ну, всё разглядела во Мне?

— Нет, Учитель, не всё! — весело ответила я, как-то вдруг осмелев. Учитель встал и сказал:

— Вот возьми эти рукописи и неси их. Пойдём.

Учитель тоже взял со стола несколько книг, и мы спустились вниз, в круглую комнату. Учитель осветил её, нажав выключатель, подошёл к шкафу, поставил туда принесённые книги и рукописи, потом указал мне место за столом и сказал:

— Сядь и пиши то, что Я тебе продиктую.

Заботливость о своём организме очень важна и приветствуется Нами, но только в том случае, если всё это разумно. Ни в коем случае заботы о теле не должны уменьшать вашего духовного напряжения. Мысль, что жизнь здорового тела помогает вашему духу, вот что должно руководить вами. Всякие излишества, которые вредят вашему телу, так же вредят и вашему духу. Когда сосредоточены на чём-либо, вы не замечаете вашего тела, ни его особенностей. Вы должны жить, не замечая тела, но разумно подготавливая его жизнедеятельность для каждого дня. Для этого нет нужды усложнять себе жизнь особыми методами для ухода за телом, все навыки должны совершаться легко и быстро. Здоровое тело — источник радости, потому что оно не препятствует духовным эманациям. Но одно здоровое и сильное тело, не будучи просветлено духовностью и ещё не склонное к просветлению, большая задержка на низших планах сознания. Очень важно осознать себя живущим в духе, а не в теле. До тех пор пока вы полны косных привычек, полны всяческих болячек, к которым вы прислушиваетесь, выполняете каждое своё желание, ухаживаете за собой и любите себя, до тех пор вы в плену у своего тела.

Живите проще! Отнюдь этим не рекомендуется примитив, но здоровая и разумная жизнь каждого дня необходима не только для тела, но и для духа, для правильного развития духовного сознания. Сердце не должно утяжеляться мрачными мыслями о своём несовершенстве, о своей тусклости, об унылых окружениях людьми и обстоятельствами. Наоборот, вы должны уметь встречать ваш день в разумной Радости, почитать в каждом существе выражение Бога и жизнь не в разделённости и в тяготе отчуждения от жизни, но мыслить о том, как бы светлее проложить провод к внутреннему просветлению. Имейте заинтересованность не только собой, но и людьми. Не тяготитесь, когда они приходят «мусорить» вас. Надо уметь противопоставить им ответную силу своего духа и света. Каждый раз, когда вы охаете и жалуетесь на себя, на свои немощи, на своё убожество, вы действительно становитесь и немощны, и убоги. Строгость к себе необходима, но разумная строгость, то есть отдавайте себе отчёт в своём поведении и в своих мыслях, но не прикладывайте к этому жалобы, стоны, уныние. Бодрость, ясность, горение сердца пусть будут ответом на душевную дряблость, усталость, беспомощность. Надо искать в себе причину дряблости, уныния и бороться с этим пониманием, а не умаяя себя ещё больше, отнимая у себя веру в свои силы. Каждый из вас должен знать, что в нём Свет. И каждый может приблизиться к Нам, и может, он уже наблюдаем Нами. Каждый шаг, который вы совершаете сознательно, приветствуется Нами. Мы даём силы, Мы укрепляем ваш дух и придаём каждому вашему сознательному действию особый смысл и значение.

Любим всех, но те, которые дерзают, которые сами борются, те особенно дороги Нам, они обещают многое. Их Мы особо ценим, так как из них выходят борцы за духовность. Не цепляйтесь за свои устарелые привычки, за свои вкусы, легче от них отдирайтесь. Надо уметь понимать, когда и какое слово сказать. А также помните, что все случаи вашей жизни тесно связаны с людьми, и вы не можете отделиться от них. Содружество всех! Вот лозунг века и нового человечества. Об этом прошу не забывать. И, совершая своё дело, помните: каждый на своём месте и творит именно то, что ему свойственно, и на том месте, которое он заслужил. А как человек выполняет своё дело

— это зависит от степени его устремлённости, его духовного роста.

— На этом Я кончаю. Эти слова ты передашь в мир. Они особенно важны и нужны для тех, кто склонен себя унижать и умяться в ложной скромности. А я говорю — держайте, ибо дерзающий достоин, чтобы его заметили.

Учитель встал.

— Теперь иди с миром. Через два дня придёшь утром.

31 июля. День. 5 часов.

Я пришла в Сад Учителя очень расстроенная. Я чувствовала, что расстроила меня ничтожная мелочь и что надо успокоиться, иначе эти вибрации помешают мне идти к Учителю. Я шла медленно по Саду, силясь успокоиться, не смея в таком состоянии идти к Учителю. Я свернула на боковую тропинку, с которой открывается вид на снежные горы. Не успела я сесть на скамейку, как увидела Учителя, идущего ко мне. Я встала Ему навстречу.

— Нельзя придавать значение таким пустякам! Неужели ты сама не видишь, какой это пустяк? — говорил Учитель.

Увы, я чувствовала, что это пустяк, но он взволновал меня, смутил чувства, и сердце никак не хотело успокоиться. Это даже удивительно, как иногда такие пустые вещи вызывают в нас раздражение, которое долго не хочет уходить, несмотря на все доводы и усилия рассудка. Через несколько дней я никак не могла понять, как такая пустая вещь смогла овладеть моим сердцем и нарушить его тишину.

— Ну, побудь одна! — сказал Учитель и стал быстрыми шагами уходить от меня.

Ещё большая грусть охватила меня, и стыд, и смятение, что я теряю общение с Учителем из-за такого мелкого случая. Ко мне подошёл Нуми. Он сел подле меня, как всегда светлый, спокойный, доброжелательный. Он ласково сказал:

— Это действительно пустяк. И не стоит этому придавать такое значение. Постарайся не думать об этом с раздражением. Каждое происшествие может иметь свою юмористическую сторону. А в этом случае с тобой юмора много. Ты только подумай об этом.

Мне после слов Нуми стало как будто легче и светлее. Мы пошли к Учителю.

— Смотри, что ты делаешь, — сказал Учитель, встретив нас на терраске. — Тебя как бы всю покрывает тёмное облако, сквозь которое очень трудно пробиться к Свету. И по существу, тебя взволновал такой пустяк! Так много в этом мелких чувств собственности, обиды, что тебя обманули, жадности, что взяли себе часть твоего компота, и много прочих недостойных тебя чувств. Опомнись! Взгляни на свою жемчужину, она вся потускнела. Ты должна найти способ всё это превратить в доброжелательство. Я не сержусь на тебя, но ты сейчас не пригодна ни для какого собеседования со Мной. Иди с миром, дитя. Советую твёрже помнить, что нет пустяков, есть злая воля, которая способна увлечь за собой сердце, что ты и доказала сейчас блестяще. Случай, сам по себе ничтожный, стал уже не ничтожным, когда пришлось так долго объяснять тебе его нелепость и приводить тебя к сознанию и пониманию. Прими мир Мой.

И Учитель отпустил меня.

1 августа. Утро.

Я не пошла в Сад Учителя, так как Он мне повелел записать «Слово», под Его диктовку, в слышании.

Слово Учителя

Правильны пути сердца, когда оно полно устремлённости, ясности цели и благожелательно ко всему окружающему. Нельзя развивать в себе духовность, находясь в помрачении. Несущие в себе тяготу, болезни и скорби тела и изнывающие от них — меркнут

в духе и не способны воспринять Истину. Только живущие в свете своего горения и не ущемлённые ничем, взберутся на остров среди бушующих волн. И не надо устремлять свой разум и чувство на враждебное тебе. Наоборот, отводи их от всего, что способно омрачить тишину твоего сердца, указывая себе на их преходящую иллюзорность. Цени всплески сердца, полного сверхчувственной любовью. Не тяготись жизнью каждого дня, в ней скрыты уроки и глубокий смысл. Так иди, как указано. Когда сроки придут иные — иное узришь и всё в тебе переменится. Умей не закреплять в памяти ничего несущественного, а неси сердце легко навстречу Жизни. Поистине ещё многое должно переплавиться в тебе чудесно в свет. Иди за Нами, ибо Мы указуем тебе Свет истинный, который однажды откроется слепым очам. Ношу даём лёгкую тем, кто сам подставляет плечи, а те, кто противится, — груз тяжестей понесут.

День. 5 часов.

Я не сразу смогла сосредоточиться, наконец увидела Учителя на терраске. Он встретил меня улыбкой и указал на скамеечку возле себя. Около Учителя лежали книги и рукописи. В руке Он держал лупу, которую протянул мне, сказав:

— Посмотри через неё на что-либо.

Я посмотрела на своё платье; ткань, казавшаяся плотной, сквозь сильную лупу виделась вся дырявой, как решето.

— А теперь взгляни через это стекло. — И Учитель протянул мне другое стекло в оправе.

Я взглянула и всё увидела чрезвычайно уменьшенным.

— Вот видишь, — сказал Учитель. — Это всё обычные, знакомые тебе вещи. Ты можешь с помощью этих стёкол увеличивать и уменьшать предметы по своему желанию. Вот также люди могут своим воображением увеличивать и преуменьшать события их жизни и окружающих. Но следует научиться видеть всё в истинном свете, не преувеличивая и не преуменьшая. Запомни это. Тебе следует ещё крепко запомнить, что твоё тело — это ещё не ты. И не отождествляй себя ни с чем телесным. И никакие радости и горести не должны тебя волновать и мешать духовной ясности и тишине сердца. Но бойся впасть в крайность — в душевную чёрствость. Чтобы этого не случилось, держи в сердце огонь Божественной любви и сострадания и поручи своё сердце Богу. Это всё, дитя. Пора на молитву. Запомни всё, что Я тебе сказал. Запиши это.

Вечер. 6 часов.

Собрались к молитве. Меня встретил Нуми.

— Я тебя не видела весь день, — сказала я.

— А я был возле тебя, — ответил Нуми и улыбнулся.

Мы сели на скамейку на площадке роз. Мимо нас проходили братья, приветствуя нас, а мы их.

— Смотри, — сказал Нуми, — сколько у тебя новых друзей. Ты теперь никогда не сможешь быть одинока, как бы ни сложилась твоя жизнь. Больше мужества! Тебе предстоит сделать «маленькую операцию сердца» — это неизбежно. Прими это твёрдо и примиришься с этим. Идём на молитву.

Мы подошли к кругу братьев, уже ставших на молитву. Скоро вышел Учитель.

— Помолимся, братья!

Учитель произнёс молитву, которая всегда звучит по-новому, хотя смысл её остаётся всё один и тот же. После молитвы Учитель сказал:

— Братья, сегодня утром один брат спросил Меня: что это значит «любить всех» и возможно ли, любя только одного, этим выразить свою любовь ко всем? И Мне хочется поговорить с вами на эту тему. Возможно ли любить всех? У Любви, истинной Любви, нет разделения. Вы можете её вложить всю в одного, и она не оскудеет и также *вся* волеётся в другого и третьего, не уменьшаясь в своей силе. Объект любви попадает как бы под луч

яркого света. Пока он в сфере света, он получает весь свет, когда другой придёт на его место, также щедро свет изольётся и на него. Эта безличная Любовь самая могучая. У неё нет определённого объекта, но сила её проявления от этого не уменьшается, как не уменьшается жар солнца, которое изливает свои лучи на всех без предпочтения. Жалок тот, чья любовь ещё не может перешагнуть через единственный объект, который он держит в центре своей любви. Но и такая личная любовь, учит человека многому, и часто через любовь к единому человек познаёт любовь ко многим. Истинная Любовь вмещает в себе всё и всех. «Братья, любите друг друга», — сказал однажды великий Учитель мира. И Я повторю Его слова: «Любите друг друга. И да будет мир сердцам вашим».

— И Тебе, Учитель, — ответили мы, низко склоняясь в поклоне.

2 августа было пропущено.

3 августа.

Так как вчерашний день был пропущен, то я не знала, к которому из Учителей мне идти. Вчера был день посещения Учителя в горах, и я решила идти к Нему. Поднялась в залу. Она была пуста. Я уже собиралась уйти, как в залу стремительной походкой взойшёл Учитель.

— А ты пришла... Надо изменить расписание твоих утренних часов. Теперь каждое утро в семь часов ты должна быть на море, никем и ничем не отвлекаемая. И в этот час, от семи до восьми, тебе будут даны указания Учителей. Сегодня я больше ничего не скажу тебе. Придешь, как обычно, через два дня. Да будет мир над тобой!

И Учитель отпустил меня.

Утренняя молитва .

Взошла в Сад Учителя. Все собрались на площадке роз. Часть братьев уже стояла полукругом в ожидании Учителя. Вскоре Он вышел к нам:

— Мир вам, братья!

— И Тебе, Учитель!

— Помолимся... — И Учитель произнёс молитву: — Да будет Свет! О, Владыка мира, прими и очисти сердца, ищущие прозрения. Велика Слава Твоя, творящая жизнь. Дай нам силы и Свет от Твоей мощи, о Владыка мира! И просвети сердца наши, ибо сила Твоя, дарованная нам, укрепит нас в бесконечности нашего пути к Тебе. Аминь.

— Аминь! — ответили мы.

— Братья, Я ещё хочу сказать о значении объединённой молитвы. Во время такой молитвы особая сила спускается на каждого и все объединяются в этой общей молитве, как одно целое. Получающие силу от такой коллективной молитвы никогда не могут получить такую силу в одиночестве. Вот почему так важно на ваших первых шагах не пропускать часы общей молитвы и присутствовать на ней. Идите с миром!

И Учитель отпустил нас.

Среди дня я получила Слово от Учителя, в слухе.

Слово Учителя

Братья, Я хочу сказать Слово о непротivлении злу. Не противиться злу это означает не противоборствовать, не возмущаться, не отбрасывать от себя в раздражении всё то, что вы называете злом, то, что возмущает вас. Но в глубокой тишине сердца, в понимании разбирайтесь во всём, стараясь не отвечать на обиду обидой, не нанося ответных ран, но покрывая всё любовью. Если же нет ещё у вас в сердце силы такой любви, то старайтесь вызвать её в сердце, памятуя, что Истина — одна и она в сердце каждого. Живите в глубоком мире сердца. Мир всем!

День. 5 часов.

Пришла на терраску. Учитель указал мне на скамеечку. Я села. Помолчав немного, Учитель тихо начал говорить:

— Знаешь ли ты, дитя, что через несколько лет совершатся такие события, которые совершенно изменят некоторые законы людей. Потому Нам необходимо послать в мир сейчас как можно больше людей, чьё одухотворённое влияние поможет очень многим. Вот отчего, дитя, Мы воспитываем тебя и многих других. Указуя пути тебе, Мы тем самым указуем пути для многих, и, если ты будешь гореть ярко, ты сможешь воспламенить и других.

Учитель встал.

— Пройдёмся по Саду.

Мы пошли по дорожке, по которой Учитель особенно любит прогуливаться и где разрешил и мне бывать в одиночестве — это та тропинка, с которой видны вершины снежных гор. По дороге Учитель говорил мне:

— Напряги все силы свои, чтобы быть сознательной. Надо уметь разбираться во всём. Вспомни, какой пустяк на этих днях тебя взволновал и оторвал от свидания со Мной. А теперь ты и сама видишь, какая это была ничтожная причина! Ты должна серьезнее относиться к тому, что ты принимаешь от Нас. Ты должна осознать важность, силу и значение Нашего вмешательства в твою жизнь. Твои промахи, твоя неустойчивость в некоторых случаях — это всё пустое, если принять во внимание всё то, что уже лежит за твоими плечами. Тебе надо сделать очень небольшое усилие, чтобы вырвать из сердца это всё пустое, эту шелуху, которая временами владеет тобой. Взгляни на эти вершины гор, — сказал Учитель, опускаясь на скамейку, — как они величественны, как они спокойны и просты. Вот такова должна быть твоя жизнь. Учись у природы, она всегда величава, проста и полна значимости, в ней нет ничего суетного, мелкого, того, что вносит человек в своё существование благодаря ограниченности своего сознания. Но всё же надо помнить, что и ограниченность сознания есть этап, через который человечество придёт к осознанию высших форм жизни.

Учитель встал.

— Скоро шесть часов.

— Учитель, я сегодня не смогу прийти в шесть часов на молитву. И что мне делать, если я не всегда могу уединиться и приходить к Вам?

— Важно, чтобы ты *желала* сосредоточиться и искала бы этого. Но когда внешние условия ставят тебе преграды, не смущайся, но сердцем найди Меня, ибо Я любовно слежу за тобой и всегда знаю, почему ты не приходишь. Иди с миром, дитя, и будь в духе.

4 августа. Утро.

Пришла в Сад Учителя задолго до восьми часов. Идя к терраске, я встретила Учителя. Он шёл между грядками целебных трав. Иногда Он нагибался и срывал что-то. Я приветствовала Учителя. Он ласково, как всегда, ответил мне и сказал, чтобы я посидела на лавочке и подождала Его. Через некоторое время Учитель подошёл ко мне. Он держал в руке большой букет всяких трав. Учитель сел возле меня и стал сортировать травы, говоря:

— Эти травы имеют разнообразное значение. Некоторые из них уже давно известны человеку, а некоторые (их польза) будут ещё открыты, когда придёт нужное время. У нас есть братья, которые специально занимаются лекарственными травами, и Я собрал для них некоторые экземпляры.

Потом Учитель пошёл к терраске, и я следовала за Ним. Около терраски Он повелел мне остаться, а Сам пошёл в дом. Но тут у меня «разорвалось видение», и я «ушла»...

Вернулась я к Учителю в это утро уже гораздо позднее. Я подходила к терраске, когда Учитель сходил с неё, и Он сказал мне, что сейчас не может заниматься со мной, так как уходит из Сада. Учитель благословил меня и повелел прийти к Нему в пять часов.

День. 5 часов.

Я вошла в Сад почти одновременно с Учителем. Он откуда-то возвращался.

— О! Мы оба не опоздали, — пошутил Учитель. — Подожди меня, дитя, Я сейчас выйду, и мы пройдемся по Саду.

Я стояла и раздумывала над значением слова «дитя», обращаемого ко мне Учителями, когда Он подошёл ко мне.

— Я называю тебя «дитя», — как бы отвечая на мой вопрос, начал говорить Учитель, — потому, что ты ещё духовное дитя. Твой возраст здесь не имеет значения. Я как Учитель имею много таких «детей», порученных Мне. Но Я для тебя не педагог, не наставник, не отец, а Я гораздо большее. Я бы хотел, чтобы ты поняла всё глубокое значение той ответственности, которую Я беру на Себя ради тебя, как и ради каждого из Моих детей. И кроме того, в слово «дитя» Я вкладываю ту нежность и ласку, которые наполняют моё сердце к каждому из вас, но по-разному.

Мы подошли к пруду. На нём плавали два лебедя. Увидев Учителя, они стали изгибать шеи, хлопать по воде крыльями и шумно кричать, подплывая к берегу.

— Это они приветствуют Меня, — сказал, улыбаясь, Учитель, — и требуют своей доли любви и ласки.

Учитель подошёл к ним, почесал их шейки, погладил головки и клювы. Птицы вытягивали шеи, жмурились глаза и тёрлись клювами о руки Учителя, словно целуя их.

— Ну, будет! Плывите и радуйтесь жизни! — сказал Учитель и отошёл от них. Мы сели на скамью возле пруда, а лебеди царственно поплыли.

— Я люблю птиц, — сказал Учитель, глядя задумчиво на плавающих лебедей.

— Отчего же их нет в твоём Саду? — спросила я. — Кроме этих двух лебедей я не видела здесь птиц и не слышала их щебетания.

— Это по причине особого устройства Моего Сада, — ответил Учитель. Он помолчал немного и сказал: — Заметила ли ты, что в Моём Саду нет ничего случайного, лишнего, того, что не было бы действительно важно и нужно для *Моего* Сада? Всё, что в нём есть — цветы, травы, фруктовые деревья, «огород», как ты называешь, — всё это имеет совсем иное значение, чем в ваших садах. Не думаешь ли ты, что Я питаюсь плодами или овощами этого Сада? Я, конечно, могу их съесть, но Наша пища совсем и не похожа на вашу. И весь уклад Нашей жизни необычен для вашего понимания. То, что ты видишь здесь, это только видимость, та форма, через которую Я видим для тебя и многих других. Но *за* этим, как за экраном, таится иная жизнь, вне формы, та жизнь, которая тебе неведома и вряд ли скоро будет тебе известна.

Учитель помолчал и снова заговорил:

— Ах, у тебя в жизни ещё много «компо́тов».¹ Если бы ты могла освободиться от всего этого! Если бы ты могла жить легко и просто, светлая, одинокая, имея одну цель: зажечься пламенной Любовью к Единому, развить в себе монаду, одухотвориться, преобразиться.

Учитель встал и вдохновенно обвёл рукой горизонт.

— Взгляни! Разве не прекрасны такие дали и просторы? Зачем ты себя тянешь в заточение? Разве ты не хочешь быть участницей широких полётов духа и раскрыть возможности, в тебе скрытые? Для этого тебе надо от многого отказаться и отойти от многого. Тебе надо...

Тут Учитель остановился, взглянул на меня, промолчал и добавил с большой нежностью и состраданием в голосе:

— Но никто не может, взяв тебя за руку, отвести ниоткуда, пока ты сама не отойдёшь... Пойдём обратно к дому...

Мы пошли в молчании. Я переживала вдохновенные слова Учителя и молчала от полноты сердца. Учитель не нарушал молчания. Не доходя до дому, Учитель остановился, поднял руку над моей головой и, благословляя, сказал:

¹ Намёк на происшествие, которое меня взволновало на прошлых днях.

— Иди с миром! Приходи на молитву.

Вечер. 6 часов.

Все братья собрались в Саду на молитву. Ко мне подошла Анита. Многие из подходивших ко мне женщин и девушек были красивее её, но у Аниты были такие прекрасные глаза, и, когда они устремлялись на меня, в них был как бы призыв и мольба ко мне, но я не могла понять значения этого. К нам присоединился Нуми. Мы все вместе встали на молитву. Вскоре появился Учитель. Он шёл величаво и ритмично, среди кланяющихся ему братьев. Как Он был прекрасен! И какой нежной преданностью к Нему билось моё сердце!

— Да будет мир над всеми вами, братья! — сказал Учитель и Его руки в широких, белых рукавах поднялись в воздух, как два белых крыла. И Он произнёс молитву.

5 августа.

Я поднялась в залу Учителя. Учитель сидел за столом и писал.

— Подойди и сядь.

Учитель закончил работу, отложил перо и стал собирать разбросанные по столу рукописи и бумаги.

— Каждая работа требует от человека чёткости, устремлённости и бдительности. Необходимо развивать в себе эти качества. Запоминай: если человек хочет добиться чего-либо, то он прикладывает к этому всю свою энергию и все его мысли и чувства деятельно направляются на это достижение. Если же он всё-таки не получает желаемого, то здесь могут быть две причины: первая, недостаточность устремлённости и вторая, что обстоятельства были как бы против него, значит, он ещё не готов для получения желаемого. Твоё достижение сейчас зависит всецело от твоей устремлённости, так как все обстоятельства сейчас вокруг тебя согласованы Нами так, чтобы они не являлись препятствием. Ты находишься в исключительно благоприятных условиях в данное время. И тебе следует не забывать об этом и быть особо внимательной к своим внутренним силам. — Учитель встал и отрывисто сказал: — Следуй!

Мы вышли из залы и спустились вниз. Учитель открыл и осветил круглую комнату. Он положил в шкаф принесённые с собой книги, потом сел за стол и сказал:

— Утренняя беседа сегодня не будет долгой. Я тебе только скажу ещё раз о том, как необходимо очищение сердца. Молитвы помогают, конечно, но ты сама должна следить за собой ежесекундно и проверять себя, искать, желать просветления. Это твоя цель. И всякая иная мысль должна быть отброшена, как недостойная и унижающая твоё высшее Я. Это всё. Иди с миром! И приходи опять днём в пять часов.

5 часов.

Шла к Учителю. По дороге встретила Нуми.

— Ты идёшь к Учителю? — спросил он.

— Да.

— Мне кажется, что ты идёшь ещё рано. Я сейчас узнаю.

Нуми склонил голову и закрыл глаза. Через некоторое время он сказал:

— Иди, можно. Учитель уже поднимается в залу. Иди с миром!

Я подошла к дому и поднялась в залу. Учитель ходил, заложив руки за спину, по зале и, казалось, был погружён в глубокие думы. Заметив меня, Учитель жестом руки позвал меня и, продолжая ходить, сказал:

— Заметь себе, идя ко Мне, ты должна оставить все свои «настроения» за порогом моего дома. Ты не должна приносить с собой никаких вибраций, которые могли бы помешать тебе приблизиться ко мне. Проверая, очищай своё сердце. А теперь Я покажу тебе ещё несколько правил дыхания. Отойди немного от Меня и вытяни перед собой руки. Набери в грудь дыхание. Теперь со счётом пять поднимай руки вверх, не торопясь, всё время

удерживая в себе дыхание. Когда руки будут над головой, начни их опускать вниз, тоже со счётом пять, постепенно выдыхая воздух. Теперь опять поднимай руки до уровня плеч, постепенно набирая воздух. Прodelай это несколько раз. Так... так... Понятно?

— Да, Учитель.

— Теперь набери полное дыхание и поднимай руки вверх и опускай их вниз со счётом десять, каждый раз не выпуская дыхания. Теперь то же движение, с тем же счётом, но постепенно выпуская воздух... Так... так... Теперь опять то же движение, со счётом десять, но набирая в грудь воздух. Понятно? Теперь начни всё сначала. Набери снова дыхание... — Прodelав это движение несколько раз, Учитель остановил меня, сказав: — Отдохни. Теперь шагай. Шаг — набрать воздух, шаг — выдох... Не так стремительно... Дыши легче, ходи медленнее... Так... так... Теперь ускоряй шаги, ещё быстрее... ещё быстрее, переходи в бег... вдох... выдох... Не прерывай ритма дыхания... Довольно. Понятно всё?

— Да, Учитель.

— Это ты будешь прodelывать несколько раз в день: утром, днём и вечером. Не забывай. Подойди ко мне.

Учитель взял меня за подбородок и, глубоко заглянув в глаза, сказал:

— Дурное настроение и раздражение это всё происходит от личности. Твой дух в этом не участвует. Запомни это и не омрачайся. Иди с миром и будь в духе.

И Учитель отпустил меня.

6 августа. Утро.

Я вошла в Сад Учителя. Подошла к домику Учителя. Учитель стоял на терраске и вытирал руки полотенцем. Увидя меня, сказал:

— Входи! — подошёл к двери, повесил полотенце на крючок возле неё и сел в кресло.

— Давно мы не смотрели с тобой эту книгу, — сказал Учитель, подавая мне «Книгу Жизни». — Разверни её.

Я открыла страницу. На ней изображалась только одна ветка. Один конец ветки соединялся со стволом, а все остальные концы веток сливались друг с другом.

— В данном случае, — сказал Учитель, — изображена жизнь человека. Она имеет связь и со стволом Жизни, то есть с Реальностью, и с окружающим её миром. Ничто не живёт в обособлении. Всё во всём и всё зависит друг от друга. Смотри ещё...

Но моё сознание стало меркнуть, слабеть, я чувствовала, что «ухожу» и не могу удержаться... Когда я снова получила возможность сосредоточиться, Учитель, стоя на терраске сказал мне:

— Пора на молитву. Пойдём вместе.

Я шла немного позади Учителя. Так мы подошли к площадке, где уже стояли все братья. Я встала с краю, недалеко от Аниты. Она взглянула на меня, радостно улыбнувшись. После молитвы Учитель отпустил всех.

7 августа.

Учитель был в беседке. Около Него сидела Анита. Учитель дал ей бумагу и перо, а мне, молча, указал место возле Аниты. Учитель диктовал ей:

Всем, всем, всем!

Не расплескайте, берегите дарованное. Каждому, кто хочет приблизиться, открыты двери, умейте войти. Совершенны те, чьи мысли и чувства, как ягнята покорные идущие за пастухом, идут за сознанием вашим и не скажут во все стороны. Неразумны те, кто самообольщается своей святостью, а ум их беснуется неудержимо. Всё в человеке должно быть приведено в гармонию раньше, чем он начнёт распознавать истинное.

— Это всё.

Учитель взял листок от Аниты, разорвал его и бросил в воздух, где он, сгорев, исчез.
— Теперь Я буду диктовать вам обеим.
Учитель дал нам по листку бумаги и перья.

Великое усилие сердца приложить надо, чтобы познать «Начало». Всякому, стремящемуся в поток жизни вступить и узреть истинную Реальность, прежде всего вступить надо в борение с самим собой и уничтожить в себе семь преград:

- 1. Гордость и вытекающее отсюда самомнение.**
- 2. Себялюбие.**
- 3. Гнев, раздражение и всякую смуту сердца.**
- 4. Желание чего бы то ни было *для себя* .**
- 5. Неуравновешенность мыслей и чувств.**
- 6. Заблуждения (суеверия) всякие. Главное заблуждение в том, что тело, мысль и чувства в человеке составляют его истинное Я.**
- 7. Безумие, заставляющее принимать видимость за Реальное.**

— Это всё. Сверните написанное и приложите к сердцу и ко лбу.
И когда мы прикладывали к сердцу написанное, Учитель сказал:
— Очищаю сердце каждое, которое истинно стремится прозреть и очиститься. Идите с миром. В пять часов приходите обе, Я разъясню вам дальнейшее.

(Я не смогла прийти *в пять часов. И восьмого августа утром* я тоже не смогла прийти, несмотря на всё желание сердца. Меня задержали внешние обстоятельства. Это всё создало большой разлад в сердце и тревогу.)

8 августа. 5 часов.

Я сделала большое усилие и вырвалась к Учителю. Я стояла перед терраской, Учитель стоял на ней. Он весь светился, вокруг Него ясно видное шло сияние. Учитель был в радости. Я чувствовала, что Его радость относится как-то и ко мне, в том, что я совершила большое внутреннее усилие, что-то в себе поборола. Учитель сошёл с терраски и, положив руку мне на плечо, пошёл со мной рядом по дорожке. Я горячо говорила Учителю о своих затруднениях, но говорила как-то так, что мои мысли не облекались в слова и звуки, а как бы волной чувств переливались из моего сердца в сердце Учителя. Учитель слушал меня, чуть улыбаясь, и свет не покидал Его. Когда я кончила «говорить», Учитель остановился.

— Иди с миром, дитя! — сказал Он. — И будь в духе! Мы не принуждаем тебя ни к чему, но выбор твой должен быть твёрд и ясен.

И Учитель отпустил меня.

9 августа. Утро.

Меня встретил Нуми. Он стоял на скалах по пути к дому Учителя и словно высматривал меня.

— Учитель ждёт тебя, — сказал он.

Я вошла в дом Учителя и поднялась в залу. Учитель сидел за столом. Мне показалось, что Учитель улыбнулся мне как-то особенно.

— Подойди, дитя, ко Мне.

Учитель посадил меня против себя и некоторое время в молчании смотрел на меня своими пронизывающими голубыми глазами. Они производили впечатление двух синих горных озёр, чья глубина бездонна, и в ней отражается только небо.

— Итак, ты начинаешь делать небольшие усилия? Это радует. Продолжай. Укрепляй силы. Надлежит сначала разобрать мусор вокруг себя и снять камни с пути, а потом начать истинное шествие. Надо укрепиться мыслью и твёрже верить в важность всего совершаемого внутри твоей жизни. И запомни, что нет ничего в мире, что могло бы быть ценнее или

значительнее, чем эта внутренняя жизнь в духе.

Учитель встал и вдруг Его голос зазвучал так громко, что стены как бы сотрясались в ответ. Это было так величественно и необычайно, что вселило в сердце благоговейный ужас. Я упала на колени и невольно пригнулась ниц:

— Мы даём нашу помощь тем, кто устремлён и предан Нам, тем, кто стремится познать Истину и не останавливается ни перед какими преградами в пути.

Голос Учителя умолк. Я, поражённая, слушала в трепете Его голос и как в стенах залы замирали последние отголоски гула, словно кто-то в них отзывался на голос Учителя.

— Встань! — сказал Учитель. — Мы любим тех, кто осмеливается дерзать.

Его голос уже звучал, как обычно.

— Наша помощь дана тебе. Иди с миром и пребывай в духе.

Вечер.

Взошла в залу Учителя. Из узких, длинных окон лились солнечные лучи. Они, падая вкось, как стрелы, образовывали как бы светящуюся, сквозную арку, внутри которой тихо и величаво двигался Учитель, держа перед Собой маленькую книгу и читая её. Я остановилась на пороге, созерцая это необычное освещение залы, в свете которой Учитель выделялся как-то особенно значительно. Знаком Учитель подозвал меня, положил руку мне на плечо, и я пошла рядом с Ним, затаив дыхание от радости и внутреннего трепета. Царило молчание. Изредка Учитель произносил громко какую-либо фразу из книжечки на непонятном мне языке, потом переводил её.

**Вращающемуся солнцу нет иного дела, как быть
поглощённым созерцанием своего вращения.**

— Это значит, что мир полон сам в себе и не занят ничем, что могло бы отвлечь или развлечь его.

Помолчав, Учитель опять произнёс.

Нет содержания без формы. И есть содержание без формы. Это состояние бесформенной Сути всего.

И ещё прочёл:

Видоизменяясь пребывает Единое неизменно.

И ещё:

Всякая истинная потребность в прозрении естественна и единственно важна.

И ещё:

Все законы помогают одному и тому же: прозрению в Единое.

Учитель закрыл книжечку и снял руку с моего плеча. Остановившись, Он сказал:

— Мудрость питает сердце, как чистая пища питает тело.

Потом подозвал меня к одному из узких окон и сказал:

— Смотри на дальнюю вершину. Видишь там светящуюся точку?

— Да, Учитель.

— Помни о ней. Не забывай. Этой вершины ты должна будешь достигнуть когда-нибудь. Прими мир, дочь моя.

И Учитель отпустил меня.

10 августа. Вечер.

Взошла в Сад. Меня встретил Нуми. Он молча шёл со мной до терраски. Учитель встретился с нами. Он шёл по боковой дорожке по направлению к дому. Нуми покинул нас.

— Подожди Меня здесь, — сказал Учитель, когда мы дошли до терраски, и ушёл в дом. Учитель скоро вышел ко мне, и мы пошли на дорожку, откуда видны были вершины гор. Учитель шёл в молчании, и я была рядом с Ним. Дойдя до скамейки, Учитель сел, а я

осталась стоять возле Него. Задумчиво глядя вдаль, Учитель задал мне вопрос: — Ясно ли ты отдаёшь себе отчёт в том, чего ты хочешь достигнуть?

— Я хочу выявить моё высшее Я, моё настоящее Я.

— А для чего ты этого добиваешься?

— Чтобы познать истинное своё назначение... Чтобы быть с Единым... быть с Ним слитой в целое... — с трудом подбирая слова, говорила я.

— Так. А добившись этого, как ты себе представляешь своё существование в теле?

— Не знаю... Думаю, что тогда я обрету некоторую истинную силу и понимание. И тогда я смогу быть полезнее миру. Высшее Я ведь не может жить неправильно.

— Ошибаешься. Можно раскрыть в себе высшее Я, получить психические силы, быть источником, излучающим силу, и всё же не смочь окончательно отделаться от соблазна обратить эту силу и могущество для своего возвеличения.

— Я не думаю, что я буду желать этого.

Учитель молча и серьёзно посмотрел на меня.

— Я надеюсь... Но всё же Я должен предостеречь тебя от многих заблуждений и опасностей. Ты — всё ещё ведь «дитя». Иди с миром!

И Учитель отпустил меня.

11 августа — пришлось пропустить.

12 августа. Утро.

Учитель сидел на терраске. Я взшла и, поклонившись Ему, села на скамеечку у Его ног. Учитель говорил мне:

— Береги храм своего сердца в чистоте. У каждого человека должен быть этот храм, это святая святых его сердца, который он бережёт, украшает и куда не проникает ни одна мысль извне, способная омрачить эту сверкающую чистоту. Имейте храм в сердцах ваших и расширяйте его с каждым днём так, чтобы в него вместился наконец весь мир. Блаженны те, кто умеет созерцать глубины духа своего и пребывать в этом высоком созерцании, ничем не омрачаемые. Но и те блаженны, кто, стоя перед ликом своего Высочайшего, идёт по земле и сеет семена добра и жизни. Ибо трудно предстоять сразу и здесь и там. И сливший это воедино достигает действительной мудрости. Совершенен тот, кто достиг единения со всем сущим и живёт в полном мире с собой и со всеми, ибо он духом воспарил. Ищите сердце размягчить, ибо нельзя «творить жизнь» сердцем хладным и не размягчённым усиленной любовью. Всё объять не может сердце, если оно застыло. Ибо такому сердцу ничто не доступно, и лишь разумом тогда человек всё измеряет. Хладность сердца — причина многих скорбей мира. Увеличивайте число ваших дней, проведённых во внутренней радости сердца. Не будьте хмурыми. Ищите просиять над миром! В мире духа явите всю красоту сердца. Это всё, дитя. Да будет мир сердцу твоему.

13 августа. 5 часов.

Поднялась в залу к Учителю. Он сидел за столом и сделал мне знак приблизиться. На Учителе была сегодня необычайного цвета одежда, зеленовато-голубая, отдающая в изгибах и складках в синеву. Это производило впечатление какой-то сказочной красоты. Учитель встал и сказал мне:

— Пойдём.

Учитель зажёл и понёс в руке светильничек — род небольшого металлического чайника с длинным, тонким носиком, в котором горел синеватый огонёк. Мы спустились вниз из залы, и там Учитель открыл маленькую дверь, ведущую, как мне показалось, в чуланчик. И мы вступили в полную темноту.

— Осторожнее следуй за мной, — сказал Учитель, — здесь начинается лестница, и довольно крутая.

Учитель шёл впереди, освещая ступени светильником. Мы спустились в узкий коридор,

который прошли в молчании. В конце коридора Учитель толкнул что-то в стене, и отвалился большой камень, образовав брешь, через которую мы вышли на воздух. Вокруг нас были скалы, дом Учителя не был виден, он остался за скалой, сзади нас, как я поняла. Перед глазами особенно ясно были видны цепи гор. На одной из них ослепительно ярко горел свет.

— Вот смотри, — сказал Учитель, указывая на эту яркую точку на вершине, — ты должна следовать к этой вершине. Она приведет тебя к Свету. Тут не должно быть ни колебаний, ни компромиссов. Достичь света вершины — твоя цель. Ей ты должна посвятить всю себя. Отныне ты должна твердо и незыблемо держаться цели. Она одна существенна, остальное всё в жизни только проба твоих сил. Это всё.

Я заметила, что одежда Учителя как бы сгустила свой цвет она стала почти синей, как туман, окутывающий дальние горы. А свет на вершине сверкал и переливался светом, как звезда. Он напоминал Сириус.

— Взгляни пристально на вершину и запомни её.

Обернувшись лицом к далёкой вершине, я пристально созерцала её. Через некоторое время, обернувшись на Учителя, я Его уже не увидела возле себя. Вместо Него стоял Нуми.

— Учитель просил передать тебе, чтобы ты пришла к Нему теперь не через два, а через три дня на четвёртый. Он шлёт тебе своё благословение.

И всё кончилось.

14 августа. Утро.

Пришла в Сад. Учитель был в беседке.

— Доброе утро, Учитель.

— Доброе утро! Входи и садись. Знаешь ли ты разницу между человеком добрым, но обычным, не знающим ещё истинного смысла бытия, и между человеком посвящённым?

— Нет, Учитель.

— Человек незнающий совершает свой жизненный путь бессознательно. Он не отдаёт себе должного отчёта ни в своих действиях, ни в своих побуждениях и мыслях. Его чувства и его мысли не имеют ещё той силы, которая есть у человека знающего. У человека знающего будет более чёткое направление мыслей и сила влияния их излучается острее и глубже. Сила его чувств тоже превышает во всём чувства обычного человека. Но знание Закона, раскрывшись в нём, требует от него большого напряжения сил, внимания и ответственности за каждый свой шаг, каждый вздох. Он не может теперь жить в бессознательности, не только не может раздражаться, но и вообще иметь негармоничные мысли, эгоистические желания. Он знает, что злые мысли, направленные им на его ближнего, вернутся на него же самого с той же силой, с какой он направил их от себя, — это непреложный, оккультный закон.

Надо не забывать о силе излучаемых тобой токов мыслей и чувств и помнить, какое это имеет значение для окружающих тебя. Поэтому никогда не будь строптива, раздражительна, не имей желания кому-нибудь навредить или досадить чем-либо даже мысленно, никогда не думай дурно о людях ни в их присутствии, ни об отсутствующих. Всё это следует тебе запечатлеть поглубже в сердце и запомнить навсегда. А теперь возьми бумагу и запиши, что Я тебе продиктую:

Дети мои! Пребывая в мире, храните сердца чистыми. Не позволяйте проникать в них и тени смуты. Ограждайте твердыню вашего сердца, дабы свет, им излучаемый, не колебался от малейшего ветерка и бури не могли бы задуть его. Живите в мире и пребывайте в духе, неизменно храня устремлённость сердца и положив его к ногам Высшего. Аминь.

Учитель взял из моих рук написанное, разорвал и бросил в воздух. Вспыхнув, всё исчезло. Учитель встал. Я тоже поднялась с места. Учитель приблизился ко мне, положил руку мне на голову и произнёс:

— Прими мир! И будь в духе, дитя.

И Учитель отпустил меня.

15 августа. Утро. 8 часов.

Видела Аниту. Видела её ласковые, любящие глаза. Вместе встали на молитву. Вскоре вошёл Учитель. Все приготовились к молитве. Учитель произнёс:

— Отец наш! Мы молимся Тебе, проявись в наших сердцах и очисти нас и направь нас по пути Твоего совершенства. Аминь.

На этом молитва закончилась. Учитель сказал:

— Идите, братья, с миром в день ваш. И помните: каждый день это раскрытая белая страница книги, которую вы заполняете своими мыслями, чувствами и действиями. И от вас зависит, чтобы эти страницы были написаны чётко, ярко, в полном осознании вашей Цели и в решимости следовать Её Свету. Итог этих дней и составит «книгу вашей жизни». Примите мир Мой!

И Учитель отпустил всех.

8 часов 30 минут.

Вошла в Сад. Нуми шёл мне навстречу.

— Будь сегодня тише, — сказал он. — Учитель сегодня болен.

Заметив мой удивлённый вид, Нуми слегка улыбнулся и сказал:

— Он не так болен, как болеют люди. У Учителя это такое «состояние», во время которого надо вести себя по возможности тише. Я пойду с тобой.

Мы оба приблизились к терраске. Учитель сидел в кресле, откинувшись на спинку. Его лицо мне показалось бледнее обычного. Учитель встретил нас, как всегда, ласково:

— Входите! Садись, дитя, на своё обычное место. Тебе Нумен сказал, что Я болен? Но это, конечно, не так. Это некоторое состояние, о котором вы, люди, не имеете понятия. И это не подлежит оглашению. Но в этом нет ничего «болезненного» в вашем смысле. Нумен, если хочешь, присутствуй при нашей беседе. Можешь взять себе стул из комнаты.

Нуми поклонился и просил разрешения присесть на балюстраде в отдалении. Учитель закрыл глаза и некоторое время пребывал как бы в состоянии сна или отсутствия. Потом Учитель медленно раскрыл глаза и, глядя куда-то вдаль, сказал:

— Нужно тебе уметь разбираться в том, что ты получаешь от Нас. Нам очень важно научить тебя присутствовать в духе на наших собраниях, молитвах, чтобы ты могла легко сосредоточиваться и не отвлекаться от существенного. Нам хочется дать тебе руководство, как укрепить жизнь сердца и как раскрыть понимание. Но ты должна стремиться к Нам навстречу, делать внутренние усилия, избегать всего, что может нарушить твои внутренние силы. Имей терпение. Кротость и сила любви да покроют тебя! Нумен — твой друг. Он — как твоя совесть, как твоё второе «я», полное света. Знай, что отныне он связан с тобой и неотступно следует и следит за тобой. Вот это всё.

И ещё что-то я «видела», но это словно вынуто из моей памяти. И что ещё мне говорил Учитель — мне не дано запомнить. Но след Его слов остался в сердце смутной нежностью и радостью. Ясно помню, как Учитель как-то особенно проникновенно благословил меня. Этим всё закончилось.

Вечер.

В Саду меня встретил Нуми. Он взял меня за руку, и мы пошли вместе. Не доходя до домика Учителя, он остановил меня. Учитель был на терраске. Он сидел в кресле и задумчиво смотрел вдаль.

— Входи, дитя!

Я села у ног Его, чувствуя внутри сердца тревогу и томление. Учитель сказал:

— Запиши то, что Я тебе продиктую.

Надо уметь сдерживать свои чувства. Надо иметь готовность их сдерживать. Обуздывать себя с пониманием — это единственный верный способ. Не всегда это удаётся,

не стоит приходить от этого в отчаяние, но надо настойчиво добиваться такой сдержанности чувств, которая не смогла бы быть отброшена назад. Вкладывая устремлённость сердца в каждое действие дня, ты сумеешь найти нужную опору. Знаки Наши, тебе данные, указывают направление, по которому идёт твоё сердце. И если оно правильно направляемо, знак Наш на тебе светел и ясен. Ищи дать миру от своей гармонии и не вноси смуту вокруг себя.

— Это всё.

Учитель ходил по терраске, диктуя мне, и, окончив, подозвал меня, и я пошла с Ним рядом. Учитель говорил:

— Не приходи в отчаяние от своих конфликтов. Ещё будешь спотыкаться, и не раз. Но важна устремлённость сердца. Не считай поражений, а шагай дальше. Таков путь. Иди с миром и будь в духе. Приходи на вечернюю молитву.

И Учитель отпустил меня.

Вечер. 6 часов.

После молитвы Учитель сказал:

— Братья! Я полагаю, что всем вам полезно знать, какую силу имеет молитва сердца. Она понуждает, толкает, двигает, а продвинув, соединяет источник с истоком. Ищите Бога в своей глубине, и Он откроется вам. Идите с миром!

И Учитель отпустил всех.

(16 и 17 августа пропущены из-за массы дел, которые обрушились на меня и не давали возможности уединиться и сосредоточиться. Наконец 18-го я решила бросить все дела и, хотя это мне грозило большими неприятностями, увидеть Учителя.)

18 августа.

Я очень торопилась идти к Учителю. Час был неурочный. Но я так сильно хотела видеть Учителя и шла с надеждой, что Он примет меня. В Саду меня встретил Нуми.

— Ну, что же ты опаздываешь, — сказал он как бы с укором, — Учитель может теперь и не принять тебя.

— Нет, Он примет! — с жаром воскликнула я. — Скажи Ему, что я молю Его об этом.

Нуми ушёл и очень скоро вернулся улыбаясь:

— Учитель сказал, чтобы ты шла к Нему.

Учитель встретил меня, стоя на терраске.

— У Меня осталось немного времени для тебя... Но Я тебе скажу, что сейчас особенно важно быть устремлённой, пребывать в глубине сердца. Твоя задача сейчас — пронести сердце через все жизненные всплески, не замутив его тишины. Это очень трудная задача. Я знаю, но тем радостнее разрешение её. Иди с миром, дитя! Я не сержусь на тебя. Пребывай лёгкой и радостной.

Учитель положил руку мне на голову. Волна счастья вдруг прихлынула к сердцу.

— Дитя, дитя... — сказал Учитель особенно ласково. — Завтра в восемь часов придёшь ко Мне... Нуми, уведи её, — шутливо добавил Учитель, видя моё восторженное состояние.

Я была радостна, счастлива, как редко бывает. Нуми вместе со мной сошёл с терраски. Я шла, сияя внутренней радостью, готовая петь, танцевать от ликования.

— Какой же ты ещё большой ребёнок! — сказал Нуми и вдруг сам рассмеялся светло и звонко, как я ещё не слыхала его. — Что ж! Оставайся такой! Видно, так ещё нужно тебе.

Мы шли, как дети, держась за руки. Около калитки Нуми остановился:

— Пребуди в мире! Если будет возможно, я тебе днём скажу Слово в слухе.

И мы расстались.

(Пропустила шесть дней! Шесть трудных, тяжёлых дней, полных горести и страдания.

Я не смела в таком состоянии идти к Учителям. Только *24 августа* я снова вошла в Сад. Шла с трудом, как после болезни. Шла очень тихо. Когда я дошла до площадки роз, голос внутри меня указал, что Учитель в беседке.)

— Входи, дитя! Мы давно с тобой не виделись!

— Простишь ли Ты мне, Учитель, это долгое отсутствие? Но Ты знаешь ведь всё! Ты знаешь все мои страдания!

— Я не могу ни «простить», ни «порицать» тебя, — ответил Учитель. Я могу только *понимать*. Жизнь духа строится не на один день, не на месяцы и даже не на годы, а на вечность. И потому необходимо вырабатывать терпение. Ничто не даётся сразу. И жизнь духа вырабатывается в постепенности. Ещё много предстоит в пути задержек и остановок, но важно иметь в сердце Цель и стремиться к ней неуклонно. Ищи познания Света, внутри тебя сущего, и Свет будет руководить тобой.

Учитель замолк и потом тихо подозвал меня к себе:

— Опустись на колени. — Он накрыл мне голову своим широким белым рукавом и произнёс: — Очищаю тебя силой данной Мне благодати. Пребудь в мире и духе.

Учитель отнял руку и повелел мне подняться с коленей.

— Иди с миром! Храни жемчужину в сердце чистой и непорочной. Прими Наше благоволение. Не поддавайся мраку окружения и помни: терпение и ещё раз терпение! Приходи сегодня, как обычно.

И Учитель отпустил меня.

День. 5 часов.

Перед тем как сосредоточиться, ясно услышала голос в себе: «Для тех, кто готовится предстать перед очами Учителя, необходимо сосредоточиться и быть в тишине сердца».

Я увидела себя в Саду Учителя. На мне было белое одеяние братства. Я тихо шла по дорожке в какой-то лёгкости сердца. Прошла мимо площадки роз. Подошла к терраске. Учителя там не было. Голос мне сказал, что я найду Учителя на боковой тропинке. Действительно, Учитель сидел на скамье против гор. Меня поразил вид Учителя, Он весь сверкал и переливался светом. От Его лица и от всей Его фигуры шёл свет, как тончайшая радуга. И словно одно лицо Учителя, сияющее светом, отражалось в другом Его лице, ещё более сверкающем. Словно у Учителя было несколько сияющих тел и все они, сверкая, проницали друг друга, радужно переливаясь. Это было зрелище дивное и неопишемое. Учитель подал мне знак сесть рядом. Я села на краешке скамьи, замирая от восторга, любви к Учителю и благоговения.

— В этом Моём виде сейчас нет ничего особенного, — сказал Учитель. — Дай Мне руку.

Я подала Учителю руку и увидела, что и от моей руки исходит свет, но очень слабый, она светилась лишь в том месте, где её держал Учитель, а остальная рука была тёмная и плотная, кроме краёв руки, откуда тоже исходил слабый свет. А у Учителя не было ничего тёмного в Его облике, всё в Нём было сейчас как сгущённый, ослепительный свет. Когда Учитель взял мою руку в Свою, по ней как бы пробежал электрический ток и отдался в плечо. Это я ощутила физически и с такой силой, что моё «видение» разорвалось, но я быстро сосредоточилась, и «видение» продолжалось. Учитель сказал:

— Смотри, Я могу направить свои тела во все стороны, и всё же Я останусь тут, возле тебя.

И действительно, от Него потянулись сверкающие столбы света, сначала вверх, потом вбок, и наконец прямо перед Ним лучи ушли вдаль так далеко, что свет их коснулся верхушки дальней вершины, на которой горел яркий свет, как звезда. И коснувшись друг друга, свет на вершине вспыхнул ещё ярче. Это была неопишемая игра света. Причём Учитель, сидя возле меня, излучал такое ослепительное сверкание, что я временами жмурилась, не в силах вынести всего этого сияния и блеска. Потом внезапно это всё погасло,

и Учитель сказал:

— Это очень естественное и простое явление. Когда ты достигнешь просветления, ты поймёшь ясно, как всё это происходит. Только сейчас тебе кажется всё это изумительным, так как твоё тело ещё слишком материально и грубо в своих частицах, чтобы достичь такого светящегося эфира. Пойдём отсюда.

Учитель встал и пошёл по направлению к дому.

— Учитель, позволь спросить Тебя, что это за состояние, в котором я могу лицезреть Вас, Учителей?

— Это ты узнаешь после. А пока скажу, что сейчас это единственно возможное для тебя состояние, безболезненное и неопасное. Следуй Нашим указаниям и пребывай в духе. Мысли и чувства свои направь в сердце. Завтра придёшь к Учителю в горах в восемь часов утра. Таково Его повеление. И приходи сегодня на молитву.

И Учитель отпустил меня.

Вечер. 6 часов.

Я пришла уже во время молитвы. Окончив молитву, Учитель сказал:

— Братья, Я хочу вам сказать несколько слов о значении устремлённого сердца. Как желудок воспринимает пищу для жизни всего тела, так сердце есть восприниматель жизни духа. И потому очень важно осознать в себе жизнь сердца и пропустить через него ток сознания, который будет управляться высшим сознанием. Вы должны стремиться к укреплению в себе жизни сердца. Помните, что всё ваше устремление должно быть направлено внутрь. Этим вы усилите и оживите жизнедеятельность сердца. Всё внешнее — это только повод, а внутри вас находится источник жизни, который начнёт действовать в вас своей особой жизнью, когда вы сумеете утвердить в нём своё сознание. Не бойтесь переусердствовать, размышляя над жизнью сердца, вы только сильнее поймёте значение развития в себе жизни сердца. Оставаясь с неразбуженным, холодным сердцем, вы будете подобны свету луны среди пустынных снегов севера, ваш свет не согреет никого. Но лишь сердце начало свою жизнь, как его тепло, разгораясь всё сильнее, перейдёт в яркий свет, жар которого согреет не только вас, но и всех, кто соприкоснётся с вами. Пребудьте в мире!

Учитель скрестил в воздухе руки и благословил всех нас. Мы стали расходиться. Ко мне быстрыми шагами подошла Анита. Её любящее лицо было взволнованно.

— Так давно мы не виделись! Приходи завтра утром на молитву, прошу тебя. Я хочу поговорить с тобой... Ты придёшь?

— Я постараюсь, — ответила я, и мы расстались.

25 августа. Утро. 8 часов.

Все собрались на площадке роз. Возле меня стояла Анита. Её любящие глаза смотрели на меня. Невдалеке стоял Нуми. На сердце было светло, легко и радостно. Вскоре вышел Учитель.

— Мир вам, братья!

— И Тебе, Учитель!

— Помолимся, братья!

Все подняли вверх руки.

— О, Владыка мира! Тебе молимся мы из глубин сердец наших. Да будет благословенно Имя Твоё от века до века.

Все:

— Аминь!

— О, Владыка мира! Просвети, направь сердца силой Своей Любви. Помогите предстоящим в их усилении дня и вложи мир в сердца их.

Все:

— Аминь!

— О, Владыка мира! Претворяя всё волей Своей и всё созидая, даруй и нам творить

волю Твою всегда и во всём.

Все:

— Аминь!

Учитель сказал:

— Дети Мои! Сейчас Я скажу краткое Слово о собранности. Вступая в день ваш, очень важно быть собранными, то есть хранить ту дивную напряжённость в сердце, которая не даёт ничему пройти мимо и бессознательно. Направление — вот что важно! Держите сердце устремлённым к единой Цели, не давая себе рассеиваться. Собранность сердца — это сила, огонь, который, как фонарь, освещает всё, на что направлен. Мир Мой вам дарую! Идите радостно в день ваш.

И Учитель отпустил нас.

Ко мне подошла Анита:

— Как, ты уже уходишь? О, как мало мы видимся. Останься ещё со мной.

Но ко мне подошёл Нуми и сказал тихо:

— Не забывай, что Учитель ждёт тебя, — и отошёл.

— Я приду в двенадцать часов на молитву, — сказала я Аните, и мы расстались.

Утро.

Я была на скалах по пути к дому Учителя. Меня встретил Нуми. Мы пошли вместе. Было что-то в его облике бесконечно родное и близкое. Я силилась вспомнить и не могла... Промелькнула мысль, что это очень близкая мне душа. Нуми говорил:

— Никогда не пропускай бесед с Учителем. Это очень важно. Это должно быть главным в твоей жизни. Всё, что тебя окружает, это всё преходящее, а здесь создается вечное.

Мы дошли до дома Учителя, и Нуми покинул меня. Я успела ему шепнуть:

— Спасибо тебе за всё...

Учитель был в зале. Он писал. Я поклонилась Ему. Учитель подозвал меня и указал на стул, кончив писать. Он облокотился на стол и, пристально глядя на меня, сказал:

— Я хочу задать тебе несколько вопросов, на которые прошу ответить, подумав, твёрдо и ясно. Твёрдо ли ты решила следовать сердцу в поисках Истины?

— Да, Учитель.

— Если что-либо встанет на твоём пути преградой, хватит ли в тебе мужества устоять?

— Я буду стараться изо всех сил устоять, Учитель.

— Если явится какое-либо очень тяжёлое испытание, не дрогнет ли твоё сердце?

— Может быть, Учитель, но я буду помнить о мужестве.

— Если Нам надо будет послать тебя, сумеешь ли ты пройти через все трудности, чтобы исполнить волю Нашу?

— Я приложу все усилия, Учитель!

— Так. Пока ничего такого и не требуется, но ты должна возвращать в себе мужество — оно необходимо. Нам нужны мужественные, стойкие и закалённые сердца. Я хочу, чтобы ты сама себе задавала такие вопросы и продумывала бы их честно и ясно. Надо уметь мыслить, размышлять. Это тоже очень важно. Мысли должны быть не туманные и расплывчатые, а чёткие и ясные. Нами даются тебе указания, но ты сама должна расширять их и дополнять размышлением о них. Учись у глубины твоего сердца. Знай, ты всё время стоишь сейчас под контролем, Мы наблюдаем тебя; твои мысли, чувства и поступки, малейшие изменения в характере — все Нами замечается и берётся на учёт. Готовь сердце к мужеству, к стойкости, к способности противопоставить свою силу в ответ всему, что встанет на твоём пути. Иди с миром.

И Учитель отпустил меня.

День. 12 часов.

Все собрались на площадке роз. Учитель сказал:

— Помолимся, братья!
После молитвы Учитель напутствовал нас словами:
— Идите, братья, в тишине сердца! Каждому дана помощь по мере сил его.
И отпустил нас. Меня догнала Анита и сзади обняла меня.
— Ты уже уходишь? — спросила она.
— Да, Анита.
— Побудь ещё со мной!
— Я не могу, Анита!
— Ты не хочешь вспомнить меня? Вспомни, вспомни! — воскликнула она с силой. —
Ведь мы были так близки с тобой!
— Я чувствую близость к тебе, но ничего из прошлого не помню, — ответила я.
Анита вздохнула.
— Ты придёшь в шесть часов вечера на молитву? — спросила она.
— Я постараюсь прийти.
На этом мы расстались.

26 августа. День. 12 часов.

Пришла на молитву. Все уже стояли полукругом в ожидании Учителя. После молитвы Учитель сказал:
— Идите с миром, братья! Те, кому назначено прийти ко Мне, пусть останутся.
Учитель удалился.
Остались Анита и я. Она радостно взяла меня за руку.
— Как я рада быть с тобой! Мы так мало видимся.
Подошёл Нуми и сказал, что уже можно идти к Учителю. Мы пошли с Анитой, держась за руки.
— Скажи, — спросила она, — Учитель тебе не запретил сказать мне, где ты живёшь?
— Нет, — ответила я.
— А мне запретил. Учитель сказал, что мне не надо об этом думать и домогаться узнавать, так как на этот раз нам не суждена встреча на Земле... Ах! Ты не помнишь меня, а я всё помню, и моё сердце горит любовью к тебе. Это было бы такое счастье жить вместе...
Мы подошли к терраске. Учитель сидел на своём обычном месте. Мы поклонились и вошли. Учитель посадил нас, а мне повелел писать под Его диктовку:

Всем, всем, всем!

Дети мои, надо помнить об упорной борьбе с собой. Повторяю, вы идёте не по розам, а по шипам. Идите, не отклоняясь в стороны. Будьте мужественны до конца. Несущие тяготы жизни в радости должны помнить, что этим они только уплачивают счета по долгу. Не колеблитесь там, где дело идёт о внутреннем долге, о внутреннем достижении. Никогда не отдавайте предпочтения суетному, но чаще погружайтесь в глубь сердца. Напоминаю и о том, как важно стоять на страже своих мыслей и слов и держать над ними постоянный контроль. Ищите во всём правду. «Правда сердца» — это могучий источник чистоты, очищающий всё, что в него вступает. Ложь часто бывает в одеждах красоты и богатства. А правда, возникающая из глубины сердца, тонка, светоносна и скромна, ибо она от Света.

— Это всё.
Учитель спросил Аниту:
— Ты слышала хорошо то, что Я продиктовал? И хорошо всё запомнила?
— Да, Учитель.
Мы обе стояли перед Учителем, и Он некоторое время в молчании смотрел на нас. Потом сказал:
— Вы обе связаны любовью в веках. Дайте ваши правые руки.

Мы протянули руки Учителю. Он взял их и соединил в своей руке, сказав:

— Отныне вы имеете живую связь сердца. Этот жизненный опыт вы пройдёте разобщёнными в земной жизни, но в следующем рождении вы встретитесь, узнаете друг друга и поймёте значение друг для друга.

Анита в волнении, обливаясь слезами, сказала:

— О, Учитель! Я её уже узнала, узнала! Но она не помнит меня, ни наших прежних жизней.

— Такова твоя карма. Не волнуйся и будь в мире. Идите, дети мои. Будьте в кроткой тишине сердца и в духе.

И Учитель отпустил нас.

28 августа. Утро.

Я не имела возможности уединиться и сосредоточиться раньше десяти часов утра. Но и тогда я никак не могла сосредоточиться. Голос внутри меня сказал: «Не делай усилий. Учитель не примет тебя сейчас. Может быть, в двенадцать часов, после молитвы, Он разрешит тебе прийти к Нему. Пребывай в мире и в духе. Учитель сказал, что тебе очень существенно иметь устремлённое и горящее сердце. Он шлёт тебе благословение. Помни, что ты под наблюдением Учителей. Нуми».

День. 12 часов.

Перед тем как «пойти в Сад», я была долго и сильно сосредоточена во внутренней молитве.

Внезапно увидела себя в Саду Учителя. Все собрались на молитву. Ко мне подошли Анита и Нуми. Мы встали вместе. Вскоре вышел Учитель. Молитва сегодня как-то особенно звучала в моём сердце. После молитвы Учитель сказал:

— Братья, Я скажу вам Слово. Каждому даётся, кто протянул своё сердце Свету. Ибо нет мольбы без ответа, как бы ни был человек несовершенен. Но молитва должна быть полноценной, истинной и глубоко звучащей в сердце. Учитесь углубляться в своё сердце — там Свет Истины, там вы найдёте и помощь. Это всё, братья. Идите с миром и пребывайте в духе. Анита и Астри останутся, также и Нуми. После придут ко Мне остальные, кому назначено.

Учитель благословил всех нас и отошёл.

Я шла к терраске вместе с Анитой и Нуми. Мы шли молча, взявшись за руки. На терраске Учитель повелел Аните и мне приблизиться к Нему и сказал:

— Опуститесь на колени возле Меня.

Он взял наши руки, её правую и мою левую, соединил их, сказав:

— Отныне вы соединяетесь узами невыразимыми навеки. Вы идёте вместе и в горе, и в страдании. Также вы обязаны помогать друг другу и в жизни вашего духовного раскрытия. Аминь.

Учитель широким рукавом покрыл наши склонённые головы и произнёс:

— Очищаю вашу любовь силой, данной Мне, от всего суетного и преходящего. Пребывайте в Свете к Свету идущие. Нуми! Подойди и ты. Тебе поручаю Я эти две души. Ты их спутник и друг и наставник ближайший. Тебе поручены они обе. Охраняй их и помогай им. И они дадут тебе радость от своего просветления. Аминь. Встаньте. Идите с миром! Астри, ты сегодня придёшь ко Мне в пять часов обязательно.

И Учитель отпустил нас. Я ещё помню, что, когда Учитель покрывал наши головы рукавом, я увидела близко возле себя лицо Аниты, оно было совсем иное, чем обычно, и она прошептала: «Теперь ты узнала меня? Узнала?» Но это длилось мгновение, и я не уверена, узнала ли я её в том лице, которое вдруг привиделось мне.

День. 5 часов.

Я подошла к терраске, и Учитель вышел мне навстречу. Он положил руку мне на плечо

и сказал:

— Пройдёмся по Саду.

Мы пошли по направлению к пруду. Учитель сказал:

— Скоро ты увидишь в этом Саду перемены. Ты увидишь его осень и его зиму. Ты увидишь всё, как это бывает и в жизни людей.

Учитель сел на скамейку и стал бросать крошки хлеба лебедям. Он говорил:

— Ты будешь всё это видеть и многое другое, пока твоя душа не перешагнёт за грани этого видения и не вступит в иное состояние. Помнишь светящуюся звезду на вершине горы? Это сверкает дворец, храм, «Дом Высших», назови как хочешь; этой вершины достигают немногие. И доходят туда после больших усилий. Но когда ты достигнешь этой вершины, то и тогда надо будет стремиться ещё дальше, ещё выше. Для того чтобы научиться жить внутренней жизнью сердца, надо уметь сосредоточиваться. Пойдём, дитя.

Учитель встал, отряхнул крошки с одежды, и мы пошли по направлению к дому. Учитель говорил:

— Я научу тебя, как надо сосредоточиваться. Найди благоприятное место, где бы тебя не могли потревожить, сядь прямо и свободно. Держи корпус, шею, голову на одном уровне. Призови тишину в сердце, и пусть мысли не рассеиваются. Закрой глаза и внутренним оком устремись в глубину сердца. Сначала ты ничего не будешь там видеть или очень мало. Потом ты увидишь... то, что тебе надлежит видеть.

Мы поднялись на терраску. Учитель сел в кресло и дал мне маленькую книжечку.

— Прочти Мне вслух из неё то, что ты видишь.

Я раскрыла книжечку, но, увы, ничего в ней не видела, как ни напрягала зрение.

— Учитель, я ничего не вижу! — сказала я с огорчением.

Учитель взял книжечку из моих рук и пальцем подчеркнул в ней какое-то место.

— Вот читай отсюда, — сказал Он, возвращая книжечку.

Я увидела на страничке сверкающую черту, проведённую пальцем Учителя, но я не видела никаких букв. Я молчала.

— Ну, что же ты? — спросил Учитель, видя моё замешательство.

— Я ничего не вижу, Учитель, — ответила я тихо.

...Тут во мне произошёл «разрыв видения» и, когда я снова сосредоточилась, то увидела себя на терраске, и Учитель брал от меня книжечку, говоря:

— На этом мы закончим. Иди с миром, дитя. Завтра к девяти часам утра придёшь к другому Учителю.

29 августа. День. 12 часов..

Я подошла к площадке роз, когда уже все молились. На этот раз молитва была длиннее, чем обычно. После молитвы я просила Нуми узнать, можно ли мне идти сейчас к Учителю. Нуми ушёл и скоро вернулся, сказав, что Учитель примет меня немного позднее. Нуми говорил мне:

— Сегодня ты ведь должна была быть у Учителя в горах в девять часов утра. Это большая оплошность с твоей стороны, что ты не пришла к Нему. Теперь Он примет тебя только в пять часов. Ты должна научиться согласовывать свой день более точно с указанием Учителей. Ничто не должно мешать тебе. Не ищи себе оправданий, но ищи понимания. А теперь пойдём вместе к Учителю. Сегодня Он примет нас в фруктовом Саду.

Мы пошли по направлению к домику Учителя, а потом повернули к фруктовому Саду. Там под деревом, отягощённом спелыми плодами, похожими на сливу, стоял Учитель. Около Него и около соседних деревьев сгруппировались братья. Среди них была и Анита. Всего было около пятнадцати человек. Когда мы подошли, Учитель указывал, как надо укладывать плоды по корзиночкам, чтобы не помять их нежность. Плоды были тёмно-лиловые, похожие на сливу, но только гораздо крупнее и, как я узнала после, без обычной косточки внутри. Мы с Нуми тоже взяли по корзиночке и стали укладывать и собирать плоды. Учитель ходил с длинной палкой, загнутой на конце крючком, и снимал плоды с деревьев.

— Это дар миру, — говорил Он. — Это очень вкусный и освежающий плод. Он получен от скрещивания сливы и персика, но особым способом, при котором сохранены наилучшие качества обоих. Те, кому Мы указали, передадут людям это знание на пользу им, взамен вредной и нечистой пищи. Анита! Подними вот тут особенно зрелый плод и дай попробовать Астрe, пусть узнает его вкус.

Анита, улыбаясь, подала мне большой, в размер яблока средней величины, плод, цветом похожий на сливу, а ароматом на персик. Мясистая его часть была плотнее, чем у персика, но гораздо сочнее, чем у синей сливы, но вкус его описать трудно. Через некоторое время Учитель поставил палочку около дерева и хлопнул в ладоши. Все взоры обратились к Нему.

— Придите все и сядьте возле Меня. Я хочу вам сказать Слово.

Все подошли и сели полукругом на траве, возле дерева, прислонясь к которому стоял Учитель. Это была очень красивая группа: на фоне зелени и тёмно-лиловых плодов, в изобилии свисавших с ветвей, выделялась прекрасная фигура Учителя в белом, а вокруг Него в два ряда полукругами сидели на траве белые фигуры братьев, освещённые мягкими лучами солнца. Учитель говорил:

— Дети, есть Миры, значительно превосходящие своим совершенством Землю, и их обитатели так же превосходят людей, как люди превосходят своим развитием животных, и даже ещё больше. Но это не значит, что они произошли из какого-то другого источника, чем люди. Нет, мы все имеем один и тот же Источник. И каждый из вас должен стремиться раскрыть заложенное в него всё совершенство истинного человека. Все ваши силы должны быть направлены на достижение этого совершенства. Вы должны твёрдо *знать*, чего вы хотите и что вы ищете. Вы должны *желать* добиться своей Цели. И вы должны *мочь* противопоставить свою силу и мужество в ответ на сомнения и колебания ещё не окрепшего вашего существа. Вы должны стать Тем, Кого вы поставили в центре своего сердца. Вы должны мерить себя по этому идеалу и высекать свой образ высокой мечты, как скульптор высекает из мрамора своё гениальное видение. Вы должны в совершенстве владеть собой. Вы должны хорошо знать свои недостатки и свои достоинства. Обратите внимание на свои вкусы и пристрастия вашей личности, на свои привязанности и стремитесь не цепляться ни за что. Живите, широко и мощно расправляя крылья своего сознания. Вы не должны быть ни робкими, ни жалкими, ни принижёнными, но также вы не должны для себя желать ни силы, ни власти, ни славы — ничего, чем вы могли бы поработить, эксплуатировать людей. Но вы должны утвердить силу и власть *над собой*. Надо иметь силу, чтобы стряхнуть с себя сон души, а, проснувшись, не заснуть снова. Для этого не давайте себя убаюкивать сладостными грёзами ваших достижений, а идите дальше, не задерживаясь ничем личным. И помните, что вы проходите сейчас долиной иллюзии и ещё долго будете идти ею, принимая её призрачные огни за настоящие. Надо научиться стоять твёрдо в своей устремлённости. Всё, что вам мешает сейчас, все эти камни самости, должны быть убраны раньше, чем вы начнёте подъём в гору, потому что тогда не будет возможности заниматься этим, тогда встанут на пути новые задачи и трудности. Пока вы все ещё только готовитесь стать полезными братству и стать его деятельными помощниками. Многие из вас уже и теперь начинают помогать Нам, хотя и не совершенно ещё, а большинству из вас ещё нужна Наша помощь, глубокая и сильная, чтобы они могли утвердиться в своём достижении. Нужно всё закреплять в себе крепко, каждый шаг, раньше, чем сделать другой. Научитесь мужеству, стойкости и любви! Любви нельзя научиться, но её можно углубить, расширить, раскрыть её источник в глубине сердца. Пока ваш эгоизм остаётся устремлённым на себя, ваша любовь не будет широкой и горизонт её будет узок, но когда центр вашего сознания переместится и с личного перейдёт на широкое, вселенское понимание, тогда ваша любовь найдёт сама себя не в узких предпочтениях, а в глубине сердца раскрывшегося навстречу всему миру. Вам всем открыт доступ в Мой Сад. Вы все — Мои дети. И Я хотел бы дать каждому из вас часть Моего сердца, дать всем от той Любви, которая обнимает каждого из вас, не отдавая никому предпочтения. Я хотел бы, чтобы каждый из вас, уходя отсюда, уносил с собой тысячи новых

чувств и возможностей. Каждый из вас дорог Нам. Каждый из вас имеет все данные для быстрого продвижения в жизнь духа. Живите в мире сердца! Не ищите ничего внешнего. Претворяйте всё в глубине своего сердца и очищайте его огнём Духа. Это всё, дети Мои. Теперь можете расходиться. Те, которым назначено остаться здесь для изучения прививок фруктовых деревьев, пусть останутся. Остальных отпускаю с миром!

День. 5 часов.

Не могла сосредоточиться. Видела дом Учителя в горах очень маленьким и страшно далёким, а себя меньше булавочной головки, идущей к Его дому. То вдруг дом с невероятной быстротой приближался ко мне, и я вместе с ним принимала огромные размеры. Наконец, утомлённая, я перестала домогаться встречи с Учителем и предалась созерцаниям и размышлениям, погружившись в глубину сердца.

30 августа.

Перед молитвой ко мне подошла Анита. Она была нежна и ласкова со мной. Мы говорили о нашей земной жизни.

— Ты замужем, Анита?

— Да.

— Ты счастлива?

— Нет. А ты?

— Я была счастлива, пока не поняла, что есть более высокое счастье, тогда я стала «несчастной».

Мы обе улыбнулись.

— Ты русская? — спросила Анита.

— Да. А ты?

— Это неважно. Ах, Учитель не велел мне спрашивать тебя ни о чём таком, а я спрашиваю... Пойдём на молитву, уже все собираются.

После молитвы Учитель сказал:

— Братья! Я хочу вам сказать о мире и тишине сердца. Что такое мир сердца? Это такое состояние, когда его гармония ничем не поколеблена, как светильник, защищённый от ветра, он горит ровно и прямо. Мир сердца — это когда ничто внешнее не омрачает сердца, оно выше всего внешнего. Его глубина недостижима для случайных потрясений и жизненных бурь. Мир сердца — это не спокойствие благодушия, это есть «состояние» высокого внутреннего созерцания, недоступное ничему внешнему...

(Тут мне резко помешали, и я больше ничего не видела и не слышала.)

День. 5 часов.

Я была в Саду с Нуми. Я горько плакала. Нуми сказал:

— Вот видишь, это всё последствия одной причины, той, что ты не решаешься устранить сразу препятствие, которое тебе мешает. Твоя жизнь должна быть в новом русле, а ты упорствуешь. Идём к Учителю.

Я вытерла слёзы, и мы пошли к домику Учителя. Он был на терраске и, как всегда, ласково приветствовал нас:

— Сядь, дитя, и успокойся. Я пройду в комнату с Нуменом, он Мне нужен, а ты пока посиди одна.

Я осталась сидеть на скамеечке. Было очень тихо вокруг. Я любовно смотрела на кресло, в котором обычно сидел Учитель, на скамеечку для Его ног. И так всё мне было дорого здесь! Я смотрела вокруг на всё, что окружало Учителя, и мне казалось, что мир возвращается в моё сердце.

— Ну, теперь тебе лучше? — спросил Учитель, выходя из комнаты. — Мне думается, — продолжал Он, садясь в кресло, — что один из способов обрести покой сердца — это никогда не отрывать взора от его глубины. Но у людей тысяча способов нарушать эту

жизнь сердца. Важно быть целеустремлённой. Что смутило тебя? Неверно, что нельзя противопоставить ответную силу сердца на идущие извне вибрации. Наоборот, ты должна всеми способами отстаивать свою точку зрения и не сдаваться. Так поступали те, кто твёрдо верил в то, чем они жили. Ты должна быть уступчива и кротка всегда, исключая духовную сторону твоего искания. Иначе это похоже у тебя на трусливое бегство с поля сражения, когда ты отдаёшь свой меч раньше, чем противник потребовал его у тебя.

Учитель шутливо улыбнулся.

— Ты должна быть тверда. Веришь ли ты и как веришь — это *твое* дело, дело твоей глубины и этой стороны нельзя касаться грубо и безнаказанно никому. Существует одна творящая воля, но разветвления Её бесчисленны. И ты должна понять, что то, что истинно существенно и есть высшая воля в тебе.

Учитель благостно смотрел на меня.

— Это всё. Теперь иди с миром. Ты должна помнить, что ты не одна. Я всегда наблюдаю за тобой, Нуми возле тебя почти постоянно, и другой Учитель знает всё, что Ему надо знать о тебе. Приблизься.

И Учитель возложил мне на голову руку, сказав:

— Пребудь в мире и в духе.

31 августа. День. 5 часов.

Я была не дома, в обстановке очень беспокойной, и мне трудно было сосредоточиться. Я очень долго и упорно выгоняла мысли, которые врываются в меня со всех сторон, и гасила в себе всякие посторонние вибрации, которые сильно мешали мне. Наконец я увидела Нуми. Он шёл по Саду мне навстречу.

— Иди скорее, — сказал он, — Учитель ждёт тебя, — и подал мне руку.

Сразу мне стало легче, и я с Нуми дошла до терраски. Учитель вышел к нам из комнаты, указал мне на скамеечку у Его ног, а сам сел в своё обычное кресло.

— Тебе необходимо успокоиться, — сказал Он. — Самое лучшее, если ты посидишь сейчас в тишине и послушаешь музыку. Нуми, поиграй нам на виолончели.

Я сидела спиной к двери и не видела Нуми. Он заиграл. К сожалению, я слышала очень мало. Только низкие звуки доходили до меня, а более высокие все терялись. Я сильно напрягалась, чтобы уловить мелодию и не упустить звуков, но мне это не удавалось. Я слабела всё больше и больше, чувствовала, что видение моё прерывается, и я «ушла» внезапно...

1 сентября. Утро. 9 часов.

Приближалась к дому Учителя в горах. На скалах меня встретил Нуми.

— Мы пойдём вместе к Учителю, — сказал он. — Я тоже иду к Нему.

Я смотрела на пустынные скалы, на фиолетовые тени от рыжеватых глыб камня и подумала, какой контраст между этим домом Учителя и другим, белым домиком Учителя, таким уютным и маленьким, спрятанным среди цветов и зелени. Мы вошли в дом и поднялись в залу. Учитель сидел за столом. Мы низко Ему поклонились, стоя у двери, и приблизились к Нему по Его знаку. Учитель сказал Нумену несколько слов на не понятном мне языке. Нуми глубоко поклонился, повернулся и молча ушёл, а мне Учитель указал на стул. Он взял маленький листик бумаги, написал на нём «Бодрость!» и молча протянул его мне. На другом — Он написал: «Всё, что совершается сейчас в твоей жизни, есть наилучшее, возможное для тебя». И опять дал его мне. И на третьем листике написал «Мужество!» и, отдавая мне, сказал:

— Храни написанное в сердце и запомни. Это дано Мной тебе как указание на ближайшие дни. Когда человек уже готовится прозреть, когда он готовится выявить свою истинную человечность, тогда нет для него таких усилий, которые были бы малы. Ты должна жить, непреклонно погружённая в глубину сердца и в нём черпать силу. Пока ты заинтересована внешней жизнью в ущерб внутренней, ты ещё не готова к истинному

прозрению. Велики силы в человеке, но он сам должен раскрыть их. Перед тобой три пути: путь любви, путь мудрости, путь действия. Каждый из этих путей включает и два остальных, но один из них является основным. Ты должна избрать один из них. Каждому ищущему даётся Наша помощь и указывается направление, пока он слаб и нуждается в помощи. Мы охраняем каждого, кого приняло Наше братство. И хотя принятый может ещё быть очень слаб и идёт спотыкаясь, но Мы имеем глубокое терпение и веру во внутреннюю силу каждого. Надо совершить тяжкое преступление перед своим сердцем, чтобы, вступив на путь, быть отброшенным обратно. Ты должна помнить, что Наша помощь дана тебе не по выбору, не по предпочтению, а потому, что ты сама сумела приблизиться. Ищите и обрящете!

Учитель снял с пальца изумрудное кольцо и сказал мне:

— Вот взгляни в этот изумруд и скажи, что ты в нём увидишь?

Я видела очень мало, только какие-то неясные проблески света вырывались из его глубины. После тщетных попыток видеть яснее, я отдала кольцо обратно, сказав, что я плохо в нём вижу. Учитель надел кольцо на палец и слегка повернул его. Два ярко-зелёных луча упали на стену.

— А свет видишь?

— Да, Учитель.

Учитель вышел из-за стола, подошёл к одному из окон и повелел мне приблизиться.

— Встань лицом к окну и сделай несколько раз очищающее дыхание, как Я тебя учил. Вообще ты занимаешься регулярно дыханием?

— Нет, Учитель.

— Тебе необходимо очиститься. Я назначаю тебе с завтрашнего дня три дня поста. Ты будешь есть немного только в двенадцать часов дня, после молитвы. И ты придёшь ко Мне после этих трёх дней поста. Иди с миром и пребывай в духе.

И Учитель отпустил меня.

(Три дня я не была у Учителей. Я старалась следовать указанию Учителя, постилась и очищала сердце молитвой и размышлением.)

5 сентября. Утро.

Пришла к дому Учителя. Взошла в залу. Учитель сидел за столом и занимался. Он сделал мне знак приблизиться и сесть.

— Как ты выполнила Моё задание?

— Не вполне так совершенно, как хотелось бы, но я держалась Твоих указаний.

— Я даю тебе ещё три дня более лёгкого пощения: еда один раз в день, но досыта, и три раза в день фрукты в ограниченном количестве. Запиши то, что Я тебе продиктую.

Капля воды, падающая на землю с облаков, теряет нечто от своей чистоты, но, возвращаясь обратно, она оставляет всю грязь на земле. Ты должна быть подобна ей. Очищение должно быть полное раньше, чем Мы сможем начать давать тебе истинные духовные ценности. У людей «ищущих» фатальное представление об Истине, как о приобретении чего-то, каких-то навыков, качеств, представлений, а между тем, наоборот, главное, что они должны сделать, это отдать всё своё существо, своё «я» на уничтожение. Нет ничего «личного», что могло бы быть взято с собой в путь. Всё должно быть оставлено раньше, чем путник двинется в дорогу. Но это не самоуничтожение, а возрождение своего высшего Я, истинного повелителя души и тела человека. Это требует глубоких сил, напряжения, вдумчивости, выбора. Ты должна всё время помнить, что ты ищешь и к чему ты себя готовишь. Только испепелив себя, превратившись как бы в ничто, ты сможешь постигнуть Истину. Бойся быть уловленной самовосхвалением или почитанием людьми. Помни, у тебя как у личности нет никакой заслуги перед ними. Всё, что ты имеешь дать людям, — дали Мы. И если ты засветишься между людьми, то это потому только, что Мы

зажгли тебя. Все люди подобны лампадам, некоторые — уже зажжённые, а другие — ещё тёмные. Но зажгутся и они и станут давать свет. Нет горше для души, чем запутаться в сладостных тенётах обожания и почитания людьми. Умей разбираться во всём этом и учись видеть существенное. Ещё запомни, тем, кому дана Наша помощь и руководство, надлежит ещё строже относиться к себе. Отнюдь не будьте довольны тем, чего вы уже достигли, а ищите всё дальше и глубже в сердце, помня, что, только никогда не застывая и не удовлетворяясь ничем, а проникая всё глубже и глубже, отстраняя от себя всё временное, освобождённая душа сможет истинно творить и присутствовать в рядах высочайших. Это подобно работе рудокопа, который всё глубже врежется в пласты земли, отшвыривая назад пройденное. Так и вы ищите не останавливаясь. Помните, что истинная ценность неистощима, неиссякаема и сверкает своим собственным огнём. Пока вы ищете «приобрести» — вы ничего не можете познать истинного. А когда вы захотите «отдавать» и бесстрашно пойдёте навстречу пламени, которое сожжёт и уничтожит ваше «я», тогда только вы вступите в область чистого Света, где возможно истинное распознавание.

— Иди и храни в сердце мир и тишину. Сегодня Я больше не позову тебя. Но завтра придёшь ко Мне, в это же время.

6 сентября.

Взошла в залу Учителя. Учитель сидел за столом и подозвал меня:

— Пойдём! — Он встал из-за стола и пошёл из залы. Я последовала за Ним. Мы спустились вниз, и Учитель открыл дверь в круглую комнату. Учитель повелел мне сесть за круглый стол, а Сам, взяв лесенку, поднялся по ней и взял с высокой полки шкафа маленькую книжечку и спустился с нею. Учитель подошёл ко мне, сел и, показывая тщательно переплетённую книжечку, сказал:

— Это рукопись. Она сейчас переведена с древнейшего языка и хранится здесь не в подлиннике. Все подлинники собраны в ином месте. Ты их когда-нибудь увидишь. А сейчас запиши, что Я тебе продиктую из неё.

Поистине благой Источник неистощим, и Он питает Собой всех, не умаляясь... Тот, кто однажды вкусил от сладостных вод Вечности, уже не силах пить что-либо иное. Пребывающему на высотах духа тягостны вибрации грубых форм... Не останавливайтесь в созерцании выражений Жизни, а стремитесь прозреть в Жизнь... Те, кто находят радость в преходящем, отвращаются от вечного, ибо вечное чуждо их пониманию, пока они упоены преходящим... Сколько бы люди ни твердили молитв и ни заучивали текстов священных писаний, если их сердца живут ещё во внешнем, — всё тщетно!.. Ищущий Света и мира всему миру уже не принадлежит земному... Но и те, кто не прозрели ещё, но ищут прозрения, — благословенны, ибо пути их ведут к пониманию.

— Это всё.

Учитель снова поставил книжечку на место, поднявшись по лесенке, спустившись, Он приблизился ко мне и сказал:

— Иди с миром! Соберись с силами и пребывай в духе. Усиль бдительность и контроль сердца. Не расточай дарованное! Иди и помни в каждом дне своём о Вечном и о том, что носишь в глубине сердца.

И Учитель отпустил меня, добавив:

— Придёшь ко Мне через два дня, а завтра, в это же время, придёшь в Сад Учителя.

7 сентября.

Я шла в Сад Учителя. Пройдя через калитку, я прошла аллею кустарника и подошла к площадке роз. Я увидела, что там все уже собрались на молитву. Я присоединилась к ним. Анита подошла ко мне, и мы встали рядом. После молитвы Учитель сказал:

— Братья, Я хочу вам сказать Слово о собранности и бдительности. Что есть собранность и что есть бдительность? Чем они важны для сердца того, кто ищет? Собранность выражается сосредоточением всех сил в одном фокусе — в сердце человека. Собранный человек подобен туго натянутой струне, способной в любой момент правильно отзываться на малейшее прикосновение к ней. Собранность есть готовность принять всё и перенести всё. Кроме того, это та точка интенсивного желания, которая, пребывая в центре сердца, не изменяется, а посылает лучи во все стороны. Бдительность состоит из правильно направленного внимания. И раньше чем человек посылает в мир те или иные вибрации, бдительность их проверяет. Но не только это: бдительность есть деятельное стояние на страже. Это есть живое участие во всём, это есть правильное раскрытие чувств, мыслей, действий. Пребывая собранным и бдительным, человек правильнее контролирует себя, и малейшее отклонение от живого Света бросает тень на его сердце. Каждый должен сам возложить на себя дисциплину, которой он будет руководим разумно, мудро прикладывая её ко всему в дне своём. Это всё, друзья! Идите с миром и пребывайте в духе.

Утро. После молитвы.

Я через Нуми узнала, что Учитель ждёт меня. Я пошла к терраске. Когда я села у ног Его, Учитель дал мне книжечку и сказал:

— Прочти что раскроешь.

Я раскрыла и прочла:

Те, кто идут ко Мне, — дети Мои... Все сердца получают возможность приблизиться, но лишь те приходят, которые истинно жаждут... Не гонитесь за славой мира. В безвестности стоящие «светильники мира» охраняют мир силой своей любви и прозрения лучше, чем гордые владыки стран, мнящие себя повелителями народов.

— Это всё, — сказал Учитель. — Закрой книжечку. Помнишь ли главную заповедь Учителя Христа о ближнем?

— Возлюби ближнего твоего, как самого себя.

— Как понимаешь ты её? — спросил Учитель.

— Я теперь это понимаю как призыв к единству. Это указание на то, что мы все едины в сути своей.

— Да. И это указывает на то, что пока хоть один человек в мире будет ходить во мраке, а все остальные пребывали бы в Свете, не будет ещё совершенного очищения для всех, пока и этот брат не просветится. Поэтому не ищите *для себя* Света, а ищите Света для того, чтобы дать его миру. Это все, дитя. Иди в мире и будь в духе. Ищи углублённое, и ты получишь. Ибо сказано: все, кто ищет, — найдут. И все, кто истинно жаждет, — напьются. Каждое желание, направленное из глубины сердца со всей силой устремления, исполнено будет. Умейте желать истинного! Ищите глубже в сердце!

И Учитель отпустил меня.

8 сентября.

У калитки Сада меня ждал Нумен.

— Можно мне пройти к Учителю?

Нуми кивнул утвердительно, открывая калитку. Мы оба прошли в Сад. По дороге Нуми мне говорил о значении того, что я вижу Учителей и бываю в Их окружении, как я должна это глубоко ценить и принимать с благоговением.

Учитель был на терраске. Мы поклонились Ему и взошли. Я села у ног Учителя. В сердце нарастала печаль о моём несовершенстве, от всех моих затруднений. Учитель сказал:

— Подними лицо и смотри Мне прямо в глаза, положи руки ладонями вниз Мне на колени и пребывай в спокойствии.

Учитель положил свои руки на мои, и Его очи прямо и неотрывно смотрели в мои

глаза. Из Его очей струился свет нестерпимый, мне очень трудно было выдержать Его взгляд, но я старалась не опустить глаза. Из Его рук струилась какая-то сила и передавалась мне живым ощущением тепла и электрического тока. Некоторое время длилось молчание. Потом Учитель тихо сказал:

— Очищаю тебя властью, данной Мне свыше, и укрепляю силы твои.

Он отнял руки и отвёл глаза.

— Иди с миром, дитя. Помни, всё, что совершается в твоей жизни, — это внешнее, не имеющее значения для твоей духовной глубины. Важно хранить в сердце росток духовности, росток новой жизни. Он должен прорасти, укрепиться, дать цвет и плод. Это помни. И да пребудет с тобой Наше благословение. Мы разрешаем тебе на эти дни ослабить дисциплину. Ко Мне будешь приходить или утром от восьми до девяти, или в двенадцать часов дня, а после, если сможешь, в пять часов. А к Учителю в горах ты будешь приходить по Его назначению. Завтра придёшь к Нему в девять часов утра. Нумен всё время возле тебя, этого не забывай. Иди с миром и пребывай в духе.

9 сентября. Утро. 8 часов.

Взошла в Сад. По дорожкам шли братья на молитву. Ко мне подошла Анита. Я ощутила сегодня как-то особенно тепло её присутствие. От неё веет чистотой сердца и покоем. Её серые большие глаза смотрят с любовью. Она рослая, широкоплечая, довольно полная, но вместе с тем ловкая и сильная. Всё это сочеталось с нежностью её серьёзного лица, с мягкостью улыбки немного крупного рта с ослепительно белыми, красивыми зубами. Мы шли рядом. Анита говорила:

— Я не знаю всех своих качеств. Но одно своё качество сознаю ясно: я верная. И если я кого полнлюблю, то моя преданность будет беззаветна.

Мы подошли к площадке роз. Я смотрела на Аниту и чувствовала, что она уже как-то взошла в мою душу и входит в неё с каждым разом всё сильнее. К нам подошла одна из девушек и с нею, как мне показалось, юноша. Он пошёл с нами и немного рассказал о себе. Он швед. Очень любит Кришнамурти. Зовут его Томас Стивенс. Это был высокий блондин, с выражением большой воли в лице и энергии. При более близком рассмотрении он уже не кажется юношей. К нам присоединился Нуми, и мы все вместе встали на молитву. Учитель вышел и произнёс молитву Господню: «Отче наш». Слова этой молитвы в устах Учителя звучали особенно сильно и значительно. После молитвы Учитель сказал:

— Братья! Эта молитва имеет все прошения и заключает всё, что надо для сердца, устремлённого к Свету, к своему Отцу. Первые слова этой молитвы есть признание высокой святости и неизреченной силы Отца. «Да будет воля Твоя» — это отдание своей воли воле Его и призыв Его воли излиться на всё сущее. «Яко на небеси, тако и на земли» — это признание, что всё во всём. Мольбой о хлебе насущном мы подразумеваем в этом прошении не только хлеб физический для тела, но, главным образом, хлеб духовный, питающий наше существо, это насущная пища духа нашего, которая даёт силы для нашего раскрытия к Свету. «И оставь нам долги наши» — этим мы признаём свою задолженность, свой кармический груз, и мы просим Его, Отца нашего, помочь нам скорее погасить нашу карму, давая обещание помогать также всем тем, кто в чём-либо является нашим «должником». А так как все мы в известной степени должники друг друга, потому и должны помнить это и давать от всего сердца всем и всему. «И не введи нас во искушение» — здесь говорится о тех заложенных в каждом человеке возможностях искушаться, привязываться к майе и этим заслонять истинное понимание Реального. «Избави нас от лукавого» — это избавление от тех оболочек, которые лукаво, то есть обманчиво, иллюзорно прикрывают собой наше несовершенство и не дают нам лицезреть то истинное, что пребывает в нас вечно. Заканчивается эта молитва признанием Царства, Силы и Славы, которые имеют мистическое значение. Это названия тех Лучезарных Сущностей, которые находятся вблизи Его святости. И далее подчёркивается бесконечность вечности: «во веки веков», скрепляя всё возгласом «Аминь!», что имеет значение подтверждения, скрепления, согласия и, более того,

утверждение в себе, в своём сердце всего того, что было сказано выше. Помолимся ещё, братья!

И Учитель произнёс ещё одну молитву, в которой все предстоящие поручали себя Богу. После молитвы Учитель сказал:

— Идите с миром, братья! И помните: вы все носите в сердце Бога. Умейте чувствовать Его близость к вам, умейте вложить в ваш день любовь вашего сердца. Идите и пребывайте в мире и духе.

И Учитель отпустил нас.

Утро. 9 часов.

Взошла в залу Учителя. Он сидел за столом, как обычно окружённый книгами и рукописями. Повелел приблизиться и сесть.

— Знаешь ли ты значение святости для мира? Слушай и запоминай. Когда будешь это записывать, тебе поможет восстановить всё в памяти Нумен.

Всё в мире имеет цель. И человечество имеет цель в своём развитии: пробиться сквозь более плотные оболочки своего сознания к наиболее тонким и суметь соединить в одно «здесь» и «там». Жизнь сама в себе неделима. Она, наполняя миры, видоизменяется благодаря нашей иллюзии и заблуждениям. Человек должен суметь жить сразу в двух мирах — в духовном и в физическом. Он должен перенести в мир физический то, чего он достигает в мире духовном, и тем оживить и очистить свою земную жизнь и возвысить её вокруг себя. Каждый должен стремиться выявить в себе Бога не ради того, чтобы покрыть себя святостью, а потому, что в этом заложен весь смысл существования, и его, и всего человечества. «Всё во всём», и потому человечество, очищенное и облагороженное, тем самым облагородит и миры животный, растительный и минеральный. И тогда станет возможно начать эволюцию всего человечества на новом глобусе, в новых взаимоотношениях. В этом и есть назначение святости, а не в персональном, обособленном от других, достижении, которое хотя и даёт блаженство и прозрение, но, оторванное от всего человечества, оно не может устоять в одиночестве, и сила достигшего святости неминуемо сливается с силой всех. Это закон. Научитесь мыслить себя вместе со всеми одним целым. Научитесь не разделяться, не обособляться. В каждом мгновении учуйте целостность вечности. Это очень важно: начать отрывать от эгоизма и начать видеть Целое, как синтез всего, а себя надо научиться чувствовать, как часть Целого.

— Это всё. Иди и пребывай в мире. Придёшь ко Мне через два дня на третий. Научись мыслить кратко, ясно, сжато. Учись мудрости в молчании сердца. Пребудь в духе.

И Учитель отпустил меня.

10 сентября.

Взошла в Сад Учителя. Шла по аллейке. Как они разрослись с весны! Я только сейчас обратила внимание, какие густые и высокие стали эти кусты. Вышла на площадку роз. Там расцвели осенние розы. Я почувствовала, что Учитель в беседке. Действительно, Учитель был там и с Ним Анита. Учитель дал нам по листу бумаги и велел обеим писать под Его диктовку.

Всем, всем, всем!

Сейчас переживаются тяжёлые смуты и распри. Кровь проливаемая вопиет! О, дети Света, объединитесь в мире, в любви. Волны любви и доброжелательства должны быть посланы в мир, чтобы утвердить в нём признание значения Единства. Пребудьте в мире и в духе! Каждый может усилить зло на Земле и, наоборот, помочь его рассеянию. И потому не забывайте, что вы вступили в армию детей Света, и

направляйте огонь ваших сердец на общее благо. Аминь!

Учитель взял листки, сжал их в руке и подбросил в воздух. Они превратились в два светящихся облачка и уплыли вдаль.

— Пойдёмте отсюда, — сказал Учитель.

Мы вышли из беседки и пошли по направлению к терраске. Анита шла по правую сторону Учителя, а я — по левую.

— Мы только указываем пути людям, — говорил Учитель, — но каждый должен выбрать свой путь сам и идти по нему.

На терраске Учитель снова дал нам по листку бумаги и сказал:

— Запомните ещё, что Я вам сейчас продиктую.

И тут мне показалось, что Учитель диктует какое-то стихотворение. Однако я никак не могла уловить его. Что-то рифмовалось вроде «светозарные» и «благодарные», но ничего точного и ясного я не могла уловить. Учитель, вероятно, заметил моё тревожное замешательство, потому что сказал:

— Покажи, что ты там написала?

И в первый раз я услышала Его смех, ясный, серебристый и негромкий.

— Ничего подобного Я не диктовал! Анита, прочти, что ты записала?

И Анита прочла:

Светозарные, вступая в сердца людей, озаряют их своим присутствием.

— Ну да! И это всё, — сказал Учитель, отдавая мне листок. И Он повелел мне записать всё так, как слышала Анита. Я не знаю, почему это так получилось!

— Пребудьте в мире и в духе! — сказал Учитель, отпуская нас.

11 сентября.

Подошла к беседке. Учитель был там. Я взошла и поклонилась.

— Сядь, дитя! Скажи мне, что ты понимаешь под словами «очищение сердца»?

— Чтобы в сердце не было тяжёлых мыслей, тягостных вибраций, могущих потревожить его тишину. Очищая сердце молитвой, постом и другими упражнениями, дать ему силу укрепиться в сознании духовной жизни. Иметь чистые мысли и чистые побуждения.

— Всё это так, но Я хочу, чтобы всё это ты осознавала глубже и практически применяла. Я хотел бы, чтобы ты осознала, что очищение сердца это ещё значит освободить в нём некое пространство, обитель, которая должна наполняться мудростью сознания. Сознание, центром которого до сих пор был мозг, голова, должно теперь уметь спускаться в сердце. Отсюда появляется новый центр жизни и раскрывается новое понимание. Очищение сердца состоит, главным образом, в перемещении сознания из головы в сердце. Это очень трудно. Это и есть твоя ближайшая задача. Это задача каждого, кто стремится к высокому одухотворению, к прозрению. Иисусова молитва, применяемая христианами и их подвижниками, — есть способ, а не цель. Тут всё дело не в повторении именно этих слов (хотя эти слова имеют тоже очень большую силу), но важно неустанное «борение» и внедрение через дыхание, молитву в сердце. Есть и другие слова и другие способы для этого. Но Мы пока считаем нужным оставить тебе этот способ христианских подвижников. Читай Иисусову молитву и следи за её действием в сердце. Помолимся сейчас вместе.

Мы вышли с Учителем из беседки, и Учитель, подняв вверх руки, произнёс:

— О, Владыка мира! Очисти сердце предстоящее. Помоги ему, озари его пониманием, освети его глубину силой своего присутствия в нём и дай ему прорасти в вечное постижение Истины! Аминь!

Учитель возложил мне руки на голову и произнёс:

— Очищаю тебя силой, данной Мне свыше.

Мы снова вошли в беседку.

— Дитя, — говорил Учитель, — Мы тебе помогаем, но не понуждаем выбор твой. Но ты должна понять своё назначение в жизни. Через тебя должно многое пролиться в мир, и многие люди почувствуют новый трепет в сердцах и по-новому воспримут жизнь. Но для этого ты должна жить, ничем не отвлекаясь, имея пока в сердце одну цель — очищение и ещё раз очищение! Тебе дано сейчас много любви и поддержки. Умей перешагнуть все препятствия и достигай цели. Иди, дитя, с миром и пребывай в духе!

И Учитель отпустил меня.

12 сентября.

Взошла в залу Учителя. Учитель сидел за столом и повелел приблизиться. Я подошла к Учителю и встала перед столом.

— Запоминай: тебе необходимо научиться точности и чёткости во всём. Мысли и чувства твои должны быть совершенно очищены. Сегодня придёшь ко Мне в пять часов, а сейчас отпускаю тебя с миром! Живи в духе.

День. 5 часов.

Взошла в залу. Учитель сидел на обычном месте и громко не то разговаривал с кем-то, не то диктовал что-то на незнакомом мне языке. Но кому? Возле Него никого не было. При моём появлении Учитель перестал говорить и обратился ко мне, указав на стул возле Себя:

— Приблизься!

После небольшой паузы Учитель сказал:

— Начни сначала.

И ещё после паузы повторил:

— Начни сначала! — делая ударение на этих словах. — И не отталкивай посылаемый тебе опыт.

— Учитель, я не понимаю о чём Ты мне говоришь? — воскликнула я.

— Я говорю, чтобы ты начала сначала, то есть ещё раз прошла через тот опыт, который уже проходила в этой жизни. Но ты его проходила как слепая, а теперь пройдёшь как зрячая, с открытыми глазами. Этот опыт посылаем тебе Мы, так как считаем полезным для того, чтобы скорее разрушить старое, уже сыгравшее свою роль, послать новое, которое вытеснит собой прежнее. Не пугайся. Это всё для твоего блага. И потому будь в мире и в покое духа. Прими всё посылаемое сейчас тебе Нами и начни сначала то, о чём ты уже не думала и не считала более возможным и нужным для себя. Иди с миром! Придёшь ко Мне через два дня, утром в девять часов.

И Учитель отпустил меня.

13 сентября было пропущено.

14 сентября. Утро. 9 часов.

Взошла в Сад. Учитель шёл мне навстречу.

— Я ухожу! — сказал Он.

Я упала перед Ним на колени в земном поклоне.

— Встань! Иди с миром. Всё в твоей жизни идёт нормально. Любящие глаза следят за тобой. Умей черпать изо всего силу и понимание. Владыки кармы следят за правильным действием закона, и потому прими всё благостно и не поддавайся тревоге. Ищущему сердцу всё в помощь!

Учитель благословил меня и пошёл дальше.

15 сентября. Утро. 8 часов.

Взошла в Сад Учителя. Меня радостно встретила Анита, и мы пошли вместе к площадке роз. К нам присоединился Стивенс. Когда мы уже встали на молитву, незаметно

подошёл Нуми и, наклонившись ко мне, прошептал:

— Не забудь, что сегодня утром ты должна быть у Учителя в горах.

Вышел Учитель. После молитвы Учитель сказал:

— Идите в мире, братья! Больше Я ничего не скажу вам, кроме пожелания всем вам: будьте в духе! Знаете ли вы сокровенный смысл этих слов «Будьте в духе»? Это ещё не значит быть в светлом и лёгком настроении, имея бодрые и радостные мысли, это только всё следствия, а не причина бытия в духе. «Быть в духе» — это значит углубиться в ваше высшее сознание и оттуда созерцать жизнь вашего дня, но не из низших проводников. «Быть в духе» — значит смотреть на всё «духовными очами», которые не заволакиваются слезами и туманом иллюзий. «Быть в духе» — значит уметь проникать в тайник сердца, жить в нём и через него творить свою жизнь. Это всё, братья. Живите в духе!

И Учитель отпустил нас.

Утро. 9 часов.

Стояла на скалах и, ясно видя дом Учителя, рассматривала его необычный вид, который всегда поражал меня своей оригинальностью. Вдруг из двери вышел Нуми и направился ко мне:

— Иди, Учитель примет тебя сейчас, хотя ещё и нет девяти часов, — сказал он, заботливо осмотрев меня, и я пошла к Учителю.

Взошла в залу. Учитель ходил вдоль окон и читал маленькую книгу. Учитель ответил на мой поклон наклоном головы и рукой подозвал к Себе, не прерывая чтения. Учитель положил мне руку на плечо, и в молчании я медленно пошла возле Него. Потом Учитель сказал:

— Сделай два шага вдыхая воздух, и один — выдыхая.

Я подвигалась вперёд, дыша, как указал Учитель. Длилось молчание. Потом Учитель спрятал книжечку где-то в складках своего платья, снял руку с моего плеча и сказал:

— Сядь на стул прямо, положи руки на колени, закрой глаза и сосредоточь всё внимание, как бы на кончике носа, вместе с тем медленно вбери в себя воздух и также медленно выдыхай. Прodelай это несколько раз. Так... так... так... Теперь набирай воздух, представляя себе, что он проходит в твоё сердце, задерживается там и потом выходит обратно. Так... Это всё поможет тебе правильно сосредоточиваться и вживаться сознанием в сердце. Очень важно, чтобы ты умела перенести сознание из физического тела в сердце и оттуда, направляя его в мир. Сердце должно быть центром сознания.

Я сказала Учителю, что всё последнее время я упражняюсь в повторении Иисусовой молитвы и слежу, чтобы она проникала в сердце.

— Правильно. Это тоже хороший способ. Но только, творя эту молитву, надо вкладывать в это сознание всей великой её святости и внутренней силы, призывая которую, ты раскрываешься ей навстречу. Пойди сюда, — сказал Учитель, подзывая меня к окну, — взгляни на эти скалы и на всё, что ты увидишь вокруг. Это всё создание твоей творческой мечты, и всё же оно имеет бытие. Так же существует и вся Вселенная, как единое создание Великой Творческой Мечты... Иди и пребудь в мире сердца. Нумен! — позвал Учитель.

И бесшумной походкой к Учителю подошёл Нуми и склонился в поклоне.

— Нуми, береги и охраняй её. Она тебе поручена, ты это знаешь. И она имеет право сейчас на этот покой и дружеское сочувствие, заслуженное в веках. Идите оба в мире!

И Учитель отпустил нас.

Когда мы спускались с лестницы, Нуми сказал:

— Сегодня в пять часов. Учитель опять может потребовать тебя к себе, и ты должна быть готова всегда всё бросить и следовать к Нему. Поняла?

— Да, — прошептала я.

16 сентября.

Я в нерешительности стояла в Саду Учителя, не смея двинуться к Нему. Но ко мне

подошёл Нуми и решительно сказал:

— Пойдём! Учитель ждёт тебя.

И мы пошли по направлению к терраске.

— Подойди и сядь подле Меня. Запоминай: пока не выучены все уроки, ты не сможешь двинуться дальше. Ты сейчас переживаешь уроки. Пойми их правильно. Откинь всякое личное восприятие и смотри в глубину сути через своё открытое сердце. Нам дано сейчас провести через тебя много силы и мощи наших слов и трепета той радости, которая даёт человеку новое восприятие Жизни. Ты не должна позволять ничему затемнять тебя. Наоборот, находи во всяких случаях повод для новой собранности и мужества сердца. Не пугайся кармы, которая изливается на тебя, но, стоя в вихре враждебных тебе эмоций, закрой все клапаны сердца, чтобы до его глубины не дошли тягостные волны смуты, и ответно посылай мысли, полные доброжелательства, и желай всем тишины сердца, мира и покоя. На всё ответ один: мудрое спокойствие сердца. Прими мир Наш и помни: тот, кто принят в Белое братство, хотя бы на краткое мгновение уже пользуется силой и покровительством всего братства даже на то время, пока он на испытании. Об этом не следует забывать никогда, ни в какие моменты жизни. Быть членом братства Нашего это большая ответственность, и ты примешь последствия всякой своей необдуманности теперь с особой силой. Иди, дитя!

И Учитель отпустил меня.

(Я не могла прийти к Учителю в пять часов, так как переживала тяжёлую разлуку и потрясение, которое глубоко захватило меня.)

17 сентября. Утро. 8 часов.

Я пришла тихая и полная грусти в Сад Учителя на молитву. Меня окружили все мои друзья. Анита, припав к моему плечу, смотрела на меня любовно.

— Вот видишь, все мы любим тебя, как многие другие, — говорила Анита, — и ты никогда не будешь одинока и покинута.

Я была глубоко тронута и согрета участием и лаской моих близких друзей, и в сердце вступила тишина. Мы встали на молитву все вместе: Анита, Стивенс, Нуми и я.

Вышел Учитель.

— Мир вам, братья!

— И Тебе, Учитель!

— Помолимся, братья! О, Владыка мира! Да будет благословенно Имя Твоё, неизреченное вовеки.

— Аминь! — ответили мы.

— О, Владыка мира! Даруй прозрение и укрепи сердца, здесь предстоящие. Даруй Свет от Своего Света и помоги утвердиться исканию Истины в их сердцах.

— Аминь!

— О, Владыка мира! Ты, уводящий миры и приводящий их вновь силой воли Своей, пошли волю Свою в сердца предстоящие!

— Аминь!

— Идите с миром, братья! — сказал Учитель и, благословив всех, стал тихо удаляться по направлению к дому. Нуми шепнул мне:

— Я пойду, догоню Учителя и спрошу, можно ли сейчас тебе прийти к Нему.

Я видела, как Нуми подошёл к Учителю, поклонился Ему. Учитель остановился на мгновение, выслушал и, что-то ответив, продолжал удаляться. Нуми быстро вернулся ко мне.

— Учитель разрешил тебе догнать Его и следовать с Ним вместе.

Я поспешила к Учителю. Догнала Его уже близ дома. Как только я приблизилась, Учитель произнёс, не оборачиваясь:

— Мир тебе!

Поднявшись на террасу, Учитель повернулся ко мне, взял моё лицо за подбородок,

приподнял его и, взглянув в глаза, сказал ещё раз:

— Да будет мир тебе! Вступивший на путь не оплакивает ни живых, ни мёртвых. Это не значит бессердечие, но это означает глубокое понимание *Суты* всего.

— Так, Учитель, — ответила я, — но эти слёзы и боль многое смывают с сердца.

— Оттого они и посланы тебе, — сказал Учитель, опускаясь в кресло. — Сядь возле дитя!

Учитель вынул из складок платья маленькую книжечку и подал мне.

— Эта книжечка называется «Золотые правила мудрости». Раскрой её и начни читать с первой странички.

— «Мужество. Твёрдость. Проникновение в глубину сердца. Вот необходимые условия для ищущего», — прочитала я.

— Довольно. Закрой книжечку. Поговорим об этих качествах. Что есть *мужество* ? Это не есть только готовность бестрепетно перенести всякие несчастья, боль, утраты, а это такая глубокая собранность сердца, которая выдвигается, как щит о который ударяются всякие волны идущих вибраций. Мужество не отступает, оно наступает. Оно не прячется, а выходит вперёд тогда, когда, казалось бы, всё призывает к трусливому бегству. Мужество сердца есть великий воин сердца. Он стоит, одетый в броню, подняв копье, которым он не разит, а лишь отводит удары, готовые поразить его. Имейте мужества броню, и вы получите щит Учителя! *Твёрдость* . Твёрдость не есть жестокость или что-то противоположное мягкости. Это скорее сила крепости. В чём же она будет выражаться? В несокрушимой воле, идущей навстречу раскрытия духовной жизни. Всё, что принимает сердце извне, должно пройти сквозь его твёрдость. И ничто внешнее не должно поколебать его устремлённости. *Проникновение в глубину сердца*. Это должно быть подобно огню маяка, зажжённому в ночи. Сознание должно найти свой фокус в сердце и оттуда бросить потоки света в мир. Надо утвердиться в сердце и неустанно раскрывать и расширять его глубину. Надо провести золотой мост между умом и сердцем, чтобы сила их слилась воедино и беспрепятственно передавалась от ума к сердцу и обратно. Это есть та точка (когда ум и сердце сливаются в одно), которая называется «высшая мудрость». Это всё на сегодня, — сказал Учитель. Он помолчал немного и добавил: — От тебя зависит сегодня прийти ко Мне в шесть часов.

Учитель благословил меня, коленопреклонившуюся, и отпустил.

Вечер. 6 часов.

Я пришла в Сад на молитву. Меня нагнал по дороге Стивенс и пошёл рядом. Мы молча поклонились друг другу. До сих пор мы с ним ещё не разговаривали, хотя я чувствовала всё время, что это мой большой друг. Я рассмотрела его внешность. В нём было что-то, что отличало его среди многих братьев, но я не могла уловить, в чём состояло это отличие. У него были не очень большие светло-серые глаза, полные ума и внутренней силы. Нос прямой, немного короткий, чтобы называться правильным, тонкий рот, очень изящно очерченный. Он часто крепко сжимает губы, и тогда рисунок их ломается и лицо становится немного жёстким. Гладко выбритое лицо, без румянца, детски пушистые тёмные ресницы, и брови, которые смягчали его лицо, когда он сжимал губы, иначе оно казалось бы слишком суровым. Две-три чёрточки, проведённые страданием возле рта и на лбу, говорили, что он уже не юноша. Но вся его фигура была юношеской — высокая и стройная. Он был причёсан на косой пробор, очень тщательно, на английский манер. И я вдруг поняла, что этим он отличался среди братьев, у которых — почти у всех — были длинные волосы. Заметив мой взгляд, устремлённый на его волосы, Стивенс машинально провёл по ним рукой. Я улыбнулась ему, и он вдруг расцвёл улыбкой. Это удивительно, как некоторые лица умеют расцветать улыбкой! Они сразу хорошеют, розовеют и озаряются внутренним светом. Такова была внешность Стивенса. Я ещё ничего не знала о нём, но чувствовала преданного друга.

— Где Анита? — спросила я.

— Я её тоже ещё не видел.

Ко мне подошёл Нуми.

— Учитель примет тебя сейчас же после молитвы. Он будет в беседке, — сказал он и пошёл с нами.

Мы уже встали на молитву, когда к нам, слегка запыхавшись, присоединилась Анита.

— Уф! Насилу удрала! У меня полный дом гостей! И не было никакой возможности от них спрятаться и уединиться. Тогда я убежала на чердак и... Вот! Я тут.

Мы не могли удержаться от лёгкого смеха, глядя на неё, столько было юмора в её словах и в глазах, живых и синих.

После молитвы Учитель сказал:

— Дети Мои, скоро мы приступим к общим групповым занятиям со всеми вами. Вы будете подготавливаться к общей работе, но разными методами, по индивидуальности каждого. И Мы вас разделим на небольшие группы, в которые войдут наиболее созвучные друг другу. Те из вас, которые уже твёрдо избрали свой путь, найдут ещё больше силы и укрепятся сильнее в своём искании; те, которые ещё беспокоятся и сомневаются, те или отбросят всякие сомнения и колебания и обретут новую силу, или отступят, не в силах оторваться от жажды личного счастья и сильных внешних впечатлений. И те и другие любимы Нами, но те, кто найдут в себе силы и желание идти к Свету, оставив всё остальное, те, естественно, будут ближе к Нашим Лучам. А те, кто отступят, не будут лишены Нашей помощи, но только им придётся ещё подождать и довольствоваться меньшим Светом. Идите, братья, и пребывайте в мире.

Все стали расходиться.

— Ты придёшь завтра утром на молитву? — спросила Анита, прощаясь.

— Приду, приду! Теперь я свободна и не буду больше пропускать ничего.

Все ушли. Я направилась к беседке. Учитель был уже там.

— Входи и садись. Скажи, на тебя можно положиться? — спросил Учитель.

— Не знаю, Учитель... Я никогда не хотела быть предательницей, но в моей жизни бывали измены... Но если я обещаю твёрдо что-либо...

— Да. Я знаю, — перебил Учитель. Тут он задал мне ещё несколько вопросов личного характера. Вся моя жизнь тогда резко менялась, и я чувствовала в этом волю Учителей. Они определённо меняли мою жизнь и ставили меня в совсем иные условия.

— Если твоя жизнь на физическом плане устроится светло и благоприятно для твоей духовной жизни, знай, это Наша помощь, Наш дар тебе, Наш выбор. Подойди, и Я благословлю тебя на новую жизнь.

Я опустила на колени перед Учителем, и Он возложил мне на голову руку и произнёс:

— Очищаю твоё сердце от всех мыслей, которые творили зло вольно или невольно. Пребывай очищенной в мире и в Свете.

Учитель снял руку с моей головы, и я прижалась к ней с поцелуем благоговения и с жаркими слезами.

— Тише, тише, дитя! Всякие вибрации слишком сильных эмоций вредят сейчас тебе. Встань и иди с миром! Мы знаем тебя лучше, чем ты сама себя знаешь. Завтра в девять часов утра придёшь к Учителю в горах.

18 сентября.

Подошла к скалам около дома Учителя. Из дома Учителя вышел Нумен и направился ко мне.

— Можно мне сейчас пойти к Учителю? — спросила я.

— Нет, надо подождать. Учитель сейчас очень занят. Посидим здесь на скалах.

Мы сели.

— Посмотри вон на ту дальнюю вершину. Видишь там белый свет? — спросил Нуми.

— Да.

— Там находится «Дом Славы», «Дом Мира», его же называют «Дом Радости». В этом доме собираются все Учителя. Иногда, в известные дни, Они приводят с Собой и Своих

учеников.

— Ты уже бывал там?

— Да.

— Много раз?

— Это несущественно. Для того, кто раз побывает там, померкнут всякие земные желания и потеряет цену всё то, за чем гонятся люди.

— Нуми! Ты скоро будешь учителем?

Нумен улыбнулся.

— Я уже учитель. Разве я не учу тебя? Каждый является здесь учителем и учеником одновременно. Даже высокие Учителя, являясь Учителями мира нашего восприятия, могут быть учениками более Высоких Сущностей, которых не знает наш мир.

Нуми замолчал и прислушался, потом продолжал:

— Ты тоже можешь быть и учителем и учеником. Здесь нет строгой разграниченности. Есть только высоко развитое Сознание и менее развитое.

Нуми опять прислушался.

— Теперь иди, — сказал он, — уже пора.

Мы встали и пошли вместе. Около дверей дома Нуми остановился.

— Иди одна. Учитель сегодня очень занят, Он не будет долго говорить с тобой.

Я поднялась в зал. Учитель сидел за столом. Я поклонилась Ему и по Его знаку приблизилась.

— Сядь. Нам известно, что ты вступила в новую жизнь. Я рад той твёрдости, которую ты проявила. Имей в виду, ты должна жить целеустремлённо; умей углубиться в своё сердце. Ты должна стать тем абсолютно чистым сосудом, через который прольётся в мир поток радости и Света. Для немногих ты станешь источником радости и теперь. Но помни, твоя личность в этом не участвует. Не принимай славу на свои плечи. Не возгордись! Как только ты поддашься горделивым мыслям о своём «избранничестве», в этот миг отнимется всё. Всё, что пройдёт через тебя, это даём Мы. Личность сама по себе — это глиняный сосуд, он разобьётся и заменится новым. Иди. Пребудь в духе.

19 сентября.

Я взшла в Сад. Меня догнала Анита и обняла. Я чувствовала, как нежность к ней растёт в моём сердце, и сказала ей об этом.

— Немудрено! Ты не помнишь наших прежних встреч, а я помню. В последнем воплощении...

Тут подошёл Нуми и отозвал меня:

— Учитель примет тебя сегодня после молитвы. Но почему ты не была вчера у Учителя в шесть часов и не была на вечерней молитве?

— Я очень страдала от этого, Нуми, уверяю тебя. Но я была не дома, и мне нельзя было уединиться и сосредоточиться...

— Не оправдывайся передо мной! — прервал меня Нуми. — Ты должна понять, что единственное, что есть важного сейчас в твоей жизни, — это встречи с Учителями. И ты должна стремиться не только не пропускать встреч, тебе назначенных, но быть готовой в любую минуту быть позванной...

— Я чувствую свою вину, Нуми!

— Этого мало. Здесь дело не в виновности, а в понимании. Ты всё ещё склонна не понимать всей важности того, что происходит сейчас в твоей жизни, всего величия посылаемого тебе блага, радости, великого значения этого для многих душ. Ты не смеешь манкировать или быть небрежной, *это дело твоей жизни*.

И Нуми отошёл от меня. Ко мне снова подошла Анита. Она чувствовала, что я расстроена, и любовно заглянув мне в глаза, обняла меня:

— Я ещё ясно помню, что в последнем воплощении я была твоя мать, — прошептала она.

— О, я, наверное, была отвратительным ребёнком! — воскликнула я.
— Ты не была лёгким и покладистым, ты была своевольным мальчишкой, но я любила тебя от всего сердца!

— А я?

— Ты была любящим сыном. Но всё же я через тебя много страдала.

Мы встали на молитву. Вошёл Учитель.

— Мир вам, дети!

— И Тебе, Учитель!

Учитель произнёс молитву. После молитвы Учитель сказал:

— Я хочу вам сказать, братья, маленькое Слово о Любви. Что есть Любовь? Вы все знаете и много говорите о ней, но всё же мало кто постигает Любовь во всей её силе. Любовь есть сила. Будучи в сердце, она раскрывает его, она расширяет его горизонт до такой степени, что сердце делается способным вместить в себя весь мир. Всё тёмное умирает в Её святом присутствии. Любовь — это чудотворная сила! Одарённый Ею — владеет всем. Её можно раскрыть в сердце, и надо добиваться этого. Ищите эту Любовь в своём сердце. Она несомненно живёт там и ждёт только часа, чтобы раскрыться и цвести подобно дивному цветку. «Любите друг друга!» Это великая заповедь. Идите в мире и в любви сердца.

И Учитель, благословив нас, удалился. Анита повернула ко мне взволнованное лицо.

— Как прекрасно говорил Учитель о Любви! Да, да! Я её такой и ощущаю. Какое это счастье — любить!

Мы пошли вместе с ней до калитки. В сердце была тишина. И аромат любви как бы носился в воздухе, подобно аромату нежных осенних роз. Здесь всё было как бы наполнено присутствием Учителя и Его Любовь осеняла нас волной света, радости и глубокой тишины сердца. У калитки Сада мы остановились, взглянули друг на друга и крепко обнялись.

День. 12 часов.

Я была в Саду. Ясно видела себя, одетую в белую одежду братства. Это что-то вроде длинной рубашки, застёгнутой на кистях рук, без воротника, но с обшивкой вокруг шеи. На подоле шла тоненькая, узкая пурпуровая полоска. Подпоясана белым шнуром. Я стояла возле куста в каком-то раздумье. Было очень тихо. Никого из братьев ещё не было видно. Вдруг ко мне навстречу вышел Стивенс. Он нёс в руках розу и молча подал её мне.

— Спасибо. Но почему ты меня украшаешь цветами? — пошутила я.

— Я обязан, и мне хочется тебя «украшать цветами», — серьёзно ответил он. — Я твой большой должник.

— Но почему? Я не помню.

— Зато я помню.

Мы пошли по направлению к площадке роз.

— Ещё никого нет, — сказал Стивенс. — Хочешь, пойдём посидим у пруда? — предложил он.

Мы подошли к пруду, где Учитель кормил лебедей, — сейчас они уже не плавали больше. Прудочек был пуст, зелень вокруг него поблела, всё стало в Саду по-осеннему. Вокруг было очень тихо.

— Но почему ты и Анита помните ваши прошлые жизни, а я нет? — спросила я.

— Ты тоже когда-либо вспомнишь. Это несущественно.

Стивенс сидел, погруженный в размышление, потом тихо сказал:

— Я всё думаю о словах Учителя, сказанных сегодня утром о Любви. Как Он прекрасно это выразил! Это действительно сила, способная творить чудеса. И Любовь людей друг к другу — это лишь слабый намёк на ту силу, которая должна родиться в сердце.

Стивенс замолчал. На его лбу выступила резко прорезанная морщина и легли складки около бровей и рта, — выражение его лица стало страдальческим.

— Стивенс, ты не был счастлив в этой жизни? — тихо спросила я, кладя руку на его рукав.

— Что такое счастье? Я не искал счастья. Я искал знания. Я много метался в тщетных поисках, много сделал ошибок. Мне очень помог Кришнамурти. Я Ему бесконечно благодарен. Он по-новому зажёг моё сердце, и я пришёл сюда уже совсем иным. Для меня это тот «Сад Счастья», о котором Он говорил. Ну, кажется, нам пора идти...

Мы направились к площадке роз. Все уже собрались. Вскоре пришёл Учитель. Он произнёс молитву, которую мне хотелось бы записать всю целиком, но я помню лишь одно прошение, в котором говорилось: «О, дай нам сердце, как раскалённый уголь, пламя которого сжигало бы нас и устремлялось всё выше и выше»... По окончании молитвы Учитель благословил всех и сказал:

— Те, кому назначено остаться, — пусть придут ко Мне, — и ушёл.

— Ты останешься? — спросила я Аниту.

— Нет, я не назначена.

— А ты, Стивенс?

— Я прихожу к Учителю в иные сроки.

И мы расстались. Я пошла к Учителю.

— Сядь, дитя, Я хочу поговорить с тобой. Помнишь ли ты те первые дни, когда ты рыдала у Моих ног и молила о прозрении? И так было искренно твоё моление, что Мы протянули тебе руки.

— Учитель, не хочешь ли Ты сказать, что я теперь недостойна бывать у Вас? — спросила я с неописуемым волнением.

— Нет, не волнуйся. Я этого не думал. Но Я хочу спросить тебя, не чувствуешь ли ты в себе какой-либо перемены? Нет ли разницы между той, которая рыдала у ног Моих, и той, которая сидит сейчас возле Меня?

— Учитель, я не думаю, чтобы моя устремлённость пошатнулась. Но Ты знаешь, как взвихрилась сейчас вся моя жизнь... И это немного потрясло меня... Но Ты знаешь Сам всё, что Вы мне посылали...

— Не Мы, но Владыки кармы.

— Так, Учитель! Но и Ваше участие было приложено ко всему, что сейчас происходит со мной в моей жизни.

— Да. Это отчасти правильно. Мы следим за тобой и направляем твою карму.

— Так вот моё сердце! Оно перед Тобой открыто... Взгляни в него и скажи, что Ты видишь в нём нечистого, чтобы я могла исправить это? Но не лишайте меня счастья быть в Вашем присутствии...

Я вся дрожала от волнения.

— Дитя! — Учитель положил руку мне на голову. — Не волнуйся. Ты уже получила это право присутствовать возле Нас, и это место твоё. Но Я хочу обратить твоё внимание на серьёзность совершаемого, на глубину твоего искания. Ты должна помнить о том, чем и кем ты должна быть и почему Мы приблизили тебя. И должна никогда не забывать про это. Иди с миром! Придёшь ко мне сегодня в пять часов с половиной перед вечерней молитвой.

И Учитель отпустил меня.

День. 17 часов 30 минут.

Долго не могла сосредоточиться. Делала усилия, но ничего не видела. Наконец голос внутри меня сказал с силой: «Смотри!» И я сразу увидела себя идущей к домику Учителя и Его терраску. Только всё это было очень маленькое, как на далёком экране. Потом, когда я стала подниматься на терраску, всё выросло до нормальных размеров. Учитель сидел в кресле. Он подозвал меня к Себе, и я села на скамеечку у Его ног.

Учитель сидел, облокотившись локтями о колени, слегка нагнувшись вперёд, и задумчиво смотрел на розовеющие вдали вершины гор.

— Я люблю этот час вечера, час тишины и покоя, — сказал Он. — Как важно иметь светлое и гармоничное окружение вокруг себя. Как больно бывает ставить человека в те условия, где нежный росток сердца не может окрепнуть. И зато какая радость, когда есть

возможность дать такое окружение любви, мира, понимания и духовной близости. Мы решили дать тебе такое окружение. Карма твоя позволяет это. Поэтому не противься и не предавайся смятению, но прими всё благостно. Не противься воле Нашей! Прими Наше благословение!

И Учитель благословил меня.

— Иди, — сказал Он, — Я тоже сейчас приду на общую молитву.

6 часов. Молитва.

Все уже были в Саду, на площадке роз. Вскоре пришёл Учитель и произнёс молитву:

— О, Владыка сердец наших! Да пребудет Твоё имя неизреченное благословенно от века и до века.

— Аминь! — ответили мы.

— О, Владыка сердец наших! Дай нам узреть Свет, зажжённый Тобой в нашей сокровенной глубине. И дай нам постижение величия Твоего.

Все:

— Аминь!

— О, Владыка сердец наших! Благословляя миры, благослови и сердца наши и даруй нам силы прозрения, дабы творить волю Твою.

— Аминь! — закончили мы.

— Идите с миром, дети Мои.

20 сентября.

Подошла к терраске. Учитель сходил с неё.

— Идём в беседку, — сказал Он.

Я следовала за Учителем, держась немного позади. В беседке Учитель положил на стол принесённые с Собой бумаги и перья, опустился на скамью и указал мне место возле Него.

— Вот книжечка, раскрой её и прочти Мне вслух.

Я раскрыла и прочла:

1. Мужество и бодрость, сочетаясь, рожают энергию.

2. Надо терпеливо и часто погружаться мыслями в глубину сердца, чтобы утвердиться в нём.

3. Имея в сердце «дар счастья», надо уметь не замыкаться в нём, но надо суметь направить это счастье, как лучи, вокруг себя. Мир и тишину всем дарую.

На этом заканчивалась коротенькая главка.

— Хорошо, — сказал Учитель, — закрой книжечку. Мы теперь будем с тобой каждый раз читать по такой коротенькой главке. А сейчас бери бумагу и пиши то, что Я тебе продиктую.

Всем, всем, всем!

Те, кто ищут к Нам приблизиться, должны пройти через большое усилие сердца и многие испытания. Но, приблизившись, они поймут, что это только ещё вехи, через которые надлежит перешагнуть и идти дальше. Длинна лестница славы, ведущая к Престолу Единого, и нет на пути успокоения тому, кто горит жаждой слияния с Единственным.

— Всё.

Учитель взял у меня написанное, сжал в комочек, подбросил в воздух, и всё уплыло, превратившись в розоватое облачко. Учитель положил руку мне на голову:

— Пребудь в мире сердца. Не печалься. Верь Мне. И будь покойна.

И Учитель, благословив, отпустил меня.

День. 12 часов.

Я стояла в Саду и чувствовала смятение в сердце, потому что я всё видела как в тумане, пока ко мне не подошла Анита и не взяла меня за руку:

— Что с тобой? Ты чем-то расстроена? Пойдём на молитву.

Я вдруг всё стала видеть ясно, и мы пошли на молитву к площадке роз.

— Ах, Анита! Я не знаю, что со мной... Во мне такое волнение, и хочется плакать какими-то внутренними слезами.

— Люди иногда так плачут перед большим счастьем, — сказала серьёзно Анита.

— Ах, лучше никогда бы не плакать, ни перед счастьем, ни перед несчастьем, — ответила я.

На площадку вышел Учитель.

— Мир вам, братья! Пребудьте с душой чуткой, с сердцем чистым и с умом возвышенным.

От этих слов Учителя сердце дрогнуло во мне и слёзы хлынули из глаз. Я проплакала время всей молитвы — такая тревога вдруг выросла в сердце. После молитвы Учитель сказал:

— Я сейчас назову одну группу, которая сегодня придёт ко Мне после шестичасовой молитвы: Стивенс, Анита, Астра, Астарта и Феликс. Мир всем!

Учитель отпустил нас. Кто эта Астарта и Феликс, мы не знали, и я простилась до вечера с Анитой и со Стивенсом.

Вечер. 6 часов.

Я опаздывала. Торопилась, волновалась, что опаздываю, путалась и не могла сосредоточиться. Вдруг до моего сознания донёсся возглас Аниты: «Астра!» — и в нём было столько призыва, что я сразу увидела площадку роз и себя, стоящую возле Аниты. Учитель уже приближался.

— Как я счастлива, что ты не опоздала, — пробормотала Анита, крепко сжав мне руку.

— Помолимся, братья! — произнёс светлый голос Учителя, и мы все сосредоточились и подняли руки для молитвы.

— О, Владыка сердец наших! Пребывающий, неизреченный, неописуемый, незримый! Свят! Свят! Свят!

— Аминь! — ответили мы.

— О, Владыка сердец наших! Даруй от Своего Света предстоящим. И пролей в них Свет от славы Своей.

— Аминь!

— О, Владыка сердец наших! Да низойдёт воля Твоя и на нас, как и на всё сущее.

— Аминь! — закончили мы.

— Те, кому предписано на сегодня остаться, останьтесь. Остальные идите с миром!

И Учитель отошёл от нас к дому.

Мы стояли маленькой группкой: Анита, Стивенс и я — и осматривались по сторонам, ожидая Астарту и Феликса. К нам подошла женщина высокого роста и царственной осанки. Она была не очень молода, но очень хороша собой, той благородной красотой, которой обладают некоторые женщины юга. Феликса нигде не было видно. Астарта оглядела нас своими бархатными глазами и чарующе улыбнулась. Мы все радостно приветствовали её. Но где же Феликс? Мы решили идти без него к Учителю, так как время уже истекало.

Учитель был на терраске. Мы все поклонились Ему. Учитель указал нам на пять скамеечек, стоящих полукругом возле Его кресла. Не успели мы сесть, как мягкий и тихий голос сказал около терраски:

— Я опоздал. Прости меня, Учитель. Разреши войти?

— Да, входи, — сказал Учитель. — Я знаю причину твоего опоздания.

Очень хотелось рассмотреть Феликса. Но в одежде братства трудно было рассмотреть

его фигуру. Он был невысок. Тщедушен скорее. Какое-то очень простое лицо. Но от всего его облика шли тишина и покой. Он поклонился всем нам и сел на свободное место с краю. Учитель начал говорить:

— Дети! Я объединил вас в одну группу, так как вы все должны выполнить одну общую работу, но в разных концах света. Каждый из вас имеет то нужное, чтобы встать там, где его поставят. Что от вас требуется? Огонь! Огонь сердца. Горячая устремлённость. Вера в Нашу помощь. Вы будете теми детьми Света, которые стоят среди темноты и горят, освещая путь идущим. Вам нужно быть особенно строгими к себе. Вы должны проверять, контролировать себя ежесекундно. Мы хотим через вас разжечь пламя в сердцах, разжечь то пламя, которое уже готово вспыхнуть от вашего к нему прикосновения. Но и ответственность ваша велика. Изредка я буду собирать вас вместе, и вы будете делать вроде небольшого доклада на наших общих беседах. Я ничего вам не предписываю. Ни на чём не настаиваю. Не надо никаких ритуалов. Имейте только сердца горящие!

Учитель встал. Мы тоже все поднялись.

— Подайте руки друг другу! — сказал Учитель. Он протянул Свои обе руки и соединил нашу цепь, имея в одной руке руку Стивенса, а в другой — Феликса. Я стояла возле Стивенса, около Феликса стояла Астарта, а Анита была посередине.

— Изливаю на вас силу от общей мировой Силы, данной Мне. И да возрастёт она в сердцах ваших! Аминь!

Учитель отнял руки и молча благословил наши склонённые головы.

— Идите в мире, — сказал Учитель.

Мы сошли с терраски и, пройдя немного, внезапно, в каком-то общем порыве дружбы, соединили наши руки так, что образовалась как бы пятиконечная звезда. Никто не сказал ни слова, но каждый из нас ушёл с сердцем переполненным.

21 сентября. Утро. 8 часов.

Все уже стояли на молитве, благоговейно ожидая прихода Учителя. Я поспешила встать на своё место. Молитва Учителя:

— О, Владыка мира! Даруй нам свет прозрения и очищения сердцам нашим, пребывая Вечным, Неизменным, Единым в святости Своей.

Все:

— Аминь!

— О, Владыка мира! Просвети нас Светом от Своего великого Света и даруй нам силы осознать совершенство Твоё и даруй нам силы осознать совершенство Твоё!

Все:

— Аминь.

— О, Владыка мира! Дозволь нам приблизиться к Тебе! Тех, кто стремятся познать Тебя, и тех, которые не хотят познавать Тебя, всех равно Ты покрываешь Любовью Своей. Дозволь нам войти в волю Твою!

— Аминь!

— Дети! Я хочу сказать вам несколько слов о Боге сердца вашего. В каждом из нас живёт Бог. И хотя Он пребывает в нас во всём Своем совершенстве, но мы не можем познавать Его, пока мы темны и плотно погружены в материю наших чувственных восприятий. Казалось бы, как это сердце может оставаться тёмным, если Бог пребывает в нём? Почему Он силой Своего присутствия не озарит сердце? Потому что каждый из нас только через усилие сможет приникнуть в тайник своего сердца и там найти Бога. Как же надо делать это усилие? Надо быть собранным и бдительным... Но что вам даст ваша собранность и бдительность, если сердца ваши будут сухи и скудны мысли ваши? Зажгитесь! Оживите! Сердце ваше должно пылать, гореть. Вы должны неустанно вопрошать, искать и отбрасывать. Как садовод тщательно поливает растение, подрезывает сухие ветки, так и вы должны срезать то, что вам мешает, то, что вы уже переросли. Горите! Зажгитесь огнём внутренней силы. И этот огонь откроет вам путь в глубину вашего собственного сердца, где

обитает Бог каждого из нас. Пребудьте в мире!

И Учитель отпустил нас.

Утро. После молитвы.

Я пошла к Учителю в горы, но Нуми сказал мне, что ещё рано и чтобы я ждала Его голоса внутри себя, который возвестит: «Учитель ждёт тебя». Когда во мне прозвучал этот призыв, я пошла к Учителю. Я вошла в залу и поклонилась Учителю, который сидел за столом и что-то писал. Учитель кончил писать, отложил перо и сказал:

— Подойди! Сделай стоя несколько раз очищающее дыхание.

Я сделала это так, как меня учил Учитель.

— Теперь сядь и слушай Меня: ты должна неустанно, весь день следить за собой, подмечая в себе малейшую соринку. Самомнение, тщеславие, мелкое самолюбие, раздражение, обиды, всё то, что так ранит людей в мелочах их дня, должно быть осознано и не допущено до сердца. Теперь встань.

Я встала, и Учитель, подойдя ко мне, возложил на мою голову обе руки и произнёс:

— Очищаю тебя силой данной Мне власти.

Потом, сняв руки, Учитель сказал:

— Это даст тебе новые силы. Чем больше ты будешь сама делать усилий, тем больше тебе дастся помощи. Иди с миром в сердце!

Я поклонилась глубоким поклоном.

— Учитель, разреши мне сегодня опять прийти к Тебе!

— Да, разрешаю. В пять часов.

Когда я ушла от Учителя, голос внутри меня сказал: «Живи в мире сердца. Что это значит? Это значит смотреть духовным взором в глубину своего сердца. Не удаляйся от этого и не отвлекайся ничем внешним. Ищи Бога сердца своего».

День. 12 часов.

После молитвы Учитель сказал:

— Идите с миром, братья, и помните, оживляйте сердца ваши мыслью о вечном. Горите пламенно, неустанно проверяйте себя и стремитесь всем существом своим познать глубину сердца своего.

И, благословив, Учитель отпустил нас.

День. 5 часов.

Я шла к Учителю. Меня встретил у дома Нуми и сказал:

— Пойдём вместе. Я тоже призван к Учителю вместе с тобой.

Мы поднялись в залу. У порога склонились в поклоне.

— Разреши приблизиться... — сказал Нуми.

— Приблизьтесь...

Учитель стоял около одного из окон, освещённый солнцем. Когда мы подошли, Он положил одну руку на плечо Нумена, а другую на моё и тихо пошёл по зале вместе с нами, говоря:

— Ты, Нумен, и ты, Астри, вы оба поставлены служить одному и тому же делу, хотя и находитесь на не равных ступенях. Ты, Нумен, должен оказывать помощь Астрин, как старший брат, давать ей разъяснения там, где она ещё не вполне или плохо разбирается. Наше сочувствие, Наше слово горячо помогает тем, кто их принимает искренно, от чистого сердца и кто деятелен внутренне. Знание, которое Мы раскрываем, оно так просто, так кажется обычно сначала и как бы уже знакомо. Но надо уметь слушать и понимать. Идите с миром! Ты, Астри, придёшь ко Мне через два дня, а ты, Нумен, как обычно.

Мы низко поклонились Учителю и вышли. На пороге дома Нуми посмотрел на меня своими чудными глазами и сказал:

— Есть связь между душами, которая ещё не ведома людскому сознанию.

На этом мы расстались.

22 сентября.

Я вошла в Сад Учителя и встретила с Нуми.

— Можно мне идти к Учителю?

— Нет, ещё рано. Почему ты не пришла в восемь часов на молитву?

— Я слышала начало молитвы... А потом... я нечаянно заснула. Я плохо спала эту ночь.

— Мне не надо оправданий. Я сам всё знаю. Но я хочу, чтобы ничего не мешало тебе быть точной, если это касается твоих встреч с Учителем.

— Но ведь бывают такие случаи, когда это не от меня зависит.

— Ты должна избегать таких случаев.

— Я сегодня помолилась в одиночестве.

— Это не то, что общая молитва вместе с Учителем. И потом, часто после молитвы Учитель говорит Слово к ученикам... Пройдёмся пока по Саду.

Мы пошли к озерку, обошли его кругом, потом прошли дорожкой к дому Учителя. Терраска была пуста.

— Учитель примет тебя сегодня во фруктовом саду, — сказал Нуми.

Когда я гуляла с Нуми, он говорил мне:

— Никогда не впадай в уныние. Уныние, апатия, мрачное настроение, «беспричинная» тоска — всё это мертвит сердце. Только в радости и в Свете сердце черпает силы для жизни и расцвета. Очень важно ощущать в себе трепет жизни, носить его в себе. Без этого в сердце всё мертво, и человек живёт внешним, а внутри его холод, мрак, пустота. Надо быть хорошо разогретым, горячим, только тогда возможно начать прорасти сердцу. Пойдём. Учитель уже ждёт тебя.

Мы пошли фруктовым садом. На траве лежали соломенные подстилки, и на них аккуратно были разложены фрукты. Некоторые из них сушили ломтиками на солнце. Среди деревьев мелькали две-три фигуры братьев в белых одеждах. Пахло зрелыми плодами, немного ванилью и влажной листвой.

Учитель сидел под деревом. Мы низко Ему поклонились.

— Подойди, Астра, — сказал Учитель. — А ты, Нуми, можешь быть свободен.

Нуми ответил снова глубоким поклоном и ушёл.

— Возьми книжечку «Золотых правил» и раскрой её. Найди то место, где остановилась прошлый раз и читай дальше.

Учитель подал мне маленькую книжечку в очень красивом переплете, серебристо-белом. Я раскрыла её. Я видела слова, но читала с трудом, как по складам:

1. Каждый, кто хочет вступить на путь, должен снять с себя все нечистые одежды и облечься в чистые. Иначе ему придётся часто задерживаться в пути, ибо переменить одежды — неизбежно.

2. Вступив на путь, не обходи камни, встречающиеся на твоём пути, но сбрасывай их в пропасть. Они лежат здесь для тебя, чтобы ты делал усилия.

3. Направь всё своё усилие на глубину сердца, в нём твой путь, его начало, а его конец в вечном.

Благословен каждый, слушающий поучения в благоговении сердца.

— Закрой книжечку. На сегодня этого довольно. Я хочу, чтобы ты записывала эти правила отдельно. Из них потом составит маленькая книжечка, которую ты дашь от Нас людям.

Учитель возложил руку мне на голову и произнёс:

— Очищаю тебя силой данной мне благодати. Иди с миром, дитя!

День. 12 часов.

После молитвы Учитель сказал:

— Дети, Я хочу сказать несколько слов, *как* надо понимать слова молитвы. Если вы, произнося молитву, обопрётесь только на слова, она мало поможет вам. Но если вы, произнося молитву, проникаетесь силой чувства за гранью слов и ваше сердце устремлено ввысь, тогда молитва эта имеет живой смысл. Цель молитвы — соединить ваше высшее Я с Мировой Сущностью, поднять вас, вывести из рамок обычного состояния. Молитва — это только способ, только веха. Это только руки, протянутые к небу, которые могут быть наполнены чудесными дарами. И чем глубже переживания сердца, тем глубже бывает и молитва. Но, когда человек достигает высшего состояния, молитва делается уже не нужна, так как сердце постоянно находится в состоянии молитвы без слов, в единении со своим Богом. Идите с миром, дети!

День. 6 часов.

Я спросила Нуми, могу ли я идти к Учителю.

— Нет, — ответил Нуми, — ты уже пропустила срок. Иди на молитву.

— Нуми... Но ведь я...

— Ты опять хочешь оправдываться?

— О, Нуми! Ты сердишься?

— Я не сержусь. Но торопись на молитву. После молитвы я попрошу Учителя допустить тебя к Нему.

У меня вырвался крик благодарности и радости, но Нуми уже ушёл.

Я присоединилась к братьям. Молитва была короткая, но, как всегда, полная силы.

— Идите с миром, братья! — сказал Учитель, отпуская нас.

Я видела, как Учитель удалялся и как Нуми догнал Его и что-то спросил.

— Нет, — подумалось мне, — нет, Учитель не примет меня.

Нуми быстро вернулся и сказал очень ласково:

— Учитель просит тебя прийти!

— Просит?! — вскричала я. — О, Нуми, ты подчёркиваешь этим словом моё опоздание?

— Нет, Учитель не сердится на тебя. Иди. Я рад.

Учитель принял меня на терраске. Он был необычайно нежен сегодня ко мне. Говорил немного.

— Я не сержусь за твои опоздания. Я знаю их причину. Я знаю, твоё сердце стремилось ко мне сегодня. И это главное. Живи устремлённо. Когда человек начинает прорастать сознанием в сердце, это иногда протекает очень мучительно и больно.

— У меня всё время словно кто-то рыдает в сердце, о, Учитель!

— Это кризис сердца. Оно ещё не утвердилось. И этот перелом мучителен. Но скоро всё установится, и в сердце будет ясность и тишина. Пребудь в мире, пребудь в духе.

И Учитель отпустил меня.

23 сентября. Утро. 8 часов.

Я была на общей молитве.

Утро. 9 часов.

Я подошла к площадке роз. В беседке я увидела Учителя, он объяснял что-то Аните.

— Входи! — сказал Учитель. — Я показал Аните некоторые знаки, которые показывал и тебе. Ты, вероятно, их забыла?

— Нет, Учитель.

— Ну, это пока не существенно. Когда придёт пора, мы быстро восстановим в твоей памяти всё, что надо. Вот возьми книжечку «Золотые правила» и прочти нам вслух.

Я открыла книжечку и прочла:

1. Те, кто стремятся узреть Бога сердца своего, должны пребывать в глубочайшей тишине сердца. И неуклонно совершать усилия, чтобы удержаться на созерцании его глубины.

2. Когда сердце ваше сжимается, трепещет и всячески беспокоит вас, удвойте усилия, ибо, значит, жизнь сердца вашего готова к пробуждению.

3. Ежесекундно, ежемгновенно, понуждайте себя к усилию. Как хотите вы постигнуть глубину сердца, если только говорите, а не действуете.

Да пребудет в мире всё сущее!

— Закрой книжечку, — сказал Учитель. — Эти слова говорят сами за себя. А Я только прибавлю: живите устремлённо! Имейте ясную цель в сердце. И чем выше будет поставленная вами цель, тем больше вы проявите благородства в жизни. Не забывайте, что, стремясь к Истине и призывая пробуждение сердца, вы этим пробуждаете в себе некие творческие силы, которые, будучи вызваны к жизни, начнут действовать. И горе тем, которые, вызвав их, отступят в страхе назад. Их неизбежно сломит и искалечит. Но те, кто останутся твёрды и доверятся этой силе, она удесятерит их усилие. На сегодня это всё. Идите в мире!

Мы вышли с Анитой из беседки и взялись за руки.

— Хочешь, пройдемся до калитки Сада вместе? — спросила я.

— О, да!

— Ты делаешь усилия, Анита?

— Да. А ты? Что ты для этого делаешь?

— Пока ещё очень немного. Я ищу всякие способы. Но пока ещё не достигла ничего прочного. А ты?

— Я тоже. Я стараюсь сосредоточить сознание в сердце. Но мне очень трудно. У меня сейчас большое хозяйство на руках. Но скоро это кончится!

— А что же ты сделаешь?

— Я уйду. Мне всего этого уже не надо. Они проживут и без меня. А я буду жить очень скромно там, где мне надо жить, среди природы, среди людей, которым тоже дорога Истина.

— А я уже ушла... — тихо сказала я. — Может быть, и я буду скоро жить среди людей, которые будут созвучны моим исканиям. А может быть, одна останусь. Но это не существенно...

— Существенно открыть Бога сердца своего, — закончила мои слова Анита.

Мы остановились и крепко обнялись.

— Родная ты душа моя! — сказала я Аните.

День. 12 часов.

После молитвы Учитель сказал:

— Дети, вступая в жизнь вашего дня, помните: сначала жизнь сердца, а потом всё остальное.

И, благословив нас, отпустил.

День. 17 часов 30 минут.

Я подошла к терраске.

— Разреши войти, Учитель?

— Входи, дитя. Сядь. Я хочу тебе сказать несколько слов.

И Учитель сказал мне то, что надлежит знать только мне одной, потому что это касается только моей личной жизни, и потому я это не записываю, а храню в сердце.

— Теперь возьми книжечку «Золотые правила» и прочти следующее правило.

И Учитель дал мне книжечку. Я открыла её и прочла:

1. Читайте дни глубокой и ясной радости. Но и дни скорби читайте так же глубоко, ибо то и другое помогает росту сердца.

— Закрой книжечку, — сказал Учитель. — На сегодня это всё. И я тебе ещё скажу: чти счастье. Не забывай, что счастье и скорбь — дети одной матери. Всегда помни, что жизнь сердца должна быть на первом плане и никакие вихри не должны поколебать твоей устремлённости.

И Учитель отпустил меня.

24 сентября. День. 5 часов.

Я услышала в себе голос: «Учитель ждёт тебя» — и я пошла...

Меня не встретил по дороге Нуми, как встречал обычно эти дни, но я всё же пошла дальше. На пороге зала я остановилась, увидя Учителя, погружённого в чтение. Но Учитель обратил на меня взор, и я осмелилась спросить:

— Разрешешь приблизиться, Учитель?

— Тебя кто-нибудь звал?

— Да, Учитель! Я слышала в себе голос.

— Садись. Возьми перо и бумагу и запиши что Я тебе продиктую.

Мы являем в мир Нашу Силу в самых разнообразных формах. И когда одни очаги Света иссякнут, встают новые. Скоро в мире явится столько очагов Света, во всех странах, что они привлекут к себе внимание широких масс.

Прилив новых сил ощутит человечество, когда, пройдя эпоху материализма, с новой силой потянется к жизни духа, поняв, что дух и материя неделимы, но что духовная материя есть основа материальной. Обращение человечества к материализму есть только переходный этап, который завершится признанием новых, духовных ценностей. И те, которые тогда будут посланы в мир, одним своим присутствием и существованием в мире принесут столько огня и света для возрождаемых душ, что это усилит духовное возрождение не отдельных единиц, но масс.

— Это всё. Иди с миром! Придёшь ко Мне через два дня на третий.

И Учитель отпустил меня.

Вечер. 6 часов.

Учитель взойшёл на площадку роз, где мы все стояли в благоговейном молчании. Учитель нёс в руках большую прекрасную ветку, покрытую листьями и созревшими плодами. Учитель положил ветку у ног Своих и произнёс:

— Мир всем! Помолимся, братья!

— О, Владыка мира! Да пребудет Твоё Имя невыразимое благословенно в веках.

Все:

— Аминь.

— О, Владыка мира! Даруй нам раскрытия Света духовного в сердцах наших. Пролей в нас свет от Света Своего и помоги стать совершенными сосудами Света Твоего.

Все:

— Аминь.

— О, Владыка мира! Да озарит воля Твоя дыхание сердец наших и да протянется нить Твоей священной воли в сердца наши.

Все:

— Аминь.

— Дети, — сказал Учитель, высоко поднимая ветку в воздух, — взгляните на эту ветку, как она гармонична в своей завершённой зрелости. Я принес её, чтобы показать вам всем и дать наглядный урок завершённой гармоничности. Пусть ваши мысли будут так же крепки и

мощны, как эта ветка, ваши чувства да будут подобны этой сочной и яркой листве, а дела ваши подобны этим плодам, собравшим сладостную силу всего дерева. Мир всем!

25 сентября. Утро. 8 часов.

— Помолимся, братья, мир всем!

— О, Владыка мира! Да будет благословенно Имя Твоё, неизреченное никем, в веках.

Все:

— Аминь.

— О, Владыка мира! Волны счастья из глубин наших трепещущих сердец поднимаются к Тебе. Снизойди и озари нас светом милосердия Своего, раскрывшись в сердцах наших.

Все:

— Аминь.

— О, Владыка мира! Да просияет воля Твоя, подобно звезде путевой, в жизни нашей.

Все:

— Аминь.

— Дети, идите и живите в духе и в мире сердца!

И Учитель отпустил нас.

Утро. 9 часов.

Я подошла к домику Учителя. Он сидел на терраске. Лёгкость и радость жизни бились в моём сердце.

— Разреши войти, Учитель?

— Входи.

Я низко поклонилась Учителю. Любовь к Нему, нежная и яркая, горела сегодня особенно сильно в моём сердце. Я села у ног Его. Учитель подал мне книжечку «Золотых правил».

— Раскрой и прочти, — сказал Он.

Я раскрыла и прочла:

1. Много путей, ведущих к Богу, но путь Любви — самый прямой и наискратчайший.

2. Мудрость гласит: там, где прольются реки Любви, там расцветут цветы жизни и счастья.

3. Радость — крылья Любви, они возносят ввысь.

Мир всему сущему!

— Так, — сказал Учитель, — закрой книжечку.

— Учитель! Разреши мне оторваться от видения и записать то, что я сейчас прочитала, иначе я боюсь, что забуду это или не так запомню.

— Нет, ты должна унести это в памяти. Повтори Мне сейчас то, что ты прочитала.

Я повторила.

— Я хочу сказать тебе ещё несколько слов о твоей жизни. Настали дни твоего одиночества. Воспользуйся ими. Обратись в глубину сердца. Не теряй дни в суете. Ты должна теперь особенно крепко собраться внутри сердца, чтобы быть способной противостоять всяким натискам вихрей. И потому укрепляй силы и будь в духе. Сегодня в пять часов придёшь ко Мне.

12 часов. Молитва.

Я шла к площадке роз. Ко мне навстречу шёл Стивенс.

— Я вышел к тебе навстречу. Я боялся, что ты запаздываешь.

— Оттого что ты вышел мне навстречу, я не пришла бы скорее, — пошутила я.

Мы оба засмеялись и крепко пожали друг другу руки.

— Ты дорога мне, — говорил Стивенс, пока мы шли к площадке. — Здесь нет случайных встреч. Мы все пришли сюда издалека. И многие из нас уже были тесно связаны, как я с тобой, ты с Анитой и через тебя и я с нею. Но пойдём скорее. Пора!

Мы только успели встать в ряды, как пришёл Учитель.

— Мир вам, дети! — сказал Учитель и благословил всех.

— И Тебе, Учитель! — ответили мы привычным возгласом, но вкладывая в него всю нашу любовь.

— Помолимся... О, Владыка! Возлюбленный сердец наших. Ты источаешь славу Свою, пребывая во всём, Сущий от века! Аминь.

Все:

— Аминь.

— О, Владыка! Возлюбленный сердец наших! Пребывая в нас, очисти нас, даруй нам свет прозрения, понимания и проникновения в глубину законов, данных Тобой. Аминь.

Все:

— Аминь.

— О, Владыка! Возлюбленный сердец наших! Раскрываясь в нас, Ты раскрываешь нам волю Свою. Аминь.

Все:

— Аминь.

— Пребудьте в мире! Те, кому назначено, останьтесь! Остальные идите с миром в сердцах ваших.

И Учитель отпустил нас.

День. 5 часов.

Учитель кончал точить перо (вроде гусиного), когда я вошла к Нему на терраску.

— Садись и пиши, — сказал Учитель, подавая мне перо и бумагу.

Всем, всем, всем!

Всем, кто страдает, и всем, кто в счастье, тем, кто склоняется перед Богом сердца своего, и тем, кто тщетно обнимает пустоту внутри себя, всем, всем, всем — Слово Наше.

Приблизьтесь к сердцу. Спуститесь в его глубину и свершите в его тишине молитву. Сверхая её, пребудьте углубленны и самозабвенны. Так раскроете двери сердца своего и Бог вашей Любви взойдёт в него.

Учитель взял у меня листок и дал другой, сказав: — Пиши.

Всем, всем, всем!

Зажгитесь и озаритесь от огня Нашего. Прикоснувшись сердцем к силе слов Наших, очиститесь огнём, в них скрытым. Пребывая в мире и в тишине сердца, ищите силу Нашу вложить в него. Аминь.

— Всё.

Учитель взял у меня и этот листок. Он сложил оба листка вместе и сказал:

— Это всё. Иди и пребывай в мире. Завтра придёшь как обычно.

И Учитель отпустил меня.

6 часов. Молитва.

Учитель сказал нам, собравшимся на молитву:

— Сегодня Я прочту молитву немного иную, чем обычно. Помолимся. Владыко! Пребывающий в сердцах наших! Да будет благословенно Имя Твоё. Тебе поём мы: свят,

свят, свят!

Учитель сделал нам знак рукой, и мы все повторили:

— Свят, свят, свят!

— Владыко! Озари сердца наши Светом Твоей Истины, ибо Ты единая крепость и убежище Наше. И, стремясь к Тебе, мы поём: свят, свят, свят!

— Свят, свят, свят! — повторили мы.

— Дети, идите с миром!

И Учитель отпустил нас.

26 сентября.

В восемь часов утра я была на молитве, а в девять часов я была на терраске у Учителя.

Как обычно, я села у ног Его. Он протянул мне книжечку «Золотые правила», и я раскрыла её и прочла:

1. Сердце, имеющее друзей, не обзаводись привязанностями. Помни: все они потребуют твоих сил, внимания, предпочтения. Ты должно, о, сердце, давать свет из себя, но ты должно уметь отражать всё, могущее затемнить твою устремлённость к Свету.

2. Запомни, сердце: друзья растерзают тебя на части, если ты не противопоставишь им силы мужественного и отрешённого сердца. Всех люби, но не делай ни для кого предпочтения.

3. То сердце, которое ищет окружиться друзьями, попадает в плен собственного тщеславия, и оно ослабляет суровую тишину одиночества, нужного ему отрешения. Помни, о, путник, поднимаясь в гору, ты не должен тащить с собой свои привязанности. Поистине они удушат тебя, если вовремя ты не снимешь с плеч их груза. Мир всему сущему!

— Это всё. Закрой книжечку. Иди в мире сердца.

И, благословив, Учитель отпустил меня.

День. 5 часов.

Я опять пришла к Учителю. Учитель дал мне книжечку «Золотые правила» и повелел читать дальше. Я раскрыла и прочла:

1. Три качества необходимы ученику: любовь, сосредоточенность на единой цели и распознавание.

2. Поговорим о каждом из них отдельно: 1) любовь: поистине сердце должно быть размягчено и должно превратиться в воск, раньше чем оно будет готово для восприятия Вечного. Любовь, исходящая из себя и ничего не берущая взамен — есть первое необходимое качество. Бескорыстие есть спутник такой любви; 2) устремлённость к единой цели: жизнь ученика должна быть *вся* направлена на эту единую цель. И всё, что случается на дню твоём, всё это выражения твоей устремлённости к цели. Даже воздух, которым ты дышишь, должен дать тебе ту прану, которая приблизит тебя к цели. Ложась и вставая, на дню своём имей единое направление — к цели! Всё должно быть очищено одной мыслью, что отныне вся твоя жизнь посвящена единой цели; 3) распознавание. Распознавание должно научить тебя различать истинное от преходящего, великое от малого, нужное от ненужного. Оно поистине сопутствует каждой твоей мысли, каждому твоему чувству. Ибо поистине без распознавания ты запутаешься, о, сердце, в окружающих тебя тенях. Да будет мир всему сущему!

Учитель повелел закрыть книжечку и взял её из моих рук. Настала тишина. Потом тихо

Учитель стал говорить мне:

— Ищи дать мир миру! Через тебя дастся в мир многое. И помни: цель твоя быть достойным проводом Нашего Света, который прольётся через тебя. Очень сдержанна, очень сосредоточенна, очень вдумчива пребывай. Умей быть радостна и приветлива, но без излишней экзальтации. Будь возвышенна и благородна во всём, в мыслях, в словах, в поступках. Отмывай грязь налипшую на твою одежду, ибо поистине только в сверкающих одеждах приходят к Истине. Это всё. Иди с миром!

6 часов. Молитва.

— О, Владыка сердец наших! Да пребудет Имя Твоё благословенно от века.

Все:

— Аминь!

— О, Владыка сердец наших! Даруй нам очищение, даруй нам просветление и, озаряя нас, огради от всякой скверны.

Все:

— Аминь!

— О, Владыка сердец наших! Да пребудет вера в волю Твою путеводной звездой над жизнью нашей.

Все:

— Аминь!

— Идите с миром, дети!

27 сентября. Утро. 9 часов.

Я вошла в залу Учителя. Учитель сидел за столом и сделал мне знак приблизиться и сесть.

— Устремлённость сердца твоего зачтётся и отмоем много пятен твоей жизни, — сказал Учитель. — Бери перо и пиши то, что Я тебе сейчас продиктую.

Всем, всем, всем... Наши дети должны идти по путям, проложенным Нами, и принять Наши указания, но они должны быть устремлены сердцем к познанию Высшей Правды.

— Всё.

Учитель взял листок из моих рук и отложил его.

— Это всё, — сказал Он. — Пребудь в мире. Сегодня в пять часов придёшь опять.

И Учитель отпустил меня.

12 часов. Молитва в Саду.

После молитвы Учитель сказал:

— Дети Мои! Каждому из вас дано будет достижение, но только тот достигнет, кто применит суровую решимость сердца и неукротимую жажду Истины. Ибо искание сердца требует истинного усилия.

И Учитель, благословив, отпустил нас.

День. 5 часов.

Я сразу очутилась в зале, сидя за столом Учителя. Учитель что-то собирал со стола. Длилось молчание.

— Пойдём, — сказал Учитель, вставая.

Мы прошли вниз, и Учитель открыл вход в круглую комнату, осветив её.

— Сядь, — сказал Он. А Сам стал ставить в шкафы принесённые рукописи. Потом Учитель сел за круглый стол, недалеко от меня, сложил руки на коленях и, помолчав немного, сказал:

— Покорность судьбе не есть удел наших учеников. Они сами строят свою судьбу, не

ожидая, когда она их поведёт за собой. Они берут то, что им надо для их жизни из той массы всего, что их окружает. И они строят сами свою жизнь, имея всё время в виду свою цель, зная, что они строят не только для этой жизни, но и для будущей.

Учитель помолчал немного, испытующе глядя на меня.

— Ты не должна ничего ожидать. Ты должна выбрать то, что тебе надо, и то, что надлежит тебе сделать. *Ты* должна диктовать, а остальные выполнять. *Мы* такую власть дали тебе. Не для личного пользования, конечно!

— Учитель, разреши спросить Тебя?

— Спрашивай.

— Возможно ли мне снова соединить свою судьбу с судьбой другого человека?

— Возможно. Мы соединяем то, что кармически должно быть снова соединено, и разъединяем то, что должно быть разъединено. Но придёт время, и ты сама должна будешь научиться делать правильный выбор и в нужный момент разъединять свою судьбу от людей или снова соединять её. Имеешь ещё что-нибудь спросить?

— Нет, Учитель, — тихо ответила я.

— Тогда Я имею, что спросить тебя...

И Учитель задал мне один вопрос, который я считаю вправе оставить в своём сердце. Я на него ответила утвердительно.

— Это правильно, — сказал Учитель, — этим закончится кармическая цепь и многое распылится. Ты выбрала правильно. Иди. Будь светла и будь в духе. И помни, отныне ты сама выбираешь и строишь свою жизнь, а Мы благословляем тебя и даруем свою помощь.

На этом Учитель отпустил меня.

28 сентября. Утро. 9 часов.

Я пришла в Сад Учителя. В Саду было тихо и пусто. Я подошла к терраске. Учитель спускался с неё мне навстречу.

— Пойдём в беседку, — сказал Он.

По дороге Учитель говорил:

— Пользуйся днями, посланными тебе среди тишины природы, отдавайся им полно и радостно, черпай из них полной чашей. Скоро они отнимутся от тебя и предстанут иные дни, когда ты должна будешь больше отдавать, чем получать.

Учитель вошёл в беседку, и я последовала за Ним. Учитель подал мне книжечку «Золотых правил мудрости».

— Прочти вслух главу дальше.

Я прочла:

1. Человек, живущий внешним, и получит внешнее, но сердце, отказавшееся от внешнего и обратившее взоры в свою глубину, получит духовное.

2. Сердце, познавшее мудрость, ищет раскрыть вещи Реальные и пребывающие. Оно не испытывает наслаждения от вещей преходящих.

3. И всё же, о, сердце, находясь в жизни людей, ничем не отвращай от себя их взора. Живя с ними, пребывай в храме глубины своей.

Да будет мир слушающим поучения мудрости!

Примечание к параграфу 3. Это не значит предаваться всему тому, что совершают окружающие тебя люди, нет, но ты должно, о, сердце, *выбирать*. Не стремись выделиться чем либо, чтобы о тебе говорили, тебя превозносили, оставайся простым и скромным и, живя в этом мире теней, принимай всё, но ничем не улавливайся.

— Закрой книжечку, — сказал Учитель. — Это всё. Иди с миром. Сегодня приходи ко Мне в пять часов.

— Спасибо Тебе, Учитель, за всё, — сказала я с большим трепетом сердца и низко Ему поклонилась.

— Благодарю себя, — сказал Учитель, — каждый сам себя приводит к Учителю.
И, благословив, Учитель отпустил меня.

12 часов дня. Молитва.

— Помолимся, братья! Мир всем! — сказал Учитель, появившись среди нас на площадке роз.

— О, Владыка мира и сердец наших! Тебе возносим сердца наши и Тебе поём, ликуя: слава! Слава! Слава!

Все:

— Слава! Слава! Слава!

— О, Владыка мира и сердец наших! Пробей скорлупу нашего неведения и проникни в сокровенные глубины сердец наших, ибо Тебе поём: слава! Слава! Слава!

Все:

— Слава! Слава! Слава!

— О, Владыка мира и сердец наших! Яви волю Свою и помоги утвердиться в ней, дабы мы жили в Тебе, как и Ты в нас пребываешь. Аминь.

Все:

— Аминь.

Учитель сказал:

— Дети, сегодня день скорби: умер один из наших братьев. Он умер в духе, он умер для Нашего братства. Это великая скорбь всего братства. Но Мы верим, что он вернётся к Нам, вкусив всю горечь духовного разъединения. Мир всем!

И Учитель отпустил нас.

День. 5 часов.

Ясно, чётко увидела Сад, себя, входящую в калитку и идущую по аллее кустов. Всё замечалось мной очень отчётливо. Дошла до площадки роз. На ней доцветали розы. День клонился к закату. Было необычайно тихо. Я пошла дальше. Дойдя до домика Учителя, я заметила Его на терраске. Не успела я приблизиться, как Учитель сказал:

— Мир тебе!

И когда я поднялась на терраску, Учитель ещё раз сказал:

— Мир тебе!

Я подошла к Учителю.

— Сядь, дитя. Сегодняшний ветер, кажется, совершенно растрепал тебя? — улыбаясь, сказал Учитель. — А жаль! Ничто внешнее не должно касаться твоей сокровенной сути. Всегда уравновешенная, всегда спокойная и светлая внутри себя — такой пребывай, что бы ни происходило в природе, или в жизни окружающих тебя людей, или в твоей собственной жизни. Ты должна научиться стать выше обстоятельств, каковы бы они ни были. Сегодня мы не будем читать «Золотые правила», а побеседуем с тобой немного. Мне понятны твои смятения, твои тревоги, они вполне человеческие. Но будь сильнее! Ещё нет никакой причины ни для уныния, ни для смущения чувств. Прими всё благостно, что свершится! Помнишь, ты просила: «Да будет воля Твоя!» Так прими же всё в воле Бога и успокойся. Все события посланы тебе Нами для укрепления в тебе мужества, сил, и благодаря этому ты только окрепнешь в духовной жизни, поверь...

Настало короткое молчание.

— Приблизься... — тихо сказал Учитель.

Я пододвинулась к Нему вместе со скамеечкой.

— Нет, опустишь передо мной на колени, — как-то особенно значительно сказал Учитель.

Я встала на колени возле Его ног.

— Закрой глаза и дай Мне обе руки.

Учитель взял мои руки в Свои и наступило молчание... И вдруг я почувствовала очень

сильную слабость и сонливость. Так бы и упала в колени Учителя головой и заснула бы. Но я поборола в себе сонливость и стала замечать, как поступает в меня какая-то теплота, потом сила. Мне даже стало казаться, что я слышу звук как бы маленькой динамо-машины, переливающей в меня энергию. Я стала бодрой, мне уже совсем не хотелось спать. Потом опять налетела сонливость, но уже в гораздо меньшей степени, чем в первый раз. Потом эта сонливость снова прошла, и я опять ощутила в себе силу, но уже в гораздо более сильной степени, чем в первый раз. Учитель отнял руки.

— Встань! — сказал Он. — Иди с миром. Я дал тебе через Себя новые силы.

Я поклонилась Ему до земли в каком-то особом порыве сердца, пока Учитель благословлял меня, склонённую перед Его величием.

29 сентября.

Учитель принял меня на терраске. Я села у ног Его на скамеечку, и Он дал мне книжечку «Золотых правил». Я раскрыла её и прочла:

1. О, сердце ищущее! Не давай омрачать себя ни жарким слезам скорби, ни бурным восторгам радости. Помни, ты должна стоять отрешённо в равновесии и не склонять взора своего ни в ту, ни в другую сторону.

2. Сердце, познавшее прозрение, уже никогда не захочет вернуться к пройденному. И лишь недостаточная твёрдость и ясность прошлых уроков возвращает ученика на его прежние следы.

3. Не обольщайтесь, жизнь духа и жизнь вашей самости — несовместимы. Одна из них должна погибнуть раньше, чем расцветёт другая.

Мир всему сущему!

— Закрой книжечку, — сказал Учитель. — Ты придёшь ко Мне ещё раз после молитвы в 12 часов.

Я поклонилась Учителю и сошла с терраски.

Утро. 8 часов. Молитва.

Я шла на молитву, когда ко мне навстречу подошли Анита и Стивенс.

— Где ты была? — спросила Анита. — Мне кажется, что мы давно-давно не виделись!

Мы крепко пожали руки друг другу и вместе пошли на молитву.

(В 12 часов не смогла быть на молитве и не была у Учителя.)

День. 5 часов.

Ясно видела себя в белой одежде братства идущей в Сад Учителя. Я приблизилась к терраске. Учитель был там и разрешил мне войти. Когда я села у ног Его, Учитель протянул мне книжечку «Золотых правил». Я открыла её и прочла:

1. Нет мудрее закона, чем закон Любви. Люби!

Я силилась прочесть дальше, но больше я ничего не видела. Сделав несколько попыток, я огорчённо сказала:

— Учитель, я больше ничего не вижу.

Учитель слегка улыбнулся.

— И правильно. Больше тебе и нечего видеть. На сегодня это всё.

Учитель принял из моих рук книжечку и сказал:

— Сойдём в Сад.

Учитель спустился с терраски, положил руку мне на плечо, и мы пошли с Ним в ту часть Сада, где виднелись вершины гор. Учитель подошёл к скамье, где сидел обычно,

опустился на неё и указал мне место рядом. Перед нашими глазами синели дали и снежные вершины выделялись сегодня как-то особенно ярко. Белая звезда на одной из горных вершин сверкала ослепительно.

— Взгляни на этот свет, вроде звезды, — тихо сказал Учитель, — это сверкает Наш Храм, Наш Дом. Тот великий «Дом Счастья», входя в который человек познаёт своё истинное назначение. Скоро Мы все соберёмся там и многие Наши ученики тоже будут с Нами. Я бы хотел, чтобы и ты была с Нами. Это зависит от тебя, хватит ли в тебе сил и чистоты сердца, чтобы присутствовать при таком сверкании...

— Я думаю, что не хватит, Учитель.

— Да, если ты будешь рассчитывать только на свои силы, силы слабой личности. Но ты ведь не знаешь своих *настоящих* сил, тех, которые видит Учитель. Они уже способны на многое. Обещай Мне... — тихо сказал Учитель после лёгкого молчания, — *обещай Мне никогда не изменять мечте твоего сердца. Никогда и ни при каких обстоятельствах не уклоняться от великого горения сердца и не терять целеустремлённости. И, достигнув одной вершины, помни, что есть другая, ещё выше, и за ней — высочайшая. Будь неуловленна ничем и не возвышайся ни перед кем.* Обещай Мне!

Я встала и, низко склонившись перед Учителем, сказала:

— Обещаю!

— Повтори, — сказал Учитель, — то, что Я сказал тебе.

Я повторила и ещё раз сказала, склоняясь перед Учителем:

— Обещаю!

— Сядь, — сказал Учитель, — и слушай: этот Сад ты сменишь на этот Храм, сияние которого ты видишь. В нём получишь новые, великие уроки. А после увидишь новые вехи, которые поведут тебя, как по ступеням, всё выше, раскрывая по-новому твоё сознание. И всё время ты должна будешь проливать в мир потоки Света, те потоки Света, которые получишь у Нас. А теперь иди, дитя. Я побуду один.

Я низко поклонилась Учителю и пошла по дорожке. Вдруг сильный свет, падающий откуда-то сзади меня, озарил дорожку Сада. Я невольно оглянулась и увидела, что Учитель излучает из Себя Свет. Он весь струился, истекал светом. Как радужные столбы лучей тянулся свет и устремлялся к белой Звезде на вершине горы. Я поспешно отвернулась и почти побежала от этого видения, так как не чувствовала себя достойной созерцать это.

6 часов. Молитва.

Учитель произнёс молитву, после которой сказал:

— У каждого из вас в глубинах сердца есть та обитель, которую он призван отныне укреплять, беречь и раскрывать по-новому. Живите в глубинах сердец ваших.

И Учитель, благословив, отпустил нас.

30 сентября.

Была в девять часов у Учителя в горах. Но видела неясно и не записала.

День. 5 часов.

Я вошла в залу Учителя. Учитель встал из-за стола и пошёл мне навстречу. Я низко Ему поклонилась.

— Следуй за Мной, — сказал Учитель и стал спускаться вниз по лестнице.

Внизу Учитель открыл вход в круглую комнату и, указав мне место за столом, сел около меня. Потом Учитель повелел мне открыть глаза и продиктовал:

Именно тебе говорю Я, пройдя через огонь, через пламя сердца, — очистишься. Этот огонь последний всплеск твоей самости. Изжив её, ты переродишься. Научись крепко стоять там, где ты будешь нужна. Научись отделять *себя*, своё удовлетворение и то, что *через тебя* получают люди. Тот огонь, что полыхает в тебе, он сожжёт все

шлаки и возродится в сердце пламенем чистого, непорочного Света. Иди, испей ещё раз тот напиток, который ещё раз даст тебе понять, что все земные страсти только ступени, ведущие вверх или вниз. (Это будет зависеть от тебя.) И ещё скажу: *Научись в спокойствии быть* . Научись правильно отражать те лучи, что Мы посылаем тебе. Пребудь в духе.

— Завтра придёшь ко мне в девять часов утра.

И этим кончилось всё.

И я пошла на молитву в Сад Учителя.

1 октября. Утро. 9 часов.

Сначала увидела лицо Учителя. Очень ясно и отчётливо. Особенно Его голубые глаза под тёмными бровями на смуглом лице... Потом, как обычно, увидела залу и себя, стоящую у входа. Я низко поклонилась.

— Приблизься, — сказал Учитель.

Он сидел за столом и ждал моего приближения. Он указал мне на место подле него, сбоку, и сказал:

— Живи собранным сердцем. Не принимай огни иллюзий за действительность. Помни, всё что встречается в этой жизни, это всё только опыты, поводы и уроки. Не позволяй своим привязанностям становиться настолько крепкими, чтобы они отнимали у тебя силу устремлённости. Не застывай. Гори! Неуклонно проверяй себя. Мужество и решимость нужны тому, кто готовится вступить на путь. Будь готова в каждое мгновение, по первому зову отдать всё, что имеешь, всё, чем владеешь, всё, что любишь, на что уповаешь. Пока ещё хранишь в сердце жалость к себе и боишься истинного одиночества — значит, сердце ещё не созрело. Не самообольщайся! Прокладываемые пути жёстки и круты, и многие срывались, пытаясь их преодолеть. Тебе многие помогают, но все Великие Силы и Голоса останутся тщетны, если ты сама не сделаешь усилия внутри своего сердца. Это помни. Да будет мир тебе! Приблизься ко Мне.

Я встала и подошла к Учителю. Он взял висящую на моей груди жемчужину и молча показал мне. Ярко-огненная полоса прорезала её белизну.

— Вот это что? — спросил Учитель. — Это должно быть изжито совершенно и уничтожено.

Учитель взял моё лицо за подбородок, приподнял его и пристально посмотрел в мои глаза. Потом отпустил и сказал:

— Иди с миром в сердце. И будь мужественна и решительна. Учитель наклонился над столом и вернулся к своим занятиям. Я низко поклонилась Учителю и стала уходить, не смея спросить Учителя, приходит ли мне ещё сегодня в пять часов или нет, как Учитель сказал:

— Сегодня больше ко Мне не приходи. Придёшь, как обычно, через два дня.

12 часов. Молитва.

Я вошла на площадку роз. Все уже стояли, ожидая Учителя. Я увидела ясно правильные ряды стоящих братьев. Они стояли полукругами в четыре ряда, образуя очень ровные и правильные промежутки между собой. Учитель проходил обычно между рядами, реже Он их обходил по спирали, то есть обходя все ряды. Учитель всегда останавливался посередине, замыкая Собой таким образом наши полукружья. Я заметила Аниту и Стивенса и присоединилась к ним. Вскоре пришёл Учитель.

— Помолимся, братья! Мир всем!

— И Тебе, Учитель!

Учитель произнёс молитву, после которой сказал:

— Дети, Я хочу сегодня сказать несколько слов о дружбе. Что есть дружба, понимаемая обычно людьми? Чаще всего это даже не любовная привязанность друг к другу, а эгоистическая общность интересов. Пока она длится, длится и дружба, исчезла общность

интересов — и дружба распалась. Не о такой дружбе Я буду говорить. Есть более высокая форма дружбы, когда души тесно связаны любовью и когда сознание одного делается как бы сознанием другого. Их не объединяет общность земных интересов (хотя они могут быть или не быть), но связующее их звено есть устремлённость к высшим идеалам жизни, где каждый горячо стремится поддержать другого и передать ему свой опыт и своё понимание, чтобы облегчить ему постижение Истины. Это прекрасная и возвышенная дружба. Но Я хочу говорить вам даже не о такой дружбе, а о той самой тонкой форме, которой слово «дружба» даже почти не соответствует, так тонко, так необычайно нежно и светло это чувство: это дружба между Учителем и Его учениками. Здесь полный пример бескорыстия. Учитель является и как наставник — отец, преподающий основы бытия и раскрывающий сознание сына; Учитель — мать, полная любви, нежности, заботы и сострадания; Учитель — брат и друг, советник, понимающий всевозможные трепеты сердца и все события в жизни своего ученика, тот *друг*, который не усомнится, не предаст, не изменит, не отвернётся, даже если почему-либо ученик отпадёт от Него, не заставит страдать там, где возможно избежать страдания, но Учитель покроет Собой, Своей любовью, Своей истинной дружбой каждый недочёт Своего ученика, каждый его промах, каждую боль. О такой дружбе Я и хотел сказать вам несколько слов, мои друзья. Идите с миром и пребывайте в духе.

И Учитель отпустил нас.

День. 5 часов.

Нуми сказал, что мой «белый Учитель» меня сегодня не примет, что Учитель сегодня никого не принимает. И даже не пустил меня подойти близко к дому Учителя.

2 октября.

Я подошла к терраске и поклонилась Учителю.

— Входи, — сказал Учитель.

Он указал мне на скамеечку у Его ног, и я с радостью на неё опустилась.

— Учитель, можно мне преклонить колени перед Тобой и сказать о моей великой радости?

— Можешь. Но можешь и не говорить. Я уже знаю её, вернее, *вижу*.

Я склонилась перед Учителем в восторге счастья до земли.

— Береги этот Свет в сердце, — сказал Учитель, — он может ещё и померкнуть или сильнее разгореться, зависит от тебя. Держи сердце в чистоте, не давай приникать в него никаким тёмным вибрациям. И храни над собой Наше благо!

Учитель благословил меня, склонённую перед Ним. Когда я снова села на скамеечку, Учитель дал мне книжечку «Золотых правил». Я открыла её и прочла:

1. Каждый, кто хочет приблизиться к Свету, должен пройти путь мрака, сомнения и отчаяния. Он должен страдать, вопрошать и дерзать, и лишь тогда, когда жажда Света станет для него невыносимой, когда он всем своим существом возжаждет, тогда первый луч Света блеснёт перед ним.

2. Но и тогда не останавливайся, о, путник, в радости и не задерживайся в полях иллюзии, упиваясь её цветами, а проходи поспешно дальше, взяв нужный опыт.

3. Ибо помни, о, сердце, стремящееся к Свету, пока не будут сняты все покровы, окутывающие тебя тьмой иллюзии и затемняющие Свет, до тех пор ты ещё не можешь лицезреть Вечно-Реальное. Мир всему сущему!

— Аминь! — сказал Учитель. — Закрой книжечку. Выписываешь ли ты эти правила куда либо отдельно?

— Да, Учитель.

— Это хорошо. Скоро их наберётся достаточное количество, и Мы дадим их людям. А ты, дитя, помни: стой твёрдо и будь устремлённа. При всех обстоятельствах помни: жизнь

Света, жизнь в духе — это потребность и сущность твоей жизни. Круг твоего влияния должен расширяться, но и сама ты должна очиститься и тем строже быть к себе, чем больше любви прольётся вокруг тебя. Иди с миром.

И Учитель отпустил меня.

3 октября. 12 часов. Молитва.

Я встретила на дорожке Сада с Анитой и со Стивенсом. К нам подошла Астарта.

— Я бы хотела ближе познакомиться со своими друзьями, — заговорила она низким, грудным голосом (таким же бархатным, как и глаза), подавая нам руки. — Мне кажется, было бы очень хорошо, если бы могли изредка собираться и обсуждать вместе наши маленькие дела. Может быть, опыт одного принёс бы пользу и другим.

— Это действительно было бы великолепно! — сказал Стивенс.

— Давайте соберёмся сегодня, — предложила Анита.

— Нет, сегодня я не могу, — ответила я. — Я вне дома, и мне нельзя «уйти».

— Давайте завтра соберёмся все в половине двенадцатого? — сказала Астарта.

Мы согласились. Она кивнула нам головой, чарующе улыбнулась и скрылась в рядах братьев.

Мы трое пошли к площадке роз. По дороге Стивенс подал мне розу.

— Это одна из последних, — сказал он, — взгляни, как она прекрасна!

Действительно, она была прекрасна! Розово-палевая, в полном цвету, с нежным ароматом. Мы встали на молитву. Ясно ощущала как бы тепло в сердце, горение, какое-то необъяснимое чувство восторга, благоговения, счастья качало моё сердце. На площадку вышел Учитель и стал обходить наши ряды, проходя мимо каждого и к каждому обращая Свой взор, давая от Своего Света. Меня слегка задел край Его одежды, и сладостное чувство преданности, детская прозрачность и чистота счастья захлестнули волной моё сердце. Учитель встал на Своё место.

— Помолимся, братья! Мир всем!

— И Тебе, Учитель!

После молитвы Учитель сказал:

— Я хочу сказать вам маленькое Слово о счастье. Что такое счастье? Откуда возникает оно? И что сопутствует ему? Счастье — это не есть удовлетворение от получаемых каких-либо переживаний на физическом плане (хотя и оно бывает иногда прекрасно!), но Я хочу сказать о том Счастье, которое зарождается в сердце от его вибраций, от тех вибраций Света, которые начинают изливаться через него, и лучи их, нежные, золотисто-розовые, дают это Счастье. Оно невыразимо тонко, но властно окутывает всего человека, оно сопутствует ему, оно его наполняет новым прозрением в жизнь. Это и есть истинное Счастье. И те, кто ищут вызвать в себе такой Свет, Свет неземного Счастья, действительно начинают быть способны не только сами светиться, но и светить другим. Идите, дети, и будьте счастливы!

И Учитель отпустил всех, благословив.

4 октября. Утро. 8 часов.

Учитель после утренней молитвы сказал нам:

— Завтра день праздника осеннего плодородия, и всех вас Я приглашаю присутствовать после двенадцатичасовой молитвы во фруктовом саду на площадке, и там Я скажу всем вам Слово Моё.

И Учитель отпустил нас.

Утро. 9 часов.

Я пришла к Учителю. Он сидел на терраске, и около Него сидела на скамеечке Анита. С разрешения Учителя я взяла ещё скамеечку и, поставив её против Аниты, села. Учитель подал мне книжечку «Золотых правил».

— Прочти нам вслух, — сказал Он.

Я открыла книжечку и прочла:

1. Когда ученик готов, он без замедления получит всё, что ему причитается, ибо умеющий вопрошать, получит ответ.

— Закрой книжечку, — сказал Учитель. — Дальше мы не будем читать сегодня. Я хочу сказать несколько слов о том, что ты сейчас прочла: «Когда ученик готов, он без замедления получит всё, что ему причитается...» Как понять эти слова?

— Это значит, что ему пришло время получить то, чего он достиг, — ответила Анита.

— Да, так, но и ещё в этом есть смысл иной. В мире нет тайн. Ничего нет у жизни спрятанного в каких-то тайниках, по кладовым или в волшебных замках «для умных детей в награду». В мире властно проводится один закон: *всё во всём и всё для всех*. Но как слепой не может видеть и глухой не может слышать, так и человек, не имея ещё в себе достаточного развития, не знает и не может знать многого. Чем совершеннее аппарат, тем точнее он работает. Чем совершеннее станет аппарат человека, тем больше он сможет открыть и принять в себя и познать. Смысл в том, чтобы, не отклоняясь, идти к цели и знать, что предпочтения нет никому и ни в чём. Но тот, кто стремится выйти к Свету, тот его увидит. Теперь возьмите перья и бумагу и пишите. Я вам продиктую.

Всем, всем, всем!

Братья и сёстры, объединитесь в любви и в мире духа вашего. Помните, что там, где один поднять не может, содружество многих поднимет легко. И потому не стойте в обособленности сердца, а стремитесь сообща действовать. Наша власть ограничена вами. Чем больше, шире и глубже вы сможете понять Нас, тем больше Мы сможем дать вам, а через вас в мир.

— Это всё.

Учитель взял листки и оставил их у Себя.

— Теперь, Анита, встань, сделай очищающее дыхание и иди. А ты, Астра, ещё немного останешься.

Когда Анита удалилась, Учитель сказал мне:

— Я скажу тебе несколько слов лично. Скоро твоя жизнь переменится, и ты станешь в новое русло. Я хочу, чтобы ты запомнила крепко: *где бы ты ни стояла, миссия твоя — быть Нашим проводом*. И через тебя льющие потоки Света и радости должны быть чисты. Ни тени сомнения или самодовольства не должно быть в тебе, они губительны. Какой бы любовью и почитанием тебя ни окружали люди, помни, всё это не может относиться к тебе как к личности, к той скорлупе, которая мнит себя единицей. То, что составляет твою *суть*, это гораздо выше твоей скорлупы, и от неё и через неё идущее в мир, не имеет ничего общего с твоей скорлупой, хотя она и кажется ещё тебе неотделимой. Вот и все, дитя, иди с миром!

И Учитель, благословив, отпустил меня.

День. 12 часов.

Меня встретила Анита.

— Что же ты не пришла в половине двенадцатого? Мы тебя ждали... Но и Феликса тоже не было. И мы решили перенести встречу на другой час, сегодня.

К нам подошли Стивенс, Астарта и Феликс. Мы все условились собраться после шестичасовой молитвы в Саду Учителя, около пруда.

Учитель пришёл на молитву:

— Мир всем!

— И Тебе, Учитель!

Вместо обычного начала молитвы, Учитель сказал:

— Блаженны, имеющие сердца чистые, ум возвышенный и душу, стремящуюся к Истине, ибо они наследуют землю нездешнюю. Блаженны, в ком покой сердца и тишина. И кто руководим любовью, ибо они приплывут к берегу Жизни! Помолимся, братья!

— О, Владыка мира и сердец наших! Да будет благословенно имя Твоё невыразимое, во веки веков. Аминь.

Все:

— Аминь!

— О, Владыка мира и сердец наших! Даруй нам свет прозрения! Да не оскудеет в нас устремлённость к Тебе. И помоги нам не удаляться от Луча Твоего, ведущего нас. Аминь!

Все:

— Аминь!

— О, Владыка сердец наших! Положи печатью на жизнь нашу волю Свою. Аминь.

Все:

— Аминь!

И Учитель, благословив, отпустил нас.

День. 5 часов.

Я подошла к терраске. Учитель ходил по ней, погружённый, казалось, в задумчивость. Увидя меня, Он сказал:

— Входи, дитя!

И продолжал ходить. Я вошла и, поклонившись Учителю, встала у входа. Учитель молча посмотрел на меня, потом задумчиво посмотрел на Сад и промолвил:

— Пойдём, побродим по Саду. Мы сегодня ничем не будем заниматься.

Мы сошли в Сад. Учитель положил руку мне на плечо, и мы тихо пошли по дорожке, в любимую Его аллею, откуда виднелись вершины гор. Шли в молчании. Учитель казался мне погружённым в думы, и я не смела нарушать их. Когда мы подошли к месту, где были особенно чётко видны горы и дали, Учитель остановился, снял руку с моего плеча и вдохнул воздух всей грудью.

— Какая свежесть! Как легко дышать чистым, горным воздухом... — промолвил Он. И, помолчав, сказал: — Никогда не желай жить в низинах. Ищи места повыше, откуда расстилались бы широкие горизонты. Человеку нужны просторы, они вдохновляют, они помогают ему отрываться от низменных будней, от мелочей. Никогда не стремись застыть на одном месте и не строй ничего на болоте, как бы заманчиво оно бы ни было украшено. Дыши воздухом гор!

Учитель опять замолчал и тихо вдыхал лёгкий, горный ветер.

— Нет ничего прекраснее на земле, чем горные вершины, — опять заговорил Учитель, — они выразители земли, её самые высокие вдохновения. Особенно хороши они в звёздные ночи. Тогда кажется, что они говорят звёздам, а те, внимая, дают ответ. Да оно так и есть на самом деле, эта незримая для людей телепатия, магия света звёзд, притягиваемых к горным вершинам. Я всегда любил звёздные ночи, когда Я ещё не был Учителем.

Учитель опять замолчал и ласково посмотрел на меня.

— Ты юна, ты ещё очень юна во многом. Но в тебе есть хорошие задатки. Но Я предупреждаю тебя: *бойся низин*! Твоя сфера — горы. Всё, что возвышенно, — твоё. Горе человеку, не видящему далее из-за мусора дел своих. Не нагромождай мусора! Строй выше дом своей мечты, дом славы твоего духа. А теперь иди. Скоро молитва. А Я хочу ещё побыть здесь один.

6 часов. Молитва.

Меня позвала Анита.

— Я боялась, что ты опоздаешь или не придёшь, — сказала она. — Ты помнишь, что после молитвы мы все хотели собраться?

— Да, я помню.

Мы присоединились к братьям, ожидавшим уже прихода Учителя. Мы встали рядом все пятеро. Я рассмотрела Феликса теперь немного больше. Он тщедушен, небольшого роста, бледный, худощав и уже не молод. Черты лица мелкие и кажущиеся незначительными. Но от всей его фигуры веет мягкой тишиной, и, когда он оживляется, взгляд его делается могучим и сверкающим и весь он словно озаряется внутренним светом. Пришёл Учитель и произнёс молитву, после которой Он сказал:

— Братья, вам, вероятно, известно, что сегодня перелом осени. Завтра мы справляем праздник плодородия. А сейчас Я скажу немного о лете. Лето — дароносица. Оно несёт дары для осени, те дары, которые ей поручила весна. Чем деятельнее лето, тем богаче осень и тем спокойнее зима. Лето — олицетворение жизни человека, когда он полон расцвета и жизненных сил. Но подробнее мы поговорим об этом завтра. А сейчас скажу: мир вам всем!

И Учитель отпустил нас.

Встреча после 6 часов.

(Я открыла глаза, чтобы записать всё, что говорил Учитель, и после снова сосредоточилась.)

— А, вот и она!.. — воскликнул Стивенс.

Я шла по дорожке им навстречу. Они стояли около площадки роз и поджидали меня.

— Ну, что же, пойдёте к пруду! — сказала Анита.

— Я предлагаю остаться на площадке роз, — сказал Стивенс. — Здесь скамеек больше.

Все согласились. Мы придвинули одну скамейку против другой и разместились. Наступило довольно продолжительное молчание, которое никто не решался нарушить, и лишь глаза устремлялись друг на друга, и в сердце была какая-то бездонная глубина.

— Это хорошо, — начал говорить тихо Феликс, — это хорошо, что мы начали нашу встречу с молчания. В некоторых случаях молчание говорит больше слов. И оно глубже. И в молчании говорят сердца. И им есть *что* сказать друг другу. Особенно нам. Вот мы, все пятеро, собраны здесь. И эта встреча не случайна. Мы все пришли издалека и принесли с собой большой груз большого опыта прошлых встреч, прошлых жизней. Что касается меня, я обладаю полной памятью прошлого. Хорошо это или плохо, но я помню всех вас, друзья, и помню, как и при каких обстоятельствах мы встречались, и не один раз. Много раз нас связывала любовь, но бывали и вражда и ненависть, бывали дружеские сближения, родственные связи. Все мы многое пережили вместе.

Анита, побледневшая, широко открытыми глазами смотрела на Феликса.

— Я помню, я помню... — вдруг сказала она. — Ах, какое грустное воспоминание!

И она вдруг заплакала, взяв руку Феликса.

— Простил ли ты меня?

— Не волнуйся, друг, — сказал Феликс. — Всё это тени, они больше не должны волновать ни тебя, ни меня. Тут нет места этим воспоминаниям, которые могли бы укорять и обличать друг друга. Помни: всё — едино!

Анита сквозь слёзы улыбнулась мне и сказала:

— А всё из-за тебя!

Но я ничего не помнила! Астарта сидела молча, она слушала, опустив глаза.

— Я мало помню свои прошлые жизни, — начала тихо говорить она. — Но я всегда стремилась иметь друзей в жизни и всегда чувствовала себя одинокой. Но сейчас я чувствую, что нашла тех, которых искала!

И она в сердечном порыве пожала наши руки.

— Я тоже многое вспомнил, — сказал Стивенс. — Особенно мне близка Астрада, хотя она и не помнит ничего, что, может быть, и к лучшему... Я её большой должник, и тем нежнее теперь моё сердце рвётся ей навстречу.

— Друзья мои, друзья мои! Я тоже счастлива быть с вами, хотя решительно ничего не помню из наших прежних жизненных встреч, — сказала я.

— Я ещё хочу сказать, — сказал Феликс, вставая, — о том большом значении, которое

имеет здесь Учитель, связав нас вместе в одну ячейку, в одну семью. Мы должны помнить, что поставлены сейчас *так* в жизни, чтобы излить из своих сердец возможно больше света. Будем же благодарны Учителю за то доверие, которое Он оказывает нам. И пусть воля Учителя будет основой нашей жизни, — вдохновенно, с горящими глазами закончил Феликс.

Мы все встали при последних словах его и закончили их глубоким «Аминь!», как бы скрепившим общее настроение, вызванное словами Феликса. И подали друг другу руки, в едином порыве радостной клятвы. Потом мы ещё обсуждали, как и сколько раз нам следует встретиться, и постановили, что дни встреч будут скользкие, а пока через семь дней в четыре часа дня мы встретимся снова. И на этом мы расстались.

5 октября. Утро. 8 часов.

Учитель сказал:

— Мир всем!

И мы ответили, как обычно:

— И Тебе, Учитель!

— Помолимся, братья! О, Великий Учитель мира! Да будет Твоё имя, скрытое от всех, благословенно в веках. Аминь!

Все:

— Аминь!

— О, Великий Учитель мира! Помоги нам и наставь нас. Просвети и помоги раскрыться в нас величию мироздания в том размере, на которое мы способны. Аминь!

Все:

— Аминь!

— О, Великий Учитель мира! Посылая волю Свою, Ты никого не принуждаешь творить её, но благо тем, кто следует по её начертаниям! Аминь!

Все:

— Аминь!

— Мир вам, дети!

И Учитель отпустил нас.

Утро. 9 часов.

Очень трудно сосредоточивалась. Лезли в голову всё какие-то пустые мысли. Наконец, с очень сильным усилием, я словно пролезла сквозь узкую-узкую скалистую щель и села на камень, слегка задохнувшись. Передо мной был дом Учителя. Навстречу мне шёл Нуми.

— Нуми! — радостно вскричала я. — Как давно мы не виделись!

— Я не мог все эти дни быть с тобой. Я был отозван. Но я следил за тобой издали. И если было бы это нужно, я пришёл бы к тебе. Учитель ждёт тебя сейчас, после поговорим.

Я вошла в дом Учителя. Но когда я поднималась по лестнице, снова в уме поползли какие-то пустые мысли. Я остановилась на лестнице, и голос внутри меня сказал: «Как ты придёшь к Учителю, если в сердце у тебя нет нужной тишины? Отдаёшь ли ты себе отчёт в величии того, что ты допущена быть в присутствии Учителя?» Я ответила этому голосу: «Я думаю, что иногда я отдаю себе в этом отчёт, а иногда принимаю это в бессознательной радости». Пустые мысли улетели. И я поднялась в залу. Учитель сидел за столом. Я поклонилась Ему и попросила разрешения приблизиться. Учитель ласково подождал меня и посадил рядом.

— Учитель, — сказала я, — простишь ли Ты мне, если в моём сердце бывают не всегда достойные мысли?

И вдруг на лице Учителя расцвела неопишуемая ласка. Я ещё никогда не видела в нём столько тепла и любви. Он положил Свою руку на мою и задушевно сказал:

— Когда ученик уже приблизился и занял место в сердце Учителя, Мы не покидаем его Своей любовью.

От этих слов сердце дрогнуло во мне, и я со слезами припала к руке Учителя.

— Не плачь, дитя! Пора тебе понять, что всякие эмоции, слишком резкие и бурные, мешают созиданию тела твоего Духа. Подними лицо и посмотри на Меня.

Я подняла лицо, всё залитое слезами, и сияющее радостью любви к Учителю.

— Вот видишь, — тихо и также просто и задумчиво продолжал Учитель, — всё лицо у тебя мокрое...

Он вынул платок (Свой платок!) и Сам вытер на моих щеках слёзы. Сердце у меня замирало от такой близости и простоты и нежной ласки Учителя.

— Давай поговорим о твоих зимних работах. У тебя есть план?

— Нет, Учитель.

— Его надо будет разработать. Ты будешь жить среди людей. Ты станешь центром маленького кружка. О, сначала очень маленького. То, что ты будешь получать от Нас, ты передашь людям. Но давать будешь не всё для всех, а по-разному. После всё это обрисуется яснее, но не только Наши передачи будешь давать людям, но и своей жизнью среди них должна будешь внести новые нотки в их быт. *Бодрость, светлое настроение и простота* — эти три качества должны сопутствовать тебе неизменно. Когда придёт время, Мы скажем тебе Нашу волю на дальнейшее. А пока укрепляй свои силы, набирайся внутренней тишины. Иди, приняв Моё благословение и Мою любовь, дитя! Придёшь ещё раз сегодня в половине шестого.

И Учитель отпустил меня.

Половина 6-го.

Раньше чем я увидела себя у Учителя, я услышала в себе голос: «Смотри!» И я увидела бушующее море и себя, стоящую на крохотном плоту. На середине плотика стояла мачта, за которую я крепко держалась, прижавшись к ней. Волны вздымались, как горы, и я то взлетала вверх со стремительностью невыразимой, то с такой же быстротой свержалась в пропасть. Ветер свистел в ушах, рвал на мне мокрое платье. Со всех сторон стоял рёв и шум, и летели клочья пены и брызги волн. Но странно, мне не было страшно, а было на сердце дерзко и весело. Голос внутри меня сказал: «Это шквал твоей жизни. Держись крепче и не бойся». Это видение продолжалось несколько минут, потом исчезло. Я стояла перед домом Учителя в горах. Ко мне подошёл Нуми.

— Я провожу тебя, — сказал он.

Мы поднялись в залу. Учитель стоял у стола и просматривал какие-то чертежи.

— Подойди, Астра, и ты, Нуми, тоже.

Мы подошли к столу.

— Покажи Астре кривую её жизни, — сказал Учитель, протягивая Нумену большую синюю тетрадь.

Нуми развернул её и показал мне черту, которая шла то ровно, то волнообразно, то резко подымалась вверх, то стремительно падала вниз. Вокруг неё были начертаны какие-то цифры, знаки, даты...

— Это твоя жизнь, — сказал Нуми.

Я внимательно смотрела на эту «кривую», мысленно вспоминая прожитое.

— А вот взгляни теперь, — сказал Нуми и перевернул страницу. — Видишь взлёт твоей линии на небывалую до сих пор высоту? От тебя будет зависеть удержаться на ней.

Тут я почувствовала, что силы мои слабеют... Я падала в какой-то «духовный обморок» и как сквозь сон слышала голос Учителя:

— Бедное дитя! Она слишком напрягает силы. Уведи её, Нумен, и дай ей покой.

Учитель сделал над моей головой несколько движений руками, и я ушла.

6 часов. Молитва.

Я вставала в ряды братьев, когда Учитель уже говорил:

— Мир всем!

Молитва была, как всегда, краткая и всегда новая, хотя смысл её оставался один и тот

же. После молитвы ко мне подошла Анита.

— Что с тобой? Здорова ли ты? — спросила она тревожно. — Пропустила сегодня праздник! Мы все были... Учитель сказал чудесное Слово, а тебя не было! Что с тобой?

— Я больна, — пролепетала я.

— Ты действительно, кажется, больна! Чем я могу помочь тебе? — затревожилась Анита.

— Ничем, только своей любовью, — улыбнулась я.

Нас быстро догнал Стивенс. Он был так же, как и Анита, полон внимания и преданности. Меня это глубоко взволновало. Я остановилась.

— Слушайте, мои дорогие! Я сейчас разрываюсь... или... или не знаю, что сделаю! Но нельзя же так... нельзя ко мне так относиться! Я вовсе не достойна такой любви, я вовсе не совершенна и совершенно...

— Остановись! — вскричала, смеясь, Анита. — Ты совершенно больна, это очевидно...

— А я вот что скажу тебе, — сказал Стивенс. — Помни, Астри, то, что вверху, то и внизу. То, что в тебе, то и вокруг. Будь счастлива!

И он особо подчеркнул последние слова. Низко поклонившись мне, он отошёл.

6 октября. 9 часов утра.

Я шла по дорожке Сада. Учитель был в беседке. Он встретил меня вопросом:

— Почему ты вчера не была на празднике осени?

— Я не могла сосредоточиться, Учитель, — смущённо ответила я.

Учитель пристально посмотрел на меня и не сказал ничего.

— Сядь. Придвинь ко Мне стопочку этих бумаг и поговорим, — сказал Учитель. — Не чувствуешь ли ты, что эмоции последнего времени тебя как бы ослабили?

— Да, Учитель.

— Что же ты думаешь предпринять?

— Не знаю, Учитель. Стою растерянной дурой...

— Это, конечно, очень образное выражение, — Учитель слегка улыбнулся, — но оно недостаточно исчерпывает положение вещей.

— Я надеюсь, что когда вихрь в сердце немного уляжется, я снова буду крепка, — сказала я.

— О, Я в этом не сомневаюсь! Но Мне кажется, что быть бдительной не мешало бы и теперь. Прими дисциплину поостороже на сегодня и на завтра, да и в последующие дни придержишься её. Это отвлечёт твои мысли и поставит их в известное русло. Покажи руки.

Я в душе удивилась такому требованию, показывая руки.

— Я хотел посмотреть, здесь ли кольцо, которое дал тебе Учитель. Да, оно здесь. Но ты его ещё не видишь, и Я боюсь, что долго ещё не увидишь. А вот Мой дар стал уже показывать признаки жизни, он у твоего сердца. Особенно тщательно береги его. Это нежный, очень нежный цветок. На сегодня пока всё. Иди с миром.

Учитель возложил руку мне на голову и благословил меня.

12 часов. Молитва.

— Мир вам, братья!

— И Тебе, Учитель!

— Помолимся... О, Владыка мироздания! Да будет благословенно Имя Твоё. Всё славословит и прославляет Тебя, Незримый! Аминь.

Все:

— Аминь!

— О, Владыка мироздания! Прости длань Свою над нами! Даруй прозрения, очищения и истинное понимание Твоих законов. Аминь!

Все:

— Аминь!

— О, Владыка мироздания! Да будет воля Твоя во всём сущем! Аминь!

Все:

— Аминь!

— Послезавтра, — сказал Учитель, — после двенадцатичасовой молитвы, Учитель с гор придёт к нам в Сад и Сам скажет вам Слово Своё. Идите с миром!

День. 5 часов.

Я металась по дорожкам Сада, как щенок, потерявший чутьё, и всё не могла понять, что мне мешает видеть, где сейчас находится Учитель. И вдруг я увидела Его, идущего не от дома, а от калитки. Учитель откуда-то возвращался. На голове Его была обмотана лёгкая шёлковая ткань. В руках Он нёс какие-то очень тоненькие металлические трубочки, довольно длинные, и некоторые из них были спаяны между собой. Но я не смела спросить Учителя, что это такое. Учитель взошёл на терраску и сделал мне знак, чтобы я следовала за Ним. Он поставил трубочки возле перил, а Сам, опустившись в кресло стал разматывать ткань на голове. Его прекрасное лицо показалось слегка утомлённым. Он вынул из складок своей одежды маленькую книжечку «Золотые правила» и, откинувшись головой на спинку кресла, сказал:

— Открой и прочти дальше.

Я открыла и прочла:

1. Когда странник обрежет все нити желаний, которые привязывают его к преходящему, только тогда он начнёт приближение к берегам Жизни.

2. Странник, проходя долиной Жизни, не задерживай нигде шагов своих. Помни, всё это только иллюзия.

3. Даже поднявшись в волшебный Сад своей мечты, не оставайся в нём долго. Он дан тебе только для укрепления твоих дальнейших шагов. Мир всему сущему!

— Закрой книжечку, — сказал Учитель. — Как ты понимаешь, дитя, эти последние слова о «Саде мечты своей»?

— Я думаю, Учитель, что это относится также и к моему видению? То, что я вижу и слушаю Вас, это всё чудесно и наполняет мою жизнь глубиной смысла и счастьем, но это всё же ещё только иллюзия, потому что истинная Реальность вне формы.

— Да, почти так, — сказал Учитель. — Это не значит, что всё, что ты видишь сейчас, твоя фантазия, твой вымысел, нет, это нельзя так назвать. Это всё существует, но это иллюзия такая же, как иллюзорна ваша жизнь каждого дня. Но чтобы созерцать Реальное без формы и утвердиться в этой Реальности — это требует больших и очень возвышенных сил. У тебя их ещё нет, дитя. Каждому даётся лишь то, что он может воспринять. Одному только говорят, что есть «Цветок». Другому даётся познание аромата этого «Цветка». Третьему прибавляется видение лепестка этого «Цветка»; четвёртому даётся видеть весь «Цветок», и лишь пятому, может быть, будет прошептано, где найти то место, на котором растёт этот «Цветок». А шестого прямо ведут в это место, которое, собственно, и есть самое важное, а не «Цветок» и его аромат. Иди с миром! Пребывай горящая и устремлённая! Такой ты желанна Мне!

И Учитель отпустил меня.

7 октября.

Я подошла к терраске Учителя. Он сидел в кресле.

— Приветствую Тебя от всего сердца, Учитель, — радостно сказала я.

— И тебя, дитя, — улыбаясь, ответил Учитель. — Входи и сядь. У тебя, кажется, в сердце сегодня хорошая погода? — пошутил Учитель.

— Ты угадал, Учитель! — смеясь, воскликнула я.

— Хорошо. Расскажи, что ты вчера сделала для своей дисциплины?

Я рассказала.

— Так, делай это и сегодня тоже. Вот раскрой и прочти.

Учитель подал мне книжечку «Золотых правил». И я прочла:

1. Храм сердца твоего должен быть совершенно омыт и сверкающе раньше, чем ты введёшь в него Бога.

2. Но и тогда, когда Бог поселится в храме твоего сердца, ты должна будешь сделать усилия, служа Ему.

3. Ибо помни, странник, всё возвращается обратно и останавливается деятельность духовной жизни, если не вложено в это силы жизненной энергии. Мир всему сущему!

— Закрой книжечку, — сказал Учитель. — Теперь тебе очень ясно, что никак нельзя остановиться на какой-либо точке и считать себя достигшей чего-то, ибо таких точек нет. И вечное стремление вперёд, в непрерывной энергии, это и есть могучая сила Жизни. Я тебе продиктую, запиши:

**Не спите, будьте зрячими
Храните в себе совершенство
В вечном усилии.**

— Это всё. Иди, дитя, и пребывай в мире.

И Учитель отпустил меня.

День. 5 часов.

Я подошла к терраске, когда Учитель спускался с неё. Он сделал мне знак следовать за Ним и дал нести книги. Мы вошли в Его любимую аллею. Учитель остановился и оглянулся на меня.

— Не теряй бодрости и силы. Помни, что ты идёшь под Нашей защитой, окружённая любовью. От тебя зависит всё остальное. Иди, дитя, Я хочу побыть здесь один до общей молитвы!

Учитель взял из моих рук книги и отпустил меня.

8 октября.

Я поднялась в залу к Учителю. При входе поклонилась Ему.

— Разрешешь приблизиться, Учитель?

— Подойди, дитя.

Учитель указал мне место и сказал:

— Владыки кармы сообщили Мне, что твоя жизнь на земле теперь продлится не очень долго, но зато очень интенсивно. Ты должна войти всем сердцем в своё устремление к Духу. Помни, ты призвана Нами, и Мы дадим тебе силу и мощь Нашу, чтобы через тебя её передать людям. Теперь возьми бумагу, Я продиктую тебе.

Я взяла перо и бумагу, и Учитель, ходя вдоль стола, начал диктовать:

Всем! Всем! Всем!

Силой Нашей мысли и благими порывами чувств Мы деятельно посылаем помощь всем. Мы сеем добрые семена в добрую землю и следим за всходами. Мы помогаем семени освободиться от шелухи и прорасти, когда видим его усилия. И Мы поддерживаем его первый, слабый рост. Наша сила изливается на него, когда растение крепнет. И Мы участвуем в росте и в произрастании всего сущего к высокому Духу. Но не только «садоводами» и «культуртрегерами» являемся Мы на земле, но также Мы являемся помощниками Владык кармы. И в наших силах устранить ту или иную причину или

смягчить её действие, когда Мы видим в этом надобность. Но никогда Мы не можем совершенно отвести удар, если он кармически неизбежен. Благо всем прозревшим душам, стремящимся к Свету. Аминь.

— Это всё. Дай Мне листок. Мы отправим его сейчас в мир.

Учитель взял листок, свернул его и спрятал в складках Своей одежды. Потом подошёл ко мне, положил руку мне на голову и сказал:

— Ну, ты теперь поняла, как нелепы какие бы то ни было сомнения в Нашей помощи тебе?

— Да, Учитель!

Я опустилась на колени и, прижав к сердцу край Его одежды, вскричала в порыве:

— Но помогите мне не задуть Огня сердца слишком тяжёлыми земными вибрациями.

— Этого не случится, дитя, если ты будешь следить за собой. И потом помни, что через тебя будут пролиты потоки Света, и теперь уже не имеют значения те пустяки, которых ты боишься. Все физиологические процессы тела, сдержанные силой ума и устремлённостью сердца, теряют свою окраску и переходят *в силу*. Прими всё благостно и в умиротворении.

Учитель благословил меня, коленопреклонённую.

— Иди и позови ко мне Нуми, он стоит у дверей дома.

Я поклонилась Учителю и вышла из зала.

День. 12 часов.

Я вошла в Сад Учителя. Весь Сад имел сегодня какой-то особый праздничный вид. У всех братьев были сияющие лица, и все держали в руках цветы или зелёные ветки. Ко мне подошли Анита и Стивенс. У них были в руках по розе.

— Что это? — спросила я. — Почему вы все с цветами?

— Потому что сегодня праздник! — ответила Анита. — Ты вчера не была в шесть часов на молитве. Учитель говорил нам о сегодняшнем празднике и сказал, чтобы мы все пришли с цветами в двенадцать часов дня.

— А у меня нет цветов! — И я жалобно протянула пустые руки.

— У тебя есть цветок! — сказал ласково Стивенс, вкладывая мне в руку свою розу.

— А ты?

— Я сорву себе ветку с этого куста...

Мы пошли вместе. В сердце поднялась волна небывалого счастья, восторга, вдохновения, любви... Я шла посередине, между Стивенсом и Анитой.

— Мои дорогие, мои дорогие... — тихо и взволнованно говорила им я. — Как я люблю вас! Как моё сердце истекает любовью. Мне кажется, что в каждом из этих братьев я вижу или Аниту или Стивенса. Мне кажется, нет человека в мире, которому бы я сейчас не пролила реки любви.

— Да, сегодня праздник нашего молодого братства, то есть младших членов братства, единение нас всех в любви, — сказал Стивенс.

Мы пришли на площадку роз и встали вместе на молитву. Ряды братьев были сегодня особенно красивы, они сверкали белизной одежд, цветами и зеленью веток. Волны счастья поднимались из сердца.

— Боже, как я счастлива! — чуть слышно шепнула я.

— И я...

— И я... — тихими вздохами счастья ответили Анита и Стивенс. И казалось, что все дышат счастьем. Царило великое молчание, только чуть слышно шелестели ветки в руках и цветы. Вдруг словно тёплый ветер пробежал по рядам и всколыхнул наши сердца:

— Идут!

На площадку тихо вступили Учителя. Чуть впереди шёл Учитель в зелёном, немного отступя, Учитель в белом. Их прекрасные лица светились. Счастье поднялось в сердце до таких размеров, что, казалось, оно разорвётся... Мгновенно поднялись вверх руки всех

братьев, махающие ветками и цветами, приветствуя Учителей. Многие опустились на колени. Учителя медленно пошли по рядам, проходя мимо каждого из нас. Слов не было, но весь воздух, казалось, звучал и пел. Некоторые бросали цветы и ветки под ноги проходящих мимо них Учителей. Я тоже бросила свою розу перед ногами Учителя в зелёном, когда Он проходил мимо меня. Он шёл, не глядя ни на кого, но лицо Его было так сверкающе лучезарно, что сердце замирало от наплыва любви, обожания, счастья... Учитель в зелёном перешагнул через розу, а Учитель в белом чуть-чуть коснулся её ногой и улыбнулся мне... Или, вернее, не мне, а всем, так как каждому из нас казалось, что Учитель улыбается именно ему. Я опять подняла слегка смятый цветок и приколола его у сердца. Волны света и радости, казалось, трепетно проходили по всем рядам. Наконец Учителя обошли всех и остановились посередине, на свободных местах, приготовленных для Них и усыпанных цветами. Учитель в белом сказал:

— Братья, сегодня мы празднуем вас, младшие члены братства! Сегодня праздник любви и единения всех вас. Мир всем!

— И Тебе, Учитель!

— Помолимся... О, Владыка мира! Да будет благословенно Имя Твоё! Аминь.

Все:

— Аминь!

— О, Владыка мира! Даруй сердцам прозревшим силу сохранить Свет Твоей Славы. Аминь!

Все:

— Аминь!

— О, Владыка мира! Да будет воля Твоя единой целью жизни нашей. Аминь!

Все:

— Аминь!

— Дети! — сказал Учитель в зелёном, протягивая к нам руки. — Сегодня Мы особенно нежно любим и приветствуем всех вас. Каждый из вас дорог Нам, и все вместе вы составляете одну семью, которая служит одному общему делу любви. Каждому из вас дана миссия, которую вы должны выполнить. И каждый понесёт в мир то, что ему дано выразить, и у каждого из вас общая *цель*, хотя и разные указания. Я рад видеть ваши счастливые лица и вместе с вами переживать этот момент высокого духовного напряжения и восторга. Пусть же эти минуты останутся с вами навсегда. Унесите их с собой в мир и претворите их в творческие дела любви, милосердия и красоты. Разлейте их широким потоком вокруг себя и пребывайте в мире и в духе. Мир всем! И ещё Я хочу сказать: те, кто уже прикоснулся к этим высотам духа, уже не могут вернуться к мусору жизни. Их свет, их точка сверкающего света будет выше, и она поведёт их ещё дальше, ещё выше, к тем сверкающим высотам, где никакая суета не сможет омрачить их Света. Мир вам, братья! Примите любовь и благословение Наше.

И Учитель обеими руками благословил наши склонённые головы. Вдох, как бы вдох рыдания, из переполненного счастьем сердца вырвался у всех. Учитель в белом сказал:

— Братья, можете подойти к Нам. Если кто хочет, может спросить Нас или сказать Нам! Помните, что Мы только ваши старшие братья и все мы едины.

Без толкотни и излишней суетливости, но в радостном трепете, мы стали подходить к Учителям. Кто хотел прикоснуться к Их одежде, кто хотел положить свой цветок к Их ногам, кто хотел уловить Их взгляд на себе или выслушать Слово, но все были движимы одной общей любовью.

— Какое счастье... Какое счастье в сердце! — взволнованно шептала моя милая Анита, сжимая мне руку. У Стивенса в глазах стояли слёзы. Невдалеке от нас стояли Феликс и Астарта. Феликс был совсем белый от волнения, с пылающими, я бы даже сказала с горящими внутренним огнём глазами. Астарта источала небывалую красоту и вся казалась помолодевшей, обновлённой. И все вокруг казались красивее, светлее, возвышеннее. Мы замкнули Учителей в своих радостных рядах. Хотелось ещё и ещё смотреть на Них и

слушать Их. Учителя принимали наши цветы, улыбались нам, иногда говорили два-три слова кому-нибудь из нас, шутили с большой простотой, ласково выслушивали каждого, говорящего Им... Нет! Я не могу описать всего этого. Всякое описание слабо и ничтожно. На самом деле это всё было гораздо, гораздо величественнее и действительно поднимало в сердце нечеловеческое счастье. Учитель в зелёном поднял руку и сказал:

— Я счастлив, братья! Я счастлив так же, как и вы. И Я — в вас, и вы — во мне. Идите с миром и храните счастье в ваших сердцах.

И Учителя отпустили всех нас.

В 17 часов 30 минут.

Я вошла в дом Учителя. В сердце было дивно и торжественно весь день. И я несла в себе сейчас высокое состояние приподнятого вдохновения. Учитель приветливо повелел мне приблизиться к столу и сесть. Он сидел светлый, спокойный, положив сложенные ладонями вместе руки на стол. Учитель говорил:

— Наша помощь миру велика и многообразна. Нет таких особых слов или положений, через которые исключительно шла бы наша помощь, а не изливалась бы и через другие слова и другими способами. Она идёт и звучит всюду. Она не гнушается миром, для неё нет мест грязных и вещей нечистых. Наша помощь проникает всюду. Не только в облаках света и любви являемся Мы ученикам Нашим, но в самые ужасные притоны скорби проникает помощь Наша. И возле сердца, отяжелевшего от горя и от отчаяния дрожит роза Нашей любви и сострадания. Мы даём всем. Нет такого сердца, в которое не стучалась бы Наша любовь и не ждала бы терпеливо ответа. Нас нельзя ни унижить, ни возвысить, ни оскорбить, ни возвеличить. Мы неизменно светлы и устремлённы в Нашем свершении. Мы можем говорить ребёнку и быть ему внятными, и Мы можем поучать мудреца и философа. Мы можем вдохновлять поэта, художника, музыканта, направлять руку скульптора, давать новые мысли изобретателю и бросать новые идеи в мир. Наше участие в жизни людей огромно и разнообразно. Нет той сферы, в которой не было бы Нас. Нельзя сказать, что только в умиленных словах молитв, через гимны восхваления Мы приходим к вам. Нет, во мраке непроглядных будней, когда сердце, отяжелев и отупев от скорби, чувствует себя покинутым и униженным, — там Мы.

Учитель встал, и голос Его загремел, наполняя зал:

— Блаженны те, в ком сердца открыты навстречу Нам в благоговейной любви — они поистине дети Наши. Но и каждый, стремящийся к Свету, — блажен. Стремится ли он к Нам или нет, знает ли о Нас или нет, но если сердце его не спит и полно горения — там и Мы пребываем извечно.

Я давно уже была на коленях, повергнутая ниц, так было велико напряжение духа и так сильна речь Учителя, что меня пригибало к земле, как тростинку в сильную бурю. Учитель сел и заговорил тише:

— Иди в мир, дитя, иди! И носи весть, что Мы со всеми, что никто не покинут Нами. Нет обездоленных и нет избранных. Учитесь слушать Нас в каждой области, которая ему свойственна. Раскрывайтесь, совершенствуйтесь, служите Нам там, где вы стоите, и тем, чем вы можете. Помните, около каждого сердца стоит Учитель и ждёт разрешения войти. Не будьте глухи к голосу Нашему.

Учитель остановился, нагнулся ко мне и поднял моё лицо, склонённое ниц.

— Ты плачешь? — воскликнул Учитель, увидев, что всё моё лицо залито слезами.

— Да, Учитель, я плачу... Я плачу от потрясения, от восторга, от счастья! Я не чувствую себя ни умной, не великой, ни достойной всего того, что я имею от Вас... И я молю вас: о, Высшие! О, великие Учителя сердца моего, внимайте моей мольбе: помогите мне никогда не остывать сердцем, никогда не отступать от своей цели, помогите мне не возгордиться, не впасть в самомнение... И, получая столько любви от Вас, помогите мне помнить, что это *Вас* люди любят во мне и через меня...

Очень мягко и очень торжественно прозвучал голос Учителя:

— Мольба твоя услышана. Да будет так по слову твоему. Живи в мире, и да будет Наша помощь над тобой. Аминь. Встань, дитя, и иди с миром!

Я встала и вышла как бы в тумане. Это был великий день в моей жизни.

6 часов.

После вечерней молитвы Учитель сказал:

— Дети, Я знаю, сегодняшний день для многих из вас будет днём особой значимости. У многих откроются по новому глаза на жизнь, у многих окрепнут силы и появятся новые. И даже если в сердцах у некоторых останется лишь только воспоминание об этой волне счастья, то её аромат сохранит в их сердцах надолго бодрую и радостную устремлённость и уверенность в истинности их усилий. Идите с миром, братья, и пребудьте в Свете.

И Учитель отпустил всех, благословив.

9 октября.

Я подошла к терраске Учителя. Получив разрешение взойти, поднялась и села у ног Учителя. Он подал мне книжечку и сказал:

— Сегодня ты прочтёшь Мне три главки, почти до конца книжечки. И ты все их перепиши отдельно и дай от Нас миру.

Я открыла книжечку и стала читать:

1. Когда человек возжелал Пути превыше всего и пошёл на розыски его, тогда впервые в нём проснулась его человечность.

2. При входе на Путь розы могут встретить тебя, но помни, странник, об их шипах и не останавливайся, чтобы срывать их.

3. Крута тропа и узка стезя, но да не устрасит тебя. Многие уже шли по ней, и ты пройдёшь, о жаждущий Света! Мир всему сущему!

Я остановилась.

— Читай дальше, — сказал Учитель.

— Учитель, позволь записать только это. У меня плохая память, и я боюсь, что всё забуду.

Учитель улыбнулся.

— Ты не этой памятью будешь помнить. Тебе помогут. Читай дальше.

И я прочла:

1. Перед тем как вступить на Путь, закончи все дела свои, о, странник, дабы они не встали вновь на твоём пути и не вернули бы тебя обратно.

2. Помни, о, сердце ищущее, нет остановок в пути. И свершение твоё восходит в вечности. Мир всему сущему!

— Что ты бормочешь про себя? — спросил Учитель улыбувшись.

— Я твержу то, что я прочла, чтобы не забыть.

— О, маловерная! Ведь Я же сказал тебе, что тебе помогут не забыть. Читай дальше.

1. И когда сердце твоё возалчет и возжаждет вод живых, обратись в глубину его сокровенной сути и пей влагу Жизни.

2. Ибо сердце твоё есть источник Жизни. И когда сознание твоё сойдёт в глубину твоего сердца и укрепитя в нём и ты научишься жить из центра его, тогда, о, путник, ты сделал первый шаг на пути своём. Да пребудет в мире всё сущее!

— Вот эти правила запиши отдельно в книжечку, и пусть она идёт в мир, — сказал Учитель ещё раз. — И ещё Я хочу тебе сказать, чтобы ты не пропускала восьмичасовой

утренней молитвы. Когда переменятся условия твоей жизни, тогда, весьма возможно, явится потребность изменить данное тебе расписание дня. Но сейчас Я прошу тебя быть точной и по возможности не пропускай ничего из предписанного тебе. Иди с миром!

Я поклонилась Учителю и ушла.

День. 12 часов.

Я встретила всех членов нашей маленькой ячейки. Мы стояли несколько минут вместе, держась за руки и как бы переживая снова счастье вчерашнего дня. Вдали я заметила Нуми.

“Странно, — подумалось мне, — как давно Нуми не подходит и не говорит со мной. Что это значит?”

Увидя Учителя, идущего к площадке, мы поспешили встать в ряды братьев.

— Мир всем!

— И Тебе, Учитель!

После молитвы Учитель сказал:

— Дети, раньше чем вы уйдёте отсюда, Я хочу ещё раз напомнить вам о том великом счастье, которое вы пережили вчера. Это первая капля вашего настоящего счастья, которая была выжата из вашего сердца, из его тайной глубины. Храните же в себе это счастье и помните, чем больше вы будете устремлены к Свету, тем больше Света изольётся на вас. Будьте счастливы!

И, благословив, Учитель отпустил всех.

День. 5 часов.

Я подошла к терраске Учителя. Она была пуста... Только ветки шиповника качались, словно кто-то только что прошёл мимо, задев их. Я прошла в ту сторону, где любил бывать Учитель, в сторону горных вершин. Действительно, я сейчас же нагнала Учителя. Услыхав за Собой шаги, Учитель обернулся... (Всё опускаю. Было дано забыть.)

10 октября. День. 12 часов.

Все собрались на площадке роз. После молитвы Учитель сказал:

— Дети, идите и будьте чисты сердцем и устремлённы, этим расчистите пути свои. Те, кому назначено остаться, пусть следуют за Мной.

Учитель стал удаляться, и я последовала за Ним. Со мной шла и Анита.

— Мне тоже Учитель сказал прийти к Нему, — сказала она.

Когда мы поднялись на терраску, Учитель указал нам на скамеечки, стоящие друг против друга, и, когда мы сели, сказал:

— Сегодня Я не буду ни говорить с вами, ни читать, но дам вам необычное занятие.

Учитель подал нам два маленьких, очень запутанных моточка шёлка. Мне ярко зелёный, а Аните — цвета фиалки.

— Вот распутайте их и сматывайте в клубочки. Это вам урок. А Я удалюсь.

И Учитель ушёл в комнаты. Мы тихо сидели друг против друга, вертя в руках шёлковые моточки и внутренне недоумевая, зачем Учитель дал нам такую явно невыполнимую и, казалось бы, ненужную работу. Шелковинки были так перепутаны, что нельзя было найти ни конца, ни начала. Наконец Анита тихо и слегка ворчливо сказала:

— Терпеть не могу ничего распутывать! Это явно немыслимая вещь!

— Я тоже никак не найду ни одного кончика!

— А ты знаешь, почему Учитель дал нам такую странную работу?

— Я полагаю, что в этом есть, конечно, внутренний смысл, но я не знаю, какой, — ответила я.

Мы снова замолкли, уткнувшись носами в запутанные комочки шёлка.

— Нет! Не могу... — с тихим стоном досады прошептала Анита. — Мне кажется, что он только ещё больше запутывается... Чем скорее хочешь сделать, тем хуже получается.

— А знаешь, — ответила я, — на меня вдруг напало спокойствие. И зачем торопиться?

В сущности, мы всегда слишком много торопимся, ты не находишь это? И знаешь... Мне кажется... я сейчас нашла кончик шелковинки...

И опять длилось молчание.

— Я полагаю, что это развивает терпение, — сказала я, — и вызывает спокойствие.

— Да, и помогает сдерживать раздражение, которое глухо во мне бродит, — улыбаясь, добавила Анита.

— А не кажется ли тебе, что если Учитель дал нам эту работу, то, значит, сделать это необходимо?

— Это так, — ответила Анита. — Но если у меня ничего не получается и если в этом я не вижу смысла...

— А может быть, смысл в том, чтобы не отчаиваться и верить Учителю, что это именно то дело, которое надо выполнить сейчас, — сказала я.

И вдруг ниточка потянулась и стала плавно и гладко сматываться на клубочек.

— Анита! Смотри... — радостным шёпотом сказала я. — Мой клубочек наматывается.

— Ах, что же ты сделала для этого?

— Не знаю... Я только поверила, что это *надо* сделать и что я сделаю во что бы то ни стало. Я совсем перестала нетерпеливо дёргаться и спешить. Попробуй и ты так же.

Длилось молчание. Милое лицо Аниты было детски сосредоточенно. Её губка слегка оттопырилась вперёд, и она тщательно тянула кончик, который ей удалось наконец ухватить.

— Уф! Я кажется нашла кончик... А ты уже кончила? Но я уже тоже не волнуюсь, я поняла, что это работа именно та, которую мне надо сейчас выполнить, и что это очень важно и интересно даже.

И Анита опять умолкла. И очень быстро после этого и она сматала свой клубочек. Мы сидели одни и ждали Учителя. Было очень тихо. Сад уже весь пожелтел и осыпался. Я только сейчас заметила это.

— Ты что сейчас чувствуешь в сердце? — спросила Анита.

— Тишину и покой, — ответила я. — А ты?

— Я тоже... И ещё умиленность какую-то. Словно я выполнила что-то очень трудное и поняла что-то внутри себя по-новому...

И в это время мы услышали голос Учителя из комнаты:

— Урок выполнен. Можете идти. Каждая из вас нашла в нём то, что ей надо было понять. Идите с миром, дети мои!

Мысленно мы преклонились перед Учителем и ушли.

День. 5 часов.

Учитель принял меня на терраске.

— Садись и закончи чтение «Золотых правил».

Я взяла из Его рук книжечку, развернула её и прочла:

1. Приблизься, странник! Твоя стезя раскрылась перед тобой. От тебя теперь зависит вступить на неё. Собери воедино свою волю и желание и вложи устремлённость сердца в них, если ты действительно жаждешь Света. Ибо никто, кроме тебя самого, не сможет привести тебя на стезю Вечного.

2. Ищите дальше себя, ищите выше себя, ибо только то, что возвышается над нами, ведёт к Вечному. Мир всему сущему!

И я прочла последнюю главу:

1. Помни, ученик, когда ты готов, Учитель стоит уже возле тебя.

2. Ибо никто не может привести тебя к Учителю, только ты сам. Мир всем!

Этим заканчивалась маленькая книжечка. Я закрыла её и передала Учителю.

— Чудесная книжечка! — сказал Учитель. — Она составлена по очень древним рукописям, которым насчитывается бесконечное число веков. И никто не знает даже точно, кто собрал и составлял эти правила. Их всех более тысячи. Только очень немногие знают истинный источник их. Они, конечно, в подлинниках звучат не так, как ты их записала, прочитав, но даже и так они могут много дать сердцу чуткому и вдохновенному. Сознание человека научается раньше владеть этими идеалами, чем эти идеалы смогут войти в его жизнь. Потому так много даётся людям вперёд, даётся больше, чем они могут всё это понять и вместить в себя сейчас же. Пока идеалы остаются как нечто возвышенное, чему люди поклоняются, чтут, возвеличивают и перед чем благоговеют, но к чему относятся как к чему-то от них отдалённому и непостижимому, до тех пор пользы от таких идеалов мало. Но когда эти идеалы спускаются в сердце и начинают в нём огненно гореть и претворяться в жизнь его каждого дня, как насущный хлеб, тогда человек готов для осуществления Истины. Иди с миром, дитя!

И Учитель отпустил меня.

6 часов. Молитва.

— Ты помнишь, — сказала мне Анита, — что завтра в четыре часа мы должны собраться вместе?

— Да, я помню.

На площадку пришёл Учитель и произнёс молитву. Хотелось как-то особенно вникнуть в неё и хотелось сердцем, через неё действительно вознестись к Тому Учителю, Единому и Неведомому, о Котором говорилось в молитве. После молитвы Учитель сказал:

— Дети, идите с миром! Пребывайте устремлённы, горите! И не спите, не предавайтесь нравственной лени и безразличию. Делайте усилия и помните, что только в усилиях и через усилия сможете сдвинуться с той точки, на которой держится ваша самость, ваш эгоцентризм. Идите и не забывайте!

11 октября.

Я подошла к дому Учителя в горах. Очень чётко видела всё. Как-то особенно видела всё отчётливо и ясно.

Учитель был в зале. На нём была не зелёная, как обычно, одежда, а очень густого и прекрасной синевы одежда, цвет моря в жаркий день. Учитель повелел мне идти с Ним вниз. Он открыл дверь в круглую комнату. Когда мы пришли в неё и Учитель указал мне место недалеко от Него, Он сказал:

— Мы решили через тебя дать в мир Наше Слово ещё и иным способом. Ты будешь писать под Мою диктовку, потом перепишешь все статьи в одну тетрадь ипустишь в мир. Сейчас Я тебе продиктую первую статью, открой глаза.

Статья № 1

Лучшие способы предназначены для того, чтобы некоторые *силы* выполнили в мире своё назначение. Но не всегда это доходит до сознания людей. Требуются и иные способы для воздействия на людей. Таким способом я считаю Слово, идущее от Нас. Через Нас идёт в мир много всевозможных Сил и Света, но они имеют своё воздействие скорее внешнее, то есть изменение среды вокруг людей. Теперь следует обратить внимание больше на внутреннюю, духовную сторону бытия и попробовать её вызвать к жизни в сердцах людей, дать ей наибольшую устремлённость. Нашей задачей Я считаю дать такие образы и мысли, которые, будучи восприняты сердцами, дадут живительный толчок их мышлению и повлекут за собой более яркое свершение. Следует помнить, что всё, что даётся Нами, это только *повод*, толчок для мысли и чувств, а не самостоятельная цель, которой следует слепо поклоняться. Смотрите на Наши передачи проще и интенсивнее живите сами. Впустите в свою жизнь от сияния

лучей Вечного. Это не значит отъединять внутреннее от внешнего, но это означает: оздоровите своё внешнее посредством внутреннего. Более здоровые начала предстоят человечеству. Ни *болезненный* мистицизм, ни какие-либо иные нездоровые «измы» Нами сейчас не приветствуются. Мы идём сейчас в жизнь масс, в ту жизнь, которая составляет единое-целое Жизни, дух-материя. И Мы хотим подвести мир к такому состоянию, когда человечество сможет приблизиться к более тонким и существенным сторонам Жизни. Их мы раскроем человечеству в дальнейшем.

— Пока это всё, — сказал Учитель.

И я снова увидела себя в круглой комнате сидящей возле Учителя.

— Теперь иди и будь в мире и духе. Помни о важности твоей миссии. Можешь теперь приходить ко Мне в десять часов утра. Пока это будет только один раз в день. Ты будешь приходить через два дня на третий, как и раньше. Теперь ты будешь приходить не в залу, а прямо сюда, Я покажу тебе, как отворять дверь.

Мы вышли из круглой комнаты. Раньше чем выйти, Учитель нажал выключатель, свет в комнате погас, а дверь в стене медленно отворилась. Учитель показал мне кнопку снаружи, нажав на которую, можно так же медленно закрыть дверь.

— А отсюда будет обратное движение, — сказал Учитель. — Ты нажмёшь на кнопку снаружи, и дверь откроется, и свет зажётся, а нажмёшь кнопку внутри, и дверь закроется. Всё понятно?

— Да, Учитель.

— Если тебе придётся когда-либо прийти сюда, а Меня ещё не будет, ты подождёшь Меня. Иди с миром!

12 часов. Молитва.

— Мир всем!

— И Тебе, Учитель!

— Помолимся, братья... О, Владыка мира! Не ведаем Имя Твоё, но славим Его! Аминь!

Все:

— Аминь!

— О, Владыка мира! Коснись сердец наших, пролей мудрость в жизнь нашу, дай нам достичь истинного понимания жизни и дай нам раскрыться навстречу Тебе. Аминь!

Все:

— Аминь!

— О, Владыка мира! Да пребудет воля Твоя над нами, как и над всем миром! Аминь!

Все:

— Аминь!

— Дети, идите с миром и будьте счастливы. Каждый день ваш да будет значителен. Помните, нет дней пустых. В каждый день ваш вложите устремлённость и огонь вашего сердца. Так живите, чтобы каждый день раскрывал по лепестку вашего сердца. Будьте счастливы!

И Учитель отпустил нас.

День. 4 часа.

Мы все пятеро встретились вместе. Произошёл интересный обмен мыслей. Каждый из нас вкратце рассказал об основной цели своей жизни и кто он.

Стивенс — биолог. Пишет книгу. Цель — научно доказать возрождение Сознания человека и его великую слиянность с Вечным Началом Жизни.

Феликс — писатель. Он «чует» «ячейку Жизни» или «огненный дух Жизни» в каждом человеке и очень своеобразно говорит об этом. Пишет повести и рассказы, в которых проводит мысль, что эта «ячейка Жизни» существует в каждом и что развитие её есть то, что должно создать нового человека.

Астарта — работает над освобождением женщин в Турции из под гнёта семейной жизни и, поднимая их самосознание, даёт им право чувствовать себя не рабынями, а человеком. Она борется с проституцией, с малолетними браками в Индии. В сердце несёт упорную мысль об единении всего сущего.

Анита — художница. Она сейчас порывает со всеми семейными традициями и уходит из семьи. С некоторыми друзьями она поселится в Швейцарии, в горах, образует «коммуна духа», откуда будет идти их «пропаганда» в мир. Они хотят всей своей жизнью оздоровить в себе духовное начало.

Я — осознала свою цель: быть проводом Учителей. И стремлюсь для этого к чистоте своего существа.

Всё это я записываю вкратце. Всё было очень живо и интересно для всех нас. Мы решили собраться еще пятнадцатого октября, после шестичасовой молитвы.

12 октября.

После молитвы в двенадцать часов дня Учитель сказал:

— Идите с миром, дети, и помните, что сегодня, как и вчера, как и каждый день, вы должны делать усилия. Вы должны не переставая *делать усилия*. В этом залог вашего успеха.

И, благословив, Учитель отпустил всех. Ко мне подошёл Нуми и шепнул:

— Учитель ждёт тебя!

— Нуми, почему ты теперь не подходишь ко мне так часто, как раньше?

— Я отозван теперь от тебя. Раньше намечалось иное. Теперь твоя жизнь пойдёт по иному руслу, — ответил он. Поклонился и отошёл. Мне отчего-то вдруг стало невыразимо грустно... Но я встрепенулась и пошла к Учителю.

— Мир тебе! Входи и сядь. Вот прочти, что здесь написано.

И Учитель подал мне тетрадь, где моим почерком было написано: «Я обещаю стараться делать усилия». Я прочла это вслух.

— Но я совершенно не помню, Учитель, когда я это написала.

— Ты это можешь и не помнить, но это *было*, это записано. Поэтому не забывай обещания.

Учитель помолчал.

— Делать усилия — это значит никогда не терять руководящей нити, а всегда и во всём быть бдительной, не уставая проверять себя, «просеивать» свои мысли и чувства. Это вовсе не значит, что делать это легко, это очень трудно. И это задача, над которой бьются многие. Но принять это необходимо. Сейчас такое время, что Мы очень многим людям дали возможность приблизиться к Нам, веря в их добрые начала, хотя они ещё не имеют всех нужных качеств и не очистили всех своих проводников. Но именно потому, что они приближены к Нам, это сразу и бурно пробудило их расцвет и их очищение. В частности, примером являешься ты. Но помни, ещё *много* предстоит тебе понять и от многого очиститься. «Начни сначала», — сказал тебе Учитель. Это значит, что ты снова должна будешь пройти через опыт личной любви, которая *задержит тебя на несколько лет*, но зато даст тебе более глубокое и вдумчивое отношение ко всей внутренней жизни. У тебя очень большие достоинства, принесённые из прошлых жизней, и это сделало то, что Мы можем через тебя дать в мир Наше Слово. Иди и пребывай в мире и в духе! Помни об усилении. Сегодня, в пять часов придёшь снова ко Мне.

День. 5 часов.

Я подошла к терраске. Учитель разрешил мне войти и, когда я села, дал мне перо и бумагу и сказал:

— Пиши.

Всем! Всем! Всем!

Все, кто тянутся к Свету и ищут путей к нему, помните: тогда приблизитесь, когда найдёте в сердце своём тайное желание, которое составляло до сих пор смысл вашего личного бытия, и найдёте в себе силы выдернуть его из сердца. Тогда, истекая кровью, познаете Высшее.

— Всё.

Я передала листок Учителю. Он пристально взглянул на меня и сказал:

— Я вижу, ты нездорова.

Тут Учитель дал мне несколько указаний относительно моего здоровья, которые я опускаю, как имеющие отношение только лично ко мне, и очень скоро отпустил меня, сказав:

— Эти дни Я не буду давать тебе очень много, так как ты будешь вести серьёзную работу у другого Учителя. И кроме того, закончи книгу, которую ты сейчас пишешь, чтобы освободить время для дальнейшей работы.

И Учитель, благословив, отпустил меня.

13 октября.

Пришла к Учителю на терраску. Учитель встретил меня улыбаясь. Он положил мне на колени толстую книгу и сказал:

— Перелистай её и сосчитай все её страницы.

Я листала, я считала... чувствуя, что сердце моё беспокойно и что мне вовсе не хочется считать страницы.

— Здесь сто страниц, — сказала я, кончив.

— Хорошо, — невозмутимо ответил Учитель, — теперь сосчитай страницы в этой книге.

И Учитель дал мне ещё толстенную книгу. Я была удивлена. Но по мере того как я листала страницы, я поняла Мудрость Учителя: спокойствие сходило снова в сердце.

«Это “урок”, вроде моточка с шёлком», — подумала я.

Перелистав всю книгу, я сказала Учителю:

— Здесь сто пятьдесят страниц.

— Хорошо, — сказал Учитель, взяв от меня книгу. — Теперь запиши в своём сердце на память: когда ты очень взволнована чем-либо, или чрезмерно торопишься, или находишься вообще в нетерпении, мысленно считай страницы очень толстой книги... То есть дай себе урок: не торопиться. Также если ты захочешь быстро и резко ответить или принять чересчур быстро какое-либо важное решение — дай себе время, отсчитай «мысленно страницы». И, лишь успокоившись, найдёшь правильные мысли. Ты поняла Меня, дитя Моё?

— Да, Учитель, поняла. И я Тебе очень благодарна. Я не забуду этого урока.

Я низко поклонилась Учителю.

— Иди с миром, дитя.

И Учитель отпустил меня.

12 часов. Молитва.

Все собрались уже, когда я встала на своё место. Пришёл Учитель и произнёс молитву, после которой сказал:

— Дети, каждый из вас имеет в сердце нужную ему *тишину*, и *мир*, и *целеустремлённость*. Умейте выявить их в себе. Идите и будьте в духе.

И Учитель, благословив, отпустил нас. Мы все впятером пошли к выходу. В сердце была лёгкость, и радость любви светлым пламенем вырывалась из сердца. Мы ничего не говорили друг другу, но чувствовали себя детьми, полными света и радости.

14 октября. Утро. 8 часов. Молитва.

— Мир всем!

— И Тебе, Учитель!

— Помолимся... О, Владыка мира! Да будет благословенно Имя Твоё. Аминь!

Все:

— Аминь!

— О, Владыка мира! Даруй прозрение сердцам предстоящим! И разверни душ наших белоснежные крылья! Аминь!

Все:

— Аминь!

— О Владыка мира! Да будет воля Твоя! Аминь!

Все:

— Аминь!

— Идите с миром, братья!

И Учитель отпустил всех.

Утро. 10 часов.

Я подошла к дому Учителя в горах. Из дома вышел Нуми.

— Нуми, скажи, ты больше не будешь со мной?

— Я временно отозван от тебя. После я снова вернусь и встану около. Иди к Учителю. Он уже ждёт тебя.

И мы расстались. Я вошла в дом Учителя и внизу, около двери, ведущей в круглую комнату, нажала кнопку. Дверь медленно раскрылась... Учитель уже сидел в кресле за круглым столом. Он повелел:

— Раскрой глаза и прими передачу.

Я раскрыла глаза и записала то, что мне продиктовал Учитель:

Примите мир сердцам вашим! Те, кто знает, чего он ищет на земном своём пути, те идут спокойно и разумно, распределяя свои силы, имея в виду *Цель* всей своей жизни. Цель многих жизней! Но что же делать тем, которые ещё «не знают» Цели и жизнь которых подобна утлой ладье на бурных волнах? Тем мы хотим сказать Слово Наше. О, души мятущиеся! Не имеющие покоя ни в себе, ни вокруг себя. Откуда смута сердец ваших, откуда тоска неудовлетворения и смутная тревожность искания лучшего и жажда более высокого сознания? Всех вас ведёт *Луч*, который ещё недостаточно ярко осознан вами и не проник в глубь ваших сердец. Но он с вами! Осознайте себя детьми, которые заблудились и вот теперь их ведут обратно в Отчий Дом. Не бойтесь ничего. Передайте себя этому *Лучу*, который поведёт вас. Жарко раскройте сердце Ему навстречу. Остановитесь и подумайте над тем потоком дел ваших, который заливает вашу жизнь. *Что* делаете вы? Кому это надо? И надо ли вообще? Нет ли других, более нормальных способов жизни? Жизни более высокой и благородной? И сердце ответит вам: да, есть! И этот способ заключается во внутренней жизни, в жизни вашего сердца, которое должно звучать по-новому и придать живую окраску всему, с чем вы соприкасаетесь. Это и будет началом той духовной жизни, которая поможет вам разобраться в себе и в своём окружении. Но для этого необходимо задуматься над собой. Нельзя человеку, загруженному суетой своих дел, суетою и водоворотом повседневной жизни, начать правильный рост духовной жизни. Ему всегда будет «некогда». И только сознательно остановив в себе эти вихревые вибрации суеты, вы сможете задуматься над собой и проверить себя. Счастливы ли вы? И в чём вы искали или ищите своё счастье? Надо иметь твёрдость, решимость начать жить по-новому, жить как бы сначала, не боясь, что для этого придётся «разбить карьеру», «испортить свою репутацию», «разбить чьё-то упование на вас» и т. д. Компромиссы здесь неуместны. Вы должны стать свободным, истинно свободным. Вы должны освободить себя от всяких уз, которыми вы оплели себя. Но для этого требуются не годы, а вся ваша жизнь. Вы должны поистине возжечься, гореть сердцем и признать, что есть в

жизни те высокие ценности, следовать которым — это потребность и жизнь вашего сердца. Что же это за ценности? Это — Жизнь в Духе. Что это значит «Жизнь в Духе»? — спросите вы. — «И как её выявить в себе и как утвердиться в ней?» Всё это вопросы, на которые нельзя ответить сразу, одними простыми определениями, этим нельзя дать вам почувствовать, что есть «Жизнь в Духе». Но ваше сердце, раскрываясь, само научит вас в постепенности и раскроет все те духовные ценности, которые дадут вам мудрость и озарят вашу жизнь глубоким смыслом и проникновением и пониманием Жизни. Но для того чтобы эта внутренняя жизнь раскрылась в вас, чтобы она зазвучала в вас полно и сильно, надо, чтобы ваша душа имела *опыт*, тот опыт, который может дать только жизнь вашего каждого дня. Только тогда, когда человек собран внутри себя, он готов воспринять этот опыт во всём его значении и провести его перед очами сердца и ума. Глубокий смысл собранности в том, чтобы, не отвлекаясь ничем посторонним, помнить о важности, о нужности данного опыта. Всем вам дана эта возможность: познать опыт. Им вы живёте в бессознательности, принимая жизнь вашего дня, как ряд случайностей, эмоциональных и интеллектуальных вспышек, дающих вам временные переживания, которые гаснут во времени и создают прошлое, то прошлое, о котором никто из вас ничего не помнит. Но, начав вести углублённую жизнь сердца, вы воспримете свою жизнь как совершенную гармонию чувств и мыслей, имеющую бесконечный смысл в эволюции всего мироздания, имеющую связь со всем сущим, корни которых в Едином, и все мы в Нём.

Беря самое великое или самое малое, мы найдём во всём единый закон *Единства*, в котором заложена любовь. Она — владычица мира и торжествующее её начало — трепещет в сердцах тех, кто раскрылся ей навстречу и признал в себе её силу. Слава всему сущему! Ибо в веках идущие все мы идём к Единому Свету, Свету Славы немеркнушей, ибо Жизнь — едина.

— Так. Всё. Следующая лекция через два дня на третий в это же время.

После этих слов Учитель повелел мне опять сосредоточиться, и я опять увидела себя в круглой комнате, сидящей за столом возле Учителя. Учитель сказал:

— Пребудь в мире и в духе. Помни неустанно, что ты — *провод* Наш и в этом смысл и цель твоей жизни сейчас. Живи устремлённо и стремись к чистоте сердца и ума.

И, благословив, Учитель отпустил меня.

12 часов. Молитва.

— Мир всем!

— И Тебе, Учитель!

— Помолимся... О, Учитель мира! Да будет благословенно Имя Твоё! Аминь!

Все:

— Аминь!

— О, Учитель мира! Даруй прозрение сердцам нашим. Очисти, вдохнови, освети нас светом присутствия в нас Твоей силы. Аминь.

Все:

— Аминь!

— О, Учитель мира! Да будет воля Твоя над всеми нами! Аминь.

Все:

— Аминь!

— Идите с миром, братья!

И Учитель отпустил всех.

15 октября. Утро. 8 часов. Молитва.

После молитвы Учитель сказал:

— Я хочу вам сказать несколько слов о значении испытаний, которые совершаются в жизни у каждого из вас. Само слово «испытание» показывает, что человек испытывается, испытываются его силы, его качества, его возвышенная устремлённость, и если он выдержит испытание, то ему посылаются новые силы, более могучие. А если человек не выдерживает испытания, то жизнь снова и снова заставляет его проходить пройденными путями и повторяет испытание всё сильнее и сильнее, пока человек не выдержит его. Как же нужно встречать испытания? Во всей собранности ума, чувств и силы духа, устремлённого на высочайший идеал вашей жизни. Если вы будете полны высоких чувств, бодрости, веры в свои силы и, встречая испытания, будете полны устремлённости к Свету, вам будет гораздо легче перенести всё, чем если вы будете прикладывать мерку вашего личного суждения, — тогда появятся многие противоречия, всплывут многие ужасы, и страхи повлекут, раздирая ваше сердце, вниз, в те низины, где нет ясного понимания и света духовного восприятия, того восприятия, перед лицом которого всё личное и тягостное меркнет, и лишь высокие побуждения сердца имеют силу. Идите, братья, и будьте счастливы!

И ещё Учитель говорил, что испытание бывает физическое и духовное. И что духовное испытание намного тоньше и острее, и что для преодоления его требуется особая напряжённость сердца и могучая вера в нужность и важность посылаемого испытания.

Утро. 9 часов.

Я шла по дорожке Сада. Дорожки были влажные, как после дождя. Кусты покраснели и пожелтели, опали листья. Но цветы ещё цвели, и даже розы как-то особенно трогательно раскрылись кое-где на кустах. Около терраски я встретила Учителя. На голове у Него была шелковая повязка, и Он шёл мне навстречу.

— Я должен скоро уйти, дитя. Пойдём, пройдемся немного по Саду. У меня есть ещё несколько минут для тебя.

Мы пошли обратно к выходу из Сада.

— Я рад, — говорил мне Учитель, — Я очень рад. Я радуюсь тому, что так гармонично будет складываться твоя жизнь. Именно так, как нужно, чтобы не нарушался тот путь развития, который нужен и назначен для твоего сердца. Ты вступишь в среду людей, очень преданных и готовых к восприятию Света. Они сплотятся вокруг тебя. И это будет «ядро Света», через которое мысли Наши прольются в мир. Но тебе предстоит большая работа над собой. Ты много дашь окружающим тебя, но и сама многое воспримешь от них, и по-новому научишься относиться и ценить тот дар, который имеешь.

Учитель, помолчав, сказал:

— Ты чувствуешь, какой невыразимо нежный аромат у осени? Здесь и прощание с жизнью и обещание новой встречи и ещё последняя улыбка лета в этом расцветании осенних цветов. Взгляни!

Учитель нагнулся и сорвал синий цветочек — «анютин глазок».

— Как она мила, эта малютка! Она распустилась осенью и не знает, что завтра её может смять изморозь, она цветёт и даёт миру радость от своей прелести... Как богата, как щедра и разнообразна Жизнь!

Учитель задумчиво приколот цветок к Своей одежде. Мы подошли к калитке Сада.

— Иди с миром, дитя! Сегодня в пять часов придёшь обязательно. Мне есть ещё что сказать тебе по поводу твоей новой жизни.

12 часов. Молитва.

Учитель произнёс молитву, после неё сказал:

— Дети, идите в день свой и помните неуклонно о собранности. Пребывайте возвышенны, строя храм своего сердца, и помните об Единстве. Суть всех нас едина, но каждый раскрывает её в себе по-своему. Имейте понимание, имейте взлёт духа и широту взгляда, и да пребудет над вами Моё благословение.

И Учитель благословил всех. Все стали расходиться. Небольшая группа братьев

окружила Учителя, и Он что-то объяснял им. Это была новая «ячейка», как и наша, объединённая Учителем.

День. 5 часов.

Я видела себя идущей по дорожке Сада к терраске Учителя. Учитель сидел в кресле и встретил меня тихим светом Своей улыбки. Когда я села у ног Учителя, Он сказал:

— Ты принесла ко Мне сердце, полное благоухания роз?

— Да, Учитель, — ответила я, вздохнув от полноты счастья.

— Я чувствую это. Я рад. Пусть в твоём сердце не исчезнет этот аромат роз, аромат счастья, он крепок, и чары его, передаваясь людям, пробудят в них мгновения великих радостных возможностей. Мы решили пересоздать тебя. Вернее, иначе настроить струны твоего сердца, как настраивают арфу перед тем, как играть на ней. Струны твоего сердца должны давать совершенно чистый, серебряный тон, они должны вибрировать радостно и давать в мир мелодии, те мелодии, которые радость вольёт в него. *Давать радость* — вот основное свойство твоего сердца. Поэтому не удивляйся ничему, прими всё, что будет изливаться на тебя, *в радости*. Это для того, чтобы струны твоего сердца дали нам более яркие звуки. Представь себя сидящей в некотором огромном круге людей, где каждый что-то передает другому. И вот ты должна передавать *Радость*, радость и песни и творческие зовы, зовы сердца. И ты не должна бояться, что оскудеешь ибо Мы наполним тебя всё новыми и новыми вибрациями счастья, которые заставят трепетать струны твоего сердца и родят песни счастья... Приблизься ко Мне.

Учитель возложил руки мне на голову и сказал с любовью:

— Очищаю тебя силой данной Мне власти. Пребудь в мире и в духе!

И Учитель отпустил меня, взволнованную, умилённую, счастливую.

6 часов. Молитва.

Когда все разошлись после молитвы, мы, пять человек, остались на площадке. Стояли густые сумерки. Быстро темнело, воздух был свежий и влажный.

— Взойдёмте в беседку. Там нам будет уютнее, — предложила Анита. Мы согласились. В беседке было совершенно темно. Ощупью нашли скамейку и сели. Я сидела между Астартой и Анитой, возле которой сидел Стивенс и рядом с ним Феликс.

— Ну что ж, предлагаю начать собрание, — шутливо сказал Стивенс. — Вот в прошлый раз мы бегло познакомились друг с другом, теперь было бы очень хорошо услышать из уст каждого более подробную историю его жизни и творчества последнего времени.

— Начнём с Феликса, — предложила я, — он сидит первый с краю.

— Всё равно, могу и я, — ответил Феликс. — Я уже говорил вам, друзья мои, что я писатель. История моего писательства очень необычна. Я опускаю все подробности, но только скажу, что моя способность *видеть* и *помнить* очень многому способствовала. То, что я вижу в каждом человеке очаг Света, навело меня на мысль написать роман, в котором бы жизнь каждого, жизнь «простеньких будней», жизнь обычного тесно переплеталась бы с необычным. Я хочу показать в нём, как люди, сами того не зная, идут навстречу своей судьбе, и как, наоборот, некоторые ей противятся, и как кармически их связывает и развязывает жизнь, и как карма влияет на общий ход жизни. Я думаю, что это многих заинтересует и может быть заставит задуматься над «обычным», которое таит в себе так много «необычного». Я вовсе не вношу в свои романы ничего «таинственного», никаких оккультных штрихов. Нет, очень просто и современно я описываю жизнь людей, но даю очень тонко почувствовать «Дух», который пронизывает «материю», и как они воздействуют друг на друга. Вот и всё.

— Но расскажи нам о своей жизни, — сказала Анита, — кем ты окружён, любишь ли свою семью?

Феликс помолчал немного.

— Я живу один. У меня нет семьи. Я люблю птиц. Вы улыбаетесь? Да, это моя слабость. Конечно, я их не держу в клетках, я живу за городом, в маленьком коттедже. При доме есть сад, и в нём много приспособлений сделано мною для птиц. Я люблю маленьких певчих птиц. Мне они особенно близки. Я одинок. У меня есть старушка в доме, моя няня. Я лишился родителей в детстве. Они оставили мне средства и меня воспитывали родственники. Но няня мне была ближе всех. Собственно, это не «няня» в обычном смысле слова, скорее это моя воспитательница, вторая мать. Она вполне культурный человек, приятельница моей матери, которую обожала, и жила в нашем доме как родственница. Но я её зову «няня» с раннего детства, так как она всегда была при мне и иных нянюшек у меня не было. Я никогда не влюблялся. Я совершенно лишён сексуальности. И это мне помогло не тратить зря сил и не расточать энергию и чувства. Я люблю людей. Но для меня нет пола. Но я всё *понимаю*. А так как я широко понимаю мир и взаимоотношения людей, то я не стал схоластом и брюзгой. Я, вероятно, уже пережил всё это и изжил очень бурные страсти в прошлых жизнях. И этот опыт мне больше не нужен. Я никого не осуждаю. Я вполне понимаю эту колоссальную силу пола, но я очень рад, что освободился из под этого ига...

— Да... ига! — как скорбное эхо ответил ему вздох Стивенса, в котором была горечь и усталость...

— Потому, что я *вижу* очень многое и помню свои прошлые жизни, я легко разгадываю запутанную психологию многих отношений, и мне, как писателю, это очень помогает. Но всё же я, вероятно, скоро кончу свою писательскую деятельность.

— Что же ты будешь делать? — спросила я.

— Я буду жить.

— И любить птиц... — подсказала Анита, шаловливо улыбаясь в темноте.

— Да, любить птиц, — просто согласился Феликс. — Но не только птиц, но и людей, и всю жизнь. Мне бы очень хотелось дать людям от своего опыта, но я пришёл к заключению, что это очень трудно и даже не нужно... Ещё не было примера, чтобы чужой опыт убеждал так, как свой собственный. С ним можно соглашаться, но *испытать* надо человеку самому.

— Да, это верно, — согласился Стивенс.

— Но как же это жить без личной привязанности? — спросила Астарта.

— Но ведь я не сказал, что у меня нет близких мне друзей. У меня их очень много. Я люблю людей. Для меня это всё горящие очаги Света. Знают ли сами люди про этот свой Свет или нет, это не меняет ничего, *Свет есть в каждом*! Но всё же я один внутри себя. Но это совсем иное одиночество, чем понимается обычно. Нет никого из людей, кому я оказывал бы предпочтение. Никто не привязывает меня сильнее, чем другие. Но к каждому у меня в сердце много тепла и света. И это не есть холодность моей натуры. Это...

— Это начало истинной любви, — тихо закончила я.

— Да, может быть так. Моя жизнь полна. Я не томлюсь от одиночества. Я не завидую тем, кто окружён семьей. Брак, личное счастье — всё это мне кажется не существенным для меня теперь. Но Жизнь, Жизнь в Её целом, Жизнь в духе — это глубоко волнует меня. Я предвижу новые идеи, новое человечество. Но для этого люди должны сами освободить себя от всех цепей личности. И цепь половой любви я считаю одной из самых крепких. На этом, друзья, я пока кончаю о себе.

— Да, но если люди освободятся от пола, тогда окончится их размножение, — сказала Анита.

— Но я полагаю, что, когда человечество дойдёт до такого высокого состояния, что освободится из под власти *личности*, тогда и личная любовь со всем, что из этого вытекает: страсть, ревность и т. д. отпадут. И когда человечество поднимется до постижения такой высокой любви, тогда настанет то единство, при котором больше не нужно размножение, — сказал Феликс.

Мы все молчали, переживая сказанное Феликсом. Он первый нарушил молчание:

— Будем ли мы продолжать нашу беседу сегодня?

— Нет, друзья, давайте лучше отложим до завтра, — сказал Стивенс. — Очередь

теперь будет моя, но сейчас мне надо уйти.

Мы все согласились. Крепко пожали друг другу руки и разошлись.

16 октября. Утро. 9 часов.

Я вошла на терраску к Учителю.

— Мир тебе, — сказал Учитель.

Когда я села на скамейку у ног Учителя, Он ласково взглянул на меня, улыбнулся и сказал:

— Ты чувствуешь счастье в сердце.

— Да, Учитель.

— Как расширяется сердце от счастья и как оно сжимается от скорби, — сказал Учитель. — И потому говорю: ищите способа быть радостными. Это возвысит и облагородит вас. Бывает, что и скорби полна величия, но уроки скорби жгучи и болезненны, хотя их сила, претворённая в радость, особенно плодотворна. Но радость, *чистая* радость сердца, это та атмосфера, в которой появляются ростки истинного понимания. Будь счастлива, дитя!

И Учитель положил руку на мою голову.

— Сегодня мы начнём читать вторую книжечку «Золотых правил», — и Учитель дал мне книжечку. Я раскрыла её на первой странице и прочла:

1. Тысячи препятствий встанут на пути идущего, но все они растают, как воск на солнце, от горячей устремлённости его сердца.

2. Идущему страннику всё в помощь, и каждый шаг его закрепляется усилием сердца.

3. Пребывай устремлённым, о, сердце ищущее, и иди за Светом, ведущим тебя.

Мир всему сущему.

— Это всё на сегодня. Закрой книжечку, — сказал Учитель.

Я передала книжечку Учителю.

— Всегда быть радостным, это конечно очень трудно. Я не могу, к сожалению, научить каждого, что надо ему делать и как он должен поступать в жизни при разных обстоятельствах, но одно Я скажу всем: всегда берите точку критерия вашего выше той, на которую вы способны в данное время, и в этом более возвышенном свете всё получит иное и более верное освещение. Иди, дитя, и пребудь в духе.

И Учитель отпустил меня.

12 часов. Молитва.

Все собрались на площадку роз. Мы ждали Учителя. Наша маленькая семья стояла вместе. А сердце ширилось от любви ко всем, волны любви заливали его, и казалось, что счастье дышит ритмически в сердце, то поднимаясь волной, то опускаясь...

— Мир всем! — раздался тихий, но ясный голос Учителя.

Все головы склонились перед Ним:

— И Тебе, Учитель!

Учитель обходил все ряды и проходил мимо каждого из нас. Он шёл спокойный, чуть улыбаясь. И каждый из нас низко склонялся перед Ним, когда Он проходил мимо. Это опять вызвало в моём сердце огромную волну любви и умиленности, от которых трепетало всё моё сердце. Сегодня в ряду, стоящем ближе всех к Учителю, прямо против Него стояла детская фигурка в одежде братства. Я только сегодня заметила её. Этому маленькому брату на вид было лет восемь-девять. Казалось, что он только сегодня пришёл к нам. Учитель, проходя мимо него, с большой нежностью погладил его склонённую голову.

— Помолимся, братья! О, Учитель мира! Да будет благословенно Имя Твоё. Аминь.

Все:

— Аминь!

— О, Учитель мира! Все сердца возносятся к Тебе! Прелей в них Свет от Света Своего и дай нам прозреть в истинную силу Твоего бытия. Аминь.

Все:

— Аминь!

— О, Учитель мира! Научи нас творить волю Твою во всём. Аминь.

Все:

— Аминь!

— Идите с миром! Храните тишину сердца своего и живите устремлённо.

Учитель подошёл к маленькому брату, взял его за руку и повёл за Собой по направлению к дому. Учитель ласково нагнулся к ребёнку и что-то тихо говорил ему. И в этом было столько трогательной нежности и непередаваемой красоты!

День. 5 часов.

Входя в Сад, я встретила Нуми. Он шёл от Учителя.

— Иди, Учитель ждёт тебя, — сказал Нуми.

— Нуми, остановись! Мне всё кажется, что ты сердишься на меня?

— Я не могу сердиться на тебя, — спокойно ответил Нуми. — И за что я бы мог сердиться на тебя? Подумай сама... Нет, ты заблуждаешься.

— Ты стал иначе ко мне относиться!

— Как ты можешь знать это? — так же спокойно говорил Нуми.

— По некоторым внешним признакам!

— Они обманчивы. Не думай о том, чего нет, и не приписывай другим то, чего они не думают или не делают.

Нуми поклонился мне и ушёл. Я пошла к Учителю. Когда я взшла на терраску и села на своё обычное место, Учитель сказал:

— Вот послушай, что Я тебе прочту:

Когда человек замкнут на самом себе и весь живёт в узком круге своих интересов, тогда он не может приобщиться к необъятной славе Вечного. И лишь тогда, когда его кругозор расширен и он разорвал орбиту своих личных отношений и ощущений, он сможет начать приближение.

— Как ты это понимаешь? — спросил меня Учитель.

— Я понимаю, что когда мы узки, личны, пристрастны, полны эгоизма и замкнуты в его круге, Вечное не может проникнуть в нас. Но когда мы начнём разрывать этот круг, тогда возможно начать приближение к Вечному.

— Да, это так. И ещё нечто... Когда человек узко замкнут в своём круге, никакой доступ Света не может пробиться к нему, а чем шире охват его горизонта, тем чаще изливается на него помощь Наша. Да. Это так.

Учитель задумчиво смотрел вдаль, потом встал и прошёлся по терраске.

— Ещё Я хотел спросить тебя, как ты понимаешь посланную тебе любовь? Зачем Мы дали её тебе?

— Я бы хотела услышать это сама из уст Твоих, Учитель. Я жажду объяснения этого от Тебя!

— Я скажу тебе. Во-первых, это как дар, как милость, как помощь Наша тебе для преодоления мучительного, но неизбежного перехода в жизнь иных колебаний. И потом, благодаря этой любви ты встанешь там, где ты нужна Нам как провод. Потому Мы и благословили союз ваш. Иначе это всё вокруг тебя могло бы надолго затянуться в узел твоей жизни, и ты бы потеряла время, которое дорого, так как дней твоих осталось мало и ты должна их использовать более интенсивно. Подойди, Я благословлю тебя на новую жизнь!

И Учитель благословил меня коленопреклонённую.

Вечер. 6 часов.

После молитвы мы снова все впятером собрались в беседке.

— Что же, — сказал Стивенс, — сегодня я вам расскажу свою повесть. Она не очень забавна. Я так называемый учёный, биолог, как вы уже знаете. Я с юных лет увлекался наукой. Я искал. Я мечтал в ней найти подтверждение тех духовных истин, которые смутно бродили в моём сердце. Но не нашел. Наоборот, наука меня отводила всё дальше и дальше, пока я окончательно не впал в полный атеизм. Я стал в жизни пессимистом. Я сказал себе, что жизнь — это ряд случайностей, смысла которых никто не знает и никогда не узнает. Моё духовное воскресение связано с великим потрясением сердца. Оно связано со смертью моего тогда единственного, горячо любимого сына, который в неопишуемых мучениях скончался на моих руках. Я пережил всю гамму чувств от униженной мольбы к «доброму Богу» моих детских лет до великого бунта возмущения и вызова всему существу. И в момент, когда с опустошённым сердцем, без сил, без мысли я рухнул около кровати моего умершего сына и замер в каком-то полубоморочном состоянии, я услышал «голос», который позвал меня. Теперь я знаю, что это был голос Учителя, но тогда я ещё не знал ничего о существовании Учителей. Этот голос мне говорил о Вечном Единстве, о пути, о страданиях, которые подводят к великому *пониманию*, об экстазе творческого сердца. Я был поражён, ошеломлён... В моём сердце словно дрогнуло что-то и... разбилось. Свет просветления хлынул в моё сердце. Я рыдал... Но теперь я уже рыдал от счастья просветления, от восторга прозрения. Так я встретил своё первое пробуждение к Свету. Вскоре я встретился с книгами Кришнамурти. Они мне очень многое дали. Я начал перестраивать себя сначала, я всё передумал заново и всё моё мирозерцание переменялось. Там, где в науке я видел только отрицание смысла жизни, теперь я нашёл подтверждение смысла и увидел *Цель*. Сейчас я пишу научный труд: «Биология и её значение в эволюции жизни». В этой книге я научно доказываю, как жизнь проявляет себя через форму, одухотворяя её, и что форма не перестаёт быть даже будучи невидима. Мой труд далеко ещё не закончен. Я ещё не закончил всех опытов, которые подтверждали бы мою основную мысль, что всё одухотворено и что материя — есть дух и дух — есть материя, но что в цепи бесконечной эволюции видов наступает тот предел, когда вид получает самостоятельное сознание и отсюда начинается его новое раскрытие до полного слияния с Сознанием Жизни, которое и есть Единство. Я думаю, что мой труд может быть прольёт свет в ту область, где пока всё ещё человечество ищет ощупью, в темноте. Вот и всё.

— А личная жизнь? — спросила Анита.

— Личная жизнь... Ах, я не был в ней счастлив. Мать того ребёнка, который умер на моих руках, бросила меня за два года до его смерти. Её уход унёс у меня много сил. После смерти моего мальчика я долго жил одиноким. Свет, который зажёгся в моём сердце, наполнял меня, и я не чувствовал остроту одиночества. Потом я вторично женился. Это была моя большая ошибка. Мы с женой совершенно не созвучны друг другу. Но у нас семья, два сына-близнеца. Я боюсь лишиться их матери. И мы живём под одной кровлей, давно чужие друг другу. Но мои мальчики мне очень дороги. И в них вся моя «личная жизнь». Но главная моя жизнь протекает, конечно, в глубине моего сердца. И это не оставляет места ни для чего иного. Теперь для меня настало истинное пробуждение.

Стивенс замолк. «Очень хочется пожать ему руку», — подумалось мне. Видно, это была общая мысль, так как Феликс из темноты сказал:

— Мне хочется пожать твою руку, Стивенс.

— И мне!

— И мне!..

Наши руки все потянулись к Стивенсу. Когда Стивенс снова заговорил, его голос был взволнован.

— Спасибо, спасибо, друзья! Я верю вам... Вы все — моя семья! И наша Родина — едина, как и едина *Цель* всех нас.

— Как и дух во всех нас, — добавил Феликс.

Мы ещё побыли все вместе в полной тишине, и казалось, что наша привязанность и взаимное доверие друг к другу где-то скрепляется для вечных целей.

Условились встретиться семнадцатого октября в пять часов дня.

17 октября.

В восемь часов была общая молитва. В десять часов я вошла в круглую комнату Учителя. Он был уже там. По Его знаку я села. Учитель повелел мне принять передачу в слухе. Я открыла глаза и записала под диктовку Учителя:

Причин слишком много у тех людей, которые не стремятся к раскрытию в себе духовной жизни. Но они пребывают во тьме. Истинный Свет начинает тогда пробиваться в сердце, когда оно насыщено, полно и готово к раскрытию. Тогда всякие *причины* и поводы, бывшие раньше помехой или казавшиеся таковыми, исчезают. События и случаи внешней жизни, слишком тесно обступившие человечество, составляют как бы кору, сквозь толщу которой очень трудно пробиться свету духа. Каким же способом человек может приблизиться к пониманию того, что эта внешняя жизнь, жизнь форм и фактов — ещё не вся жизнь и что за ней простираются огромные поля знания и мудрости, опыт которых ждёт его совершенного восприятия? Мир, окутанный иллюзиями, сделался добычей страстей противоположностей, в которых медленно, очень медленно созревают Наши посевы. «Обычное» и «повседневное» — вот в чём живут люди, и всё остальное их не интересует, всё остальное им кажется химерой, заблуждением... О, какое превратное понимание всего сущего! Нами сейчас направлен в мир новый способ воздействия на людей, который должен оживить, омыть самые корни их существования и подточить всё, готовое рухнуть и близкое к загниванию. После очень многих веков настал век расцвета для множества. И в жизнь «обычного» дня властно вступает «необычное». Но оно так тонко, так нежно ещё, что далеко не все могут это заметить, вот почему Мы послали в мир Наши Слова через те проводы, которые годны для этой работы. Это, конечно, те сердца, которые уже готовы к восприятию Света или уже совсем раскрыты. К сожалению, таких немного. И Мы дорожим этими «факелами в ночи». Но там, где поставлен Нами такой «факел», там возжигаются Нами новые очаги Света — они не могут не возжечься, ибо через Нас горит Свет в сердце стоящего среди них. Аминь.

— На сегодня это всё.

Я снова очутилась в круглой комнате, и Учитель, благословив, меня отпустил.

День. 12 часов.

Была молитва, после которой Учитель сказал нам:

— Да будет Моё благословение дню вашему. Идите с миром!

День. 5 часов.

Я была в нерешительности... Я не знала, идти мне снова к Учителю в горах или не надо. Голос внутри меня молчал. И всё же я пошла. Я говорила себе: «Я подожду в круглой комнате. И если Учитель не придёт, значит, и я уйду».

Я вошла в дом Учителя. Подошла к двери в круглую комнату и открыла её. Она была пуста. Мягкий, зеленовато-голубой свет освещал её высокие шкафы. Я села за стол и стала ждать. Прошло очень немного времени, как вдруг дверь медленно раскрылась, и на пороге появился Учитель.

— Ты уже здесь? Это хорошо. Я решил сегодня продиктовать тебе ещё одну статью. Открой глаза и пиши в слухе:

Начали пробуждаться спящие после многовекового сна. Всюду, со всех сторон в

мире, раздаются новые песни, новое торжество возрождающейся духовности, той духовности, которая составляет истинную основу Жизни. Нам нужно сейчас, чтобы сердца, пробудившиеся от спячки, почувствовали эту новую волну жизни и чтобы их первые, радостные листья возродившейся жизни были залогом иных возможных расцветаний.

Нам нужно дать в мир по-новому ту мысль, что никто не забыт, никто не покинут, и что в общем единении всего человечества — залог его развития. Нам надо, чтобы те, которые идут впереди, несли в мир весть о всеобщем возрождении, о реконструкции жизни, как внешней, так и внутренней. Эти первые ласточки уже есть, их призыв уже слышен некоторыми, теми, которые умеют слышать. Мы хотим зажечь по-новому мысль человека и возродить его чувства, облечь его в праздничные одежды и, указывая ему на возрождающуюся зарю, направить его шаги твёрдо и уверенно к Свету.

— Всё.

Я снова увидела себя в круглой комнате.

— Это всё, — сказал Учитель. — Мы хотим укрепить тебя так, чтобы ты была способна воспринимать малейшее Слово, идущее от Нас, во всей его чёткости и ясности. Будь счастлива и будь радостна! Это лучший путь, по которому пройдут Наши передачи. Придешь через два дня.

И Учитель отпустил меня.

День. 5 часов.

Я поспешила на площадку роз в надежде, что застану ещё там своих друзей. Действительно, они ждали меня.

— Мы уже думали, что ты не придёшь! — сказала Анита. — И мы уже хотели отложить сегодняшнюю встречу на завтра. Ну, что же? Пойдём в беседку!

Мы опять все собрались в беседке. Когда все сели, Анита сказала:

— Ну, сегодня моя очередь рассказать вам о себе... Я, как вы знаете, художница. Но это далеко не самое существенное в моей жизни. Я с детства как-то особенно люблю природу. Я воспитывалась в горах, среди величественной природы, и это наложило печать на всю мою жизнь. Мне нравилась величавая торжественность горных вершин, эти синие и лиловые дали, лёгкие, выющиеся над пропастью тропы... да всего и не перескажешь... Всё там чудесно! Всё это рано пробудило во мне мечтательность и созерцание. Мне всегда чудилось, что эта видимая жизнь таит за собой другую, невидимую, и что эта неведомая жизнь и есть настоящая жизнь. Я иногда часами сидела и смотрела на какое-либо дерево, и мне казалось, что вот-вот я увижу в нём нечто — именно то, что составляет сущность дерева, «душу дерева». Найти «душу всего» было мечтой моего детства и юности. Конечно, я прошла через большую волну религиозно-мистических чувств. Но когда я вышла замуж по страстной любви за молодого, талантливого художника, я резко изменилась. Вся духовная сторона моего существа словно отошла от меня или, вернее, погрузилась в немую глубину моего сердца. Мой муж был далёк от всяких мистических верований. Он любил жизнь, форму, красочность и сочность жизненных проявлений. Он любил лишь то, что проявляется в форме, и за этим не хотел видеть ничего другого. Он тонко высмеял мои «бредни» и увлёк меня огнём своей молодости, страстью любви и талантом художника. Прошло несколько лет. Я была по-своему счастлива, но всё же что-то во мне временами плакало и тосковало, словно я огрубела, словно я потеряла что-то очень ценное. Я стала матерью. После рождения моей крошки в моём сердце опять прозвучали голоса моего забытого детства и юности. И я снова стала искать «душу всего живого». Я уже об этом ничего не говорила мужу. Я хранила эти мысли в тайне своего сердца. Потом я очень опасно заболела. Когда я медленно стала поправляться, явилась необходимость послать меня для поправки здоровья в горы. Я и уехала туда вместе со своей крошкой. Мы поселились в очень красивом месте, в горах, в

уютном домике, стоящем среди цветущих фруктовых деревьев. Помню, было очень раннее и светлое утро. Я вышла в сад вместе с дочуркой. Она уже лепетала и бегала. Я сидела на скамеечке и смотрела в небо, где расцветала заря, и огненные золотисто-розовые облака, как перья, распластались в небе. Я созерцала их и упивалась тишиной в сердце и прозрачностью утра... И вдруг... Но это я не умею ни описать, ни передать. Вдруг я почувствовала такой прилив счастья, прилив такого восторга, какого я не испытывала никогда в жизни ни раньше, ни после. Мне хотелось упасть на колени, рыдать от счастья, кого-то благодарить... Мне казалось, что сердце разорвётся от счастья. Это длилось, вероятно, мгновение, но я поняла в это мгновение, что такое истинное счастье, я поняла, что оно не зависит ни от каких внешних причин, что *счастье* внутри нас и что с этим нельзя сравнить никакие радости, к которым обычно стремятся люди, называя эту погоню за наслаждением счастьем! Это было, как я поняла позже, просветление. С этого дня моя жизнь резко изменилась. Я стала мягче, я стала нежнее к людям, я стала видеть мир по-новому, по-особому. Я потеряла вкус к внешним радостям, ко многим вещам я совершенно охладела. «Душа вещей» стала являться мне и говорить в моём сердце тихими беззвучными словами. Моё творчество, бывшее раньше реалистично, сочно и красочно, вдруг, как выразился мой муж, «полиняло». Я искала выражения в красках того, что незримо проходит перед очами сердца. Но я ещё не умела это выявить в себе, утвердить и оформить в живописи. И это переходное время для моего творческого выражения было очень болезненно и трудно. «Какая мазня! — говорил мой муж, глядя на мои убогие попытки «выразить невыразимое». И он был прав тогда. Но он не увидел того, что выросло из этой «мазни», окрепло и вдруг расцвело в моей творческой жизни с такой силой, с такой нежностью и убедительностью, что я сразу обратила на себя внимание, когда послала на выставку два-три этюда. Но этот успех пришёл позже. Года шли. Мой муж был знаменит. Мы были богаты. Но я не была счастлива с ним. Он ценил, по-своему любил меня, но расхождение внутреннее было слишком велико. Постепенно мы совершенно отошли друг от друга. Детей больше не было. С годами я нашла себе близких друзей, близких моему исканию. Я познакомилась с теософией, я много читала и наконец встретила необычайную семью. Их образ жизни, их тонкие мысли и чувства помогли мне раскрыть самую себя. С тех пор мы неразлучны. Теперь с ними я буду жить вместе. Я окончательно уйду от мужа. Мы давно чужие. Дочь на этих днях выходит замуж и уезжает с мужем в Америку. Я решила жить со своими друзьями одной общей жизнью. Мы решили жить в горах, там, где я провела своё детство. Там мы попробуем жить просто и радостно, как диктует нам сердце. Вдали от цивилизации, от всей суеты, которая так смущает многих, мы хотим жить так, как говорит Кришнамурти. Моё творчество окрепло. Им заинтересовались. У меня есть даже ученики и «последователи». Но я всегда говорю, что каждый должен искать сам для себя. Я выражаю искренно и просто то, что я чувствую, и передаю это в красках. Не все со мной согласны. Но зато те, кому дорого моё творчество, кто ощущает его скромную простоту, те делаются часто моими преданными друзьями.

Анита умолкла. Потом взяла меня за руку и сказала с большой нежностью:

— Изю всех вас я помню свою жизнь только с Астрой, немного со Стивенсом. Но, Астра, ты очень, очень близка мне.

— И ты мне, Анита! Я многое в твоём рассказе переживала как своё. Это всё так мне близко... что даже странно!

Было совершенно темно. Но мы продолжали сидеть в беседке, держа друг друга за руки, как дети, пока Стивенс не обратил нашего внимания, что на площадке роз собираются уже братья на вечернюю молитву.

В 6 часов.

Была молитва, после которой Учитель сказал:

— Идите с миром! И да будет на вас Моя любовь и Мое благоволение.

18 октября.

Я подходила к терраске Учителя. Он стоял в дверях своей комнаты и вытирал руки.

— Входи, дитя!

И Учитель прошёл к своему креслу. Я села на скамеечку у Его ног. Учитель сказал:

— Я чувствую тишину и счастье твоего сердца... Они источаются как аромат цветка...

Сегодня Я хочу сказать тебе несколько слов о том, как должен человек встречать день свой. Ещё с утра, когда он открывает глаза, он должен быть пронизан светом радости бытия, той лёгкостью сердца, с которой обычно просыпаются счастливые и любимые в семье дети. Этот свет сердца должен гореть неугасимо. Это не должна быть бурная экзальтированность эмоций, это тихий и ровный свет лампы, который всё освещает собой и всё претворяет в свет. Всё, что до него доходит извне грубого, вульгарного, пошлого, всё это теряет силу и бледнеет, не успев коснуться сердца. Ты понимаешь Меня, дитя?

— Да, Учитель.

— Все люди, которые могут встретиться на твоём дне, должны быть встречены тобой как друзья, которым ты даёшь от своего сердца каждому то, что ты в силах дать и что может быть нужным и полезным в данный момент. Начиная с маленькой кошки, которая просит у тебя свою долю ласки, и кончая высокой и крепкой силой привязанности к человеку, которому ты открываешь тайник своего сердца, каждый должен получить от лучей твоего сердца. Все события дня должны перестать волновать тебя, так как ты научишься видеть в них то, что они есть на самом деле, а не то воображаемое, что им приписывают люди. Научись владеть собой. Это значит, что все твои мысли и чувства должны быть под контролем. Это легко сделать, когда в сердце светится нежный свет, тот свет, который одним своим присутствием создаёт счастье. Ты должна уметь *выражать* себя. Люди не воспримут тебя, если ты не сумеешь *внешне* быть тем, что ты есть *внутри*. Ты должна стремиться к гармонии, к слиянию своих внешних действий с внутренним светом. Простота, благожелательность, искренность, совершенная отдача себя каждому, кто в тебе истинно нуждается, понимание величия задач, которые на тебя накладываются, — это всё должно пересоздать твой облик день за днём... Ты будешь руководима Нами, и это во многом поможет тебе. Ещё Я хочу сказать о внутренней динамике чувств. Повышенная напряжённость, «горящий факел» необходим, но отнюдь не пустая экзальтация, не повышенная нервозность, которая не умеет владеть собой и управлять. Всё должно быть в меру. И эта *мера* есть самое трудное, чего человек должен добиваться, так как тут нужно и понимание, и распознавание, и особое духовное чутьё, и такт. Это не та «мера», которую обычно прикладывают люди к своим суждениям, это гораздо выше, значительнее и тоньше. И уметь найти эту меру во всём — значит найти гармонию, найти ритм своей жизни. Вот всё, дитя. Иди с миром и пребывай в духе. Сегодня ещё придёшь ко Мне в пять часов.

Я от всего сердца низко поклонилась Учителю.

— Я не знаю, как мне выразить Тебе свою горячую благодарность, Учитель, и моё потрясение от всего того, что я получаю от Вас.

— Нам не надо благодарности, не надо слов. Вся твоя жизнь есть живое выражение «благодарности». И чем светлее и благороднее будут твои пути каждого дня, тем ярче будет свет твоей благодарности. Иди с миром.

12 часов. После молитвы.

По окончании молитвы Учитель подошёл к маленькому брату, взял его за руку и повёл с Собой. А с правой руки Учителя пошла девушка лет шестнадцати-семнадцати, изумительной красоты, той красоты, которую называют «неземной». Её волосы, цвета тусклого золота, были распущены до талии, и ничем не сдерживаемые они взлетали золотыми прядями вокруг её чистого и белого лба, как сияние. Смотреть на неё было радостно. Их группа была совершенна в своей красоте, и все братья смотрели на них в молчании восторга, пока они проходили по площадке роз и удалялись по направлению к дому Учителя.

5 часов.

Я шла по Саду Учителя. День уже близился к закату. У терраски я остановилась, она была пуста, и калиточка прикрыта. Я вспомнила, что в таких случаях Учителя следует искать в той стороне Сада, откуда видны горы. Действительно, Учитель был там. Он сидел на скамье и пристально смотрел на вершины гор. Я издали поклонилась Учителю и просила разрешения подойти.

— Да, подойди ко Мне и сядь рядом.

И когда я села, Учитель сказал:

— Смотри, какой закат! Какие там просторы... И как огнём горят сверкающие горы...

Я не удивилась, что Учитель заговорил стихами. Действительно, картина была изумительная по краскам и по настроению. И яркая, сверкающая ослепительно-белым светом точка на багряно-алых отсветах гор выделялась особенно ярко и чётко. Очень ласково Учитель сказал мне:

— Когда-нибудь и ты сможешь приблизиться к этой сверкающей точке, и тогда ты поймёшь многое ясно, что пока воспринимаешь в бессознательности ещё. А теперь иди, дитя. Я приду на молитву в шесть часов.

Я глубоко поклонилась Учителю и ушла.

Вечер. 6 часов.

После молитвы мы опять собрались в беседке. Когда мы все уселись, воцарилось молчание.

— Ну, Астра, сегодня твоя очередь поделиться с нами твоей жизнью, — нежно сказала Анита, беря меня за руку.

— Да, я знаю... Потому я и молчу. Это так трудно говорить о себе!

— Пожалуйста, без предисловий, — засмеялся Стивенс. — Все мы начинали сразу, начни и ты так же.

— Теперь, когда я оглядываюсь на свою жизнь, я вижу как бы красной нитью прочертанное указание моему сердцу: иди к Свету! Но я плохо тогда понимала это, хотя тайное томление, смутное искание и неудовлетворённость ничем не покидали меня. Я тревожно искала, не зная, *что* я ищу. Я не родилась в религиозной семье, и мистические порывы моей души никем не поощрялись и не поддерживались. У меня с детства были способности к поэзии, к живописи, и я смутно ждала какой-то «славы». Очень рано и очень нелепо вышла замуж. Мужа не любила. Я пошла на сцену. Но и там не нашла удовлетворения. Я писала стихи, бывала в поэтических кружках, вокруг меня собирались молодые писатели, поэты. Но и это не заполняло сердце. Мы жили богато, но я этого как-то не ощущала. Были и любовные переживания. Но кроме тоски, они ничего не оставили за собой. Я жаждала «чуда»! Я искала чего-то «настоящего». Пройдя через религию, я её оставила, не встретив в священниках мудрых наставников и понимания живых запросов души. Долгое время спиритизм владел мной, и «дух-покровитель» очень многое открыл мне, осторожно проводя меня через подводные камни этого зыбкого учения. Он говорил мне о мире Реального, учил раскрывать жизнь в духе, старался направить к Свету страстное, мятущееся сердце. И вот медленно-медленно стал во мне прорезаться «голос сердца». Я жаждала «знать»! Меня уже ничто не влекло к себе так сильно, как эта жажда познания Света. И вот однажды... Я сидела и читала... И вдруг как бы Свет пронзил моё сердце. Радость, священный трепет, восторг счастья — всё это охватило меня с потрясающей силой. Мне казалось, что ещё мгновение, и я увижу самого Бога. Я упала на колени в слезах, в трепете восторга, в экстазе... Я считаю это самой высокой точкой моей жизни. Это было просветление. Всё моё сердце словно размягчилось, оно истекало любовью ко всему живому. Потрясение было огромное. Но никто не понимал меня. Это продолжалось около пяти лет высокого, духовного напряжения. Но этот высокий подъём не удержался на всю мою жизнь. Как после всплеска тяжёлого камня идут круги по воде и все дальше от места падения, и всё слабее, пока не исчезнут вовсе. Так и в душе моей... Осталось воспоминание, осталось

знание: что такое истинное счастье, но непосредственное чувство, экстаз — это ушло и появлялось изредка только и ненадолго. Потом моя жизнь изменилась. Я попала в такие условия, что поглощённая внешним я как бы забыла о внутреннем. И около десяти лет продолжалась эта духовная спячка. Но потом с новой неудержимой силой воскрес и «голос сердца», и моя жажда Света. Я встретила статьи Кришнамурти. Они дали мне неисчерпаемый источник вдохновения мыслей и чувств. Весть Кришнамурти по-новому зажгла мне сердце. И я так твёрдо и решительно приняла своё перерождение, что вся моя жизнь затрепетала. Но мой муж не разделял моих исканий. Но я окрепла духом. Около меня возникло сверкание и близость Учителей. Теперь я твёрдо знаю своё призвание: всё, всё что есть в моём сердце, все мои способности, всё это только для того, чтобы быть проводом Учителей. Только теперь я начинаю понимать, для чего я живу и какое «счастье» я хранила в своём сердце всю жизнь, о каком «чуде» я мечтала... Благодаря Их высокой помощи и вся внешняя моя жизнь меняется. Ещё несколько недель, и моя жизнь засверкает по-новому, совсем в иных условиях. Вот это пока всё, мои друзья.

— Какие скорбные пути у женщин, хотя они и различны, — задумчиво сказала Астарта.

— А я вижу во всём большую цепь причин и следствий, которые и составили многие события, — сказал Феликс.

Мы вышли из беседки и расстались до завтра.

19 октября.

Взошла на терраску к Учителю.

— Мир тебе! — встретил меня Учитель.

И когда я села у Его ног, дал мне книжечку «Золотых правил».

Я открыла её и прочла:

1. Когда сердце твоё станет подобно серебряной лютне, на которой Вечность, пробегая рукой, вызывает аккорды жизни, тогда, о, сердце, ты готово к испытаниям.

2. Ибо помни, сердце ищущее, ещё долго иллюзии и тонкие соблазны мира будут сопутствовать тебе.

3. И благо тем, чьи очи и уши закрыты для соблазнов и открыты внутренне, зрение и слух для утверждения в Вечном! Мир всему сущему!

— Закрой книжечку, — сказал Учитель. — Я скажу тебе несколько слов о прочитанном. «Когда сердце твоё станет подобно серебряной лютне...» Это говорится о том, что сердце должно пройти через творческое перерождение, оно должно быть очень одухотворено, очень гармонично, оно должно вибрировать в такт со всей вселенной, оно должно быть чутко к каждому шороху, к каждому намёку, который жизнь посылает ему, касаясь струн его серебряной лютни. Ты должна стать таким инструментом в Нашиих руках, чтобы через тебя лилась без искажений и задержек Наша песня. И чем богаче будет твоё сердце, тем больше мощи пронесём Мы через него в мир. И ещё о «соблазнах»... Да, соблазнов много. Но что есть соблазн? Это то, что ещё не изжито и требует своего удовлетворения. Для тех душ, которые прошли через это, соблазна уже нет, как нет соблазна у взрослого купить себе погремушку ребёнка. Но могут встать перед душой иные соблазны, в более тонкой форме, об этом надо знать. Но также надо и помнить, что чем больше сил вкладывает человек в своё искание, тем меньше «соблазны» владеют им. Даже если он и оступится, то только для того, чтобы с новой силой двинуться дальше. Это редко бывает, чтобы, продвинувшись, душа возвращалась вспять и надолго опять бродила во тьме. И наконец третье: «Благо тем, чьи глаза и уши закрыты для всего внешнего». Это так, но это не значит, что человек потеряет чувство понимания и сострадания ко всему внешнему, нет, но сам он перестанет находить в этом вкус и питать свои чувства и мысли из этого источника преходящего: Он будет вознесён в ту область, где его зрение и слух получают пищу более

возвышенную, и это даст ему новые силы для постижения и понимания. Иди с миром! Пребудь в духе и помни о серебряной лютне твоего сердца.

И Учитель благословил меня.

5 часов.

Я пришла к Учителю. И когда я села у ног Его, Учитель сказал:

— Запомни то, что Я тебе скажу: будь кротка, светла и уступчива во всём, что касается внешней жизни. Не стремись властвовать. Умей, пребывая глубоко в сердце, скользить над мелочами жизни. А теперь возьми книжечку «Золотые правила» и прочти следующую главу.

Я раскрыла книжечку и прочла:

1. Те нити, которые связывают Учителя с учеником, никто не может уничтожить. И это самые крепкие узы на земле.

2. Ищи Учителя в глубине сердца своего и, когда найдёшь Его, держись за Него неустанно.

3. Ибо только Он может помочь тебе пройти через толщу твоих иллюзий. Мир всему сущему!

— Так. Закрой книжечку. Подойди ко Мне, дитя, и посмотри Мне в глаза. Надо уметь быть светлой всегда и при всяких обстоятельствах. Жизнь духа тем и значительна, что она не имеет никаких цепей и условности земных существований не могут омрачить её. Иди с миром и пребывай в духе!

И Учитель отпустил меня.

20 октября. 8 часов. Молитва.

— Мир вам, братья!

— И Тебе, Учитель!

— Помолимся, братья. О, Владыка мира! Да будет благословенно имя Твоё. Аминь.

Все:

— Аминь!

— О, Владыка мира! Даруй сердцам прозрение. Освети и направь нас светом мудрости Своей. Аминь!

Все:

— Аминь!

— О, Владыка мира! Да свершится воля Твоя. Аминь.

Все:

— Аминь!

— Дети, идите с миром в день ваш и помните, что каждый день, данный вам, это есть великое благо и от вас зависит воспринять это как благо. Умейте жить в вашем дне и помните, что та жизнь, которую вы изживаете в данном воплощении, и есть то, чего вы достойны, то, чего вы достигли, то, что следует в себе утончить и что должно развиться к Свету, дабы следующее ваше пробуждение в этом мире было ещё совершеннее. Идите и будьте счастливы!

И Учитель отпустил всех.

10 часов.

Я вошла в круглую комнату. Учителя ещё не было. Но не успела я сесть за стол, как дверь медленно отворилась, и на пороге предстал Учитель. Я низко Ему поклонилась. Учитель повелел мне принять передачу в слухе.

Те поступки правильны, которые не влекут за собой возмездия, которые совершенны, ибо они отрешённые. Что есть отрешённость? Это есть отказ от плодов дел

своих. Всё, чем занят человек, всё, чем он интересуется, имеет свою историю в прошлом и своё продолжение в будущем. Но те дела, которые отрешены, они, возникая, не оставляют по себе следа, как те лёгкие утренние облачка, которые исчезают бесследно в сиянии солнца. Но быть отрешённым это не значит быть скучным анахоретом, который, наложив на себя цепи, сам от них втайне страдает. Отрешённость приходит, как следствие понимания, как следствие познания глубокой мудрости мира. Отрешённость есть высшее познание бытия. Очень многие случаи жизни влекутся из глубоких далей прошлого, их прикосновения жгучи, и раны, наносимые ими, болят долго и нестерпимо. Но когда наступит великая отрешённость, ничто больше не властно причинять боль или зажечь сердце радостью, которая бы его отделила от мира, вызвав у других зависть. Нет, счастье такого человека не живет в низинах. Быть отрешённым, это значит иметь великую уверенность, что «родина» не здесь, а в мире истинной реальности. Тот, кто начал постигать дух отрешённости и может начать радостно приближаться к ней, — любим Нами! Он несёт в себе Свет, его душа становится подобна чистому роднику, который выносит на поверхность свои хрустальные, чистые струи. Жизнь души отрешённой проста, пути её ясны, и всё же она полна тайны для окружающих, чьи души ещё не готовы для такого восприятия жизни. Нельзя сказать: «Живите отрешённо!» Но можно сказать: «Стремитесь постигнуть жизнь отрешённой души, стремитесь выявить в себе те задатки, которые смогут привести вас к пониманию отрешённости». Ибо истинный ученик отрешён. И его пути, начертанные в веках, уже прошли ту стезю, когда скорбь и радость держали его попеременно в своих объятиях и когда он тянулся к плодам дел своих. Держитесь твёрже Цели! Поймите, жизнь, данная вам, нужна, очень нужна и ценна. И цепь событий, что сковывает и разъединяет людей, — это всё нужно для людей. Но когда вы начинаете расти и раскрываться навстречу Духу, многое, привлекавшее вас раньше, померкнет, отойдёт. Вы откроете новую глубину жизни, найдёте новый смысл её, новую веру и знание. То, что раньше было для вас «нужно» и «важно», теперь стало «должное» и «истинное». Приблизьтесь те, кому пора! И сбросьте с себя последние оковы! Жизнь земли — этап, и вы все на ней гости, или странники, которые рано или поздно вернутся в Отчий дом.

— Всё.

Я снова была в круглой комнате.

— Это всё, дитя. Ты хорошо понимала Меня, когда писала под диктовку?

— Да, Учитель. Меня всегда наполняют трепетом Твои передачи.

— Так и должно быть. Иди с миром. Сегодня я, может быть, ещё раз позову тебя.

И, благословив, Учитель отпустил меня.

День. 5 часов.

Я вошла в круглую комнату. Учитель уже был там. Он повелел мне открыть глаза и принять передачу:

Промежутки между воплощениями бывают различны и разнообразны. Иногда они длятся очень долго, иногда быстро, и скоро наступает новое воплощение. Но важна не длительность времени, а интенсивность, с которой дух набирает сил для нового воплощения. Этот факт перевоплощения очень давно известен человечеству. Но сейчас не это интересует человечество. Та проблема, которая сейчас ищет своего разрешения и ради чего Наше Слово должно прийти в мир, это — единство. Единство, общность, коллектив, масса — это всё то, что должно, получив одухотворяющее начало, возродиться. Нами уже даны способы, которыми эта коллективизация может прийти в массы. Единство! Когда человечество учтёт свою связь с мирозданием, друг с другом, с каждой тварью живущей! Единство! Вот к чему должно идти человечество. Путь ещё

долог, очень долог, но часть человечества уже вступила на него. Именно тем, что сейчас в мир брошены так ярко две противоположные ноты, именно этим и создаются нужные Нам условия, чтобы мысли об единстве, о братстве всего сущего сначала как робкие и нежные ростки, а потом всё смелее и энергичнее стали бы пробиваться в жизнь людей и утвердились бы в ней. Единство! Лучшие озарения сердца служат ему, лучшие порывы мысли провозглашают его. И как бы ни казался крепок эгоизм, он уже сотрясается. Он будет расколот в своей основе, чтобы пропустить Наш Луч — Луч века, который начертает огненные письмена духа в едином слове — «единство»!

— Это всё.

Я снова была в круглой комнате. Учитель сидел за столом и молча смотрел на меня. Его глаза казались мне сегодня тёмными и пронзительными. Я низко склонилась перед Ним.

— Откуда я могу знать, за что милость Ваша меня избрала для передачи Вашей вести... — чуть слышно сказала я.

— И это, и ещё многое получишь. Имей душу огненную, устремлённую. Свет — един, он наш и твой одновременно. Но умей пропустить его сквозь себя, очисти проводники свои. И вот ещё что...

Учитель подошёл к шкафу и, достав с полки книгу, показал мне её заглавие: «Астрология и современность».

— Эту книгу следовало бы тебе прочесть.

— Откуда я её возьму, Учитель?

— Ты её получишь, если будет надобность. Жаль, конечно, что ты ещё не можешь свободно приходить сюда и читать здесь книги. Ещё многое в тебе надо переработать, кое-что выявить ярче, а кое-что убрать. Но это придёт. Будь радостна, будь солнечна. Живи в духе! Мы охраняем пути твои. Иди, дитя. Придёшь через два дня. Но если будешь светла, Я и раньше скажу тебе Слово.

И Учитель отпустил меня.

21 октября. Утро. 9 часов.

Подошла к домику Учителя. Он был на терраске. Когда я, получив Его разрешение, взошла и села у ног Его, Учитель протянул мне книжечку «Золотые правила» и сказал:

— Прочти дальше.

И я прочла:

1. Трудно богатому отказаться от своих богатств, ибо его вожделения привязывают его к ним и не дают следовать по стезе Вечного.

2. Но и тому трудно, кто, не имея богатств, вожделеет о них и держится мыслями о приобретении их.

3. И лишь тот, кто сердцем чист и отрешён, проходит мимо всего неуловленный. Мир всему сущему!

— Закрой книжечку, — сказал Учитель. — На сегодня это всё. Ты видишь, как важно быть светлым и отрешённым. Я говорю тебе, что ясность сердца должна быть неотъемлемым спутником каждого, ибо лёгкость сердца создаёт ту атмосферу, в которой можно давать сердцу помощь и указание. Унылые сердца пребывают как бы в запечатанном круге своего уныния, к ним нет доступа Нашему Лучу. Иди в свете, живи в свете и помни об этом. Тебе особенно это необходимо, так как ты Наш провод. Мир тебе! Будь в духе. Иди, дитя. И придёшь ещё в пять часов.

И Учитель отпустил меня.

В 12 часов была на молитве.

День. 5 часов.

Я подошла к терраске. Она была пуста. Я пошла в боковую аллею и встретила Учителя. Он шёл мне навстречу, направляясь к дому.

— Идём! Я уже возвращаюсь домой, — сказал Учитель.

Мы поднялись на терраску.

— Побудь пока одна, дитя, — сказал Учитель и удалился в комнату.

Я сидела на скамеечке и вспоминала весну, когда я в первый раз начала видеть Учителя. Вспомнила, как цвёл тогда белый шиповник возле терраски. Сейчас он густо покрыт красными ягодами. Вспомнила, как однажды Учитель приколот мне белый цветок возле сердца. И многое другое. И мне казалось, что это было очень давно. Я стала теперь гораздо ярче видеть, и многое во мне изменилось. Взошёл Учитель, сел и сказал:

— Надо чаще обтирать руки, на них всегда остаются вибрации, которые полезно время от времени стирать. Физическое поглаживание рук льняной (а ещё лучше шёлковой) тканью очень полезно.

— Если бы можно было, Учитель, также вытирать и душу... — тихо сказала я как бы про себя.

Учитель улыбнулся.

— Что же, это тоже необходимо уметь делать. Но душу освежают (как бы вытирают) возвышенные мысли и придают ей свет и ясность. Только люди чаще всего, когда замусорены и погружены в свои дела, не хотят думать ни о вечном, ни о возвышенном, это они считают «не жизненным» и «не серьёзным». Вот что, дитя! Мы не будем сегодня читать книжечку, а Я тебе продиктую в слухе Слово. Открой глаза и запиши:

Когда человек научится владеть собой, тогда явится возможность получить и выбрать для себя те мысли и чувства, которые нужны ему и которым он позволит пройти сквозь себя. Но пока ещё человек не обладает этой способностью быть хозяином самого себя, очень многое он мыслит и чувствует, от чего он был бы избавлен, если бы умел владеть собой. Великое постижение сердца позволяет человеку подняться над временным, и он никогда не бывает придавлен или ущемлён обстоятельствами. Научиться чётко и ярко мыслить можно, если человек имеет к этому склонность и приложит усилие или его умственные способности достаточно уже развиты. Но научиться жить в Вечном очень трудно тому, кто не умеет отрываться от будней.

— Это всё.

Я снова была на терраске, на скамеечке у ног Учителя.

— Ты как-то вяло слушала Меня сейчас. Ты, видно, устала? — сказал Учитель.

— Да, Учитель. Сегодня днём я была очень напряжена.

— Иди с миром! Это всё. Завтра придёшь ко Мне, как обычно.

И Учитель отпустил меня.

6 часов.

После молитвы мы все собрались в беседке, где Астарта стала рассказывать о своей жизни. Но мне помешали и пришлось «уйти»...

22 октября. Утро. 9 часов.

Очень долго не могла сосредоточиться. Наконец увидела себя на терраске стоящей перед Учителем.

— Мир тебе! Сядь. Запомни: когда какие-либо чувства волнуют тебя, огорчают, бурно радуют или вызывают страдания — всегда помни о Вечном. Это значит, надо уметь вознести сердце выше, а не оставаться в тех низинах, где мрак готов поглотить тебя. Помни, всё, что встречается в жизни, — это только уроки, которые следует выполнить. Прими всё, как испытание твоей силы, мужества, благородства, любви. Не задерживайся на низинах,

проходи быстрее. Все эти мелочи, рождённые в глубинах темноты и неведения, не располагают к духовности, а отводят от неё. Пребудь в мире! Вот книжечка «Золотые правила», прочти дальше.

Я раскрыла и прочла:

1. Странник, раньше, чем ты двинешься по пути, три чертога пройдёшь ты.

2. Имя первому чертогу: неведение — это тот, где ты родился и где умрёшь. Имя второму чертогу: познание мудрости. Но и там ещё иллюзия будет вести тебя. И имя третьему чертогу: совершенное знание, всё же иллюзия будет тебе сопутствовать.

3. И лишь пройдя все три, и замкнув в себе все чувства, и угасив все мысли, бестрепетно отдавшись мраку, который временно окутает его, странник перейдёт в страну Света. Мир всему сущему!

— Ты видишь, — сказал Учитель, — как долго ещё иллюзия сопутствует человеку. А ты плачешь о пустяках! Только очень мелкий человек находит удовлетворение, копаясь в мелочах. Смотри выше и смотри глубже. Прими мир и благословение Наше!

И Учитель, благословив, отпустил меня.

12 часов.

После молитвы Учитель сказал:

— Дети, несите день сегодняшней в особенной тишине сердца, будьте углублённый и да пребудет над всеми вами Моё благословение.

И Учитель отпустил нас. Я подошла к Астарте и просила извинить моё вчерашнее отсутствие. Она мне сказала, что без меня закончила свой рассказ, но она очень сердечно обещала мне тоже рассказать о своей жизни, когда явится к этому возможность. Следующее наше собрание было назначено на двадцать седьмое.

23 октября.

В восемь часов утра была на молитве.

В десять часов утра.

Я шла к Учителю в горах. В сердце снова была трепетная радость. Из дома Учителя вышел Нуми и шёл мне навстречу.

— О, Нуми! Посмотри на меня... Как давно мы не виделись!

Нуми молча взглянул на меня своими большими глазами, в которых была печаль.

— Нуми, отчего ты так смотришь на меня?

Но Нуми поклонился низко и молча прошёл дальше. Я вошла в дом Учителя. Открыв дверь в круглую комнату, я никого ещё в ней не застала. В сердце у меня всё время были тишина и какая-то «осиянность», которую я боялась пролить, как влагу из чаши. Почти сейчас же дверь тихо раскрылась, и на пороге показался Учитель. Я низко Ему поклонилась. Учитель прошёл к столу и повелел мне принять передачу в слухе.

Именно там, где надо, встанет Наша помощь. Именно в ту минуту, когда надо, будет сказано Наше Слово, ибо Мы зорко подмечаем всё и без лишней суетливости посылаем требуемое. Идите, вестники Наши, и передайте всем, что близки сроки пробуждения. Пусть не останутся глухими там, где голос Наш подобен грому. И пусть не слепнут от наших молний. Мрак раздвигается, новая заря зарождается над миром, не будьте слепы!

— Это всё. И прими ещё передачу:

Озарение — это то состояние, когда человек получает возможность быть самим

собою. Он получает видение Реальности, его понимание расширяется. В свете озарения по-новому складываются отношения к людям и возникают новые требования духа. О, люди! Не искушайтесь временным и преходящим! Поймите своё назначение. Вам обещаны царства, а вы, как нищие, собираете крохи по дорогам. Вам обещаны царства духа, сверкающие высоты бессмертия, а вы полны житейских тревог и неуверенности. Проснитесь, отряхните сон векового заблуждения. Ваши дела — тленны, лишь аромат истинных дел сохранится. Зачем вы растрачиваете свои дни в суете, когда вы царственно богаты духом! Зажгитесь и вкусите от мировой Сокровищницы Духа. Корни ваши глубоки, и цветок вашего сердца зреет в тишине. Ищите раскрыть его. Ярче мыслите, глубже чувствуйте, живите солнечно! Разверните шире своё понимание и не замыкайтесь в узком круге своего отъединения от жизни. Чем шире будет ваше сердце и богаче, тем шире и богаче вместится в вас Жизнь. Каждому ищущему вступить на Путь искания и трепетно зовущему Нас — Мы помощь дадим.

— Это всё. Аминь.

Я была опять в круглой комнате. В сердце был трепет, любовь, слёзы счастья... Учитель сидел в своей лёгкой, глубокого сине-зелёного цвета одежде, и от Него шли в моё сердце волны благоговения и трепета. Ничего больше не было в сердце, кроме желания стать прозрачно-чистой, чтобы быть в руках Учителя тем «пером», о котором я только что слышала.

— О, Учитель! Позволь мне преклонить колени пред Тобой! — прошептала я. И, опустившись на колени, я до полу склонилась головой перед Учителем.

— Да будет мир над тобой, и да ляжет он на дно твоём. Иди и будь в духе. Сегодня в пять часов Я опять позову тебя.

И Учитель отпустил меня.

В 5 часов.

Я шла снова к Учителю. И, как утром, вдохновенный трепет окутывал меня. Я чувствовала и радость, и волнение, и ответственность. Я говорила себе об этом величии и благоухании радости, которую я испытываю, соприкасаясь с Учителями и получая от Них дары, которые должна передать в мир. Я с особым трепетом взошла сегодня в круглую комнату. Никого ещё не было. Я не села, но стоя лицом к двери в благоговении чувств ждала Учителя. Дверь медленно и бесшумно открылась, и на пороге показался Учитель. В низком, низком поклоне я склонилась перед Ним. Учитель повелел принять передачу в слухе. И я приняла Его Слова, данные миру:

Запоминайте, люди, чего Мы ждём от вас и через что лежит к Нам дорога ваших сердец. Через жизнь вашего дня идёте вы. Встречая каждый случай, как бы он ни казался вам ничтожен и мелок, вы должны вложить в него сознание и величие вашего сердца. Человек, задавшийся целью найти пути к Нам, примет свою жизнь как подвиг, посвящая ему всё своё существо. Он построит в глубине своего сердца волнующий его обожаемый образ и будет стремиться осуществить его, он будет внутренне меняться терпеливо и настойчиво. Он возьмёт всего себя под контроль, всё вытекающее из его чувств и мыслей. Он по-новому воспримет жизнь. Имея глубокую устремлённость, живое горение, жажду прозрения, он творчески предастся своему перерождению. Это первое. Второе: человек перестанет жить в тусклом сне того, что люди называют «действительностью». Он расширит свои горизонты и, принимая жизнь как таковую, сумеет найти её истинное биение и сольёт с ним своё сердце. Учение сердца! Оно глубоко. Оно скрыто в каждом ищущем сердце. Умейте выявить его в себе. Нам не надо слов, пропылённой святости, Мы зовём — к Жизни! К этой великой Жизни, которая есть Всё. Она в непрестанном движении, Она во всём Сущем. Только из недр вашего собственного сердца придёт к вам истинная помощь. И потому ищите, стремитесь

раскрыться! Путь к Учителям — это путь к вашему собственному сердцу. Ибо только через сердце вы приблизитесь к Нам. Но говоря «сердце» Мы имеем в виду не только эмоции, но то *состояние* вашего духа, которое имеет своё выражение, свой проводник — в сердце. Вы можете проникнуть в своё сердце различными путями, но все они должны быть окрашены любовью, ибо без любви вы не сможете раскрыть его глубину. Человек может иметь блестящие мысли, глубокие теории, великолепные системы, но без любви сердце, — тот храм, где зажжённые огни по-новому должны озарить его жизнь, — будет закрыто. Любите! Вот вам нить, которая поведёт вас к сердцу. Любите самозабвенно, расточайте себя в любви, пойте, ликуйте в себе — неся в мир любовь. Несите её силу ко всему — любите интенсивно, деятельно. Пусть ваша любовь к одному поднимет вас до понимания любви ко всем и поднимет вас до тех высот, где сверкающий храм вашего сердца станет светочем не только для вас, но для всех, кто стремится к Свету.

— Это всё, дитя. Пребудь в мире. Я отпускаю тебя. Придёшь через два дня.

В 6 часов.

Я была на молитве. После молитвы Учитель благословил всех нас и сказал:

— С завтрашнего дня наступит перемена, новая фаза духовной жизни для многих из вас. О чём Я скажу вам завтра утром подробно.

24 октября.

Я пришла утром на молитву. Все уже ожидали Учителя. Он пришёл тихий и светлый, за поясом у Него была белая роза. Учитель сказал:

— Братья! Сегодня день, о котором Я вам говорил вчера. В сердцах многих из вас произошёл перелом, о котором Я и хочу сказать вам сегодня Слово. А сейчас помолимся...

После молитвы Учитель сказал:

— Братья, вы все стремитесь к Свету... И всё же даже предстоящие здесь неодинаково его достигнут. Одни уже близки к нему, другие отстоят дальше... И вот о тех, что «стоят дальше», Я буду говорить сейчас.

Сегодня — это их праздник. Их день переходного сознания. До сих пор они шли стихийно, принимая всё в полусознании. Теперь их сознание будет расти и расширяться. То, что вчера они считали несущественным, — сегодня уже полно значения. И то, что казалось вчера существенным, — сегодня перестало иметь значение. Там, где они уже начали что-то понимать, понимание обратится вглубь, там, где начал мерцать Свет, он будет разгораться. На их дне ляжет ответственность, на их дела ляжет отпечаток силы и глубины, серьёзности и понимания. Они перестанут быть «духовными детьми», они вступят в возраст отрока. Их росток уже пробился к Свету. Первая часть усилий сделана. Теперь надо укреплять силу ростка и помогать его росту. Наша помощь уже дана им. Они получают сейчас обилие помощи! Она прольётся на них даже через внешнюю жизнь, которую они должны правильно понять и выбрать то, что существенно для их духовного роста. Мы приветствуем их сегодня, в день их духовного прорастания и перелома. Этот день будет повторным. Но это не значит, что они сразу всё поймут, нет, развитие их ростка будет происходить в тишине... Всё дело в их интенсивной устремлённости, в их усилении. Мир всем! И да будет радость ваша подобна белоснежным лепесткам розы этой...

И Учитель поднял высоко белую розу, сжал её в горсть и бросил в воздух её лепестки... Они взлетели над нами и в воздухе мгновенно умножились. Как белые бабочки, порхая и кружась, они стали покрывать всех нас, достигая все ряды. Это было чудесно, прекрасно! Радость в сердце вызвала трепет во всём моём существе. Учитель пошёл по всем нашим рядам и каждому говорил одно-два слова. Одному Он говорил: «Тебе», другому: «Поздравляю», третьему: «Запомни», кому: «Продолжай», но каждый получил Его обращение к глубине своего сердца. Мы с Анитой стояли в последнем ряду и с трепетом

ждали Учителя. Анита искоса посматривала на меня, чуть улыбаясь, а я на неё... Учитель, проходя мимо Феликса, сказал: «Продолжай!» Мимо Стивенса: «Тебе!» И Астарте сказал: «Тебе!» А нам с Анитой сказал: «Поздравляю!» И счастье, расширяя сердце, поднялось волной до самых губ, вырвавшись в глубоком, прерывистом вздохе счастья.

— Мир вам всем! — сказал Учитель ещё раз, уходя. И все мы, осыпанные белыми лепестками розы, склонились перед Ним до земли.

Утро. 9 часов.

Я шла к Учителю. С моей головы упал мне на плечо белый лепесток. Мне было радостно сознавать, что они ещё лежат на мне, как душистое благословение Учителя. Когда я взошла на терраску и села у ног Его, Учитель сказал:

— Мы даём много, мы даём щедро и всё для того, чтобы всходило Наше семя в сердцах людей. Если сердце готово — семя всходит. Когда сердце не готово — семена гибнут. Прими и запиши сейчас передачу в слухе.

Всем, всем, всем...

Есть вещи, которые нельзя рассказывать словами, их можно только чувствовать. Мы говорим вам о силе и о помощи духовной, которая не выразима словами. Те слова, которыми пытаются их выразить, всегда неточны и приблизительны. Надо иметь самому опыт в этой области, чтобы понять *то*, что стоит *за* словами. Часто простые факты, передаваемые людьми, искажаются. Точность передачи — это тоже способность, приобретённая усилием и вниманием. Часто один и тот же факт, рассказанный разными людьми, приобретает различную окраску. Это зависит от характера и темперамента каждого. Мы же всегда точны. Наша способность всё видеть со всех сторон и охватывать жизнь многогранно позволяет нам быть разносторонними в суждениях, но *по существу* мы всегда говорим всё об одном и том же. Нами брошен сейчас в мир лозунг: *живите творчески* ! Это значит суметь одухотвориться самому и одухотворить жизнь вокруг себя. Это можно выразить во всём, что вас окружает. Научитесь жить правильно. Это значит понять, что каждый из вас творец своей жизни и от вас зависит творческое преображение. Не бойтесь и начните так жить. Начните сначала с мелочей, с пустяков, и вы увидите, как налёт какой-то тусклой плёнки начнёт сниматься с вашей жизни. Ищите. Размышляйте. Старайтесь отодраться от привычных мелких чувств и мыслей. Не живите по трафарету, не прислушивайтесь к общим мнениям, имейте своё живое суждение обо всём, имейте гибкое и ясное сознание. Научитесь (признавая за каждым его право мыслить) вырабатывать свои *собственные* мысли, и вы увидите, как мало их у вас, как много вы имеете чужого, нахватанного из книг, полученного через общение с людьми. Научитесь быть весёлыми, бодрыми. Ваши унылые лица, ваши кислые слова — это отраву, которую вы льёте на окружающих. Попробуйте быть немного сумасбродными фантазёрами, когда вы наедине с собой. Это поможет вам отойти от тягости ваших уныний, от ваших будней. Пусть эти мысли внесут немного сказочности в вашу повседневность. Вам вовсе не нужно рассказывать об этих переживаниях каждому, но в глубине сердца сумейте построить храм, в котором вы можете уединиться. Живите радостно в своём сердце, будьте доверчивы к Жизни, и Она приведёт вас к счастью истинного понимания.

Кришна джи.

Я сидела у ног Учителя, поражённая и удивлённая. Как, передача была от Кришна джи?

— Ты удивлена? Ты считала, что это всё тебе говорю Я?

Начало статьи диктовал Я, а конец её — Учитель Кришнамурти. Эта передача — тебе дар на сегодняшний день. Иди с миром и будь счастлива.

В 12 часов я была на молитве.

После молитвы Учитель сказал:

— Помните о дне перелома. Благословляю всех вас и каждого в отдельности.

И Учитель отпустил нас.

В 5 часов.

Я поднялась на терраску к Учителю и села на скамеечку возле Него. Учитель сказал:

— Торопливость — это ещё не значит быстрое достижение цели. Иногда размеренные поступки, рождённые продуманными мыслями, ведут к цели не так стремительно, но зато вернее. Возьми книжечку «Золотые правила» и прочти дальше.

Я раскрыла и прочла:

1. Если ученик протянул серебряную нить своего сердца навстречу к Учителю, Учитель всегда видит его.

2. Когда странник омоет свои стопы в крови сердца своего и все звуки земные перестанут звучать для него, он готов.

3. И когда умолкают все иные желания, кроме желания Вечного, Учитель берёт его за руку и ведёт к высотам.

— Закрой книжечку, — сказал Учитель. — Да, «когда умолкают все иные желания, кроме желания Вечного...», — тихо повторил Учитель, глядя задумчиво на проплывающие облака... — Это значит, что тогда всё уже изжито и действительно уже не нужно. Не потому не нужно, что человек, по дряхлости своих проводников, не может вкушать от разнообразных чувств и не испытывает больше желаний, но потому, что он *понял*. И ветер больше не сотрясает его светильник и не задувает огня. Дитя, запомни: дни, данные тебе сейчас, — чудесные дни! Они полны аромата. Здесь ты получаешь вдохновение, общаясь с природой, которая тебя окружает.

— А там? — тихо спросила я.

— Там... ты тоже будешь нужна. Но уже по-иному будешь воспринимать. Многое ты не сможешь воспринять так ярко, как сейчас. Тогда вокруг тебя будут совершенно иные вибрации. Тогда будет иное... А Я говорю об *этих* днях, об этих тихих днях осенней прелести, овеянных мечтательностью и благоуханием раскрывающегося сердца. Всё — благо. Живи в духе. И умей черпать из всего радость сердца. Иди с миром.

И Учитель отпустил меня.

6 часов. Молитва.

— Помолимся, братья! О, Вечный Учитель! Да будет благословенно Имя Твоё. Аминь.

Все:

— Аминь!

— О, Вечный Учитель! Пребудь в сердцах наших и озари их Светом Истины Твоей.

Аминь.

Все:

— Аминь!

— О, Вечный Учитель! Пребывай в нас, да свершится воля Твоя. Аминь.

Все:

— Аминь!

— Идите с миром, братья, и помните, что в сердце каждого из вас теплится Свет и несите его, как свет лампы, зажжённой в ночи. Мир всем!

И Учитель отпустил нас.

25 октября. 8 часов. Молитва.

Я шла к площадке роз. Около площадки, возле большого облетающего куста, стоял

маленький брат. Его большие глаза смотрели не по-детски глубоко и серьёзно. Проходя мимо него, я поклонилась ему и ласково сказала:

— Здравствуй, мой маленький брат!

— Здравствуй! — ответил он улыбаясь. И добавил, помолчав: — Будь счастлива!

— И ты тоже, — ответила я.

Ко мне подошли Анита и Астарта. После молитвы Учитель сказал:

— Я ещё напоминаю вам о вчерашнем дне перелома. Ищите в себе новое. Укрепляйтесь в нём. Будьте счастливы!

И Учитель отпустил всех.

9 часов.

Взошла в сад Учителя. Было слегка свежо, но солнечно. Сад ещё стоял в своём осеннем золотистом уборе и на кустах робко доцветали розы. Я подошла к терраске. Учитель был уже там.

— Входи, дитя!

Я взошла и села у ног Его.

— У нас нет «случайностей» и «непредвиденных обстоятельств», — начал говорить Учитель. — Мы всегда знаем, чего Мы хотим, что Мы можем встретить на пути и как реагировать. Это не лишает жизнь её творческих радостей и не делает её сухой, но освобождает от мелочной суетливости тревожности, которые обычно так мешают людям и так утомляют нервы раньше, чем они что-либо воспримут истинно важное. Надо уметь, входя в день, нести спокойное и ровное настроение. Надо знать *цель* своего дня, и она должна быть основой, и ей должен поклониться твой день. Эта цель может меняться и быть на каждый день иной, но *общая*, духовная устремлённость необходима. Ты скажешь, например, себе: «Сегодня я начну всё встречать в великом спокойствии сердца и благожелательстве ко всему живому». И эта цель станет на сегодня основной, и в свете своего духовного устремления ты будешь проводить эту цель в свой день. И она бросит свет на все твои мысли, чувства и дела. Попробуй, и ты увидишь, как много это даст тебе силы и внутреннего озарения. Люди, вступая в день, обычно не имеют *такой* цели. У деловых людей, конечно, бывает план и цель, но не об этих людях говорю Я сейчас. Я говорю о цели, которая, будучи поставлена в сердце, как аромат цветка будет сопутствовать тебе весь день. Это первое, что Я хочу тебе сказать сегодня. И второе: когда ты чувствуешь апатию, тоску, понижение настроения, никогда не поддавайся этому. Старайся разогнать это в себе, отойди от этого. Очень полезно в таких случаях выйти на воздух и ходить, желая всем сердцем освободиться от унылых вибраций. Ещё полезнее — сосредоточиться в сердце, в его глубине. Но это уже труднее и требует известных сил души и сознательности уже более или менее возвышенного сердца. Полезна молитва, произнесённая в сердце, мантрам. Но только не застывай на этих чувствах уныния, а помни, что они губительны для нежных ростков сердца. Это всё. Сегодня мы не будем читать книжечку «Золотых правил».

— Учитель, могу я спросить Тебя?

— Спрашивай.

— Я хочу спросить Тебя о том, как мне передать людям то, что я получаю от Вас? И передавать ли это людям? И кому? И в какой форме? И всё ли давать или только избранные места? Ты знаешь, Учитель, я ведь записываю всё, что начала видеть с весны, с самых первых дней. Получилась книга, по-моему, очень благоуханная и нежная книга, которую я пробовала читать некоторым, и вижу, что она волнует их сердца. Может быть, будет возможно, когда-либо издать её? И как Ты повелишь теперь поступить мне?

Учитель улыбался.

— Да, Мы знаем, что ты записываешь всё. И это прекрасно. Мы и хотим, чтобы это была книга. И к ней, по-моему, очень подходит название «Благоухание сердца» (название «Сад Учителя» — было дано Им же позднее). Ты её дашь в мир. Не сейчас. А сейчас ты её сможешь читать людям. Конечно, не всем. Ты должна уметь распознавать, кому она будет

близка. Некоторым ты сможешь прочесть, не указывая источника, только выдержки, некоторые страницы. Я полагаю, что это будет очень благоуханный дар миру. Нами это уже всё предусмотрено. Иди и не тревожься об этом. Всё придёт в нужный час, и всё будет именно так, как надо. Да, и ещё Я хотел тебе сказать о здоровье твоего тела. Уезжая с юга на север, ты очень резко переменишь климат и обстановку вокруг себя. Это не сможет не оказать влияния на твои проводники. Надо это предотвратить, охранить. Держи в тепле солнечное сплетение, очень полезна чистая шерсть или настоящий шёлк. И также держи в тепле ступни ног. Также и голову обязательно замотай чем-нибудь. Очень хороши для этого лёгкие шёлковые ткани. Они не давят на голову и предохраняют её от внешних вибраций. Не оставляй её долго раскрытой хотя бы первое время, это просто обязательно. Ну, теперь всё. Иди с миром.

И Учитель отпустил меня.

В 12 часов была на молитве.

В 5 часов.

Я пришла к Учителю на терраску. Учитель сказал:

— Сегодня Я дам через тебя передачу в слухе. Открой глаза и прими.

Вот что Он мне продиктовал:

О тех возможностях, которыми обладает человек. Возможности человека безграничны, ибо он сам есть порождение вселенной и все её силы — его силы. Если человечество усвоит себе эту истину и сумеет правильно тренированной волей и устремлением к Свету сердцем достичь этого состояния, он сделается не человеком «унылых будней», а огненным духом, обладающим жизнью формы и жизнью духа. Через множество испытаний идёт человечество к этому духовному прозрению. И оно начинает пробуждаться через отдельных индивидуумов. В дальнейшем все люди должны составить единое целое. То, что ожидает просветлённое человечество, превосходит самые смелые ожидания. Одно можно сказать, что каждый человек — это будет очаг мирового Света, знания и любви, великих совершенств, привлечённых динамикой его творческой воли. А пока идите, вестники Наши, стройте в себе новую жизнь и, строя её, привлекайте те сердца, которые вам созвучны, и они, в свою очередь, привлекут других. Ибо Свет идёт к Свету и мрак порождает мрак.

— Так. Всё.

Я снова увидела себя на терраске Учителя у ног Его. Учитель сказал:

— Мы хотим дать через тебя целую серию статей. Учитель в горах уже начал их давать. Если это будет успешно, то и другие Учителя скажут через тебя Слово. Иди с миром, дитя. Будь в духе и помни о дне перелома.

— Да, Учитель, я помню!

И Учитель отпустил меня.

26 октября.

В десять часов я пошла к дому Учителя в горах. Из дома вышел Нуми. Мы встретились и низко поклонились друг другу.

— Учитель уже ждёт тебя, — сказал он тихо и, не останавливаясь, прошёл дальше. Я взошла в круглую комнату. Учитель уже был там.

— Прими передачу в слухе, — повелел Он.

Я вернулась в обычное состояние и записала продиктованное Учителем:

Знаки Наши, данные людям, различны и разнообразны. Что есть знак Учителя? Это то, в чём сердце человеческое нашло для себя символ «свет незримый», или звук —

беззвучный, или особое событие в его дне, — во всём может быть подан знак Наш. Они могут быть заложены глубоко и также рассыпаны по поверхности. Умейте их чувствовать, видеть, замечать. И вложите радость в сердца ваши и уверенность, что вы не одиноки, а идёте общими путями со всеми, как одно целое. И переплетаются пути людей и скрещиваются, и подают сердца людей голоса друг другу на расстоянии. Но и кроме этого в вашу жизнь дано многое другое. Только вдумчивым сердцем вы уловите то, мимо чего обычно люди проходят, не замечая. Ищите одухотворить ваш день! Это значит вносить в него глубочайшее, что имеете в сердце. Осознайте, что каждый день, данный вам, это повод к раскрытию вашего сознания, повод к вашей творческой радости. И если вы не можете вложить радость в своё сердце, то не потому, что этой радости нет в вашем дне, не потому, что вы сами творчески бедны сердцем и не созвучны тому, что окружает вас. Жизнь дня вся соткана из различных цветных нитей. Чаще всего люди замечают только одну или две ближайшие к ним ниточки из всей великолепной ткани Дня. И цвет этих ниточек окрашивает их обособленное существование. Но День развёртывает свои крылья и даёт всем от своей насыщенности. Умейте возвеличить день свой! И ещё: там, где встанет душа и скажет, что она уже созрела и готова начать истинное шествие к Истине, там вокруг неё зародятся вихри, и они будут ей или в помощь, или погубят её, если её силы ещё недостаточно окрепли и не будут соответствовать силам, вызванным ею же вокруг себя. Но Мы хотим всем людям дать уверенность, что *сила* в них самих, что нет человека безвольного. Это предрассудок, который плотно укоренился в сознании такого человека, и он сам поверил этому. Мы говорим вам: ничто в вас не закреплено раз и навсегда. Всё течёт, всё меняется. И вы — продукт текучести жизненных сил. И от вас зависит одни силы в себе заменить другими. Воля ведёт человека, сумеете понять это! И волю можно развить так же, как вы развиваете в себе мускулы тела. Воля — непобедимая сила в человеке и, направленная с истинной мудростью, способна пересоздать всего человека. Это не чудо. Всё «чудесное» основано на глубокой закономерности, на глубоком знании формул жизни, её сил, соотношений и научных данных, тех данных, которые ещё скрыты от человечества, но всё же принадлежат ему. Ничто не тайно, ничто не спрятано — придите и возьмите. Но приходят лишь те, кто истинно *хотят* прийти. И берут, потому что имеют для этого силы и волю. Мы предлагаем человечеству, оступившему от погони за внешними впечатлениями, за наслаждениями, пересмотреть свои «ценности». Так ли уж всё это действительно важно, и нужно, и ценно, всё то, чем они живут, за чем гоняются, цепляясь, и дорожат. Уметь освободиться от своих привычек, дурных вкусов, от всего пошлого и трафаретного в мыслях и чувствах, очень важно. И тогда за всем этим как под гниющими листьями покажутся весенние, нежные цветы... Не бойтесь меняться! Не живите как мёртвые футляры, разбивайте скорлупу, которая сдерживает огонь творческого искания. Жизнь богата, Она волнующе разнообразна. Но Она не проявится в вас во всей своей полноте, если вы её ищите только во внешнем. Жизнь — внутри вас. Она — суть всех вещей. Помните — ведь вы участники всей вселенной! От вашего совершенства зависит совершенство всего мира. Поймите, как вы богаты, как ценны дары духа, которые предложены вам. Вы идёте в веках, и вы уйдёте в века. Не будьте же мертвы при жизни. И задолго до своей физической смерти не будьте уже похожими на сухой осенний лист, который ещё держится за ветку, и ветер шевелит его, но он мёртв, мёртв! Оживите! Осознайте себя живым творческим *духом*, пришедшим в мир форм, чтобы получить своё наследство.

— Всё.

Я была снова в круглой комнате. Учитель сказал:

— Иди с миром! В пять часов снова придёшь ко Мне.

5 часов.

Я взошла в круглую комнату. Учитель уже был там, и я снова приняла Его Слово в слухе.

Мы хотим дать человечеству ряд новых сдвигов. Они уже наступают. И это будет полезно для всех. Это — для общей пользы. Важно уяснить, что такое «общая польза». Общая польза — это значит быть способным слиться с Целым, осуществив себя. Это значит найти в себе то, что составляет это «Целое» и находится в каждом, как Его частица. Умение выявить это в себе и жить этим — это и есть общая польза. Всё то, что проникнуто духом жизни, её творчеством и динамизмом — есть общая польза. И лишь плотно задвинутые ширмы личного благополучия, выгораживающие себе уголки личного счастья в ущерб другим — чужды общему делу. Мы никому не препятствуем понимать Жизнь так, как он хочет. Мы не ведём человечество за руку. Но Мы бросаем в мир те семена, которые дадут всходы в самых неожиданных местах. «Великий грешник» часто бывает способнее принять Свет Истины, чем пропылённая «святость», замкнувшаяся в свою узкую мораль и добродетель.

Жизнь взмечает вихри и задувает коптящие фитили благополучия, сметает прочь загородки, куда человек хочет спрятать своё «личное». Не учим шептаться по углам, но велим кричать миру! Но голос кричащего миру — это не голоса безумцев или кликуш, но голос творческого гения, пробуждённого в сердце, творящем Жизнь.

На этом закончилась передача.

27 октября. Утро. 8 часов.

После молитвы Учитель сказал:

— Братья, Я хочу сказать несколько слов о том, как надо молиться. Надо всем сердцем устремиться к Тому Высочайшему, Которого мы называем Бог, Истина, Учитель, Жизнь. Не держите Его вдали от себя, а ощутите Его в трепете сердец ваших. Он тут, а не «там». Он с вами! Он поистине пребывает во всём. И это общение с Ним во время молитвы должно вызвать в вас глубочайший трепет, экстаз, самозабвение. Отдаваясь Ему всем сердцем, вы как бы сливаетесь с Ним, и вы приобщаетесь к Его Силе. Та творческая Радость, которая осеняет вас в такие мгновения, — это Его Радость. И умилённость чувств и расширение сознания в сердце — это Его блага, переданные вам. Аминь. Будьте в духе и идите с миром!

Утро. 9 часов.

Я пришла к Учителю на терраску. Он повелел мне принять Его Слово в слухе.

Творчество исканий протекает различно. И нельзя всем идти одним путем, хотя и кажется, что Путь один. Это так — Путь один, но те, кто идут, различно воспринимают его. Находясь возвышенным сердцем в глубоком, внутреннем созерцании, человек научается ощущать в себе иные силы. Но когда человек живёт в мире вещей, он поглощён ими, и не думает, и не знает о духовном созерцании. Важно *не забывать* о своей Цели, о своём искании. Важно уметь сочетать в себе в великой гармонии мысли, чувства и дела. Важно уметь проникнуть в глубокий смысл Слова, ощутив его значение, чтобы это не явилось пустым звуком, лишённым глубокого смысла. Важно каждому искать Истину для себя самому. Облечь её в мысли и чувства, которые имеют живое значение для человека, а не являются подражанием другому. Только истинно загораясь, можно прозреть. И тогда станут понятны все образы, созданные сердцами других, искавших Света и нашедших Его, все слова, произнесённые ими так, как они были сказаны сердцами, имевшими огромный опыт, которого должен добиваться каждый сам для себя.

— Всё.

Я опять была на терраске у ног Учителя. Он говорил мне:

— И ещё хочу сказать тебе, что нельзя ни на минуту успокоиться. Надо быть трепетным, надо всё время распознавать. И сердце должно быть как рана обнажённая, и всё должно идти через него.

И Учитель, благословив, отпустил меня.

В 5 часов.

Я взошла на терраску к Учителю, опустилась на колени перед Ним и сказала сквозь слёзы:

— Учитель, прости меня! Прости мне эту слабость... Вы дали мне дивную розу, а она впиалась в моё сердце шипами, и я не сумела оценить её нежность и благородство.

Учитель улыбнулся и сказал нежно:

— О, дитя! Глупое и неразумное дитя. Это же так несерьёзно. Это всё пройдёт, как лёгкий туман утра! Мы дали тебе цветок не для того, чтобы ты кололась о его шипы, но чтобы ты ценила его благоухание и чтобы он дал особый аромат счастья дням твоим. Сядь, дитя! Я расскажу тебе сказочку...

Я села на скамеечку у ног Учителя, и Учитель, положив свою нежную руку мне на плечо, начал говорить:

— Жила в лесу белочка... У неё в дупле дерева родились три детёныша. Она была счастлива. Но сова утащила одного новорождённого крошку. Белочка горевала. Но у неё остались ещё два детёныша в утешение. Прошло некоторое время, и дикая кошка утащила второго. Белочка горевала. Но у неё остался ещё один. И этот, подрастая, казался ей прелестен. Но и его однажды подхватила сова. И белочка стала одинока. Как ты думаешь, о каком из детёнышей она скорбела больше всего, о самом малом или о более взрослых?

— Я думаю, Учитель, что в равной мере ей были дороги все три.

— Да, ты права. Для истинной любви (мы предположим на мгновение, что белочка обладала истинной любовью) нет различий. И вот пришла новая весна. И у белочки родились новые детки. И на этот раз все её детёныши остались живы. Белочка была вполне счастлива и забыла о прежних. Ах, как часто человеческие скорби проходят так же бесследно, как скорби этой белочки! Дитя, запомни: всё, что на поверхности дней твоих, всё это несерьёзно. Серьёзна лишь бездонная глубина сердца. А чувства, которые возникли по поводу временных слёз и улыбок, истаяв, исчезнут.

Учитель замолчал. Его рука всё ещё лежала на моём плече. Сгущались сумерки... И в сердце вступила тишина и покой уверенности. Рука Учителя была на моём плече, и Его любовь была в моём сердце.

28 октября. Утро. 8 часов.

Я пришла на площадку роз и, подойдя к друзьям, сказала:

— Сегодня мой день рождения! Я праздную день своего прихода в мир...

— О, моя дорогая! — меня крепко обняла Анита. — Я поздравляю тебя! Как бы я хотела, чтобы ты могла со мной уехать в горы! Я сегодня уезжаю, так что и для меня это тоже день рождения в новую жизнь. Как бы мы счастливо жили там с тобой! Как бы жили созвучно!

— Ах, Анита! Это тщетно и мечтать... Этого нам не дано.

Подошли Стивенс и Феликс, и они тоже, один шутя, другой серьёзно, поздравили меня. Пришёл Учитель и произнёс молитву:

— О, Владыка! Пребудь в сердцах наших. Озари их Светом Твоего Света и даруй прозрения в жизнь вечную. Аминь.

— О, Владыка! Совершенство нас, Ты Себя выявляешь, ибо бесконечно и многообразно Твоё проявление. Аминь.

— О, Владыка! Твори жизнь в нас и даруй нам творить волю Твою!

Утро. 9 часов.

Я подошла к терраске Учителя. Ещё издали Учитель сказал мне:

— А Я имею для тебя радость!

Я поднялась к Нему и низко Ему поклонилась.

— Приблизься и сядь. Я имею тебе передать радость: Учитель с гор повелел тебе передать, чтобы в десять часов утра ты пришла к Нему. Я рад передать Его волю, так как это знак, что твой провод Его удовлетворяет и в достаточной мере очищен. И потому мы сейчас ничем не будем с тобой заниматься, чтобы не утомить тебя.

— Я счастлива услышать эту весть из Твоих уст, Учитель, но сегодня ночью я слышала это и от Нуми.

— Ну что же! Значит, это двойная радость — сначала ты получила весть от Нуми, а потом она подтвердилась Мной. Приблизь ко Мне лицо своё...

Я подняла голову и повернула глаза к Учителю. Учитель пристально стал смотреть в глубину моих глаз. Мне казалось, что Его взгляд пронзает меня насквозь, словно через Его глаза в меня вливается что-то, какая-то сила лилась в меня. И это было непосильное и невыразимое чувство...

— Я не могу больше... — прошептала я, изнемогая. Но Учитель продолжал смотреть не отрываясь. Это длилось, может быть, мгновение, но мне оно показалось бесконечным. Когда Учитель отвёл Свои очи от моих глаз, я, словно лишённая всех сил, упала к Его ногам. Страшная усталость и слабость охватили меня. Я лежала на полу и слушала голос Учителя:

— Я передал тебе от своей силы. Умей это закрепить в себе. Встань и иди.

Я обняла Его ноги в порыве и поклонилась до земли. И, встав уже полная бодрости, счастья и силы, ещё раз низко поклонилась Учителю и вышла.

Утро. 10 часов.

Я вошла в круглую комнату Учителя. Он уже был там и повелел записать Его Слово в слухе.

Потребуется ещё много веков, пока человечество начнёт «бродить», как тесто, получившее закваску. Но и теперь работа духа в человечестве не прекращается. Сейчас век не тишины, а бури, не довольства, а недовольства. «Смена вех»! — вот лозунг века. Для того чтобы человечество продвинулось, надо, чтобы очень многие ожили внутренне и по-новому восприняли мир. Но не для себя только, но и для всего человечества. Как весна приходит не для одного дерева, а для всего леса, так должны люди проснуться сейчас для жизни. И пусть в основе всего лежит любовь. Если вы способны воспринять *бурю*, творимую сейчас в мире, как творчество созидających сил, то вы поймёте, что и в ваших сердцах должна сначала промчатся буря, чтобы после неё более углублённые и просветлённые вы смогли воспринять свет жизни и любви.

Мы никого не принуждаем. Выбирайте вы. Но Мы говорим: те, кто пойдёт за жизнью, пойдут и за Нами. Они должны уловить её пульс, её волю, они должны будут выйти на простор широких горизонтов из пропылённых скважин своих домов. Они научатся строить звёздные мосты, они прорубят сияющие гроты в своих сердцах, откуда засверкают новые источники Света. Мы призываем к объединению! Мы бросаем лозунги: «Единство!», «Мировое содружество», «Братство всех народов». И это значит, что уже созревшие идеи готовы снизойти в материю и дать миру новые формы бытия. Мы хотим показать через тех существ, которые уже достигли просветления, на какие высоты может подниматься человеческий дух. И Мы говорим: каждому это дано. Все встанут в ряды общего единения. И если ты убог и твои мысли ещё тяжёлыми жерновами двигаются в мозгу, то знай, и ты нужен Нам для того, чтобы счастье мира было полнее и выразительнее. Мы все едины, и никто не может никуда исчезнуть. Там, где люди склонны рассматривать себя как единицу, полную значения в своём

тщеславном величии — это иллюзия! На тех высотах, с которых видим Мы, нет разделения. С высоты самые высокие горные вершины теряют своё величие. Живите вдохновенно! И вкладывайте своё вдохновение и трепет жизни во всё творимое вами.

Учитель повелел мне вновь прийти в круглую комнату... И когда я очутилась там, Учитель сказал:

— Сегодня в пять часов ты придёшь сюда снова.

И Учитель отпустил меня.

5 часов.

Я открыла дверь в круглую комнату. Необычно яркий свет поразил меня. Я невольно отступила назад и зажмурилась.

— Входи! — услышала я голос Учителя.

Я вошла. И в великом изумлении и смущении остановилась... Учитель был не один. Сначала комната мне показалась полной множеством лиц. Но когда моё волнение слегка отхлынуло, я увидела кроме Учителя ещё четырёх Учителей, которые сидели за столом. Учитель (в зелёном) подошёл ко мне и, положив руку мне на плечо, подвёл меня ближе к столу и к свету и, поставив перед лицом всех, сказал:

— Вот она!

Наступило молчание. Волнение моё возрастало, сердце билось глухо и неровно. Я рассмотрела, как в тумане, образы Учителей, среди которых увидела «своего» Учителя в белом... Рядом с Ним сидел Учитель аскетического типа, совсем мне незнакомый (Его имя я узнала после). Неподдалёку от Него сидел Учитель в необычайной, фиолетового бархата одежде, сверкающей на обшлагах и на жилете золотом. Откуда-то я твёрдо знала имя этого Учителя и Того, который в упор смотрел на меня своими чёрными, пылающими огнём глазами. Слово я их знала и уже видела раньше.

— Вот она! — повторил Учитель.

Учитель аскетического типа сказал что-то на непонятном мне языке. Учитель в белом возразил Ему тихо и кротко.

— Я знаю её! — сказал Учитель, не спускавший с меня своих пламенных очей. И «мой» Учитель в белом мягко, пристально тоже смотрел на меня. Учитель аскетического типа смотрел строго, и, как мне казалось, испытующе, и неодобрительно. И лишь Учитель в фиолетовом бархатном камзоле имел особый вид. Его взор был весел, доброжелателен и чуть насмешлив.

Я стояла, чувствуя на себе все их взгляды, и сердце у меня глухо рыдало.

— Я знаю её, — сказал Учитель в зелёном, — и Я верю в неё.

— Я тоже веду её... — сказал Учитель в белом.

Учитель аскетического типа опять что-то сказал на непонятном мне языке, но уже мягче. Он говорил довольно долго. Ему ответил Учитель в фиолетовом бархате:

— Она будет исполнительна. Я ручаюсь!

— Готова ли ты, дитя, следовать за Нами? — спросил Учитель в зелёном.

— Да, Учитель!

— Можешь ли ты дать клятву в этом?

— Да, Учитель!

— Садись к столу.

Моё волнение всё росло. Мне казалось, что я этого не вынесу. Свет горел нестерпимо ярко. Сердце билось тяжело и глухо. Я чувствовала необычайность этой великой для меня минуты.

— Те, кто даёт клятву, уже не властны отказаться от неё, — сказал Учитель аскетического типа. — Они несут за это ответственность и принимают все последствия.

Учитель в белом мягко возразил что-то на непонятном мне языке.

— Она должна знать, что делает, — сурово ответил Учитель аскетического типа.

Учитель в зелёном сказал:

— Если она уже здесь и имеет силы стоять в Нашем присутствии, значит, она сможет выполнить и свою клятву. Пиши, дитя.

Передо мной лежала книга и перо. И на большом белом листе в книге я написала под диктовку Учителя в зелёном:

Я даю клятву повиноваться во всём Учителям, ведущим меня. Я даю клятву следовать их малейшему зову без замедления.

Я готова встать в любом месте, где Они мне укажут, и в любое мгновение.

— Подпишись, — сказал Учитель, диктовавший мне.

Я подписала: «Астра». Учитель поставил под моим именем Свою подпись, и все Учителя подписались под этим. После чего Учитель в зелёном сказал:

— Теперь иди!

И на меня словно кто-то сразу набросил тёмное покрывало. Всё исчезло.

20 октября.

Я подошла к терраске, и Учитель сказал мне:

— Войди...

Я вошла и, как обычно, села у ног Его.

— Учитель, могу я спросить Тебя?

— Спрашивай...

— Отчего я получила вчера такое высокое счастье, чем я заслужила его? И возможно ли, чтобы такая, как я, имея столько недостатков и всяких ещё неостывших желаний, могла бы прийти в такое близкое соприкосновение с Учителями?

— Да, возможно. Здесь дело совсем не в том, чтобы иметь качества или достоинства, — это в данном случае второстепенно. Когда придёт час узнать, ты узнаешь причину этого необычайного для тебя приближения к Нам. А пока прочти главу из книги «Золотых правил».

Он подал мне книжечку, я раскрыла её и прочла:

1. Странник, не обольщайся, думая, что ты всё в себе преодолел и готов вступить в преддверие Храма. Лишь Учитель твой знает, как и в какой форме проверить твою искренность.

2. Но, вступив в преддверие Храма, будь бдителен и не допускай сомнениям овладевать собой и гордости повелевать собой. Но во всей кротости возложи мысли упования к ногам Учителя своего.

3. Ибо Учитель твой знает тебя, и Он видит тебя. И в час, когда нужно будет, спадут покровы, затемняющие свет твоего познания, и ты увидишь Свет во всей Славе его.

Мир всему сущему!

— Это всё, — сказал Учитель, иди с миром.

И Учитель отпустил меня.

День. 5 часов.

Я с большим трудом сосредоточилась. Какие-то волны тумана окутали меня. Наконец с великим трудом я пробилась сквозь них и увидела себя возле домика Учителя.

— Что с тобой, дитя? Ты чем-то взволнована?

— Да, Учитель! О, скажи, неужели возможно, получив от Вас всё то, что я получила, испытывать по временам и тяготу в сердце, и раздражение?

— Вполне возможно. Но всё же это не причина, чтобы омрачаться. Это всё пустое. Это

не больше, чем «компот» (помнишь летнюю твою «занозу» в сердце?). Это всё пройдёт! Есть вещи гораздо более важные и значительные, и величественные, которые надлежит тебе выполнить. Сядь, дитя... Значит, ты будешь принимать передачи от Учителя с гор, а иногда и Я буду диктовать тебе статьи. Но не слишком ли это будет много для тебя? Я боюсь, что ты очень ослабеешь.

— Не знаю, Учитель, я счастлива, когда я слышу голос в своём сердце. Это всегда меня наполняет вдохновением и счастьем.

— Это так, но всё же у тебя есть физическое тело ещё далеко не совершенное и есть нервы, которые следует беречь. Я полагаю, что тебе следует улучшить питание. Пусть пища будет очень лёгкая, но питательная. Хорошо бы на ночь принимать тёплые ванны.

— Это сейчас невыполнимо, Учитель.

— Да, Я знаю. Но Я говорю о дальнейшем. Хороши тёплые окутывания. Скоро ты будешь в таких условиях, что никаких поводов для таких раздражений не будет. Всё в тебе должно быть направлено к тому, чтобы ты как можно легче и ярче могла воспринимать Наши сообщения. Это главное. И этому будет сейчас посвящена твоя жизнь, пока не придёт иное. Иди с миром, дитя, и пребудь в духе.

И Учитель отпустил меня.

30 октября.

Я вошла в круглую комнату. Учитель повелел мне принять передачу в слухе.

Там, где встанет Учение Наше, там встанут и ученики Наши. А через них и дела людей получают иное выражение. Закончен кармический период многих подготовительных ступеней. Теперь начинается новый период. И вот Я говорю: те сердца, что имеют в себе силы слышать волю Нашу и жить ею, тех Мы посылаем вперёд, чтобы приняли они на себя всё, что посылается сейчас Нами в мир, и сумели через себя дать людям. Нам нужны не только единомышленники, но и творческий гений человеческого сердца, который, предчувствуя своё назначение, бросает в мир новые мысли и создаёт новые образы. Нам нужны эти вдохновенные певцы своих дней, которые провидят чудесное будущее и умеют в настоящее вложить крупинцы того счастья, которое только ещё зреет в мире. Путь приготовления к этому уже начат. Труден ли он? Очень! Это ещё не век рассвета. Это ещё ночь. Но в неё уже вонзились лучи близкого рассвета. Он уже близится... И совсем по-новому воспримут мир души тех, которые придут на землю продолжить свою эволюцию. Вы все нужны Нам. Очень нужны. Без вас не будет зари... Но те, которые готовят сейчас пути для неё, сами живут во тьме. Нам надо от вас очень много усилий, много борьбы вашей с самим собой, много понимания и чуткости, чтобы мочь закрепить через ваши сердца сознание в мире, что сейчас происходит «смена вех», что нарождающийся новый цикл жизни влечёт за собой катастрофы и мятежи, вихри, в которых нужно уметь разбираться и стойко и мужественно, не впадая в отчаяние, верить в рассвет! Вы — дети Наши. Все вы, которые стоите мужественно на своём посту, несёте всю ответственность, всю тяжесть её и всё же, в глубине сердец, храните «розы наших улыбок» и «жемчуг наших слов». Вы — дети Наши. И к вам обращены взоры Наши. Но помните, что любовь Наша к вам не выразится ни в чем таком, чего бы пожелали себе приобрести через Наше благоволение люди обычного понимания. И лишь дни ваши, одухотворённые могучим нашим дыханием, будут полноценны и значимы. Мы ставим вас там, где вы стоите. И Мы же снимем вас оттуда, когда придёт час ваш. И дадим новую работу в ином месте. Умейте всё встретить в понимании! Ваша воля творит, а Мы только указываем ей те широкие горизонты, за которыми уже расстилаются иные возможности понимания, там, где воля человека сливается с волей Мировой Сущности и образует единое целое. Мы даём вам Наш луч, и он ведёт вас. Мы вас укрепляем своим словом. Мы даём вам знаки Наши во всем. Но вы должны стоять неуклонно.

Вы должны быть стойкими на своём посту. И вы должны *знать, мочь и сметь* .

— Всё.

Я снова была в круглой комнате. Учитель спросил меня, записываю ли я Его статьи в одну тетрадь. Я ответила утвердительно.

— Они должны пойти в мир очень широко, — сказал Учитель.

И Он отпустил меня до пяти часов.

День. 5 часов.

Я опять пришла в круглую комнату, и Учитель повелел мне открыть глаза и принять передачу.

Новым началам подвластно всё. Они, зарождаясь в веках, совершают свой круг и пробегают земную орбиту. Мы — их покорные Силы. Наши общие руководства людям — это только детали того могучего, что строится стихийно и внедряется «сверху», а не «снизу» (я ставлю эти слова в кавычки, так как ни верха, ни низа нет). Улучшая *свой быт* , человечество не приблизится к вершинам духа, но, улучшая своё *внутреннее понимание* , оно улучшит и свой быт, это аксиома, которую Мы не изменили ни для кого. Есть ещё и иные стороны индивидуального подхода к жизни, следуя им, человек сразу приближается к самой Жизни и Её динамике, минуя то, что раньше его задержало бы на долгие годы. Жить полной, глубокой внутренней жизнью — вот второй лозунг века. Жить интенсивно — это не значит, конечно, захлёбываться в удовлетворении своих тщеславных желаний, а значит сознавать в себе пульс жизни и следовать ей. Сухие сердца — сухие сучья, они не способны впитать в себя соки жизни. Лишь сердца, полные влаги жизненного трепета, хорошо поймут, что кроется за словами: жить, жить и ещё раз жить!

Не усыхайте сердцем — это очень важно. Не дайте застаиваться жизни, а всегда проверяйте в себе её дыхание, её биение в вас, её аромат... Слишком люди склонны к статике, склонны к привычкам, к излюбленным мнениям. Мы говорим вам о том внутреннем усилии, которое всё рушит, что является преградой для Жизни, преградой для Света в сердце. Это и есть «пульс Жизни», Её творческое начало. Ищите его в себе! Там, где ростки сердца тихо вянут в тени внешнего благополучия, там нет «пульса Жизни». Жизнь не любит застоя. Она не вмещается в музеи ваших воспоминаний, её нет в воздушных замках вашего будущего, она трепещет в настоящем. И сумеет принять её огненную текучесть и вскрыть в своём сердце её живой огонь — это значит быть «факелом в ночи»!

— Это всё.

Я была снова в круглой комнате и стояла перед Учителем.

— Что повелишь мне ещё выполнить? — спросила я.

— Это всё, дитя. Иди и будь в духе. Теперь придёшь ко Мне через два дня. Если что-либо изменится, я извещу тебя через Нуми.

31 октября.

Я подошла к терраске. Она была пуста. Это было необычно и смутило меня. Я стояла и оглядывалась кругом. Всё было тихо, и никого не было видно. Вдруг со стороны фруктового сада я увидела Учителя. Он шёл в сопровождении двух учеников и что-то им говорил. Не доходя до дома, Учитель остановился, и ученики, поклонившись Ему, удалились. Учитель приблизился к дому.

— Я немного задержался, — сказал Он. — Входи, дитя.

Мы поднялись на терраску. Учитель вытер руки о полотенце и, сев в кресло, указал мне на скамеечку. Я села.

— Я хочу дать тебе несколько гигиенических советов, — сказал Учитель. — Я нахожу, что для «провода» надо больше сил. Питание необходимо. Кто тебе сказал, что не надо ничего есть? Не надо объедаться, но разумное питание необходимо. Ешь больше масла, молоко с водой, каши разные, но лучше овощи, фрукты. Советую — избегай чая, кофе и вообще крепких напитков, ничего возбуждающего, острого, очень солёного или много сладкого. Ты не должна переутомляться. Всегда ложись рано и вставай рано, часов в семь. Двигайся на свежем воздухе часа два-три в день зимой. Также следи зимой за теплотой *ног* и солнечного сплетения. Ещё очень полезны обтирания всего тела влажной фланелью. Очень рекомендую тебе тёплые ванны на ночь. Это было бы очень, очень тебе полезно. Помни, ты — провод, и вся твоя жизнь тела и духа должна быть согласованна. Не ищи бурных эмоций; умей вырабатывать в себе ту силу, которая животворит, а не поддавайся силе идущего на тебя нежелательного влияния. Ну вот, пока это всё. Одевайся просто, легко, красиво. Помни: Наш провод должен быть всегда опрятен и чист и иметь в глазах людей особую прелесть. Это всё внешние условия, имеющие значение. Иди с миром!

И Учитель отпустил меня.

День. 5 часов.

Подойдя к терраске Учителя, я испытала странное чувство. Словно воздух вдруг сделался упругой стеной впереди меня, которую я не могла пробить, чтобы приблизиться к Учителю. Когда я делала шаг вперёд, меня словно кто-то мягко, но упорно возвращал обратно.

— Учитель! — воскликнула я в горести. — Я не могу приблизиться к Тебе...

Учитель взглянул на меня и сказал:

— Всякий раз, когда ты будешь терять лёгкость духа, встанет эта незримая стена между тобой и Нами.

Учитель взмахнул рукой, как бы рассекая воздух, и эта упругая стена, мешавшая мне приблизиться к Учителю, рассеялась. Я поднялась на терраску.

— Сядь, — сказал Учитель, — Я тебе скажу небольшое Слово: Мы дали тебе и даём много. И ждём от тебя ответного усилия. Помни, нельзя ни на минуту останавливаться. Надо всё время идти вперёд, делая усилия. Там, где Мы поставим тебя, это будет легко, но помни — ничто не вечно и может настать миг, когда всё разрушится, что казалось так незыблемо (ты это уже испытала, и не раз!). И ты можешь быть поставлена в таком месте, о котором даже и помыслить не можешь. Иди с миром. И пребудь в духе. Завтра, как обычно, придёшь ко Мне.

И Учитель отпустил меня.

1 ноября. Утро. 8 часов.

Была на молитве.

В 9 часов.

Я подошла к терраске Учителя.

— Мир тебе, — сказал Учитель. — Входи, дитя. Ты сегодня, кажется, чувствуешь себя лучше?

— Да, Учитель.

Учитель положил мне руку на голову и сказал:

— Помни об устремлённости сердца, это главное. И будь сердцем светла, ясна и легка, это та атмосфера, в которой растёт твой дух. Вот книжечка «Золотых правил» — прочти дальше.

Я раскрыла и прочла:

- 1. Странник, помни, проходя полями Жизни, не улавливайся ничем преходящим.**
- 2. Помни, о, странник, что майя сладкозвучна и поёт и манит всеми голосами, но**

это только иллюзии, через которые должна пройти душа твоя.

3. Когда же ты достигнешь равновесия, то знай, о, поспешающий, что росток твоего сердца пророс в Вечное. мир всему сущему!

Я передала книжечку Учителю.

— Хорошо ли ты понимаешь, дитя, то, что ты прочла?

— Не знаю, Учитель... Думаю, что понимаю не больше того, на что я способна, — улыбаясь, ответила я.

— Я хочу тебе сказать о равновесии. Что есть равновесие? Это есть то состояние между умом и сердцем, когда они, уравновешенные, не вступают в борьбу друг с другом, а согласно поддерживают один другого, родив интуицию. Равновесие есть великая гармония, которая, вступив в сердце, даст чувство большого и расширенного понимания. Равновесие наступает, когда сердце, придя в возраст, уже не бьётся и не сжимается ни от радости, ни от печали, но всё принимает сверхлично, в одном общем понимании. Равновесие ума — когда ум твёрдо устойчив и не ищет всё новых и новых впечатлений. Он *знает*, он *мыслит*, а не предается хаосу неокрепшего сознания. Равновесие есть великая гармония мироздания, которая всё держит в состоянии равновесия, в таком состоянии, которое позволяет Жизни истинно творить. Равновесие есть Божественное дыхание. И, являясь в человеке, даёт ему возможность выявлять свою божественность. Это всё. Иди с миром! И приходи в пять часов.

День. 12 часов.

Я подошла к площадке роз. Меня встретила Анита и обняла меня.

— Где ты была все эти дни? Я так соскучилась без тебя! — воскликнула она.

— Я бывала на молитве.

— Да, но ты не была для нас «осязаема». Ты как бы спала. И лишь сегодня я вижу тебя, как всегда, прежней.

— Я была нездорова.

Анита пристально посмотрела на меня.

— Но это несерьёзно? Это всё пройдёт...

— Я надеюсь, — улыбнулась я.

— Ах, если бы ты жила в горах со мной! Как бы ты там чувствовала себя чудесно. Какой там воздух, какая тишина! Как бы там мы все любили тебя!

— И я бы, наверное, всех вас любила!

— О, да! Конечно... Ты не могла бы не любить... Это трудно даже тебе передать, до чего мы глубоко понимаем друг друга, как нам легко и спокойно и как мало мы стесняем свободу один другого, чем бы то ни было...

Мы встали на молитву. Учитель взошёл на площадку, Он был, как всегда, светел лицом, и чистота Его облика наполняла воздух как бы особым благоуханием.

— Мир всем!

— И Тебе, Учитель!

— Помолимся, братья!

— О, Высочайший! Прими нашу любовь и благоговение. Аминь.

Все:

— Аминь.

— О, Высочайший! Раскрываясь в сердцах наших, даруй нам свет прозрения и снизойди к слабостям нашим. Аминь.

Все:

— Аминь.

— О, Высочайший! Даруй нам творить волю Твою до конца дней наших. Аминь.

Все:

— Аминь.

— Идите, братья, в день ваш в мире сердца и пребывайте в духе.

И Учитель отпустил всех.

День. 5 часов.

Я подошла к терраске. Мне было очень трудно сосредоточиться, и мне казалось всё как в тумане. И я услышала голос Учителя: «Когда в тебе нет покоя и уверенности, тогда поднимается вихрь, и он засасывает всё то, что ты хочешь выразить, и ты не имеешь силы противостоять ему».

На этом всё закончилось.

2 ноября. Утро. 10 часов.

Взошла в круглую комнату. Она была ещё пуста. Я стала её рассматривать внимательно. Она была не совсем круглая, а скорее овальная. И в овальной её части стояли шкафы, полные книг. Мои наблюдения были прерваны приходом Учителя. Я низко Ему поклонилась.

— Ты давно здесь?

— Нет, Учитель, я только что пришла.

— Хорошо.

Учитель сел за стол и сказал:

— Сегодня передачи не будет.

У меня от огорчения болезненно сжалось сердце.

— Ты нездорова. Я скажу тебе несколько слов. Когда ты нездорова, то поднимаются особые вибрации, которые мешают чистоте передачи. И потому Я говорю тебе, что передачи сегодня не будет. Может быть, к вечеру, когда твои проводники окрепнут. Очень полезно тебе сейчас у моря быть, это очищает и оздоравливает. Нам известно, как важно при нездоровье тела держать его больше на свежем воздухе и даже не очень кутать. Конечно, благоразумие необходимо и здесь, но надо «уметь следовать». Прими мир и тишину духа и пребудь в здоровом равновесии. Это всё. Иди с миром! В пять часов придёшь снова.

День. 5 часов.

Я вошла в круглую комнату. Учитель был уже там и повелел мне принять передачу.

Каждому Мы даём, кто хочет приблизиться и пить из того источника, который пролит в мир, дабы утолить жажду и голод души.

— Это введение. Теперь пиши.

Приближается начало расцвета пятой арийской расы. И это сопряжено с такими катастрофами, которые переживает и будет ещё переживать человечество. Но Мы предвидим иные времена, и Мы строим настоящее во имя будущего. Уже начали появляться в мире Наши вестники, уже поднимаются ликующие сердца, уже возносятся в страдании души, чтобы причаститься к великой мировой Силе Единения, через боль, через любовь. Отданное стихиям человечество не могло бы удержаться, оно было бы уничтожено, если бы Мы не стояли возле него, если бы не были зажжены «сторожевые огни», не стояла бы «охранная стена» из помощников Наших светлых сил и начал.

Приближаясь к Свету, человечество в своей массе ещё инертно и тёмно. Но уже есть искры отдельных индивидуальностей, они воспламеняют других, и, таким образом, Мы ждём, что и массы просветлеют в постепенности. Мы смотрим в века, Мы не считаем днями или годами. Наш творческий год — ваш век. И всё же Мы внимательны и к вашему дню, и Мы охраняем жизнь во всём — и в самом малом, и в самом великом. Каждому из вас дана возможность просветления. Каждый может зажигать других силой своего экстаза, горения, вдохновения. Мы ждём вас! Мы готовы

протянуть руку каждому, кто сможет приблизиться к Нам. Но как Мы будем вам внятны, если вы глухи и слепы? Если Мы посылаем вам знаки — вы их не замечаете, если Мы направляем к вам Наших вестников — вы их не принимаете. Осознайте себя вполне ответственными, осознайте ясно, чего вы хотите и ждёте от себя. Чем шире раскроются ваши сердца, тем полнее изольётся в них Наша помощь. Имейте жажду Вечного! Ищите раскрыть Реальное в повседневном. Поверьте в силу и в осуществление своих тайных надежд! Ищите прочесть вдохновенные знаки, поданные Нами! И Мы не замедлим приблизиться. Ибо, когда ученик готов, Учитель ждёт его.

Сумейте найти каждый своё место в мире, найдите своё назначение, свою цель, ибо без этого вы — сухие листья, взметённые ветром по дороге .

— Это всё.

Я опять была в круглой комнате. Учитель стоял возле стола и разбирал рукописи.

— Иди с миром, дитя. Теперь придёшь через два дня, как обычно. Ты хорошо Меня слышала.

И Учитель отпустил меня.

3 ноября. 9 часов. Утро.

Я с большим трудом сосредоточилась. Наконец поняла, что мне мешает, сделала усилие в себе и, словно освобождённая птица, взлетела ввысь... Я шла по Саду Учителя. Было золотистое, осеннее утро. Стояла какая-то особенная тишина в воздухе. Все кусты, все деревья были одеты в яркие, осенние уборы. Ко мне навстречу по дорожке шёл Учитель. Он ласково улыбался.

— Пойдём, дитя, побродим по Саду.

И, положив руку мне на плечо, пошёл со мной дальше. В моё сердце вступили мгновенно мир и тишина. Особая лёгкость наполняла радостью.

— Смотри, — сказал Учитель, какая в воздухе тишина осени, когда вся природа готовится к зимнему сну и углубляется внутрь себя. Свершаются великие таинства в такой тишине, таинства перерождения. И сердца людей тоже перерождаются в великой тишине углублённости. Как важно быть гармоничными! Когда ты полна возвышенных и глубоких мыслей и чувств, тогда и твои проводники спокойны и все мелочи твоей повседневности тогда протекают легко и спокойно. Важно иметь эту лёгкость и ясность в сердце.

Мы подошли к пруду. Он был пуст. Его спокойная, зеркальная поверхность отражала синеву осеннего неба. Вокруг него поникли пожелтевшие водяные растения и торчали сухие травы. Учитель молча созерцал.

— Вот видишь, — сказал Он, — и тут увядание. Отмирает одно, чтобы весной возродилось другое. Таков закон. И он один для всех. Всё в мире совершает круг: расцвет, рост, созревание и умирание. И в этом нет ничего страшного. Когда человечество научится жить гармонично, то есть уловит ритм Вселенной, тогда многое в мире фактов будет иным.

Учитель ласково повернул меня за плечи к себе лицом и сказал:

— У тебя сердце чистое, вот почему ты приближена к Нам.

— Учитель, разреши спросить Тебя?

— Спрашивай...

— Что это значит, «сердце чистое»?

— Это значит иметь способность легко откликаться на всё светлое, что наполняет мир. Не задерживаться долго во мраке, а всегда стремиться ввысь и уметь быть радостной там, где другие видят причину только для уныния.

Учитель ласково смотрел на меня. А мне было радостно смотреть в очи Учителя.

— Иди в мир и неси Радость как стяг Наш, — сказал Учитель. И Учитель благословил меня, сказав:

— Иди и пребудь в духе.

День. 5 часов.

Я шла по дорожке Сада, и счастье озаряло моё сердце. Проходя мимо площадки роз, мне захотелось дать Учителю какой-либо вещественный «дар сердца». Я взошла на площадку, розы уже отцвели. На одном кусте я увидела тёмно-красную розу, а на другом, почти рядом, взлелеянную последним теплом осени, белую красавицу. Они обе были достойные дары Учителю. Я бережно их сорвала. Приближаясь к дому, я издали увидела Учителя. Он шёл мне навстречу. Его лицо было светло и улыбалось мне. Я низко, низко склонилась перед Ним и протянула Ему на ладони две розы.

— Прими, Учитель, в дар моё сердце!

Учитель молча взял их и приложил к глазам и ко лбу.

— Радость твоя дошла до Моего сердца, — сказал Он. — Мы сегодня не будем сидеть на терраске и не будем ничего читать. Мы пойдём в аллею, где видны снеговые вершины.

Учитель положил руку мне на плечо, и мы пошли рядом в великом молчании. Что такое счастье? Как оно появляется в сердце? Как описать его? Я не знаю. Я была счастлива.

— Понимаешь ли ты, дитя, всё значение того, что ты имеешь? — тихо спросил Учитель.

— Я боюсь, что не так глубоко и полно, как надо бы...

— Да, Я тоже так полагаю... Ты не осмыслила ещё, какой это великий и необычайный дар и как редко он даётся людям! Это Я тебе говорю не для того, чтобы вызвать гордыню, а чтобы ты *знала* и отдавала себе отчёт в том, *чем* ты владеешь.

Учитель замолк, и мы вступили в Его любимую аллею в молчании и сели. Горная цепь пламенела в лучах заката, и лишь яркая, белая, сверкающая, как алмаз, звезда чисто и ясно выделялась на одной из горных вершин. Чувство счастья росло во мне, ширилось в груди, и в глазах накапливались слёзы, но не могли излиться, так как казалось, что даже слёзы счастья не смеют литься в такие минуты. Тихо, очень тихо Учитель сказал:

— Видишь ли ты звезду там, в отдалении? Помнишь ли ты о ней?

Так же тихо я прошептала:

— Да, Учитель...

— Скоро, может быть, скоро ты будешь там со всеми Нами.

Словно огненный вихрь пронёсся в сердце от этих слов Учителя. Мне казалось, что я задохнусь от счастья. Я тихо склонилась к ногам Учителя и обняла Его колени. Учитель приподнял меня с коленей и, обняв за плечи, привлёк к Себе.

— Береги в сердце этот экстаз, этот огонь. Гори! Расточай свет вокруг себя. В этом твоё назначение.

Учитель замолк. От Него шла сила и передавалась мне вроде электрического тока, но без его неприятного ощущения и вызывая во мне блаженную бессознательность. Вдруг Учитель слегка отстранил меня от себя и встал во весь рост... И Свет, Свет, сверкание, равного которому я ещё никогда не видела, снизошёл от Него. Ослеплённая, я упала ниц. Когда, ошеломлённая, я очнулась, приподнялась и раскрыла глаза, Учителя уже не было. Но я слышала нежную музыку, звучащую в воздухе, где-то вдали, вдали... словно звучали далёкие арфы. Потом донеслись хоры голосов, которые тоже то доносились ближе, то словно относились порывом ветра далеко. И всё это родило в сердце такой трепет, такой восторг, доходящий почти до страдания, что я не умею вам этого описать. И сколько времени это длилось, я тоже не знаю. Я всё стояла на коленях, на дорожке, прижав руки к груди, словно в оцепенении. Из этого состояния меня вывел голос Учителя, раздавшийся сзади меня:

— Иди с миром, дитя! Запечатлей это и передай людям, чтобы и они были счастливы.

6 часов.

Я подошла к площадке роз. Вся наша маленькая группка стояла вместе и что-то обсуждала. Я приблизилась.

— Вот и она! — сказал Стивенс.

— Знаешь, мы говорили о тебе, — сказала Анита.

— Да, ты совершенно как-то выпала из нашего содружества за последнее время, — сказал Феликс.

— Я всё нездорова... А потом, друзья мои, я хочу спросить вас, чувствуете ли вы сегодня особенное, великое счастье?

— Как? И ты? — радостно воскликнула Анита.

— Это восхитительно! Все мы сегодня переживаем это! — сказала Астарта смеясь.

— Да, мы сегодня переживаем, каждый по-своему, какой-то великий трепет счастья, — серьёзно сказал Феликс.

— И сколько любви в сердце, — прошептала Анита.

Мы встали все вместе на молитву. Сгустились сумерки. Стало почти темно. Учитель появился на площадке роз. Он нёс перед Собой маленький светильничек, горевший голубым огнём, и стал обходить наши ряды, проходя мимо каждого из нас и каждого на мгновение освещая лёгким, голубым светом. Когда Учитель встал на Своё место, Он высоко поднял над головой светильничек и сказал:

— Мир всем!

И все ответили, склоняясь:

— И Тебе, Учитель!

И Учитель произнёс молитву. Его светильничек, горевший в Его высоко поднятой руке, был похож на голубую звезду, тихую звезду вечернего неба. После молитвы Учитель сказал:

— Друзья мои! Этот светильничек — эмблема вашего сердца. В каждом из вас мерцает в сердце светильник. Он мал. Но от малого огня зажигаются великие пожары... И помните, что всякий огонь есть часть Единого Мирового Пламени. Этот светильник слабо мерцает, когда он один, но взгляните...

С этими словами Учитель слегка подбросил светильничек в воздух, и он, как лодочка, поплыл по воздуху и остановился посередине площадки над «островом роз». И мгновенно вокруг него появились сотни маленьких голубых язычков пламени, дрожащих и мерцающих в тёплом вечернем воздухе. И всё это вместе было прикрыто сверху как бы нежным розовым облаком, тоже излучающим свет. Это образовало в целом огромный розовый цветок, перевернутый вниз, внутри которого струилось и переливалось серебром голубое пламя. И это было не только прекрасное зрелище, но это вызывало трепет в сердце и содрогание восторга и благоговения. И Учитель говорил:

— Это эмблема вашего общего сердца, объединённого Нашей любовью. Идите в мир и несите людям радость, несите глубокий покой ваших сердец и помните: вы не одиноки. Вы все — одно целое, соединённое Нашей любовью. Идите и будьте счастливы!

И Учитель благословил всех. Мы безмолвно обнялись с Анитой, потом со Стивенсом, с Астартой и Феликсом. Сердцу было тесно, хотелось обнять весь мир. Боже, какое счастье ожидает сердце, стремящееся к Тебе!

4 ноября.

Молитва в восемь часов.

В 9 часов.

Я подошла к терраске Учителя. Он стоял на ней, как бы собираясь уходить. Голова была повязана лёгким белым шёлком.

— Прими мир сердца! Сегодня утром Я занят. Ты придёшь ко Мне в пять часов.

И Учитель отпустил меня.

В 5 часов.

Я подошла к терраске. Учитель молча сделал мне знак приблизиться и сесть у Его ног. Учитель был задумчив. Его прекрасное лицо было серьёзно, и глаза смотрели вдаль. Великая тишина овевала меня. Наконец Учитель тихо сказал:

— Открой глаза и запиши Мои Слова.

Трепет священной Любви в сердцах людей означает их возрождение. Умейте учуять в себе любовь и дайте ей раскрыть крылья зари огненной. Не таитесь и не бегите от любви. Через неё счастье осенит сердца ваши. Там, где сердце, как кафельница, курится фимиамом любви, там вечное сверкание света, славословие и благоухание счастья. Пребудьте мудрыми в сердцах ваших и умейте принять не только *выражения* любви, но и её *силу*. Пребудьте сверкающими, когда любовь коснётся вас, ибо она животворит. И подобная звезде, в сверкании, она подымлет ваше сердце как жертвенную чашу и проливает в мир его благоухание.

— Всё.

Я снова была возле Учителя.

— Встань на колени, — сказал Учитель. — И Я благословлю тебя на великое счастье, на великую муку и на сверкание.

Я склонилась перед Учителем, и Он благословил меня. Когда я подняла лицо и взглянула на Учителя, в Его глазах сверкали как бы непроливающиеся слёзы.

— О, Учитель, — прошептала я, склоняясь ниц...

— Глаза Учителя провидят дальше, чем глаза ученика. И слёзы Наши не стынут... Иди, дитя, и пребывай в мире сердца!

И Учитель отпустил меня.

5 ноября. Утро. 10 часов.

Я вошла в круглую комнату. Учитель был уже там. Я принесла в сердце глубокий трепет любви и благоговения и безмолвно вознесла их к Учителю. Учитель повелел мне принять передачу в слухе.

Только тот, кто имеет волю, направленную в гармонии с Нашей волей, достигает той гармонии, что даёт великое счастье и покой сердца. Мы не предпринимая судьбы людей, они сами строят её. Но Мы можем помочь им укрепить те или иные начинания. Мы можем, как опытные садоводы, помочь растению, но никто не властен дать растению ту жизнь, которая его животворит. Умеющие распознавать и следовать Законам Жизни познают лёгкость сердца, покой внутренней глубины и свершение. Что есть свершение? Эта та наивысшая точка, которая доступна душе в данный момент ее развития. Мы желаем, чтобы возможно большее число людей получили это «свершение». Мы хотим, чтобы над землёй, как благоухание весны, пронеслась Наша весть о том, что никто не брошен, никто не забыт в общей мировой гармонии, что там, где сердце уже готово раскрыться, оно приобщается к общей радости мира. Учитесь жить! Не противьтесь Жизни. Она чудесно поведёт вас, если вы не утратили дара чувствовать и мыслить самостоятельно, если вы не погребли себя в своих доктринах, в своих привычках мыслить, в своих ничтожных делах и чувствах. Мы можем много дать тому, кто может вместить много. Нет скупости в Нас, но есть целесообразность. И там, где всё уже мёртво, ничто оживить не сможет, только сила нового воплощения, которая даст новые возможности для раскрытия человека. Мы к вам подходим тогда, когда вы полны силы, чтобы принять Нашу весть. Но когда вы скорбите от несовершенств своих, Мы тоже посылаем вам Улыбку, очищая горечь ваших слёз и посылая утешение и надежду. Учитесь владеть собой! Научитесь владеть своей волей. Научитесь направлять её по указанному ей вами руслу, и вы оздоровитесь. Не ждите всё время помощи и не предавайтесь преждевременной дряхлости. Помните: *в вас — сила, в вас — воля*, а Мы только кормчие, дающие общее направление всему, но не принуждающие никого. И примите мир и тишину сердец, тех сердец, которые достигли вершин бытия и *знают* и полны сострадания, милосердия и любви ко всем.

— Всё.

Я снова была в круглой комнате. Учитель благожелательно посмотрел на меня.

— Иди с миром! В пять часов опять придёшь ко Мне.

День. 5 часов.

Я вошла в круглую комнату. Учитель был уже там. Я низко поклонилась.

— Сядь, дитя. Ещё есть время, — сказал Учитель, погружённый в какие-то рукописи. И вдруг Он сказал несколько слов отрывистым голосом на непонятном мне языке. И тихий голос незримого мне существа ответил Ему на том же языке. Потом мимо меня пронеслось нежное, но сильное благоухание... Учитель собрал бумаги и сказал:

— Теперь прими передачу в слухе.

Возникают в жизни новые запросы и требуют ответа. Нарождаются новые веяния и по-иному звучит голос жизни; хотя жизнь и одна и та же, но творчество её разнообразно и неиссякаемо. Поймите, что вы живёте в веке великих перерождений и зарождения новых ценностей духа. Поймите, что Мы только слуги ещё более высочайших Существ, которые дают Нам сейчас указания излить в мир силу, ту силу, которая приведёт в движение инертную массу людей. Сейчас Нами брошены в мир новые лозунги, новые понятия, но, низведённые в мир людей, они уже теряют свою яркость. Наша сила, соприкасаясь с вами, искажается. Пусть же вестники Наши, эти горящие факелы, зажжённые сейчас по всему миру, во всех областях вашей жизни, в творчестве различных и всевозможных оттенков, пусть их свет озаряет мрак, пусть поднимутся новые волны жизни, так как настали сроки.

— Всё.

Я снова была в круглой комнате.

— Подойди ко Мне, — сказал Учитель.

И я подошла к Нему.

— Вот тебе Мой дар. — И Учитель подал мне бумажку, сложенную в четверть. — На этом листе начертано священное слово, — говорил Учитель, — приложи её, не разворачивая, ко лбу, между глаз, к сердцу, к солнечному сплетению и к гортани.

И по мере того как Учитель говорил, я прикладывала листочек бумаги, куда указывал Учитель, и от тела стал распространяться нежный свет, от прикосновения этого чудесного дара.

— Теперь дай Мне обратно этот листочек, — сказал Учитель.

Свет на моём теле медленно угасал, но не погас совершенно. Я ощущала теплоту всюду, куда было приложено скрытое священное слово.

— Это оздоровит твои проводники, — сказал Учитель. — Иди с миром. Придёшь ко Мне через два дня.

И, благословив воздух над моей головой, Учитель отпустил меня.

6 ноября. 8 часов.

Я шла на площадку роз и спешила на молитву. Меня догнал и пошёл рядом ребёнок-брат. Его мудрые, недетские глаза смотрели ясно и доброжелательно. Мы улыбнулись друг другу, но не сказали ни слова. На молитве мы стояли рядом. После молитвы я нагнулась к нему и спросила:

— Как твоё имя?

— У меня ещё здесь нет имени, — ответило дитя. — А твоё?

— Астра.

— Какое чудесное имя! Я чувствую от него исходящий свет, как от звезды... «Астра» — это значит звезда. Прекрасное звёздное имя! — повторило дитя улыбаясь.

И мы расстались.

9 часов.

С очень большим трудом сосредоточилась и вошла в Сад. Я подошла к терраске, и Учитель разрешил мне приблизиться к Нему. Я рассказала Учителю, как трудно мне было сейчас сосредоточиться.

— Это от ослабевшего физического проводника, — сказал Учитель. — Сейчас Я дам тебе лекарство.

И Учитель ушёл в комнату и скоро вынес оттуда маленький стаканчик с жидкостью.

— Выпей это сразу.

Я выпила, и словно огонь обжёг меня.

— Это тебе поможет, — сказал Учитель. — Через три дня ты будешь здорова. Иди с миром! Соблюдай покой тела.

И Учитель отпустил меня. (Я сильно болела тогда и не могла встать на ногу. А мне надо было уезжать. Через три дня я стала ходить.)

День. 12 часов.

Я шла на молитву. По дороге меня обняла Анита. Заглядывая мне в глаза, она радостно говорила:

— О, моя дорогая! Как полна, как счастлива моя жизнь в горах! И вместе с тем, как она проста, как гармонична. Как важно окружение! Те, кто около меня, так высоко благородны, такие одухотворённые сердца. Мы все понимаем друг друга с полуслова, с полунамёка. Я сейчас задумала картину: горы... Узкая, скалистая тропинка уходит в горы, внизу — пропасть. А над пропастью повисло деревце дикой, цветущей яблони... Вот и всё. Но в этом должно быть столько нежности, столько высокого настроения и счастья жизни в этой цветущей яблоне, столько обещаний в этой скалистой, уходящей в высоту гор тропинке. Ну, я не знаю... Я ещё не умею тебе передать всего этого словами... Но я чувствую, что напишу это хорошо.

Мы подошли к площадке и встали на молитву. После молитвы Учитель благословил и отпустил нас.

7 ноября. 8 часов.

Молитва.

— Мир всем!..

После молитвы Учитель сказал:

— Возлюбленные! Сегодня каждому из вас я хочу дать маленькое задание: пребывая на дню вашем, поставьте себе задачу сохранить мир, свет сердца на весь день, чтобы ничто не омрачало его, ни скорбь, ни обида, ни раздражение, ни иное что. Пребудьте в мире и в тишине сердца!

И Учитель отпустил всех.

9 часов.

Я подошла к терраске.

— Мир тебе! — сказал Учитель.

И я почувствовала этот мир в сердце и лёгкость.

— Сядь, дитя. Я вижу, что тебе теперь лучше?

— Да, Учитель!

— Тогда возьми книжечку и прочти дальше. Мы давно с тобой её не читали.

Я раскрыла и прочла:

1. Странник, подымаясь в горы, не носи тяжестей на своём горбу, ибо каждый твой шаг будет утяжелён ношей и чем выше ты будешь подниматься, тем сильнее она согнёт тебя.

2. Ибо надлежит освободить себя от всякой ноши раньше, чем ты начнёшь своё восхождение, дабы не приковалось твоё внимание больше к самой ноше, нежели к пути.

3. Ибо помни, странник, достигая вершин, приходят туда свободные и освобождённые от всякой ноши, имея помыслы в Вечном. Мир всему сущему.

— Закрой книжечку, — сказал Учитель. — Ты поняла всё, дитя моё?

— Я полагаю, что поняла. Но я была бы счастлива, Учитель, услышать Твои пояснения.

— Не утяжеляй пути своего ношей... Это значит не только не иметь желаний каких-либо материальных благ и радостей мира, но и привязанностей ко всем близким и заботу о них, которая отнимает у человека столько времени. Но это не значит, что человек, прочитав эту главу, сейчас же бросит все заботы о близких и делается к ним жестоким и равнодушным. Это «освобождение от ноши» приходит не от внешнего, а от внутреннего человека. Когда человек действительно и на самом деле готов подняться к высотам, от него всё отпадает само, как шелуха, и ничто не сможет его удержать в его устремлённости. Но горе тем, которые воспримут только букву! Они повлекут за собой ещё худшую ношу: себялюбие, чёрствость, сухость сердца и эгоизм. Ибо не обладает ещё их сердце тем светом, который уже никого ни ранить, ни заставить страдать не может. Идти к высотам духа — значит быть совершенно лёгким, совершенно светлым. И в отрешённости своей человек полон любви и сострадания и милосердия, хотя ему самому ничего не надо, но он готов отдать всё, вплоть до жизни. Научиться быть слугою всех — трудный урок, и не каждому он доступен. Но благо тем, которые проходят его, не испытывая тяготы, а переполненные светом любви, которая даёт, не считая, и не соревнуется ни с кем. И ещё скажу тебе, дитя, что бывают в жизни сердца мгновения, когда оно ещё *должно* быть счастливо земным счастьем. Пусть не остановит это тебя, и не впадай в сомнения, а прими это счастье, памятуя: там, где счастье коснётся сердца твоего, там сердце ещё шире раскроется и изольётся в мир. Ибо путь твой не через рассудочные измышления, а через горящее огненно сердце. Иди, дитя, и будь в мире!

И Учитель отпустил меня.

5 часов.

Я вошла в Сад Учителя. В воздухе стояла особая тишина приближающегося вечера... Под ногой шуршали опавшие листья. Воздух был свеж и лёгок. Около площадки роз я встретила Учителя.

— Я гуляю по Саду, — сказал Он. — Я люблю этот час перед закатом. И мы с тобой походим вместе.

Учитель слегка охватил рукой мои плечи и повёл рядом.

— О, Учитель, дозволь мне спросить Тебя!

— Спрашивай...

— Как сделать, чтобы всегда быть солнечной, радостной, быть, как этот жёлтый лист, насквозь пронизанный солнцем! Чтобы не наплывали на тебя откуда-то мгновения раздражения, уныния, сомнения и всякие мелкие и пошлые мысли и чувства, которые оставляют после себя такой отпечаток грусти и горечи, словно уронил в грязь что-то очень чистое. Научи, Учитель, как сделать, чтобы не было этих моментов!

— Ах, дитя, а между тем это так просто! Для этого только не надо *забывать*, что твоя сущность «головой касается звёзд», и все маленькие неприятности её земной сестры это такие незначительные вещи, что им не стоит отдавать ни сил, ни значения. Живи и помни, что твой *Дух* гораздо выше, чем все эти пустяки. Тучи закрывают солнце, но оно светит и за тучами... И ещё Я бы не хотел, чтобы ты *забывала* обо Мне...

— О Тебе, Учитель?! — воскликнула я в изумлении.

— Да. Потому что Я живу в твоём сердце. И всякий раз, когда ты хочешь освободиться от навязчивых и неприятных мыслей, вспомни обо Мне, и ты увидишь, как появится

правильное отношение ко всякому событию, к каждой вещи.

Мы в молчании шли по дорожке.

— А теперь Я хочу спросить тебя, — тихо сказал Учитель.

— О, спрашивай меня обо всём!

— Я хочу спросить, помнишь ли ты данный тобой обет, начертанный в книге? — очень тихо спросил Учитель и, остановившись, отвёл меня в сторону рукой и пристально глядя мне в глаза.

— Да. Помню, Учитель.

— Так знай, скоро Учителя потребуют от тебя выполнения некоторых их заветов, и ты должна будешь следовать им беспрекословно. Готова ли ты?

— Да, Учитель!

— Да будет так! Иди с миром! Я пойду дальше один.

И Учитель отпустил меня.

8 ноября.

Я вошла в дом Учителя. Учитель уже был в круглой комнате. Он писал и сделал мне знак сесть и ждать. Скоро Учитель кончил, и, засыпав рукопись каким-то огненного цвета порошком, отодвинул её, и спросил меня, готова ли я принять передачу. И Учитель продиктовал мне в слухе.

Источник радости — сердце ваше.

Каждому из вас дано сердце, но не каждый из вас представляет себе, что такое это сердце, какой это великий источник Света, глубокой Радости и Силы. На основании опыта, добытого наукой, вы знаете о физическом строении сердца, о его физиологических особенностях, но это даёт знание только внешней его, физической, формы. В сердце сосредоточен очаг духовной жизни. Это очень тонкий и нежный орган, откуда идут и куда притекают волны духовных вибраций. Сердце имеет бесконечно тонкое и изящное строение на духовном плане. Оно напоминает собой цветок. Но «цветок» — это двери, ведущие в глубину. Эта глубина неизмерима, она имеет способность увеличиваться по мере роста человека. Сердце — источник жизни не только физической, но и психической. Когда духовная жизнь сердца разбужена и лепестки цветка начинают своё гармоничное вращение и ясный (персиковый цвет) свет начнёт излучаться из него, тогда человек сможет начать погружаться в его глубину. Через сердце приходят великие откровения и через сердце человек приближается к познанию Величайшего. Сердце — источник всяких чудес, и жизнь его разнообразна и богата, когда оно находится в полном расцвете своих психологических сил. Центром мысли считается мозг. В некоторых случаях это правильно. Но в жизни духа *центр* сознания переносится в сердце, и оттуда человек научается познавать сокровенное. Жизнь сердца, когда оно начинает двигать всей жизнью человека, приводит в движение и все его психические силы. Истинный человек есть сущность, имеющая органы не только в физическом теле, но и в психическом человеке. И когда эти органы начинают развиваться, психический человек начинает проявляться. Духовность, когда она правильно развивается, даёт силы для творчества не только во внешнем мире, но и во внутреннем. Жизнь человека обогащается новыми, чудесными свойствами, посредством которых он приобщается к счастью всего мира. Человек духовный, озарённый светом раскрывшихся психических сил, весь истекает светом. Любовь проходит по чистым проводникам и неискажённая выливается в мир. Ищите раскрыть жизнь сердца вашего! Через сердце вы приобщитесь к жизни своего Духа и сольётесь с Жизнью в полном единении.

— Всё.

— И запиши ещё:

Нами посланы сейчас в мир высокие Сущности. Они живут сейчас на земле между вами, ходят и дышат в вашей жизни, и от них исходят волны света, которые доступны тем, кто умеет слышать, умеет жить, чувствуя великое таинство Жизни, Её Реальность, Её истинную Красоту и Значение. Люди, положите в основу вашей жизни — *жизнь сердца* . Стремитесь понять, облагородить то, что вы имеете, и тогда вы увидите сами истинное значение всего, сказанного вам.

Теперь всё.

Я снова была в круглой комнате, и Учитель отпустил меня, повелев прийти в пять часов.

5 часов.

Я вошла в круглую комнату. Учителя ещё не было. Я села за стол и стала беззвучно молиться: «О, Учителя Мудрости! Услышьте меня! Дайте мне сил и твёрдости воли и бодрости быть верной обету, данному мной. Никогда не изменять ему! Я хочу идти тем путём, который я избрала, никто не может помешать мне. Но Ваша помощь нужна мне. О, Учителя! Примите моё сердце, полное любви к вам, услышьте мольбу мою... Простите мне моё несовершенство и укрепите мои силы...

Я молилась, сдерживая слёзы и горячий трепет. И вдруг услышала сзади себя тихий голос Учителя:

— Аминь!

Я встала и поклонилась Ему.

Аминь! — повторил Учитель. — Твоя молитва услышана и принята. Это хорошо, что ты молилась. Сядь, дитя, и запомни, что я тебе скажу. Ты принята Нами не за достоинства. Не качества тут играют роль, тут имеет значение твоя сущность, и она знает в своей сокровенной глубине очень многое, и *ей Мы поручаем то, что тебе сказано Нами* : передай в мир людей весть Нашу! И потому будь спокойна. Верь в *себя* , в свою истинную *Сущность* , а в остальном приложится помощь Наша. Прими сейчас передачу в слухе.

Излучения просветлённого сердца подобны излучению солнца, оно распространяет свет и тепло далеко от своей окружности.

Свет! Что есть этот Свет, какая способность скрыта в человеческом сердце, что оно может излучать свет и тепло вокруг себя, одним своим присутствием наполняя мир осиянной тишиной и миром чистоты. Пора людям принять те истины, которые им внятно говорят о тех скрытых силах, которыми люди могут овладеть. Если человек сможет раскрыть в себе эти силы, он соприкоснётся с чудесным источником счастья, того счастья, которое не заимствует своих лучей ни от чего внешнего, но питается глубиной сердца. Люди ищут счастье где-то вне себя и думают, что оно принадлежит внешним вещам, обладание которыми даёт «счастье». Но счастье лежит только внутри сердца человека, и оно ждёт того мгновения, когда вы сумеете коснуться его. Когда вы перестанете искать счастье вне себя, вы сможете тогда услышать его тихий шёпот в своём сердце. Люди! Ищите раскрыть в себе этот осиянный Свет, который даст вам глубину понимания того, что есть истинное счастье.

— Это всё.

Я снова была в круглой комнате.

— Иди с миром, дитя, придёшь ко Мне через два дня.

И Учитель отпустил меня, благословив.

9 ноября.

Утром в восемь часов. Молитва. После молитвы, когда Учитель уходил с площадки, я подошла к Нему.

— Разреши, Учитель, сказать Тебе.

— Говори.

— Я сегодня не смогу в пять часов быть у Тебя. Дозволь мне проводить Тебя хотя бы сейчас до Твоего дома?

— Пойдём.

Мы шли в молчании. Не доходя до дома, Учитель остановился, светло взглянул на меня и сказал:

— Прими мир Мой! Иди в мир и будь светла и радостна.

И Учитель отпустил меня.

10 ноября. Утро. 9 часов.

Я подошла к терраске.

— Входи, дитя, Я уже знаю, что в твоей жизни произошла перемена.

— Да, Учитель. И Ты знаешь, что новые вибрации мешают мне быть очень чуткой.

— Нет, так ты не должна думать. Ты должна верить, что ничто тебе помешать не может. Мы даём тебе два-три дня, во время которых могут быть перебои, но в общем держись твёрже своего пути. *Это* главное, а потом всё остальное. Погоди, дитя, Я дам тебе на время, пока ты не привыкнешь к новым вибрациям, один дар...

Учитель ушёл в комнату и скоро вернулся, держа в руке какой-то узенький обруч, как мне показалось, сплетённый из какого-то тёмного, непонятного мне материала. Учитель надел это мне на голову.

— Это поможет тебе, — сказал Он. — Иди с миром!

11 ноября.

Я шла к Учителю в горах. Навстречу мне из дома Учителя вышел Нуми. Я радостно приветствовала его. Он молча низко мне поклонился и прошёл мимо. В круглой комнате уже был Учитель. Он повелел принять мне передачу в слухе.

Достоинство человека — это его возвышенные чувства.

Так как люди не хотят и не умеют постичь счастье в духе, то жизнь ведёт их по скалистым уступам внешних переживаний и учит, изживая эти уроки, понимать истинное значение Жизни. Там, где люди прикоснутся к высшим ценностям духа, там откроется им совершенно новое, особое понимание Жизни. Если в сердце у человека нет доверия к Жизни, он и не ощутит ни Её помощи, ни Её нежной ласки. Только при условиях полного доверия Жизнь чудесно раскрывается навстречу ищущему сердцу.

— Передача закончена. Прими мир и тишину сердца!

Я снова была в круглой комнате. Учитель собирал рукописи со стола.

— Иди с миром. Больше не будет ничего до пяти часов.

И Учитель отпустил меня.

5 часов.

Я вошла в круглую комнату. Там никого не было. Я села около стола и, облокотившись, закрыла глаза и молилась: «О, Высшие! Даруйте мне не расплескать сердце и сохранить дарованное Вами, ибо это самое ценное и самое важное...

И голос Учителя повторил около меня:

— Да, самое главное и самое важное!

Я встала и поклонилась Учителю.

— Прими передачу в слухе, — сказал Учитель.

Тот, кто владеет мудростью, владеет всем.

Что есть мудрость? Откуда она появляется и каковы её свойства? Так спрашивает ученик, и Учитель отвечает: Мудрость есть наивысшая точка разумения, когда сочетаются покой сердца и покой ума в великом равновесии мирового ритма. Мудрость есть покой не только сердца и ума внешнего человека, но это есть глубокое проникновение сердца в мировую сокровищницу и познание скрытых причин всего. Мудрость не достигается посредством изучения каких-либо сложностей. Мудрость принадлежит каждому просветлённому сердцу, раскрытому в понимании Жизни. Мудрость полна сама в себе. У мудрости не много слов, но восприятие мудрого глубоко, возвышенно и отрешённо. Истинный мудрец ничего не домогается, он уже ничего не ищет, он нашёл. Он осуществил в себе Жизнь. Это и есть истинная мудрость, о, ученик, ибо она руководится любовью к Истине и Истина руководит ею. Так Учитель мудрости говорил ученику своему, и он в благоговении внимал Ему. Да примут мир и покой сердца всех, кто слушает Меня!

Я снова была в круглой комнате. Учитель сидел, слегка откинувшись на спинку кресла и смотрел на меня живыми, весёлыми глазами:

— Подойди, дитя! — сказал Учитель.

Я подошла.

— Как ты себя чувствуешь?

Я не знала, что ответить и к чему этот вопрос относился — к здоровью ли, которое так чудесно исцелил Учитель, или к душевному самочувствию.

— Я чувствую себя хорошо, — прошептала я.

Глаза Учителя всё улыбались.

— А Я тебя спрашиваю, как ты чувствуешь себя?

Я молчала в замешательстве.

— Помни, Мы решили дать тебе испытание. Готовь силы и будь готова принять новые дары Наши. Иди с миром!

И Учитель отпустил меня.

12 ноября. 9 часов.

Я подошла к терраске. Я не чувствовала себя устойчиво и с трудом достигала сосредоточенности. Учитель ласково встретил меня.

— Садись, — сказал Он. — Ну, что ты принесла с собой?

— Боюсь, что много мусора...

— Это неизбежно. Ты переживаешь и ещё будешь переживать этот период ломки очень болезненно. Но это обойдётся... Главное, помни, что бы то ни было, но ты несёшь в мир жизнь своего сердца и *оттуда* должна черпать и мир, и возвышенные чувства. Не давай себе погружаться во внешний мир, забывая о сокровенном в сердце. Мы тебя направляем. Мы тебя ставим в мир людей, которым ты будешь говорить о том, что Мы передадим тебе. Ты понесёшь в мир свет и жар своего сердца. И в этом твоё назначение. А сейчас Я тебе дам средство для предохранения от вредных вибраций.

Учитель вышел из комнаты и скоро возвратился, неся маленький кусочек чего-то похожего на деревянную дощечку.

— Потри этим кусочком между глаз, глаза, уши, лоб, гортань, области сердца и солнечное сплетение. Это предохранит тебя от вредных вибраций. Пребудь в мире, дитя, и иди. *Мы не оставим тебя*. И время от времени ты будешь возвращаться в природу и пополнять свои силы. А пока ты нужна в мире людей.

И Учитель, благословив, отпустил меня.

14 ноября.

Я вошла в круглую комнату. Учитель был уже там. Он повелел мне сосредоточиться

вниманием и в слухе принять передачу.

Различными способами доходят люди до познания Истины. Тем, которые ещё только начинают свой путь, ещё и в чём не утвердились, даны многие переживания, разнообразные опыты, которые должны в них пробудить понимание. Пока люди заняты каждый самым собой, они не смогут постичь ничего ценного для их духовного просветления. Когда же они начнут отходить от самих себя, они начнут постигать своё назначение, и тогда начнёт увеличиваться в них сила, которая поможет их свершению. Мы хотим, чтобы люди вложили искание духовной жизни в каждый свой день. Не отводили для этой цели только часть времени, но весь день был построен на интенсивной жажде Истины. Имейте истинное понимание Жизни! И пребудьте в духе!

— Всё.

Я снова была в круглой комнате. Учитель отпустил меня, сказав, что сегодня больше передачи не будет.

15 ноября.

Я стояла возле дома Учителя в горах и мысленно просила разрешения войти к Учителю. Голос сердца сказал: «Иди. Учитель в зале». Я поднялась по знакомой лестнице вверх и в дверях залы низко поклонилась Учителю. Он сидел за столом.

— Входи, дитя, и подойди ко Мне.

Я приблизилась к Учителю.

— Да будет мир тебе! Сегодня передачи не будет. Но я поговорю с тобой. Пойдём!

Учитель встал, и я последовала за Ним. Мы спустились в круглую комнату. Учитель сел за стол и указал мне место рядом.

— Сядь, дитя, и послушай, что Я тебе скажу. Помни, ты Наш вестник! И на тебе лежит огромная ответственность. Умей принять её и подойти к ней правильно. Храни этот дар в сердце и не расточай огня своего на ненужные страдания. Мы знаем всё о тебе. Мы дали тебе помощь. Помни, не позволяй страстям делать тебя центром их вихрей. Стой твёрже. Устремлённа будь! Прими *всё* в благе. Мы знаем, *что* надо тебе сейчас дать, и Мы посылаем. Прими благо Наше! Подойди ко Мне и встань на колени.

Я подошла и опустилась на колени у ног Учителя. Он возложил мне на голову руку и сказал:

— Прими мир и покой в сердце и в мысли. Пребудь в духе.

И Учитель отпустил меня.

17 ноября. 5 часов.

Я шла по Саду Учителя и обратила внимание, что уже почти темно. Я уже не различала отдельных кустов, розы уже отцвели. И в Саду Учителя природа готовилась к зимнему сну. На терраске белела фигура Учителя. Мне казалось, что я очень, очень давно не видела Его, и в сердце сейчас трепетала радость.

— Входи, — сказал Учитель.

Он стоял возле перил, облокотившись о деревянный столб терраски.

— Завтра, в десять часов утра ты будешь у Учителя в горах. Я рад, что твоя жизнь начинает выравниваться. Ты должна помнить, что тебе сейчас даны наилучшие условия для нашей работы через тебя. Что есть работа Учителя? Всё, что встречается на твоём дне, есть Наша работа. Кроме того, тебе дана новая жизнь для специальной, творческой работы, которую ты будешь вести. Тебе дана руководящая линия, которой ты будешь следовать. Твоё всё окружение должно быть созвучно ей. Надо уметь с полунамёка понимать всё, что Мы говорим тебе и творчески передать это в мир. Ты — стрела, пущенная Нами, и ты должна уметь попадать в сердца людей. Но для этого ты должна быть всегда в духе, в силе и в бодрой энергии. И тогда вдохновение и творчество будет сопутствовать тебе. Приблизься,

дитя...

Я подошла к Учителю и встала совсем близко против Него. Его руки любовно легли мне на плечи, а глаза смотрели с теплотой, которую я ощущала больше сердцем, чем взглядом...

— Живи в духе! — повторил два раза Учитель. — Если ты сумеешь внести жизнь туда, куда Мы укажем, — твоя миссия будет выполнена. И отныне твоя жизнь принадлежит Нам. Помни обет, данный Нам тобою. Когда придёт срок, ты ещё будешь позвана Нами. А пока пребудь в духе и в мире!

И Учитель отпустил меня.

6 часов.

Я подошла к площадке роз. Было совсем темно. Меня обняла Анита.

— Дорогая! Где ты была так долго? Где ты была? — радостно и взволнованно спрашивала она. — Я так давно тебя не видела!

— Ты переехала в горы, Анита, а я переехала в город. В моей жизни тоже произошла большая перемена. Я приехала к людям, о которых так недавно я ещё ничего не знала, а теперь они — мои родные.

— Ну, будь счастлива! Будь счастлива! — с жаром сказала Анита.

— Ну, а как ты? Как твоя картина?

— Я начала её... Но идём на молитву. Пора уже.

Мы встали в круг. Странный, синеватый свет исходил от всех нас и озарял темноту. «Звёздный свет», — подумалось мне. Но когда появился Учитель, я была поражена тем светом, который исходил от Него. Он был весь озарён и ясно виден в темноте. Его свет освещал далеко вокруг Него.

— Мир всем! — сказал Учитель.

— И Тебе, Учитель!..

После молитвы Учитель сказал:

— Дети, каждому из вас и всем вместе Я даю Мой мир и благословение!

18 ноября.

Я вошла в круглую комнату. Учитель был уже там. Он повелел мне приблизиться и сесть.

— Я хочу дать тебе несколько указаний относительно твоей внешней жизни сейчас. Так как ты переехала в город, то и ритм твоей жизни должен быть немного иной, чем когда ты жила среди природы. Но по возможности он должен быть согласован с прежним. В восемь часов молитва остаётся в силе. В девять часов ты будешь у Учителя в Саду. А ко Мне будешь приходить в десять часов не каждый день, а по назначению. В двенадцать часов молитва. В пять часов передач больше не будет, а от двух до трёх дня каждый день этот час будет для Наших передач. В шесть часов вечера молитва и в двенадцать часов ночи (очень желательно!) молитва. Питание в одиннадцать утра и в пять дня. Обязательна прогулка во всякую погоду от двенадцати до часа или после трёх до пяти. Помни, что ты должна написать книгу Наших статей, а кроме того будут даны ещё передачи в разные моменты дня, по мере надобности. Это пока всё. А сейчас прими передачу.

Прилив и отлив — вот ритм мировой энергии. Он во всём, как в самом малом, так и в великом. С этим надо уметь считаться, и надо уметь настроить себя согласно мировому ритму. Он выявляется обычно в людях как подъём и упадок их эмоциональных сил, в волнах их настроений, в их ментальной повышенной и пониженной. Но кроме того, он проходит как могучая сила роста человеческого сознания. Расцвет и отцветание — это закон всего. Мировой ритм имеет волны более широкого диапазона, но все они идут из одного Центра. Быть созвучными с этой мировой Гармонией — очень важно. Распылённость чувств и мыслей создаёт

неуверенность, неточность, дисгармоничность. Слиться с мировой Энергией — это значит чувствовать её глубокое дыхание в своём сердце и дышать в ритме с нею. Мир физических форм значительно разнится от мира духовного, но законы общие, хотя и видоизменённые сообразно тонкости субстанции данной формы. Есть ещё гармония высочайших сфер. Её колебания настолько тонки, что настроиться сообразно их колебанию для физического человека не является возможным и они для земного воплощения как бы атрофируются. И лишь достигшие высочайших сфер духовности могут соприкоснуться с их наиболее, так сказать, грубой частью. И это соприкосновение даёт высочайшее наслаждение духа, экстаз — высшее озарение. Ритмы мира и его законы — это целая наука, пользуясь которой Мы извлекаем могучие силы. Мрак, страдание, катастрофы — это всё дисгармония в мировом ритме. Тот, кто состоит в гармонии со всем сущим, пользуется блаженством, и он имеет силу от общей мировой силы. Всякий раз, когда вы впадаете в мрак, всякие вспышки, всплески ваших страстей, влекущие за собой резкое понижение духовной жизни, — всё это разрыв мирового ритма. Когда вы собраны, целостны в устремлении духа, тогда и ритм мировой энергии начинает сильнее звучать в ваших сердцах. Всё, что вас выбивает из этого ритма, все ваши промахи, ошибки — это всё «дыры» в ткани вашей духовной одежды. Когда человечество включится в общий мировой ритм, оно будет счастливо по-настоящему тем великим счастьем, которое имеет свои корни в вечном.

— Это всё.

Я опять была в круглой комнате, Учитель молча указал мне на стул возле Него.

— Это всё, дитя, — сказал Он. — Помни, что тебе могут представиться трудности, но также помни, что ты неодинок и что Мы с тобой. Ты — Наша! И сила Наша изливается сейчас на тебя. Там, где будет надо, скажу особо. Иди и пребывай в мире и в духе.

И Учитель отпустил меня.

19 ноября. Утро. 9 часов.

Я шла к Учителю. Я не несла в сердце радости. Она исчезла из сердца... И последние дни грусть не покидала меня. Это мешало мне общению с Учителями и вызывало сомнения в своих силах. В Саду Учителя мне чудился на всём налёт грусти... Осень... осень... Я подошла к терраске. Она была пуста. Мне стало ещё грустнее. Я села на ступени и решила ждать Учителя. Я сидела тихо, прислонясь головой к перилам, и мне казалось, что весь мир покинул меня... Надо мной раздался тихий голос Учителя:

— Входи, дитя. Я жду тебя.

Он стоял на терраске, как всегда светлый и кроткий.

— Я жду тебя, — повторил Он. — Пойдём.

И Учитель повёл меня в комнату. С замиранием сердца переступила я порог Его обители. Я ещё ни разу не была в ней. В сущности, весь домик состоял из одной большой комнаты. Учитель повёл меня направо, в ту часть, где стоял Его большой стол для занятий. Стол был очень большой, красивый, из резного дерева, рядом стояли такие же с резьбой стулья. На стенах были гладкие, из тёмного дерева полки, на них книги и рукописи. Учитель сел и сказал:

— Садись, дитя, отныне Я тебя буду часто принимать здесь.

Он пристально посмотрел на меня и сказал:

— Пребудь в мире и в духе! Я вижу, ты нездорова.

— Нет, Учитель, я здорова.

— Я говорю о нездоровье души. Помни, всё преходяще! Не стоит огорчаться из-за пустяков. Я тебе говорю «пустяки», так как Я всё знаю. Там, где Мы тебя поставили, сотрутся все преграды. Там, где воля Наша, там людям остаётся только принять её. А тебе скажу: не грусти! Это мешает Нам. Ты должна быть светлой сердцем! Пребудь в мире и в духе. Больше ничего не скажу. Иди, приходи в два часа!

Учитель встал и, благословив, отпустил меня.

21 ноября. Утро. 8 часов.

Я пришла в Сад Учителя. Было почти темно. Белые фигуры братьев выделялись в сумерках рассвета. Было ещё рано для молитвы. Я остановилась возле площадки роз. Ко мне подошли Анита и Стивенс. Мы радостно приветствовали друг друга. Подошёл и Феликс. Мы говорили о том, что давно не виделись и не говорили вместе, что нам необходимо собраться и выработать план совместной работы. И вспоминали Астарту, которая за последнее время перестала почему-то посещать Сад Учителя. Потом Анита осталась с Феликсом, увлечшись разговором об уме птиц, а я и Стивенс тихо пошли по дорожке Сада. Медленно светало. Небо стало сиреневым, и воздух как бы насытился голубыми тенями. Стивенс шёл печальный, опустив голову.

— Что с тобой, Стивенс? — участливо спросила я, слегка коснувшись его руки.

— Я тоскую эти дни, — ответил Стивенс. — Наша встреча здесь со всеми вами пробудила во мне смутные отголоски прежних встреч. Я не был в жизни счастлив, ты знаешь... И я помирился было с этим. Но временами я тоскую в своём одиночестве. Мне нужна жена, сестра, друг, какое-то близкое женское существо! Зачем ты не можешь быть ею в моей жизни! — с горячей тоской сказал он.

— Стивенс...

— Нет, нет, не перебивай! В этом нет ничего дурного. Я уверен, что даже Учитель не осудил бы моей любви к тебе, так она чиста и свята. В тебе так много родного для меня.

Я никогда не видала Стивенса в таком волнении. Глубокая нежность к нему поднялась в сердце. Но я молчала.

— Ты не думай, — продолжал Стивенс, — что я на что-либо надеюсь. Но моё чувство имеет слишком глубокие корни в прошлом. И потом, разве это «не духовно» говорить о своей любви, о человеческом чувстве своего сердца?.. Я верю, что *такая* любовь, изжитая в полной силе, может поставить человека на вершину счастья, откуда он будет созерцать Вселенную. Я верю в Солнце Истины. Но я хотел бы созерцать Его, держа твою руку...

Я слушала Стивенса в глубоком молчании... И неясные мечты проносились в сердце, как вспугнутые птицы. Его волнение передалось мне, но мысли мои были печальны. На небе светало.

— Пойдём, Стивенс, мы опоздаем на молитву.

Я взяла его за руку, и мы молча пошли к площадке роз. Учитель уже был на площадке. После молитвы Учитель сказал:

— Друзья, Я хочу сказать вам ещё несколько слов о собранности. Когда вы делаете усилия, вы обязательно что-то выбираете и отметааете. И то, что вы выбрали, вы стараетесь закрепить и удержаться на этом. Когда вы хотите быть собранны, вы должны закрепить за собой это состояние «самоприсутствия», чтобы вы не позволяли себе действовать бессознательно. Быть собранным это значит иметь в себе такую крепкую силу, о которую разбивается всё, что может нарушить покой и мир глубины сердца. Но это не означает отчуждённости от мира. Надо встретить и разобрать всё раньше, чем это достигнет и проникнет в ваше сердце. Сбранное состояние — это когда человек умеет всему противопоставить свою волю и когда он полон живой и творческой мысли, бодрости и огня сердца. Он тогда готов жить, понимать, действовать, творить. Он человечен — ему не чужды человеческие страдания и радости, и всё же он имеет глубокую внутреннюю тишину сердца и тот покой, который, излучая свет, даёт новое понимание всему и углубляет всё. Идите в день ваш и будьте собранны!

И Учитель отпустил всех.

23 ноября. Утро. 8 часов.

Я вошла в Сад Учителя. Около площадке роз ко мне подошли Анита и Стивенс. Вскоре к нам присоединилась Астарта. Она была больна и потому не могла бывать в Саду

Учителя. Мы встали на молитву. Пришёл Учитель. После молитвы Он сказал:

— Дети! Я вам скажу сейчас Моё маленькое пожелание. Я очень хочу, чтобы вы провели это в жизнь, по возможности конечно. Я говорю о «празднике Духа». Это такой день... Вы соберёте вокруг себя близких людей, и, собравшись, вы оставите все свои праздные и пустые разговоры, и пусть каждый принесёт на этот праздник своё сердце — полное умиротворённости, благожелательства, благоговения... Вы будете обмениваться своим опытом, пожеланиями, вы будете говорить о своём понимании высокой Жизни, о том, *как и чего* вы ищите. Каждый может сказать своё маленькое слово. Не надо только ничего умышленно надумывать. Можно что-либо читать возвышающее, дать немного хорошей, серьёзной музыки. Но всё время руководитесь мыслью, что это должно быть радостное общение духа, а отнюдь не собрание «святош» с постными лицами. Радостное настроение, веселие духа — очень важны. Я не хочу и не могу поучать каждого, что он должен говорить, как себя держать, это всё должен найти каждый человек сам для себя в своём сердце. Старайтесь всё делать искренно, светло и празднично будет само по себе. Несите на этот праздник всё самое светлое и самое дорогое, что имеете в сердце. Но, повторяю, не будьте нарочиты, неестественны. Это сразу создаст дисгармонию в вас и в окружающих. Ищите в себе простоты, естественности и будете полны света. Аминь. Это всё. Пребывая в духе, вступите в день ваш.

И Учитель отпустил всех.

9 часов.

Я подошла к терраске Учителя. Он стоял у перил, как бы поджидая кого-то.

— Входи, дитя!

Я радостно приблизилась.

— Я хочу тебе сказать несколько слов, — сказал Учитель. — Посылая тебя к людям, Мы имеем в виду твою работу не только через Наши передачи, но Мы хотим организовать маленькую группу людей. Это придёт со временем. Но ты должна помнить, что у тебя есть миссия, которую ты должна выполнить, и ей должны быть посвящены все твои силы. Мы поможем тебе! Ищи мир и покой сердца. Умей быть и светлой и радостной. Таких, как ты, немного, но это не причина для гордости! Это просто совокупность некоторых удачно подобранных свойств и физических качеств, которые делают тебя таким чутким аппаратом. Жизнь твоего сердца идёт своим порядком и вносит, конечно, свой аромат в то, *как* ты воспринимаешь Наш голос. И потому так важно, чтобы, помня о своём аппарате, ты была бы в духе.

Учитель повёл меня в свою комнату и повелел писать в слухе. Он диктовал:

Тем, кто хочет к Нам приблизиться, Мы указываем пути и способы. Как же искать этих путей и какие это способы? Путь один — через ваше сердце. А способ — это горячая устремлённость и жажда раскрыть цветок своего сердца, через который придёт и Наш зов. Мы даём вам помощь, но она звучит по-разному. Наши «улыбки» и благие пожелания, которые идут в мир, в сущности, на вас не оказывают большого влияния, потому что вы их плохо воспринимаете. Очень часто для вас нужнее испытания, скорби, болезни, всё то, что, оставляя глубокие следы в вашей психике, углубляет понимание в вас истинного значения Жизни. Закаляйте свою волю, закаляйте свою устремлённость. Не диво быть радостным, когда всё вокруг вас радостно, но когда всё мрак вокруг, всё скорбь — вот тогда пронести своё сердце, излучающее радость и свет — это дорого Нам! И не ждите чудес от Нас. В вашей повседневности есть гораздо более чудес, которые можете создавать вы сами своими сердцами огненно пылающими. Стремитесь! Ищите! Будьте деятельны в своём существе, и Мы не замедлим.

— Это всё.

Я снова вернулась в комнату Учителя. Он стоял возле стола.

— Так, дитя. Это всё. Сегодня в два часа передачи не будет.

И Учитель отпустил меня.

24 ноября.

Я подошла к площадке роз. Там встретила с Феликсом, Стивенсом и Астартой. Аниты не было. Мы встали вместе на молитву. После молитвы Учитель сказал:

— Возлюбленные! Всем вам даётся помощь Наша. Нет сердца, которому не изливалась бы помощь Наша, если оно, хотя немного, приоткрылось Свету. Но там, где сердце ещё плотно закрыто, как может туда проникнуть Свет? Пребудьте в Свете!

И Учитель отпустил нас.

25 ноября.

Я вошла в Сад. Не доходя до терраски, я встретила Учителя. Я низко Ему поклонилась.

— Я ухожу, дитя. Но ты проводишь Меня до калитки Сада. И Я скажу тебе несколько слов.

Я последовала за Учителем.

— Мы видим, как тебе трудно сейчас. Твои проводники не спокойны. Мы хотим помочь тебе, переименовав некоторые часы для передач наших. Теперь ты будешь получать наше Слово в одиннадцать часов утра и в девять часов вечера. Часы молитв остаются те же. Скоро, очень скоро вокруг тебя должны успокоиться все вихри. Жизнь твоя начнёт свой нормальный ритм. Пребудь в духе!

И Учитель, благословив, отпустил меня.

26 ноября. 12 часов.

После молитвы Учитель сказал:

— Дети! Каждому из вас даны возможности просветления. Имейте понимание! Коснитесь сердцем всего и исследуйте всё. Ничто не приходит само собой, всё имеет причину и следствие. Пребудьте в духе! Мир Мой дарую вам и благоговение.

И Учитель отпустил всех. Учитель стал удаляться, Я решила догнать Его и просить Его разрешения видаться с Ним сейчас. Учитель милостливо выслушал меня, но сказал:

— Нет, сейчас Я не могу принять тебя. Приходи в половине третьего. (Это свидание осталось не записано.)

27 ноября. Утро. 11 часов.

Я вошла в Сад и подошла к дому Учителя. Терраска была пуста. Голос изнутри дома громко позвал меня:

— Входи, дитя! Я жду тебя...

Я вошла в комнату. Учитель сидел за столом. Он ласково смотрел на меня.

— Сядь, дитя. Кажется, ты начинаешь приходить в состояние собранности?

— Да, Учитель!

— Это хорошо. Такой ты нужна Нам. Мы хотим попробовать поручить тебе организовать вокруг себя маленький очаг Света. Очень небольшой пока. Очень вдумчиво надо принимать желающих. Ты должна почувствовать тот истинный трепет сердца и искание, которые единственно важны. Нам нужны очень преданные, очень устремлённые люди. Не фанатики, не нервные субъекты, не умеющие владеть своими нервами, но спокойные, глубокие, очень глубоко чувствующие люди, которые сами смогут быть очагами Света и передавать свет дальше. Пока их будет не много вокруг тебя — два, три. Может быть, немного, потом больше. Но Я предупреждаю тебя: не торопись, а внимательно приглядывайся к людям, которых будешь встречать. Когда очаг Света окрепнет, Мы укажем о дальнейшем. А пока вот книжечка «Золотых правил». Прочти дальше.

Я открыла и прочла:

1. Имея великую жажду Истины, идёт странник, и ничто на пути не может удержать его, ибо жажда его неугасима. Мир всему сущему!

— Закрой книжечку, — сказал Учитель. — Давай поговорим о прочитанном. «Имея великую жажду Истины, идёт странник». Что значат эти слова? Какую великую жажду Истины имеет сердце ищущее, что ничто не может его остановить на пути? Это жажда слияния с Вечным Существом, с Сутью всего сущего, с первоисточником. Это яркая и ясная, непоколебимая уверенность, что жизнь форм — это только этап, только то преходящее, через что проходит человек и получает нужный ему опыт. Но жизнь не ограничена только этими выражениями. Она уходит дальше, Её корни в веках, которые не имеют исчисления, ибо там нет времени. Жизнь есть *выражение* многообразия. Но сама она не есть нечто, что можно заключить в какие-то рамки. И эта жажда необъятного простора и слияния с ним и есть та жажда сердца, которая появляется в сердце странника и начинает его вести. И странник идёт, не задерживаясь ничем и не утоляясь ничем, ибо он предвидит свою родину не в этом мире. Это всё, дитя. Закончим на этом. Придёшь ко Мне в три часа, и Я дам тебе передачу. А теперь подойди ко Мне.

Я встала и подошла к Учителю. Его глаза смотрели на меня с большой любовью.

— Дай, Я благословлю тебя, — сказал Учитель. — Благословляю тебя принять крест твоей новой жизни, — сказал Учитель. И, нагнувшись, Учитель поцеловал меня в лоб! Я в трепете, задыхаясь от бесслёзных рыданий, упала к Его ногам и обняла их.

— О, Учитель! Открой мне, чем я заслужила столько великодушия, столько любви, столько блага, которые я воспринимаю от Вас, хотя я совсем-совсем не достойна всего этого!

— Встань! — сказал Учитель. — Мы уже говорили тебе и не раз, что Наша мера меряет не вашей меркой и там видит, где вам не видно. *Мы* знаем! Прими мир Мой и тишину сердца. Иди и будь счастлива, дитя!

И Учитель отпустил меня.

12 часов. Молитва.

После молитвы я и Анита пошли вместе до калитки Сада. К нам присоединился Стивенс. Я спросила Аниту, как подвигается её картина?

— Ах, очень медленно! Но я живу так радостно, так светло! Так все вдохновенны вокруг меня, что сердце во мне поёт. А ты?

— Нет, сердце во мне не поёт! Далеко не поёт! Но я справляюсь с этим. Моя внешняя жизнь очень неустроена. Я ещё не знаю, как и с кем я буду жить.

— Можно мне дать тебе совет от всего любящего тебя сердца? — спросил Стивенс.

— Я прошу тебя... С радостью услышу его...

— Не связывай себя семейными узами. Ты должна быть свободна, как ветер. Тебя нельзя связывать, это убьёт в тебе самое светлое твоё начало. Ты должна жить и дышать легко, это главное для твоего творчества. А остальное... Тебе виднее...

Мы пожали друг другу руки и расстались.

28 ноября.

Я сосредоточилась. Голос внутри меня сказал: «Приготовься, соберись с силами, сейчас пойдёшь к Учителю в горах»... И я увидела себя перед домом Учителя. Я вошла в дом. Открыла дверь в круглую комнату. Учитель был уже там. Я низко Ему поклонилась.

— Мир тебе! — сказал Учитель. — Сядь, дитя, и соберись с мыслями перед тем, как Я дам тебе передачу. Побудь в тишине. Положи вытянутые руки на стол и посиди так!

Учитель встал и отошёл к шкафу, где Он доставал какие-то рукописи. Потом вернулся, сел и сказал тихо:

— Теперь запиши передачу в слухе.

Я хочу сказать несколько слов для тех, кому надо знать о возможных *для них* способах служения миру. Что есть служение миру? Ошибочно представлять себе это служение только в виде какой-то внешней миссии, данной свыше, или взятой на себя самим человеком. Служение миру есть всё: ваша каждодневность, ваше отношение к каждому человеку, ваша строгая самопроверка, ваша углублённость. Ритм жизни, взятый правильно, тоже будет служением миру. Всё, что увеличивает эту гармонию и уменьшает хаос, будь это внутри вас или снаружи, это есть служение миру. Нельзя ограничиваться только словами о высоком значении служения и «воздев очи к небу» говорить ханжески: «Я служу миру, а не себе!» Это фальш! Тот, кто так говорит, не искренен. Тот, кто истинно *служит миру*, тот ничего об этом не говорит, но вся его жизнь есть яркий пример живого огня служения. Служение миру разнообразно. Но все служения идут через сердце. И в этом великий смысл и значение. Не допускайте в себе мысли о каких-то «особых служениях», которые вас обособят от людей, а примите жизнь вашего сердца и претворите его в трепет радости, в восторг внутренней полноты. Служение миру — это то, чем движется мир. Каждое сердце, открывшееся навстречу Вечному, — уже служит миру. Чаше на дню и глубже возносите мыслями за грань вашей повседневности и всё же не отходите от неё. Умение сочетать всё в великой гармонии и принять всё в истинном его значении — это и есть служение миру. Служение миру дано каждому, ибо все едины, всё связано и дополняет друг друга. И Мы говорим: там, где Мы благословили, примите благостно. Ибо Мы *знаем* там, где вам даже не видно.

— Это всё.

Я снова была в круглой комнате.

— Это всё, дитя! Теперь Я хочу сказать тебе лично: пребудь в мире и в тишине сердца. Твоя личная жизнь устроится, это несущественно. Но пребудь всегда с сердцем, огненно устремлённым. Там, где Мы тебя поставили, там и стой. Прими мир Мой и тишину сердца. Придёшь ко мне ещё сегодня в три часа, и Я дам ещё передачу.

День. 3 часа.

Я вошла в круглую комнату. И Учитель повелел мне принять передачу.

Мы даём в мир указания людям. Но те, кто не может их воспринять открыто, получают указания в иных формах, в тех, которые доступны их сознанию. Не надо думать, что Наша весть приходит в мир только в виде словесных поучений, хотя это нужно и ценно, но это не всё. Наша весть проникает всё и проникает всюду. И вдумчивому сердцу, имеющему уже большой опыт, становится многое ясно из того, *что* совершается в жизни и какие новые ростки в ней появляются. Надо уметь *понимать* ! Надо уметь быть сознательными, между тем, как большинство людей проходит жизнь в бессознательности. Многому ещё следует прорасти в сердцах людей, пока они станут совершенно сознательны. Мы призываем людей к творчеству. Мы говорим: одухотворитесь! Несите в жизнь вашего дня *радость сердца*. Сознвайте в радости, что вы — звено мировой Жизни, что ваша жизнь нужна миру, каждый нужен Нам. Вносите в жизнь наибольшую устремлённость сердца! Примите знаки Наши, поймите их, они по всему миру! Жив Дух всего сущего, Он не отделен ни от чего, Он с вами, с каждым из вас. В наши задачи не входит сейчас помощь каждому персонально, но всё же, Мы имеем настолько милосердия, что снисходим и до жизни отдельных лиц, если они нужны нам для *общего дела*.

— Это всё.

Я была снова в круглой комнате. Учитель сказал:

— Приблизься. Да будет мир Мой в тебе и Моё благословение.

И Учитель, благословив, отпустил меня.

29 ноября.

Я вошла в комнату Учителя. Он приветствовал меня, как всегда ласково:

— Входи, дитя! Прими мир Мой! Сядь и возьми книжечку «Золотых правил».

Я открыла книжечку и прочла:

1. Пока сердце твоё, о, странник, способно ещё отвечать жаркими слезами на все обиды мира, оно ещё не способно к истинному восприятию.

2. Пока ум твой не способен, подобно лампе зажжённой, освещать Один образ, а пребывает в вихре, он не способен к истинному созерцанию.

3. Пока твои шаги неуверенны и неустойчивы и ты не видишь, куда ты идёшь, ты ещё не можешь закрепить ни одного своего шага на пути.

Мир всем, слушающим Меня!

— Закрой книжечку, — сказал Учитель. — Давай поговорим о первом правиле: «Пока сердце твоё, о, странник, способно отвечать жаркими слезами на все обиды мира...» Что это значит? Не значит ли это, что человек полон жалости к себе и полон эгоизма? Человек ещё желает прежде всего и больше всего для себя. Даже желая блага для других, он его бессознательно желает для себя, для своего покоя. Ибо, как бы человек ни старался переключиться и не быть эгоистичным, он им будет до тех пор, пока мнит себя обособленной единицей, полной мирового значения. «Я и мир!» — вот так думает человек. А надо: «Весь мир — это я». В этом большая разница. Пока человек обособляет себя от мира — он эгоистичен, он полон себялюбия и он не умеет иначе воспринимать мир. Но когда человек начнёт себя мыслить не личностью, а «фокусной точкой», через которую выражает себя жизнь, тогда он начнёт отходить от эгоизма и понимать своё назначение: быть творческим выразителем жизни, творящей через него. Это всё. Иди с миром! Придёшь ко Мне сегодня в три часа, Я дам тебе передачу.

И Учитель, благословив, отпустил меня.

В 3 часа.

Придя в комнату Учителя, я получила Его приказ сесть и записать то, что мне будет продиктовано. И я получила передачу от пяти Учителей. Они были недлинные и касались лично меня. Когда я их записала, Учитель сказал:

— Поняла ты волю Нашу?

— Да, Учитель.

— Помни, там, где Мы встали, там все враждебные вихри рассыпятся прахом. Пребудь в мире и тишине сердца.

И Учитель отпустил меня.

30 ноября.

Долго не могла сосредоточиться. Наконец вступила в Сад Учителя и подошла к Его домику.

— Входи, дитя! — услышала я голос Учителя изнутри.

Я вошла в Его комнату. Учитель стоял около окна в тюрбане, как бы готовый к выходу.

— Я ждал тебя. Я должен сейчас уйти. Подойди к столу и возьми то, что приготовлено для тебя.

Я подошла к столу. На нём лежал лист бумаги, и я прочла слова, написанные рукой Учителя:

Мир Мой и тишину сердца дарую. Будь благостна. Что это значит? Это значит нести свет перед собой, нести благие чувства и мысли. И это всегда должно сопутствовать тебе.

Будь устремлённа и помни о своём назначении: быть Нашим проводом. Это тебя должно наполнять, как цветок наполнен ароматом, который ему сопутствует всюду. Так и ты должна хранить в себе мысли о чистоте, о свете, дарованном тебе, и изливать их в мир.

Я обернулась. Учитель всё ещё стоял у окна и, улыбаясь, смотрел на меня. Волна высокой радости и любви прилила к сердцу, я склонилась к Его ногам.

— Встань, дитя, — сказал Учитель. — Я не люблю коленопреклонений, но принимаю твою любовь. Иди с миром. В три часа Я приму тебя.

И Учитель отпустил меня.

3 часа.

Я шла к Учителю. Он встретился мне по дороге к дому. Учитель шёл мне навстречу.

— Пройдёмся по Саду, сегодня передачи не будет.

Мы тихо пошли по дорожкам Сада.

— Запомни шесть качеств, которые тебе сейчас необходимы: 1) терпение, 2) кротость, 3) мудрое созерцание, 4) терпимость, 5) собранность, 6) свет внутренней тишины. Это то, что тебя оградит от вихрей, направленных на тебя и вокруг тебя. Запомни: чем сильнее источник света, брошенный в мир, чем ярче сила его чистоты, тем сильнее вокруг него поднимаются вихри противоположных сил. Это неизбежно. Прими это спокойно и просто. Помни, что человек этот страдает, и ты должна уметь понять его и дать ему от своего понимания и сострадания сердца. Велики крестные муки распинаемого на кресте страстных и личных эмоций. Это тяжёлое бремя и для тех, которые страдают, и для окружающих. Прими мир сердца и пребудь в лёгкости духа!

И Учитель отпустил меня.

1 декабря.

Я вошла в круглую комнату. Она была пуста. Я села за стол и, закрыв лицо руками, молилась: «О, Высшие! Благословите меня! Пошлите сердцу кротость и тишину. Помогите мне быть твёрдой там, где вы меня поставили. Пошлите сердцу крепость истинную. Укрепите меня и благословите начать работу Вашу так, как вы мне предписываете. Молю Вас: не оставляйте меня помощью Вашей! И дайте мне быть достойным проводом Света Вашего...

— Аминь! — произнёс голос Учителя позади меня, и Его рука легла на моё плечо. — Да будет так! Мы считаем необходимым и полезным напомнить тебе о твоей миссии, чтобы ты не растрчивала даром сил на ненужные вибрации окружающих тебя вихрей. Прими передачу в слухе.

И я записала следующее:

Нам нужны проводники Света. Нам нужны устремлённые души и горящие сердца. Мы даём миру и хотим, чтобы мир принял. И вот через вас волны Нашего Света, волны Нашей Радости должны пролиться в мир. Свыше тысячи проводников Света даны в мир, и это капля в море, Нам нужны их миллионы. Вот почему Мы берём сейчас каждого, кто имеет зачатки этих способностей, очищаем их по мере возможности и посылаем в мир — явить Радость Нашу! Запомни: таким, как ты, Мы даём усиленное очищение, так как проводники твои ещё слабы, и нервы недостаточно очищены. Ты еще многого не знаешь и многое не умеешь. Но ты можешь и ты должна суметь приблизиться к Нам так, как Мы этого желаем. Научись владеть собой. Это придёт не сразу. Ты должна вся проникнуться мыслью, что ты *провод*, что ты должна направить всю свою силу, всю жизнь сообразно этому. Мы поможем тебе. Не живи в хаосе мыслей и чувств. Каждый день дорог. Нельзя откладывать на завтра то, что надо делать сейчас. Ты должна очиститься сама и помогать другим в этом. И ты должна начать срочную работу по самодисциплине. Это всё необходимо выполнить. Ты должна теперь

же начать чёткий ритм своего дня.

— Это всё.

Я снова была в круглой комнате.

— Это всё ты должна делать немедленно. Потому что Нами даны тебе указания, и ты должна их правильно выполнить. Жизнь обывательницы пора закончить и забыть. Твоя миссия ещё впереди. Ты не должна растрачивать зря свои силы. Сумей всё это усвоить и принять. Иди и будь в духе и в мире.

И Учитель отпустил меня.

2 декабря. Утро. 8 часов.

Я пришла в Сад Учителя. Было почти темно. Меня встретил Стивенс:

— Ты совсем перестала бывать на молитве! — с ласковым упреком сказал он. — Тебя не видно ни утром, ни днём, ни вечером...

— Это правда. Но я пока не могу иначе.

— Ты не пришла также и на собрание нашей ячейки, как мы уговорились...

— Я не могла.

— Но когда же ты сможешь?

— Я думаю, что четвёртого я смогу быть с вами вместе, часа в четыре дня.

Мы встали на общую молитву. После молитвы Учитель сказал:

— Идите в мир ваш и несите в день ваш мир и понимание значения вашего дня.

3 декабря. Утро. 8 часов.

Я вошла на терраску и возле открытой двери в комнату Учителя остановилась.

— Входи, дитя! — услышала я голос Учителя.

Я вошла и низко поклонилась Ему.

— Сядь. Поговорим о тебе. Ты должна в кратчайший срок начать выполнять Нашу работу. Ты должна найти место, где будет развёрнута работа. И ты должна начать правильный и ритмичный образ жизни вместе с человеком, который тебе послан Нами. Если же этого не будет, тогда ты будешь отозвана Нами и, может быть, поставлена в совсем иные условия. Так решили Мы. А теперь подойди, Я благословлю тебя.

И Учитель благословил меня.

4 декабря.

Я вошла в Сад Учителя. Около площадки роз я остановилась и помолилась от всего сердца, после чего пошла к Учителю. Когда я поднялась на терраску, голос Учителя позвал меня из комнаты. Я вошла и низко поклонилась.

— Сядь, дитя, Я хочу поговорить с тобой и дать тебе несколько советов. Я хочу, чтобы ты приучилась к широкой терпимости и к правильному взгляду на людей. Что есть широкая терпимость? Это есть признание за каждым человеком его свободы жить, думать и чувствовать, как он хочет, а не так, как тебе хочется и как тебе кажется необходимым, чтобы он чувствовал. Ты должна уметь оставлять других в покое. Не по равнодушию к людям или высокомерию, а потому, что каждый имеет эту чудесную свободу, которой владеешь и ты, и никто не смеет посягать на неё. Я хочу, чтобы ты поняла это в совершенстве. Осуждения, пересуды, явные и тайные порицания, злоречие и злословие, всё это Мы считаем настолько вредным и пагубным, как пагубен мороз для нежных ростков растения. Я прошу тебя серьёзно подумать об этом. Помни, если кто-либо хочет (или тебе кажется, что он хочет) нанести тебе обиду, ты должна помнить, что твоя суть неуязвима, и её нельзя ни задеть, ни оскорбить. Помни, что милосердие часто выражается в том, как мы относимся к словам и поступкам наших ближних. Не стоит лишний раз подчёркивать их промахи, каждый сам их имеет немало! Каждый раз, как ты захочешь язвить, или уколоть, или как-либо иначе выразить свой протест, ты Мне наносишь боль, помни это. Широкая терпимость есть также

широкое понимание. И нельзя про это забывать! Особенно тебе, так как ты провод Наш. Также хочу сказать и о доброжелательстве к каждому. Помни: ты передаёшь людям *Нашу* Радость! И это Мы через тебя посылаем людям радость. И потому высокая одухотворённость человека означает и высокую нежность его сердца, которая направлена на всё живое. Это тоже помни и не забывай! Это имеет огромное значение. Твоя обязанность следовать Нашим указаниям, так как ты дала обет быть во всём послушной Нам.

Учитель нежно положил Свою руку на мою. Его глаза светились кротостью и любовью.
— Иди в день свой, дитя, светло и будь радостна. В три часа дня придёшь обязательно.
И Учитель отпустил меня.

3 часа.

Я вошла в Сад. Мои мысли не были спокойны. И мне стоило больших усилий возвращать их обратно и держать так, как надо. Был чудесный, солнечный день. Кусты ещё не осыпались, цветы ещё не все умерли, травы стояли сухие и жёсткие, но некоторые из них ещё сохранили свежесть и зелень. По дорожке навстречу мне шёл Учитель.

— Пройдёмся, дитя, по Саду! Сегодня такой чудесный день! Не хочется терять его, сидя в комнате.

Мы дошли до озерка, где Учитель сел на скамейку и сделал мне знак сесть около Него.

— Я хочу сказать тебе, лично тебе, о твоей жизни. Так как ты Наш провод и через тебя многое должно пройти в мир, то Мы должны дать тебе очищение и помочь тебе в твоих затруднениях. Ты должны ценить каждый день. Мы тебе поручили нести в мир Радость и лёгкость сердца. Это ты должна суметь передавать людям. Естественно, что этим ты должна обладать сама. Ты должна быть сильна. И тогда ярче скажутся через тебя те творческие слова, которые Мы скажем. Вложи максимум силы в свою устремлённость. Надо уметь проникать за грань обычного. Надо уметь проносить возвышенные мысли и чувства среди убожества окружающей жизни. Не цепляйтесь ни за что! Не влекитесь ничего *задержать для себя*, ничего не требуйте, на что не имеете права. Каждый луч счастья, пролитый сейчас в мир, Нам особенно нужен.

На этом Учитель отпустил меня.

7 декабря. Утро. 8 часов.

Я вошла на площадку роз и встала вместе со всеми братьями на молитву. После молитвы Учитель сказал:

— Дети! Я хочу сказать о значении декабрьских дней. Они все имеют особый смысл и значение. Во многих оккультных школах это есть время, когда справляются особые празднества и бдения, мистически предшествующие великому рождению в Духе. Это «Рождение в Духе» есть всё новое и новое возрождение, на всё более высоких планах сознания. Я хочу, чтобы вы осознали это и несли в сердце особую сосредоточенность и углублённость. И, пребывая в покое и в мире, помнили бы о своей связи с братством и о том, что близко время, когда всех вас приведут в храм Единения и Любви. Пребудьте в мире и в любви Нашей!

И Учитель отпустил нас.

8 декабря.

Я вошла в круглую комнату. Учитель был там. Он сидел за столом, окружённый рукописями. Учитель сделал мне знак сесть и продолжал свою работу. Потом подошёл к шкафу и, поднявшись по лестничке, достал несколько томов из шкафа и, повелев мне приблизиться, передал мне книги и указал, куда их положить. Потом подошёл к столу, сел и сказал:

— Прими передачу:

Почитая великий Закон Жизни, человечество пребудет освежённое, так как корни его

тогда пребудут в вечном. Лишь удаляясь от Закона, человечество удаляется от самого себя, от смысла своего бытия. Истинное становление Жизни есть Мудрость, погружённая в материю. Это есть творческое сознание, вечное возникновение из пепла огненной, сверкающей птицы — Феникс. Нам поручен особый вид помощи миру, который Мы и выполняем. До сих пор это мало касалось людей, но теперь нужны новые штрихи прочертить в мир и этим ввести всё человечество в более духовное миропонимание, развернув перед ним величайшие возможности, грани которых многообразны и необычайно чётки и ясны, несмотря на свою символику. Мы даём сейчас миру весть, что скоро наступят новые времена, когда массовое прозрение людей станет делом обычным, и вся жизнь будет тогда направляема людьми с необычайно высоким духовным прозрением. Их голоса прозвучат миру так властно и значительно, что заставят признать истинность их воззвания. Но каждое явление Света, врывающееся в мир людей, знаменуется великими бурями, мятежами, катастрофами. Через всё это пройдёт человечество. Мы подготовляем его к приятию Света, но не можем предотвратить то, что ему сопутствует. Следовать за Нами — значит следовать за своим Духом, подчиниться своей высокой Сущности и суметь Её сделать выразительницей воли, а не ту «личность», которая является маленьким «я» человека. Примите мир Наш!

— Это всё, — сказал Учитель. — Можешь идти, дитя.

Но я замедлилась в нерешительности... И тихо сказала:

— Учитель! Разреши мне просить Тебя...

— Да. Проси, дитя.

— Окажи помощь моему сердцу. Я себя чувствую все эти последние дни очень смятенной. И я всё ещё не могу твёрдо и устремлённо начать свою новую жизнь.

— Я не отказываю тебе в помощи, но Я хочу тебе напомнить, что ты сама должна делать усилия, а не рассчитывать, что Учителя дадут тебе сил, чтобы ты, без усилия, смогла продвигаться, пользуясь Нашей помощью. Только то, что прошло через усилие человеческого сердца, бывает истинно им понято и закреплено. Иди, дитя, будь в духе!

9 декабря.

Я шла по Саду. В первый раз я видела в нём снег. Он падал лёгкими пушинками. Холода я не ощущала, а приятную бодрость и свежесть во всём теле. Я подошла к домику Учителя. Окно и дверь были, как обычно, раскрыты настежь. Учитель стоял в дверях:

— Входи, дитя.

Я поклонилась Учителю.

— Прости мне, Учитель, что я пропустила утреннее свидание с Тобой.

— Мне не в чем прощать тебя, — ответил Учитель. — Ты понесла уже наказание, лишив себя общения со Мной и нарушив ритм своего дня... Входи, дитя.

И я прошла в комнату Учителя.

— Сядь, Раскрой книжечку «Золотых правил» и прочти одну главку.

Учитель дал мне книжечку, я раскрыла её и прочла:

1. Имеющие сердца чистые и устремлённые пребывают в мире со всем сущим.

Учитель стоял около раскрытого окна и задумчиво смотрел на падающие снежинки.

— Закрой книжечку! — сказал Он. — Что это значит «сердце чистое»? — И замолк, ожидая моего ответа.

— Я полагаю, Учитель, что иметь чистое сердце это значит не видеть зла, не замечать его. Не потому не замечать, чтобы этим выразить свою чистоту, а потому, что чистое сердце буквально не видит зла там, где другие его видят. Прости, Учитель! Я очень плохо выражаю свою мысль.

Лицо Учителя оживилось.

— Так... так... дитя! Ты на верном пути понимания...

Учитель подошёл к столу и сел возле меня.

— Иметь чистое сердце это действительно очищать всё своим присутствием. Чистое сердце лишено дара замечать вражду, обращённую на него, и всё то, что создаёт вихри в сердцах, менее чистых, все эти вихри ответных, враждебных чувств. Чистое сердце не способно ни наносить, ни воспринимать боль, оно в своей чистоте и непорочности невинно и невосприимчиво к тяжёлым вибрациям, направленным на него. Но оно очень восприимчиво и отзывчиво к чужой боли, той, которую причиняют другим. Чистому сердцу не надо усилий, чтобы быть светлым даже там, где другие находят повод для омрачения. Я рад, что ты начинаешь понимать это.

Лицо Учителя тихо светилось, как всегда, когда Он бывал чем-либо доволен.

— Я хочу, чтобы ты начала те чтения, которые тебе помогут принять новые откровения. Надо, чтобы ты была всё время в известном круге мыслей, так, чтобы Наше влияние всегда могло бы доходить до тебя. Вот возьми листочек и напиши на нём то, что Я тебе продиктую сейчас.

Всем, всем, всем!

Вступая в день ваш, пребудьте ясными и, отдавая дню дела ваши, одухотворите всё, чего коснётесь, ибо возвышенная жизнь есть порождение возвышенного чувства и ума.

— Это всё, дитя. Прочти это сегодня всем, кто придёт к тебе, и дашь это тем, кто будет близок тебе.

И Учитель отпустил меня, благословив.

10 декабря.

Я взошла в Сад Учителя. Вчерашний снег стоял, дорожки были влажные, но не замечалось никакой грязи. И опять Сад Учителя поражал меня своей чистотой, своей гармоничностью, несмотря на общий вид глубокого увядания осени. Взойдя на терраску, я остановилась возле двери, ведущей в комнату Учителя.

— Входи, дитя, — услышала я голос Учителя.

Я взошла и поклонилась Ему. Учитель был не один. Против Него в белой одежде братства сидел юноша.

— Сядь, дитя, около окна и подожди немного, мы сейчас кончим.

И Учитель продолжал беседу с юношей, как мне показалось, на английском языке. Вскоре юноша встал и, низко поклонившись Учителю, поспешно вышел, не взглянув на меня. Он был тонок, худ, и лицо его было прекрасно. Учитель с нежностью смотрел ему вслед.

— Подойди, дитя, к столу и сядь. Ты видела лицо этого брата?

— Да, Учитель.

— Это одно из самых пламенных сердец в Англии. Он очень молод и очень устремлён. Он имеет прекрасно направленную волю и ясный, чёткий ум, сочетающийся с пламенным сердцем. А сейчас запиши то, что Я тебе продиктую.

Возможны вскоре перемены жизни не только отдельных лиц, но и целых наций. Такие перемены знаменуются войнами, катастрофами. Массовые изменения жизни гораздо реже происходят от подъёма духовных сил, которые заставляют тогда как бы расцветать всю страну, наполняя её благоуханием распустившихся сердец. Уродуя жизнь, этим люди выражают своё несовершенство, несовершенство своих творческих выражений.

— Это всё.

— На этом Я отпускаю тебя, дитя. Не забудь, что завтра в десять часов утра ты должна быть у Учителя в горах. Я пропускаю пока все твои промахи, так как Я вижу и знаю больше, чем ты думаешь. Но последствия, которые ты переживёшь — все вытекут из твоих действий. Иди с миром, дитя!

11 декабря.

Я подошла к дому Учителя в горах и вошла в круглую комнату. Учитель был уже там. Я низко Ему поклонилась и заняла место по Его знаку около стола. Учитель молча и пристально смотрел на меня. Я чувствовала себя смятенной, как бы утратившей часть своей прежней чистоты. На сердце было смутное беспокойство и тревога. После молчания, которое мне показалось очень долгим и томительным для сердца, Учитель сказал:

— Почему ты думаешь, что тебе не дано испытания? Может быть, и сейчас ты испытываешься Нами. Иногда мало только добрых слов и мыслей, а нужны ещё и действия, которые не шли бы вразрез с мыслями. Это очень существенно. Сегодня передачи не будет. Иди с миром!

И Учитель отпустил меня.

12 декабря было пропущено.

13 декабря.

Очень долго не могла ничего увидеть. Я чувствовала себя пустой и опустошённой. Сердце во мне словно кто-то выжимал рукой, и от этого оно было полно тоски, близкой к отчаянию. И вдруг я внезапно увидела себя в Саду Учителя. Я стояла возле площадки роз в изнеможении, прислонясь к кусту, и шипы цеплялись за моё платье. Я чувствовала невероятную слабость, и слёзы лились из глаз и наяву, и в видении. Я прижимала к сердцу платок — оно истекало кровью.

— О, Учитель! — взмолилась я. — Услышь меня! Ты видишь, моё сердце истекает кровью, пошли мне помощь Свою...

Но всё было тихо и безмолвно. Я изнемогала от скорби. И вдруг передо мной появился Нуми. Его глаза смотрели скорбно.

— Нуми! Ты видишь, я изнемогаю... Помоги мне!

— Я ничем не могу помочь тебе. Только Учитель может остановить эту кровь из сердца. Я пойду позову Его.

— Нет, нет, Нуми! Не зови Его! Учитель, наверное, всё Сам знает, и если Он не идёт...

Но Нуми уже ушёл. Я осталась снова одна. Слабость и великая скорбь не покидали меня. Кровь сердца уже обрызгала мою белоснежную одежду. И неожиданно я услышала сзади себя тихий голос Учителя:

— Вот результат твоих страстей...

Я хотела повернуться к Учителю, но не могла. Мне нельзя было видеть Учителя. Захлёбываясь от рыданий, я прошептала:

— О, Учитель! В чем были страсти мои? Укажи мне... Я следовала указанию...

— Но ты пришла не туда, куда Мы указывали. И вот результаты... Теперь ты должна возложить сердце на алтарь Света, тогда оно перестанет сочиться кровью.

— О, Учитель! Где же этот алтарь Света?

— Следуй за Мной...

И Учитель пошёл, не оборачиваясь на меня, к выходу из Сада. Я следовала за Ним. Когда мы вышли за калитку Сада, Учитель сказал, указывая на горы:

— Там, вдали, мерцающая Звезда ждёт тебя... Это и есть алтарь Света. Сумей дойти до неё. Мы не покинем тебя. Но «Сад Учителя» отныне исчезает из твоей жизни. Теперь будет иное. Ты пройдёшь иные вехи. И помни, многое зависит сейчас от твоего усилия, от великой жажды достичь Света!

И Учитель исчез раньше, чем я успела протянуть к Нему руки.

Так начался мой новый путь к Свету.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(к книге «Сад Учителя» О.Б. Обнорской)

Содержание

Краткий биографический очерк

Мои воспоминания об Ольге Борисовне Обнорской

Письма О.Б.Обнорской

Ольга Борисовна Обнорская

Краткий биографический очерк

В стремительно-огненном вихре
Созидание и разрушение
Проходят, вращаясь совместно,
Одно дополняет другое.
И там, где Песня Смерти
Гремит в Мировом Оркестре,
Там нежная флейта Рожденья
Завершает её аккорды.
Так возникает Феникс:
В разрушение тая созиданье...
С каждым шагом взлетая всё выше,
Возрождённый в бессмертном сверканье.
О.Б.Обнорская. 1944 г.

Ольга Борисовна Обнорская (1892–1957) обладала исключительными духовными качествами, писала чудесные стихи, хорошо рисовала, была глубокой духовидицей. Она получала послания от Учителей Востока, в том числе от Великих Учителей М. и К. Х... В 1936 г., находясь в местечке Гуарек (близ Сочи), где была маленькая колония теософов, она впервые «стала ощущать присутствие Учителя» и беседы с ним оформила в виде поэтической рукописи «Сад Учителя». Её беседы с Учителями и их послания стали почти каждодневными, и она говорила: «Я понимаю так, что они будут даваться в большом количестве, и это составит сейчас основную работу моей жизни». Своё назначение в жизни она так определяет в одном из писем 1936 г.: «Я сегодня вдруг ясно ощутила, что всё-всё, что есть в моей глубине прекрасного, — не моё. Оно принадлежит всем тем, которые сейчас должны стоять на трудных местах, которые должны крепко держаться, которые не могут подобно мне погрузиться в день, как в объятия любимого. И чтобы им жилось светлее и радостнее, я коплю в себе силы, я коплю в себе любовь, чтобы всё это расточить, опустошить в великом восторге отдачи».

24 мая 1955 г. она запишет:

На качелях весны качается сердце
Вверх — вниз,
Вверх — вниз...
С каждым полётом вверх —
Радость раскрытия.
С каждым полётом вниз —
Радость отданья...
Тихо колышется сердце,

Сладки мгновенья полёта...
Радость раскрытья,
Радость отданья...
Вверх — вниз,
Вверх — вниз.

Быть сознательным творцом своей жизни, постичь сущность своего высшего Я, понять своё назначение в этом мире и нести радость и свет людям было основным лейтмотивом её жизненного пути: «Вы должны помнить, что вы — сосуды, через которые проливается свет в мир, и всякое радостное и светлое движение вашей души будет вызывать ответные вибрации в окружающих вас». Из блокадного Ленинграда в феврале 1942 г. она писала мужу на фронт: «Какая-то страшная жизнь! Словно всё сдвинулось с места, всё стало звучать иначе, сдёрнута всякая позолота, вся фольга, и теперь обозначилась истинная сущность всего, чаще всего жестокая, ужасная, невыносимая... И это показывает, как малого мы достигли и как “словечки” оказались бесплодны! И всё же собираем в своём сердце крохотные кусочки истинного и молим Жизнь сохранить их в своём сердце, не расплескать последнего». В декабре 1956 г., когда жить ей оставалось всего два месяца, она получает послание, слова которого как бы подводят итог её жизненного пути:

Свет незримый в её сердце неугасим, и он вечно с нею. Слияние её света со Светом Высших будет всегда, всё время разрастаться в постепенности. И наконец зальёт её всю, не оставляя места ничему иному. Свет! Свет! Свет! — Вот, что ей завещано. Будет ли она видеть земными очами ту радость, которая зажжена перед её духовным взором, — это не существенно. Важен этот глубокий внутренний Свет, который уже светит в ней, которым она умеет уже владеть, направляя его не только на себя внутрь, но и вокруг себя. Чем шире будет круг её света, тем больше внутренней радости откроется ей. Пусть поймёт, что в мире форм всё изжитое ею стало как бы тем материалом, на котором разгорелся костёр её Света. В мире живущий — свету приобщается. Мир миру её духовному и физическому!

Ольга Борисовна Обнорская, урождённая Добрышина, была родом из дворянской семьи. Она родилась 28 октября 1892 г. в Москве. Её отец Б. Добрышин был очень образованным человеком, остроумным, весёлым, бесшабашным и легкомысленным. Мать, Надежда Ивановна Добрышина, воспитывалась в Мариинском институте благородных девиц. Вышла замуж она сразу же после окончания института, тогда ей ещё не исполнилось шестнадцати лет. Разрешение на брак пришлось испрашивать у архиерея. У них родилось трое детей: Сергей, Владимир и младшая Ольга (Ляля). Но семья распалась, и отец уехал в Гатчину, где и скончался в 1915 г. С 1908 по 1910 год Ляля жила у него в Гатчине. Её мать вышла замуж вторично, и от этого брака имела ещё двух сыновей: Владимира и Арсения Батуевых. Ляля так же, как и её мать, воспитывалась в Институте благородных девиц, а братья в кадетских корпусах. Учились все блестяще. Ляля и её двоюродные сёстры, дочери сестры-близняшки её матери — Софьи Ивановны Волынской — с детских лет писали стихи, поэмы, рисовали. Вся молодёжь с большой нежностью и любовью относилась к Софье Ивановне, называя её «Солнышко». Со своей матерью Ляля не была внутренне духовно близка. Братья очень любили Лялю и даже на балах с трудом уступали свою сестру другим кавалерам. Братья Добрышины были умны, талантливы и красивы, прекрасно играли на фортепьяно. Владимир Добрышин был в свите великих княжон. Он и братья Батуевы погибли в гражданскую войну. Старший брат Ольги Борисовны Сергей Добрышин, был инженером-мостостроителем, участвовал в войне 1914 г., был ранен и, оставшись на лечение в Швейцарии, невольно оказался в эмиграции, умер он в Тунисе около 1960 г. Ольга Борисовна так вспоминала в письмах о своём рождении: «Я всегда чту этот день, когда я впервые пришла в мир. Говорят, что я не плакала и не спала, а всё рассматривала кругом с любопытством». По воспоминаниям близких Ольга Борисовна с ранних лет отличалась независимым характером: «...напоминала кошку, которая “гуляет сама по себе”». Она росла

очень живой и жизнерадостной девочкой, но сама она так вспоминала о своих детских годах: «Я была ещё крошкой, когда запиралась одна и радостно думала, что “хорошо, что никого нет возле”». Когда одна знакомая её матери сказала про Лялю, что та вырастет некрасивой, девочка подошла к зеркалу, долго себя рассматривала и вдруг с гордостью промолвила: «Ну и что, зато я буду умной!»

Все родственники Ольги Борисовны скептически относились к, так называемым, «Лялиным чудесам и к её потусторонним увлечениям». Близка Ольга Борисовна была, несмотря на большую разницу в возрасте, лишь со своей двоюродной сестрой Верой Алексеевной Волынской. В. А. Волынская сначала увлеклась индийской философией, но потом обратилась к православию. В возрасте 20 лет Лялю выдали замуж за богатого купца Попова; этот брак был заключён не по любви, но дал Ольге Борисовне некоторую самостоятельность и независимость. Сразу же после замужества Ольга Борисовна устроила в своём московском доме литературный салон, который посещал иногда и Маяковский. Её пригласили работать в частный театр, она рисовала художественные этюды, привлекавшие насыщенностью света и воздуха, писала стихи.

У неё родился сын Гоша, он погиб на фронте в Отечественную войну.

Когда ей было около 30 лет, она вторично вышла замуж за Л. С. Всевожского. Они были вместе до 1936 г., события которого так резко изменили всю её жизнь. В письмах 1936 г. она писала о своём втором муже: «...Наша любовь была незаурядной, и он никогда не может оставаться мне чужим...» или «...Я очень страдала, прощаясь с ним... Я уже оторвалась от него и знаю, что всё, что было пережито с ним, — это прошлое». Отсутствие духовного родства с Л. С. и близкими делало её жизнь в их окружении сложной, и по её признанию «...расставание это было неизбежно. Теперь я могу всецело быть тем, что я есть, не таясь и не искажая своего облика». Они до конца оставались добрыми друзьями.

Весной 1936 г., по-видимому уже не в первый раз, она приехала в Гуарек. Встречи и беседы с Учителями, оформление этих бесед в виде поэтической рукописи «Сад Учителя», а также знакомство и встречи с А. Н. Обнорским оказали большое влияние на её дальнейшую жизнь. В своих письмах осенью 1936 г. к А. Н. Обнорскому, своему будущему мужу, она писала: «Я себя ощущаю иной, чем была весной, словно века пролетели над моей головой и словно во мне отболела и умерла целая часть моей жизни и из всех этих развалин появился... цветок...» В этих же письмах она вопрошает его: «Бойтесь ли Вы последовать за мной? Или, вернее, нам обоим последовать за нашей судьбой. Учитель повелел мне самой вопрошать Жизнь, а не ждать, что кто-то будет её решать». И в другом письме: «Ваша любовь помогла мне уйти ещё дальше и невозвратимее оттуда, где нет места моему внутреннему Я. Вы мне нужны как друг, охраняющий цветок моего сердца, который есть основа моей жизни, и Вы — охранитель её». Связь с Учителями продолжалась всю её последующую жизнь. Последнее её посещение «Сада» заканчивается так: «Встань на колени, — сказал Учитель, — и я благословлю тебя на великое счастье, на великую муку и на свершение...» В октябре 1936 г. после беседы с Учителем она записала такие Его слова: «Надо иметь мужество, очень много мужества, я бы сказал, отваги и огня в сердце, чтобы без прикрас встретить все эти трудности пути». Они оба вступили на этот путь, и трудностей впереди оказалось действительно много, но их глубокая любовь, преданность общему делу, мужество и устремлённость к Высшему — всё это помогло им выстоять до конца. Бракосочетание состоялось в декабре 1936 г. Брак их был духовный, и до конца своих дней они относились друг к другу с большой нежностью. А. Н. Обнорский снял комнату у своего друга Г. В. Шталя на Фонтанке, куда и привёз свою «синюю птицу»; там она встретила войну и блокаду. О начале войны Ольга Борисовна узнала в поезде, возвращаясь в Ленинград из Лазаревской. А. Н. Обнорского отправили на Ленинградский фронт, и Ольга Борисовна осталась в Ленинграде, чтобы быть рядом и, может быть, хоть редко, но видаться или получать от него весточки. В октябре 1941 г. его перевели на Волховский фронт, и встречи стали практически невозможны, оказии с весточками очень редки, почта работала плохо, и она осталась одна, страдая от невзгод, борясь с собой и надеясь на встречу. В те дни она

писала мужу на Волховский фронт: «...Сегодня почему-то особенно грустно на сердце. Пушки грохочут не переставая. Как страшно сейчас жить! Как страшно... И знать, что всё это плод наших деяний и что вся эта ненависть — порождение наших сердец... (27.10.41) ...Сердце всё плачет и плачет и не может успокоиться. Словно свет померк и жизнь остановилась. И вдруг я услышала по-французски «...будет успех, ты увидишь, не кричи; вернётся радость, как всегда ... Твои страдания пройдут. Не углубляй их. Это всё. *Твой друг К . . .*» Как будто бы сердцу стало легче. Всё же я не одинока. И есть друзья, которые не оставляют меня... (28.10.41).

Несмотря на «невыносимый холод», постоянные бомбежки и «голодное существование», она «всё же борется изо всех сил» и в январе 1942 г. пишет: «...Я хоть и барахтаюсь, а всё же крепко люблю жизнь и за всё ей благодарна. Она ко мне всё же очень милостива, другим гораздо хуже... Под Новый год я ничего не имела “пророческого”, и в сердце нет вдохновения... Но всё же берегу цветок сердца, иногда он светит “цветом персика”... Думаю, что всё надо пережить и ничего не требовать...»

Февраль 1942 г. мог стать последним месяцем её жизни. Из писем февраля 1942 г.: «...Интересно знать, до каких пределов дойдут наши муки? Нет хлеба, я не получала уже два дня хлеба. Питаюсь остатками “твоих крох”. Скоро мне совсем нечего будет есть. Мы не имеем писем, газет, радио, света, тепла, хлеба и воды. Что ещё можно отнять у нас? Жизнь? Но она уже и так еле тлеет, а у многих и отнята..., ...У меня ничего нет. Варю жиденький “супчик” и съедаю 250 г хлеба. Это всё. Но скоро и “супчик” варить будет не из чего. Думаю, что так я ещё не жила! Сегодня ночью был сердечный приступ..., ...Я живу по инерции. Только мысль о тебе держит меня. Кажется, словно всё счастье померкло в мире и никогда уже не будет его... Я очень слаба, и временами меня охватывает большая печаль. Ходит сыпняк. Я спокойна. В сущности, я уже исстрадалась, чтобы мне как-то цепляться за жизнь, если её придётся оставить. Но хотелось бы видеть тебя очень, очень. Во имя любви к тебе я осталась здесь летом и приняла все крестные муки, которые только достались на долю человека, и во имя этой же любви я не имею сил ехать теперь, не повидав тебя». И несмотря на «все крестные муки», в её стихотворении от 19.02.42 по-прежнему звучит лейтмотив продолжающейся жизни:

Научи меня снова смеяться,
О, Боже,
Снова ликовать перед Твоим
Престолом,
В котором развернулась
Вселенная
В своём простом великолепии.
Научи меня снова грустить,
О, Боже,
Перебирая все мои
несовершенства,
И возлагать свои упования
На Твоё бескрайнее
всепрощение.

А двадцатого февраля она делает в своих письмах-дневниках последнюю запись: «Ну что же это такое? Я совсем запухаю. Под глазами какие-то опухоли, глаза затекли, стали малюсенькие. Неужели это начало конца? Неужели я так и не увижу тебя? И меня зашьют голую в рогожку и потащат как бревно в общую яму в объятия чужих мертвецов. Не хочу, не хочу! Алёша, спаси меня! Вырвись, отзовись, приезжай за мной! Без тебя я не уеду. Я должна тебя видеть. Ведь во имя тебя, мой Алёша, я терплю всё это! Я должна тебя видеть! Я выстрадала это право! И я люблю тебя невыносимо!»

И зов её был услышан: муж приехал, чтобы спасти её, и третьего марта 1942 г. из поезда на Вологду она уже напишет ему: «...Мои отёки сходят. Только сейчас я вижу, как сильно было отёкшим лицо и руки. Чувствую себя бодрой и спокойно принимаю всё... Как быстро пролетела наша встреча! Как мало мы были вместе! Это как сон...» Из Вологды на санитарном поезде она благополучно доехала до Перми, где прожила в семье отца мужа — Н. П. Обнорского, до весны 1943 г. Жить было легче, чем в блокадном Ленинграде, но всё равно тяжело. Н. П. Обнорский был заведующим кафедрой иностранных языков Пермского университета и поэтому продуктовую карточку имел не рабочую. Семья была большая, жили в холодном бревенчатом доме. В июле 1942 г. у дочери Н. П. Обнорского родился сын, продукты приходилось обменивать на молоко. Очень давила тоска по мужу. Она писала ему: «Я хочу жить к тебе поближе! Ах, Алёша, как тревожно мне за тебя! Мне ничего не нужно в жизни — только ты. Жить нам вдвоём, в полном понимании друг друга и помощи друг другу, а через нашу любовь давать свет кругом всем, кто вступит в неё». В этот период она так оценивает своё назначение в жизни: «Я крепче и глубже начинаю понимать, что я могу дать людям. О, очень малое или огромное (это зависит от них!), но слово одно: Радость. Вне этого я не хочу жить. Я должна быть чистой, как листик берёзы, вымытый утренней росой. Яркой, как луч солнца в полдень, и светлой в каждом своём проявлении. ...Я прожила жизнь и шла по грязи много раз, но сердце я сохранила и потому осталась чистой». Из Перми она переписывалась со своими родственниками и друзьями, которые были разбросаны войной по всей стране: «Все пишут, что плохо живут, но как помочь?» Большую часть денег, которые получала по аттестату как жена военного, отдавала в семью, остальные — рассылала. В начале 1943 г. она делает попытки получить через военкомат разрешение на переезд из Перми в деревню на Запад, ближе к фронту, надеясь, что так будет легче встретиться с мужем. Пермь была закрытым городом, и присланных мужем из военной части документов оказалось недостаточно, чтобы получить разрешение и приобрести в железнодорожной кассе билет на выезд. Время шло, получение необходимых документов затягивалось, и Ольга Борисовна решается пешком уйти из Перми. Она была очень мужественным и сильным человеком. Ещё стояли морозы, в лесу лежал снег, кроме того, на ноге у неё была незаживающая трофическая язва, но всё это её не могло остановить. Подробности её пешего перехода (от Перми до Буя около 900 км) неизвестны, но дальнейшая её переписка с мужем идёт с мая 1943 г. из деревни Починок Ярославской области. Деревня эта находится в 18 км от поселка Сусанино на реке Шача, между Костромой и Буюм. Жить было по-прежнему тяжело: «...у меня нет ни крошки хлеба и нет муки... С карточкой хлебной, конечно, не торопятся, и когда выдадут хлеб — неизвестно...». Кроме того, постоянно нужны были дрова; получить их через сельсовет оказалось практически невозможно, и приходилось почти каждый день ходить за ними в лес, зимой на лыжах. А. Н. Обнорский в это время был на Волховском фронте в должности начальника штаба артиллерии дивизии, и летом 1943 г. им удалось провести несколько дней вместе в деревне. Летом она перешла жить из избы в сарайчик, «продуваемый ветрами». Часто уходила в лес, на реку, рисовала этюды, собирала грибы и ягоды. Заучила на память несколько (7–8) гимнов Шри Рамакришны и распевала их, бродя по полям:

О, когда в моё сердце войдёт
Божественная Любовь?
О, когда воспою Твоё имя
И слёзы прольются из глаз?
О, когда, о когда моё сердце
Очистит, Господь, Твой Огонь
И спадут с меня цепи желаний,
И рассеется мрак очей?
О, когда я увижу мир,
Весь проникнутый только Тобой?

И ниц я паду на пути
Божественной Любви!
О, когда? Боже, когда?
О, когда!..
(Гимн 5)

Очень хотелось ей вернуть себя в прежнее состояние Радости. В марте 1944 г. она писала мужу: «Я думаю, что эта полоса “безволия к жизни” должна скоро пройти и я снова буду полна Радости». Несмотря на трудности с бумагой, она отредактировала и переписала в одну тетрадь свои стихи (их оказалось около 150) и беседы с Учителями за 1941, 1942 и 1943 гг. В это же самое время она писала мужу, что получила письмо из Тарусы, где ей сообщают, что «...Кора (К. Е. Антарова) пишет какую-то необыкновенную повесть, которая всех приводит в восторг. Интересно бы нам её почитать. Вообще я очень хотела, чтобы ты познакомился с Корой, мне интересно твоё впечатление».

Здоровье её в это время сильно ухудшилось: к болезням ноги и сердца добавилось катаракта, она не видела одним глазом, а в условиях деревни ей ничем не могли помочь, так как требовалась операция, которую могли сделать только в городской клинике. В феврале 1944 г. А. Н. Обнорского перевели на Ленинградский фронт, и с января 1945 г., будучи назначенным преподавателем тактики в Высшей офицерской школе, он стал усиленно хлопотать о её возвращении в Ленинград. Несмотря на необходимость операции и его звание (полковник), это оказалось нелёгким делом. Сначала ей было разрешено только временное проживание в Ленинграде. Но в 1947 г. они наконец получили свою первую квартиру на ул. Радищева. Привязанности к вещам она не имела и даже при переезде в 1936 г. из Москвы привезла с собой как семейную реликвию лишь зеркало в серебряной оправе. По её признанию, на её долю выпало всякое: от жизни во дворцах до существования нищенки.

После войны восстанавливалась Россия, восстанавливался Ленинград, возвращались те, кто уцелел. Их дом стал культурным центром, где собирались по вечерам свободомыслящие люди, в том числе члены разгромленного Теософического общества, из Ленинграда, Москвы и других мест. Пили чай, беседовали на философские темы, а это вызывало подозрение. Чтобы собрать на них материал, были использованы стандартные методы: взлом квартиры во время их отпуска с целью установки подслушивающих устройств, внедрение в их круг сотрудника МГБ, дворник тщательно вела перепись всех лиц, посещающих квартиру, — всё это открылось на допросах. Арестовали их в марте 1953 г., квартиру опечатали, изъяли её рукописи и некоторые книги. За время заключения многие её рукописи, включая стихи и передачи Учителей оказались утерянными. Остались те этюды, которые она раздала, рукопись «Сад Учителя» и небольшая часть стихотворений. Поскольку следствие велось уже после смерти И. Сталина (вскоре был арестован Л. Берия), а также благодаря своей эрудиции и памяти А. Н. Обнорский смог убедить, что в их деятельности не было ничего антигосударственного, и через шесть месяцев их освободили. Судимость оставалась, и полную реабилитацию А. Н. Обнорский смог получить только в конце 1956 г., когда Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор военного трибунала Ленинградского военного округа от 25–28 августа 1953 г., и дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Только в конце февраля 1957 г. он получил уведомление о восстановлении звания и возвращении правительственных наград. Этот период жизни был для них трудным, они были бесправны, а А. Н. Обнорский — ещё и без работы. Всё это подорвало и так слабое здоровье Ольги Борисовны, и 18 февраля 1957 г., в день, когда родился почитаемый ею Шри Рамакришна (1836–1886), она ушла из этой жизни, которую, несмотря ни на что, она так любила. Ещё в 1936 г. она писала, что «не боится умереть, так как познала, что такое счастье». Ольга Борисовна точно предсказала дату своей смерти за несколько лет до того, как она случилась, а в декабре 1941 г. из блокадного Ленинграда написала о ней: «...Она старая знакомая, и я верю, что её прикосновение будет любовно и нежно. Недаром она дала мне букет роз...» А. Н. Обнорский оставался верен её образу жизни, её идеалам,

стремлениям, её стихи всегда были с ним. Он сумел сохранить большую часть её писем. После её ухода 19 лет прожил он, держа её руку, смотря ей в глаза и сохраняя в сердце её нежный цветок, телепатическая связь между ними не прекращалась: «Всё, что существенно, находится в глубинах и тайниках ваших сердец, и никто этого не может раскрыть в вас, пока вы сами не созреете настолько, чтобы получить своё богатство, хранимое в вас веками. Одолеть себя — это значит понять истинную сущность бытия, которая стремится не к разобщению, а к единению. И тогда та маленькая, полная эгоизма жизнь личности уступает место сверхличности, которая неукротимым потоком мчится к Великому Океану Жизни, чтобы, слившись с ней, выразить своё назначение».

Г. Обнорская

Мои воспоминания об Ольге Борисовне Обнорской

Это скорее воспоминания о счастливых днях моей юности, когда царила в душе безмятежность и ожидание чуда. Южное солнце, синее небо, шершавые тёмно-зелёные листья инжира и винограда, блестящие листочки гранатового дерева, треск цикад делали воздух плотным. В этом мареве висели огромные голубые и розовые шапки гортензий; клумбы были так велики, что казались озерами с розовой и голубой водой. Всё контрастно без полутонов и сомнений.

Воспоминания об Ольге Борисовне, милой тётё Ляле, слились с тем волшебным краем и моими 15 и 16 годами. Сама же тётя Ляля, как с портрета Левицкого — кудрявая головка, повязанная ленточкой, улыбающееся лицо и глаза, которые излучали столько любви ко всему и всем живущим рядом с ней.

Весь её облик был лёгкий, радостный, всегда с улыбкой и немного таинственный.

Я никогда не видела её раздражённой или недовольной чем-либо. Мы гуляли по саду или сидели у горного ручья, который грохотал за их домиком. Ольга Борисовна с Алексеем Николаевичем снимали много лет подряд сарайчик у чудесной старой женщины, худой и очень высокой, с лицом добрейшей колдуньи.

Ольга Борисовна была прекрасным мотыльком на этом празднике цветов, яркого голубого зноя и звенящего горного потока.

Меня приглашали в дом. Стоило закрыть дверь их комнатки — становилось прохладно и тихо. На меня смотрели дивные таинственные лица Великих Учителей. Я не решалась задавать вопросы, было значительно и таинственно. Мне казалось тогда, вернее это была уверенность, что я всё понимала. Безмолвие было созвучно моему сердцу.

Как-то Ольга Борисовна рассказывала мне о днях своей молодости, тогда она жила в Москве. У неё собирался поэтический салон. Мне запомнилось, как В. Маяковский, приходя, ставил свой чёрный цилиндр посередине гостиной (он в ту пору увлекался футуризмом), это повторялось не единожды. В те годы я не видела, чтобы тётя Ляля занималась бытом, не могла представить её у плиты. Казалось, что эта сторона жизни никогда не касалась её. Она ничему меня не учила, но оставила в душе бесконечное чувство благодарности за Встречи с ней, Радость общения.

Она была частью окружающей её природы и чистого и высокого звучания Жизни.

Беклемишева А. Е.

ПИСЬМА О.Б.ОБНОРСКОЙ

1936

12.09.36

Я сижу на берегу и чувствую себя смятенной. Бушует море. Надвигается справа тёмная синяя туча. Местами её прорезывает солнце и старательно просовывает в скважину, где

только может, лучи... А надо мною ясная бирюза неба, как обещание счастья...

Я чувствую себя смятенной... Словно что-то надвигается на меня, я хочу остановить это, но это не остановимо. <...> ...Это налетело так внезапно и так сильно. Сейчас я была у У. (К. Х.), и то, что Он сказал, ещё больше смутило меня. (Солнце прорвало тучи и решительно белым лучом озарило море.) У. сказал между прочим: «Когда надо разрушить старое, уже негодное, мы иногда сеем новое». Я после Вам напишу обо всём. (Боже! Какая красота на море! Какое сияние в небе и сверкание в воде! И всё это так близко сердцу сейчас: и тучи, и свет, и неба бирюза...) <...>

18.09.36

<...> Ах, слишком, слишком много любви вдруг! Я понимаю, что всё это восхищение относится не ко мне, а к тому, что через меня идёт, но всё же как мне быть? Куда девать глаза, руки, губы, чтобы они не улыбались, как мне поступить со всей этой личностью, которую собираются лелеять, холить и любить... Ах, слишком много любви! Мне хочется убежать, спрятаться ото всех и от самой себя. Как мне быть? Я боюсь, что лишусь этого глубокого напряжения сердца, лишусь какой-то суровости вокруг себя. Мне часто бывало трудно, но я говорила себе: «Так и надо! И нечего заноситься!» А тут вдруг я чересчур избалуюсь. <...>

19.09.36

<...> Я пишу Вам, сидя у моря, после того как я побывала у У. на терраске. Теперь я знаю его волю. Мой дорогой, что мне ещё сказать Вам? В моём сердце зародился цветок, и он расцвёл так неожиданно, и так нежно, и благоуханно, что я поражена, взволнована и счастлива... <...>

Ваша Л.

20.09.36

Только что вернулась из сада У. Догорает закат, совсем алый... Небо прозрачное, и прямо против меня молодой месяц. В небе кое-где, как чёрные лебеди, плывут чёрные облака. Мне хочется сказать Вам несколько слов, хотя я дрожу от холода, но в комнате слова уже будут иными, чем здесь на берегу моря...

Я возвращалась из Лаз. от наших. Они обе друг перед другом ласкают меня всем, чем могут. Ваше имя часто произносится нами.

Я сейчас поняла, что мы обещаны друг другу. Вот отчего это развёртывается с такой удивительной скоростью. Мне незачем жеманиться и кокетничать с Вами, всё это гораздо больше и сильнее, чем обычные чувства. Вот почему мне удалось победить себя, и вот почему разлука с Л. С. состоялась. Произнесены где-то обеты... не нами, может быть. Я сегодня весь день так была взволнована внутри себя, мне всё казалось, что это чувство к Вам помешает мне сосредоточиться на том великом, что я хочу. Теперь ясно вижу, что это не помешает, а, наоборот, даст мне те силы и раскроет те стороны моего сердца, которые были задавлены. Я верю Вам. Вы мне нужны. У меня в сердце так много нежности к Вам, что, я думаю, оно сумеет дать Вам счастья. Кажется, такие слова надо говорить Вам первому, но разве в словах дело? Особенно когда Вы и я обещаны друг другу. Это всё было неизбежно... Во мне словно улёгся мятежный ветер, который дул в сердце горячо и страшно. Мне тихо. Я сижу на песке. Мне холодно. Сильно стемнело. Я еле вижу бумагу. Но месяц как цветок, и сердце у меня светит так же чисто сейчас и ясно, как этот месяц... Обе мои руки легли Вам на плечи, и я смотрю без улыбки Вам глубоко в глаза. И в этом взгляде всё.

Л.

21.09.36

Сегодня я водила на гору Ф. и Г. На самом верху горы открывался дивный вид на море. Там мы говорили и читали. Я Вам посылаю те мысли, которые прошли там через моё сердце:

Величие сердца во всём. Умейте вносить в день ваш стойкую и мужественную радость. Ту радость, которая раскроет в вас Жизнь, если вы последуете за ней. Не торопитесь. Не увлекайтесь стать сверхчеловеками, мудрецами, но там, где вы стоите тихо и незаметно, раскройте всю полноту вашего понимания. Очень важно, чтобы сердце ваше не усохло, а всегда трепетало и горело. Только в его постоянной напряжённости и трепете та сила Жизни, которая способна творчески раскрыться в вас и через вас пролиться в Жизнь. Ищите горячо. Не препятствуйте ничему тому касаться вашего сердца, что даст вам радость, экстаз. Пусть это будет боль страдания или песня счастья — сумейте постигнуть их самую драгоценную глубину и в этом живите.

Кришна

Всё. <...>

22.09.36

<...> Сегодня мы сидели на горке все втроём, и вдруг я почувствовала трепет в сердце. Взяла карандаш и записала стихи и передачу У. К. Х.

И дни, созревшие глубоко,
Прорастут... И будут дни,
Как зёрна полноценных
И тугих колосьев...
Всем дано прозреть,
Но только те прозреют,
Кто прорастут сквозь сердце,
Разбивши личности
Изжитой скорлупу.

Передача:

Найди в себе силы и запомни: там, где встала Наша Власть, и там, где взоры Наши видят, — там людское зрение слепо. Тебя ведут те, кто знают: туда, куда надо, и так, как надо. Жизнь, преданных Нам детей, объединяет и даёт новый свет в мир. Верь. Жди. Мир сердцу!

У. К. Х. слово дал через *Нуми* .

<...> *Ваша Л.*

23.09.36

<...> Прочтите в последних передачах моего блокнота, что сказал У. о том внезапном цветке, что расцвёл в моём сердце. Конечно, это они по своему великому милосердию послали его, чтобы он закрыл мне взоры туда, куда я больше никогда не вернусь. Вы должны были бы сидеть сейчас тут около моих ног и смотреть вместе со мной на эти дали, на эти горы... Вы с каждым днём мне делаетесь роднее и ближе. Почему? Потому что мы уже не в первый раз встречаемся, наверное, и потому что Вы мне нужны для полного расцвета моего внутреннего счастья. Вы мне поможете открыть и выявить в себе то, что самое ценное. <...> И вот я думаю, что всё это прекрасно, но какой сверкающий ореол придают мне все мои «передачи»! Может быть, и Ваше чувство ко мне не расцвело бы так, если б Вы увидели во мне только <...>. Хорошо, что Вы — это Вы, и я больше ничего не жду от Вас кроме того, что Вы из себя представляете. Мне иногда кажется, что я гораздо, гораздо хуже, чем можно обо мне думать. Вы светлый, а я? Ну, ничего! Около Вас я сделаюсь светлее. Я люблю Вас.

Л.

25.09.36

А не знаешь, что от единой мечты твоей родятся бури?

А не знаешь, что от иной единой чистой мечты родятся бури?!

Е. Гуро

Да... родятся бури иногда от одной чистой мечты, от единой чистой, чистой мысли, возникшей в чьём-то сердце и вызвавшей в другом сердце бурю. К чему это предисловие? Ни к чему. Так. Я открыла наугад книгу Гуро и вот прочла... и задумалась... Наверно, это всё тоже на тему о ручье и потоке... Мне грустно! Отчего? Не пойму сама. Я не люблю, когда от Вас нет долго писем. Тогда я ощущаю какую-то темноту, в которой я шарю руками, а меня покинули. Я не люблю, когда Вы мне долго не пишете. Отчего это, жило-жило себе сердце, шло своими путями, начертанными ему, пело, плакало, любило, страдало и вдруг заново рождается, словно умытое утром дитя, чистое и безгрешное и начинает свою жизнь сначала... «Начни сначала...» Нет, я дерзостно хочу молить не начинать «сначала». Пусть всё будет по-новому, совсем-совсем по-иному. Я не знаю, как всё это будет, и Вы не знаете. А от нас зависит всё. Но только это всё такое нежное, такое ещё хрупкое, что требуется буквально какое-то нездешнее чувство. По крайней мере, это мне так кажется. У меня очень развилась восприимчивость, и мне больно может быть даже от мысли, которую подумали, но не сказали... И вот сердце уже не своё, оно протянуло лучи... И всё оно протянулось в этих лучах... И прошла по этому звёздному мосту любовь и сказала: «Вот вы теперь двое, но скоро вы будете одно. Сумейте понять это и не опорочьте своё счастье недоверием, ибо Я — любовь — говорю Вам, что там, где Я связала, не люди развяжут». Вот что Она мне сейчас сказала, а я передаю Вам. Вы слышите меня? Как всё тихо, тихо... Ещё очень рано, но у нас в 9 часов уже глубокая ночь. Все спят. Даже Лили спит, приткнувшись возле меня. А мне не хочется. Над Гуареком стоит большая луна, как серебряный ковш, а вокруг него большой радужный круг; говорят, это к холоду.

Скажите, Вы любите меня? Скажите мне, как Вы любите? Имейте в виду, иногда можно тысячу раз говорить «люблю», и всё же этого будет мало... Нет таких слов любви, которых сердце устало бы слушать, когда оно любит, нет таких слов! И наконец, сердце очень нетребовательно, оно довольствуется иногда двумя-тремя словами, но они переливаются и повторяют один и тот же напев, который сердце не устало слушать... Это как в час заката, когда птица в кустах повторяет одни и те же трели, прощаясь с днём... Я не знаю, как мы будем жить, то есть какие дела будут тускло стучаться в нашу дверь. Меня это совсем не интересует. Ту, что придёт в Ваш дом, ведь приведут руки гораздо более мудрые и для совсем иных дел, которые вовсе не свойственны обычно людям... Но это вовсе не значит, что я откажусь быть Вам другом там, где Вам понадобится моя помощь, хотя бы это выразилось в одном любящем взгляде. Мой дорогой, скажите, скажите мне, как Вы любите меня? Очень ли я дорога Вам сейчас? И как бы Вы приняли весть, если б я сказала, что никогда больше не увижу Вас? О, нет! Я увижу и даже больше: я, может быть, смогу положить Вам обе руки на плечи и, притянув к себе близко-близко, заглянуть в глубину Ваших глаз, чтобы найти в них... себя! И может быть, даже у Вас найдутся для меня те слова, которые Вы хранили для меня века... Нет, я не знаю, что будет! Но одно я знаю, что Вы живёте в моём сердце, и огненный цветок готов раскрыться, и он должен будет закрыть собой весь мир и всех людей, когда придёт его час полного расцвета и пламя его обожжёт Вашу душу. Когда это будет? Об этом нам скажет любовь. Я отпускаю Вас. Покойной ночи! Серебряный ковш луны затопили тучи, он ещё проливает слабые струи света, но туч много, а он одинок...

Л.

27.09.36

«Astra inclinant non necessitant».

И пришёл вечер... И зажгли свечи... И розовые язычки огня осветили комнату. И по комнате заплясали тени и, собравшись где-то в углах, робко созерцали свет... И сразу потемнело окно и ушло куда-то небо и облака... День кончился. Он проплыл мимо меня! Я весь день лежала в постели с забинтованной ногой и смотрела в открытое окно, где виднелся кусочек моря и нежное осеннее небо, озарённое солнцем. Сегодня так трудно и тоскливо бьётся сердце, как птица с переломанным крылом, вдруг забьётся в каком-то безумном

трепете, то вдруг снова поникнет безвольно, и кажется, что она уже не дышит... Около меня стоит букет. Белые нежные цветы, распустившиеся второй раз осенью! Их хрупкая и нежная прелесть принадлежит весне, но они расцвели осенью.

Сегодня тоже не было писем. Где-то выплывает, как луна из-за гор, число и день моего отъезда туда, откуда нет писем, где, вероятно, меня забыли и где уже разлюбили... И я говорю себе: «Синяя птица, синяя птица, не лучше ли тебе никуда не ехать?... Там, может быть, вовсе ты не покажешься такой синей? И может быть, ты будешь совсем нелепа и не сумеешь быть такой ручной и благообразной, как надлежит всякой разумной домашней птице? Ах, синяя птица!»

Но она молчит. Её крылья слабо опущены, она смотрит в тоске пустыми глазами и молчит. Она больна. Ну что же, и опять вечер перейдёт в ночь, когда будет зажигаться и тушиться бессонная свеча и опять надо будет долго, долго наблюдать лунные пляски за окном, отгоняя упорно обступающие со всех сторон мысли, и наконец засыпать, чтобы, вздрогнув, просыпаться и начинать всё сначала. «C'est la vie!» Как говорила в детстве моя француженка. Да... c'est la vie!

Но сегодня ночью, когда сердце от боли, казалось, уже запеклось кровью, ясно слышала голос, и он сказал: «Не бойся быть с тем, в ком вызваны Нами слёзы радости и благодати. Мы дали ему — тебя, а тебе — его. Имейте силу понять величие сказки, вложенной в день ваш. Пребудьте светлыми. Намечая себе пути, пройдёте рядом и там, где одному дано, дано обоим познать, и там, где один возвеличен, — оба возвеличатся». И я всё записала, чтобы утром не забыть. «Ну и что же! Чего же ещё?!» — спросите Вы. А я Вам отвечу: «Когда сердце любит не только божественной, но и человеческой любовью, то иногда маленький клочок бумаги, на котором торопливой рукой написаны два-три слова, возвращают сердце к жизни. Вот и всё».

Л.

29.09.36

Сердце верное, знай,
Ждать длинней, длинней морской травы,
А верить легко...
Е. Гуро

Можно? Можно мне подойти к Вам в тишине, тихо, тихо посидеть около Вас и уйти, оставив за собой запах моря и тишины одинокого вечера, увенчанного яркой звездой моего сердца... Можно войти мне? Сегодня день прошёл в такой нежности, такой лаской овеял душу и одиночеством... Тем одиночеством, в котором дрожит сердца струна и на ней Вечность играет свою мелодию. Он словно обнял меня, погрузил в свою мягкую глубину и вот, угаснув, возвратил вечеру омытую тишиной, умилённую, светлую. Вот эту тишину я сейчас несу Вам. Все слова стоят покорные и тихие и ждут, которые из них выберу, которые будут достойны передать Вам великую тишину моего сердца. Я сегодня вдруг ясно ощутила, что всё, всё, что есть в моей глубине прекрасного, — не моё. Оно принадлежит всем тем, которые сейчас должны стоять на трудных местах, которые должны крепко держаться, которые не могут подобно мне погрузиться в день, как в объятия любимого. И чтобы им жилось светлее и радостнее, я коплю в себе силы, я коплю в себе любовь, чтобы всё это расточить, опустошить в великом восторге отдачи. Это я поняла сегодня, когда день склонялся уже к вечеру, а по небу побежали розовые облачка. И я смотрела на них и произнесла обет, обет верности своему сердцу.

Вам послано мною много писем, Вам послано мною много чувств, и веры, и призывных мыслей. И все они улетели, а я осталась ждать... «Ждать длинной, длинной морской травы...» Иногда силы изменяют мне. Вчера налетел откуда-то очень горячий, очень сильный ветер; он растрепал моё сердце, он нашептал мне злые мысли, родившие в сердце тревогу, сомнение, тоску и многое другое. Я почувствовала себя такой одинокой на краю моря. Я хотела бежать, спрятаться в чьей-то ласке, но никого не было подле меня. И если

есть в мире рука, готовая протянуться ко мне, то где же она? И если есть в мире сердце, которое говорит о своей любви и преданности, то почему оно так скупое изливает на меня свою любовь? И возможно ли, чтобы то огромное, что надвинулось вдруг на мою жизнь, отстранив всё, что могло бы ему помешать, возможно ли, чтобы оно, изменив, предало меня? Вот что вчера нашептал мне ветер... Но сегодняшний день пришёл, кроткий и нежный, он разогнал тревогу, он кротко шепнул мне: «Жди!..» И, вздохнув, я сказала: «Буду ждать». И ещё ветер шептал: «Зачем ты пишешь, тебе вовсе не надо часто писать...» Но день сегодня, уходя, шепнул: «Пиши!» Это такое мелкое чувство, которому неуместно быть около твоего сердца. И я пишу Вам, потому что это доставляет мне радость, приносит успокоение, потому что в эти минуты мы ближе друг к другу... И всё же мне этого мало! Я хочу знать, что Вы думаете? Как Вы думаете? Бережёте ли меня в своём сердце? И довольно ли Вам всего этого? Довольно ли Вам получать от меня письма, знать, что у моря жить лучше, чем в городе, и издали благословлять моё одиночество, не делая попыток нарушить его? Ну, а мне безусловно мало двух ваших писем за всё это время, и даже чудесные стихи Кр. не возместили всех этих дней забвения моей жизни... Эти жалобы моего сердца должны Вас только радовать. Я не хочу посылать Вам упрёки, я хочу послать Вам только большую звезду этого вечера и одно маленькое слово, которое дрожит около моих губ...

Л.

1.10.36

Какой чудесный день сегодня! Я пришла на берег моря. Ушла далеко-далеко; устроилась очень уютно на песке под маленьким деревцем в аршин высоты, но оно всё же даёт лёгкую тень. Я принесла с собой много книг и, как видите, даже чернила и бумагу (это уже мысли о Вас!). Принесла с собой тоже Ваше последнее письмо, которое получила вчера, письмо от 25-го лежит возле меня как частица Вашего существа. Сегодня чудесный день! Я всё думаю, думаю и перевёртываю в себе мысли о Вас, обо мне, об этой весьма неожиданной близости, об этом вихре горящего огня, который Вы правильно ощутили в себе. Он горит во мне, полыхая, и я в смятении всё не могу решить, как надо принять его. Гасить ли его и душить или дать ему гореть и принять? Но ведь это, как я понимаю, что-то необычайное. Я здесь вижу не только свою или Вашу волю, а некоторое предопределение, которое поставило нас друг перед другом... Это же не простое влечение друг другу, которое обычно так просто разрешается. Вы — мой. Совершенно мой. И чтобы так в это поверить, так страшно просто поверить, надо, чтобы сердце что-то видело за грани наших дней. Тогда какие же сомнения могут быть в сердце? Я Вам выражаю ясно и просто свою волю — так, как я это чувствую: мы должны быть вместе. Я знаю, что всё пойдёт навстречу в этом направлении. Боятесь ли Вы последовать за мной? Или, вернее, нам обоим последовать за нашей судьбой? Я думаю, что с особенной нежностью и осторожностью, чтобы не причинять лишней боли тем, кто были нашими близкими спутниками до сих пор, но надо их посвятить в эту перемену. С моей стороны, это проще, так как я уже свободна. И Ваше имя уже встало между нами. Но прежде всего я хочу слышать от Вас прямо и ясно: хотите ли Вы связать свою судьбу с моей? Верите ли Вы, что я Ваша так же крепко, как я верю, что Вы — мой? Желанна ли я Вам? Это же не просто дружеская встреча. Я ощущаю каждое мгновение такую силу, с которой я не в силах бороться больше. Для моего покоя и равновесия необходимо прийти к ясному и определённом решению.

Откуда прилетает к нам любовь? Что это за сила? Почему она снова так властно встала на моём пути? Вот вопросы, которые я задаю себе и слышу всё тот же один ответ: «Вы обещаны друг другу». Так если же это неизбежно, к чему противиться? И почему прятать за словами то, что всё равно прожжёт все слова, все расстояния и выплеснется наружу. Мне сейчас надо только одно, хочу слышать от Вас: так ли Вы любите меня, чтобы захотеть соединить наши жизни, так ли верите, что это уже где-то скреплено и завершено, а нам предстоит только оформить на земле, и так ли всё Ваше существо стремится ко мне безудержно и страшно, как я стремлюсь навстречу Вам?.. Я не хочу никаких недомолвок,

никаких неясностей, я не хочу «играть в влюблённость»... Для меня это стал вопрос жизни, очень важный, который повлечёт за собой много последствий. И я потому ещё сама поднимаю так чётко этот вопрос, что на одной из бесед У. повелел мне самой вопрошать жизнь, а не ждать, что кто-то будет её решать. И я «вопрошаю» ясным, громким голосом, и я гляжу прямо в глаза моей судьбе, не испытывая никакого ложного стыда за мою смелость, и я жду такого же решительного ответа. Я бы хотела, чтобы и это письмо было бы Вам легко читать и чтобы всё, что я Вам пишу, нашло бы отклик в Вашем сердце...

День клонится к вечеру... Скоро 5 часов. Эти дни я не пропускаю часы. В сердце тишина. Я уже стала совсем шоколадная от солнца. Уйду отсюда, когда солнце уйдёт в море, и унесу с собой тишину сердца и солёные губы.

Ну вот и окончен день... Зажглась лампа. Я перечитала и переписала всё, что было собрано за день. Чудесно всё! У меня уже начата седьмая книжечка. Я Вам посылаю свой блокнот. Там плохо написано, не знаю, разберётесь ли... Но там есть много существенного для нас с вами. В сущности, мне не надо было бы посылать этого письма. Вы сами могли бы написать и даже, может быть, пишете что-либо подобное, что написала вам я. Но во мне словно разрывается динамит, и я не могу оставаться ни инертной, ни спокойной. Никто не может решить нашу судьбу — только мы. Детали все устроятся, я об этом не волнуюсь. Мне важно знать: действительно ли это огонь с неба или это призрачный огонь с болотной трясины, который может, завлекая, увлечь в трясину... Нет, нет! Возможно ли тогда, чтобы У. говорили об этом огне? Нет, я отказываюсь даже думать так.

Вместо чудесного стихотворения Кр. я Вам посылаю другое, оно не из лучших, но сейчас звучит моему (и вашему?) сердцу.

В тёплых руках весеннего ветра
Качаются цветущие яблони...
И душистая бело-розовость лепестков,
Как снег, проносится в воздухе.
В тёплых руках твоих, о Возлюбленный,
Качается моё сердце, как яблоня.
И словно лепестки её, летящие в воздухе,
Летит моя Радость за Тобой!

Ваша Л.

P.S. Сейчас ночь, я проснулась от какого-то счастья... И я ясно ощутила свет в области сердца. Он ещё очень слабый и нежно-персикового цвета. Но это меня наполнило таким ликованием, что я не могу заснуть. И вот Вам, родному и близкому, я хочу сказать первому об этом счастье. И значит, моя любовь не грешная, значит, она действительно «огонь с неба», если при ней расцвёл цветок моего сердца. Об этом не говорите ещё никому. Но у меня к Вам просьба. Когда получите это письмо, и если оно зазвучит в Вашем сердце и Вы согласны с выраженной мною волей, то Вы пришлите мне телеграмму, хотя бы одно слово: да! А если не согласны, то не присылайте... Но не может быть, чтобы Вы были не согласны?! Я жду и телеграммы, и письма, и я жду, жду нашего счастья!..

Ваша Л.

2.10.36

Это не письмо, это мои творческие мысли, которые я посылаю Вам. Так вот что пришло в моё сердце:

Надо иметь мужество, очень много мужества, я бы сказал, отваги и огня в сердце, чтобы без прикрытия встретить все трудности пути. Надо ли говорить, что всё это готовится не одним годом жизни или даже всей жизнью, а веками, когда выковывается в сердце эта железо-огненная устремлённость, когда сердце готово вступить в общую

цепь и знает, для чего оно бьётся в мире. Надо иметь чёткую и тонкую установку (цель!), надо понять своё назначение в жизни, надо уметь вовремя закрепить брошенные тебе У. слова, намёки слов. Надо найти в себе возвышенную приподнятость и трепет чувств, холодную и мудрую сдержанность ума и ледяное спокойствие там, где вопросы касаются духовных глубин. Только тот, кто в себе имеет силы на такое мужество, может рассчитывать встать в ряды истинно идущих. Вихрь, взлёт, гром, сверкание молнии, порыв — всё это экстаз, длящийся мгновение или века, но он проходит, и сердце опять погружается в страшный опыт повседневности, когда, казалось бы, нет ничего, что придало бы сердцу силы для взлёта его творчества. И тут нужно мужество, тут нужно, не выпуская из рук оружия, бороться, бороться с собой, с теми мелочами, которые подобно мошкаре досаждают на каждом шагу. Но, борясь, вы должны помнить, что это всё пройдёт. Истинное мужество, оно найдёт новые способы свершения, оно претворит всё вокруг себя в нужный свет. В великой простоте сердца — великая мудрость познания. Творите жизнь в каждом её миге, пребывая светлыми, творчески приподнятыми. Славославьте Жизнь в сердцах ваших! Не о гимнах церковных напевов я говорю вам, а о гимнах Жизни, когда сердце знает, чего оно хочет, когда оно утверждает себя, срывая с себя покровы самости, и растворяется в той великой Жизни, которая и есть истинная сущность каждого.

Кр.

И вот ещё стихи, которые я тоже написала сегодня вечером:
В ладони вечера вложите тишину
И мир сердец... Не будьте беспокойны.
Омойте сердце тишиной
И близостью заката...
Окончен день. Но завтра новый свиток
Вам развернёт сверкающее утро.
Умейте начертать в нём мудро
Простые, но великие дела.

Вот и всё. Я сегодня послала Вам письмо, а сама уехала в Туапсе. Завтра я вернусь обратно домой. Конечно, можно было бы не посылать сейчас же то, что вытекло из моего сердца, но я не могу не поделиться с вами всеми, моими родными и близкими, своим радостным творчеством. Мне хочется, чтобы всё это сейчас же, без замедления летело к Вам! Я послала сегодня Вам письмо, и немного волнуется сердце, как-то Вы его примете. Помните, 6–7-го буду ждать телеграмму. Или телеграммы не будет. У меня сегодня весь день какое-то «великое состояние». Где-то принимаются великие решения, где-то сближаются звёзды, где-то произносятся великие слова... Я не знаю, где, но только я вся свечусь, как вставшая после болезни. Так рождается в мир новая жизнь сердца. Я жду всего и принимаю всё: и самую дерзкую мечту о счастье, и самое скромное уединение. Я жду...

Л.

И вот сегодня утром ещё два стихотворения сердца:
Я даю, ибо сердце моё переполнено,
Ибо сердце моё истекает кровью,
Пронзённое сверкающим копьём любви.
Я даю, ибо сердце моё переполнено.
Оно не может вместить всего, что имеет,
Это выше моих человеческих сил.
Приходите, берите всё из него и черпайте —
Оно не может вместить всего, что имеет.
Кто жив в любви — для тех нет больше смерти,

Для тех исчез накопленный туман
Сомнений, слёз и горести обиды,
Для тех вся жизнь — единый сердца храм.
Для них любовь живой залог бессмертья,
Их каждый день ликующе иной,
И сердцем чистые, как радостные дети,
Они идут, сверкая над толпой.

7.10.36

Вечер... Трещат сверчки. В окно опять глядит звезда... Моя звезда! Вечер очень свежий, я даже закрыла окна. В сердце какая-то великая тишина и... усталость. Словно я опустошила все силы после великого бунта. Хочется лечь и не двигаться...

Я сегодня получила Вашу телеграмму, я не сомневалась, что она будет, я только не знала, как Вы её протелеграфируете... «Мы согласны»... Кто же эти «согласны»? С кем Вы советовались, милостивый государь? Мне надо было слышать биение только Вашего сердца, и в это мгновение пусть замолкнут все остальные мнения. Я очень сейчас вдруг устала...

Я лежала у моря и приняла передачу. К сожалению, не могу Вам её послать, прочтём это уже вместе. А для Вас «мы написали» стихи:

И что сказать? Что я уже не та...
Что где-то вознеслась к престолу света чаша
И кем-то жертвенно дана и принята,
И жизнь была — моя, теперь же... стала ваша.
Былых разлук закончен долгий срок...
И встретились узнавшие друг друга.
Так путь любви в веках упорен и глубок
И повторяется, свершив законы круга.
Это Вам! Мой дар.

Что мне ещё сказать?.. Я в другой раз напишу о всяких деловых предложениях. Сейчас не хочется ни о чём этом думать... Трещат сверчки... И всё же стоит великая и торжественная тишина ночи. Я ещё не скоро увижу Вас. Впрочем, может быть, *ноябрь* это уже для Вас скоро? 28 октября моё рождение. Я жалею, что этот день пройдёт вдали от Вас. Я всегда чту этот день, когда я впервые пришла в мир. Говорят, я не плакала и не спала, а всё рассматривала кругом с любопытством. <...>

Ваша Л.

8.10.36

Сегодня ночью я проснулась и опять долго лежала с открытыми глазами. И вот сердце, вероятно, чтобы я скорее заснула, рассказало мне сказочку: «Бежал в дремучем лесу серебряный ручей, он был совершенно чистый, светлый и холодный, никто не замутил ещё его серебристой тишины... И он, тихо журча, пробивался к свету. И преградил его путь другой поток. Он был стремительный и бурный. Его воды несли в себе много мусора, но он мчался с гор, и он стремился слиться с океаном... И оба потока слились в один. И потерял серебристый ручей свою чистоту и тишину, он получил устремлённость и силу, а бурный поток, влив в себя серебро и чистоту ручья, получил его хрустальную и нежную прозрачность». Вот и всё. И мне захотелось ночью встать и записать эту сказочку, но сердце сказала, что я её не забуду. И я заснула. Сегодня день чудес. Сегодня день великой радости сердца. Я жалею, что около меня сейчас нет всех моих родных друзей, чтобы я могла поделиться с ними своим счастьем. И я весь день хожу как причастница. В сердце великая тишина, умиленность и даже боль от счастья. Это невероятно, что можно быть такой счастливой?! Я всё это записала и прочту, когда я буду вместе со всеми. Ведь это же счастье

для всех, кто желает его получить! Сегодня и сны я видела какие-то необычные... Всё чудесно в мире! Я проснулась утром от радостного чувства бытия. Сегодня в саду У. был большой праздник, совсем для меня необычный. Я не знаю, как сложится моя внешняя жизнь, но я знаю, что внутренне она растёт и временами счастье заливает моё сердце. В такие минуты я ни Ваша, ни своя, я просто... ничья. Это все очень трудно рассказать, да и не нужно. <...> Боже мой, мой Боже, как чудесна жизнь, как она нежна, благоуханна, как таинственны её пути для нас и... как мы слепы! Я себя ощущаю совсем иной, чем я была весной, словно века пролетели над моей головой и словно во мне отболела и умерла целая часть моей жизни и из всех этих развалин появился... цветок! Такой неожиданный, такой нежный и благоухающий... И я полна к нему нежности. И я хочу беречь его, лелеять... Сегодня изумительный день! Я словно вернулась откуда-то издалека, и всё мне кажется необычным, и какая-то серьёзная важность свершаемых событий в сердце. Может быть, эти дни, на пороге моей новой жизни, которую я встречаю в полном одиночестве здесь, будут после считаться мной самыми счастливыми? Нет! Я хочу, чтобы и дни с Вами были полны счастья. <...>

Ваша Л.

14.10.36

Мне кажется, что я Вас давно-давно не видела... Мне кажется это потому, что я давно не говорила с Вами. Я не могла Вам писать. Я написала Вам три письма и все три разорвала в клочки... Это, конечно, хорошо я сделала, что их не послала. Ах, мой милый, родной друг, боюсь, что Вам будет много хлопот со мной. Я ведь далеко не ангел. Я боюсь (опять «боюсь»), что Вы меня не вполне учитываете. Я сильно изменилась и буду ещё меняться, я знаю, но всё же во мне ещё много бури, и мятежа, и всего того, что может опрокидывать на пути самые ясные намерения и возвышенные чувства. И всё же мне хотелось бы, чтобы Вы любили не только мой цветок и жемчужину... Ведь тогда куда же денется та «Лялочка», которая ещё не имеет ни цветка, ни жемчужины?.. Я сегодня получила два Ваших письма от 8-го и 11-го. Я рада. Нет, больше чем рада. Когда Вы пишете мне, все бури моего сердца сразу утихают, всё делается светло, просто и понятно. Я не еду на Афон, я ещё остаюсь здесь вместе с ней. За это время горизонт нашей будущей жизни вместе с Вами ещё больше просветлеет и очистится. Мой дорогой, я всё же должна знать, куда я приеду. Я всё же опять повторяю, что жить (даже временно!) втроём в одной комнате я не могу. Мне обязательно нужен свой угол. И я очень устаю от людей. Я ещё была крошкой, когда запиралась одна и радостно думала, что «хорошо, что никого нет возле». Когда я долго на людях, у меня ощущения, что с меня сдирают кожу. И не знаю, смогу ли я бороться с этим, особенно сейчас, когда у меня началась большая работа у У. (К. Х.). Я Вам про это не писала, так как это ещё совсем недавно началось. Я ни на чём не настаиваю, я вполне доверяю Вам, я готова всё принять из Ваших рук. Я знаю, что Вы сделаете так, как надо, но когда будете это делать, то немного подумайте обо мне, обо мне, простенькой личности, которая... тоже имеет свои слабости... Я знаю, что я еду в Ленинград для многих, но эти «многие» получают меня потому, что существуете Вы, и если бы Вас не было, то я бы не поехала для этих многих... Ведь если же Вы даны мне, то это значит *надо*, и не старайтесь мне внушить, что я еду не ради «одного». Нет, ради одного Вас! Я это говорю твёрдо. Но через Вас я приму многих, то есть всё то, что расцветёт в моём сердце, это всё будет принадлежать всем. Если возможно будет выделить в вашей квартире мне уголок отдельный, то пусть будет так, если нельзя, то, может быть, можно меня поместить куда-либо за городом, где я смогу освоиться с климатом и с окружающей меня жизнью. Но я бы хотела, чтобы к моему приезду (это будет, я полагаю, в 20-х числах ноября) мы с Вами знали бы, где я буду. Сейчас мне всё же это ещё не ясно...

С приходом Шуры кончилось моё одиночество. Я ей уступила свою комнату, а сама перешла в комнату Мави, где сплю одна. А весь день мы вместе. Погода дождливая, и довольно свежо, но Шура поразилась «теплом» после Москвы. Конечно, тут всё ещё зелено и цветут розы. Около меня стоит такой букет красных роз. Я отрываю один лепесток и

посылаю его Вам... А музыки мне здесь очень не хватает. Но я хотела бы послушать не радио, а Вашу игру, мне это дало бы больше радости. Я очень люблю рояль и виолончель, скрипку только первоклассную. И ещё повторяюсь, что хочу Вашу карточку, самую маленькую и пусть любительскую. Ну вот — всё. Как мне хочется Вас видеть!

Л.

15.10.36

Мой дорогой друг, я хочу только Вам сказать, что мне радостно сердцу и я посылаю Вам те стихи, которые сейчас пропели в моём сердце:

Очей очарованья — розы цвет...
И в лепестках её порхает аромат...
И каждый славою незримою одет,
И каждый лепесток по-своему богат.
Пусть сердце каждого раскроет лепестки
И в нежности его незримых сил
Поднимутся, светя таинственно, ростки,
Которые сам Бог благословил.

Что ещё мне сказать Вам!.. Я посылаю эти лепестки розы, и пусть каждый из них прошепчет Вам то, чем переполнено моё сердце.

«...» Сегодня я ночью видела сон. Ночное небо, и на нём небывалой формы очень яркие созвездия, похожие на какие-то бриллиантовые шарады. Я стояла около очень больших и очень широких стеклянных дверей, ведущих на террасу, а сзади меня стоял кто-то, кого я не видела, но чувствовала каждым нервом. И он стоял близко-близко около меня, и мы молча смотрели на звёзды... И теперь я знаю все Ваши мысли и все Ваши чувства, потому что они и мои тоже. И я действительно не знаю, смогут ли цветы лежать безжизненно на алтаре и не разметёт ли ураган моих чувств все мирные представления «о моих высоких достоинствах»... «...»

Ваша Л.

16.10.36

Сию на море. 10-й час. Только что вернулась из сада У. Небо ясное, солнце греет. После всех дождей, что вылились за эти недели, это очень приятные ощущения. Сию и греюсь... Думаю, не выкупаться ли в море?... Оно кажется ласковым. Я не думаю о Вас. Вы в моём сердце. «...» Я сижу на песке, почти на том месте, где мы сидели с Вами и Вы мне рассказывали о своей жизни, о своём брате и о том, что я похожа на него... Я бы хотела, чтобы Вы были тут опять... Вы бы увидели это море, эту тишину утра и яркую сверкающую полосу на море там, вдали, около лиловых гор. Моё сердце полно до краёв. Как случилось это чудо? Как это произошло? Я не знаю... «...»

Любящая Вас Л.

«...»

17.10.36

Сегодня мы живём совершенно как в подводном царстве. Потоки воды мчатся со всех сторон, они спускаются сплошной стеной, струями струятся по окну, шумят, звенят булькают и капают в комнату. Даже не верится, что могут облака столько вмещать воды. Ручей разлился. Перейти его невозможно, к нам ход только с шоссе. Но мы ничуть не унываем. В сердце всё время горит радость, и её свет всё делает розовым. Я не получу Ваших писем ни сегодня, ни завтра, так как сегодня не пройти на почту, а завтра выходной день...

Сегодня я получила статьи К. Х. Я очень счастлива. Шуре я их все прочла, и она, потрясённая, считает это очень великим событием в нашей жизни. Я думаю так, что, когда

мы будем вместе, мы приобретём хорошую тетрадь, и Вы Вашим красивым и милым моему сердцу почерком перепишите все статьи К. Х. и будете их и дальше вписывать, если они не прекратятся. Я понимаю так, что они будут даваться в большом количестве и это составит сейчас основную работу моей жизни.

И вчера, и сегодня я всё думаю о первых днях нашей совместной жизни с Вами...

Я хочу в тишине и уединённости встретить нашу любовь, я хочу, чтобы всё, всё, что есть в моём сердце высокого, прекрасного, чистого, горячо пронизанного любовью, всё передать Вам в тишине и уединении. Я думаю, что Ваше сердце согласно с моим? Я хочу, чтобы это был праздник, это была бы радость, чтобы наша встреча, — это не была бы только встреча здесь на земле, но чтобы и где-то «там» сомкнулись в радости чьи-то крылья... Зачем же мне столько глаз вокруг, зачем же мне ещё кого-то видеть около себя, хотя бы и очень милого, и даже любимого, я после, после разгляжу их всех и всем отдам радость моего сердца, но пока я никого не хочу знать, я никого не хочу видеть, я никого не хочу слушать, только Вас... Вас... Вас! Неужели Вас это огорчает?!

Л.

(Мой дорогой, скажите: это очень глупо всё, что я Вам пишу?)

18.10.36

Я не могу не поделиться с Вами радостью... Я шла сегодня по шоссе. Проглянуло солнце, но было ещё очень сыро и ветрено, но сердце сияло, и потому всё казалось и значительным, и важным. И вдруг я почувствовала, что сейчас я буду писать. Я села на камни при дороге, и освещённая солнцем, написала:

Творческие судьбы народов различны, но все они объединяются одной общей целью. Лучше всего это можно воспринять, представив себе дерево, которое имеет множество веток различной длины и ширины, но все вместе они составляют то целое, которое образует дерево. Я хочу сказать, что судьбы народов так же, как и отдельного человека, имеют свою историю, свою эволюцию. Надо уметь находить во всём глубокие корни прошлого, но вместе с тем находить и радостное настоящее, которое граничит с будущим. Если б человечество обрело этот дар жизни в Вечном, оно потеряло бы многое из того, что сейчас ему кажется ценностью и приобрело бы то, что, несомненно, привело бы его к счастью: простоту и ясность понимания мира, своей цели и назначения, своего места в нём. Если б нам всем грозила опасность быть навсегда уничтоженными, мир перестал бы существовать, потому что мир — это мы сами, и если понять это во всей простой и поражающей глубине, то всё стало бы немедленно ясно и многие проблемы мира и индивидуальные страдания были бы разрешены. Ещё скажу, что если яблоку пришла пора созреть и отпасть от ветки, то никакая сила не сможет удержать его падения — оно созрело. Так и сердце, когда оно готово к тому, чтобы созреть и оторваться от ветки своего узколичного понимания жизни, ничто не сможет остановить его. Каждому дана эта возможность созревания, но для тех, кто ещё не готов, жизнь хранит целую серию воплощений, в которых возврат одних и тех же уроков ведёт к пониманию, которое заставляет человека почувствовать ярко новую волну понимания смысла бытия. Всё, что существенно, находится в глубинах и тайниках ваших сердец, и никто этого не сможет раскрыть в вас, пока вы сами не созреете настолько, чтобы получить своё богатство, хранимое в вас веками. Одолеть себя — это значит понять истинную сущность бытия, которая стремится не к разобщённости, а к единению. И тогда та маленькая, полная эгоизма жизнь личности уступает место сверхличности, которая неукротимым потоком мчится к Великому Океану Жизни, чтобы, слившись с Ней, выразить своё назначение.

К. Х.

Это всё.

Мой дорогой, пока я писала, я совершенно ничего не понимала, так как это было быстро дано и я даже не улавливала смысл фраз и связи между ними... Это всё так чудесно,

так радостно. Когда я приеду, то мы поговорим об этом более подробно. Сейчас вечер. Я закончила в шесть часов свой день, теперь только остаётся многое переписать. Зажгла лампу и керосинку. Дождя пока нет, но море бушует, и по небу ходят тучи. <...>

Ваша Л.

19.10.36

Доброе, доброе утро! Мне ещё хочется поделиться с Вами своей радостью, сказать, что сейчас солнце, что я была уже на море, была в саду У. А сейчас сижу под дубом, под тем дубом, где большой стол и где мы с Вами сидели в последний день Вашего здесь присутствия. И я сижу на том месте, где сидели Вы, и на меня светит солнце... А внизу сверкает, бежит и шумит ручей... И вот моё сердце, полное вдохновения, записало:

Там, где наш Луч,

Там и наша Радость.

Есть в жизни моменты, когда нельзя оставаться бездеятельным, когда надо принимать быстрые и смелые решения, когда каждая минута промедления граничит со смертью. В такие мгновения человеческое сердце оживает, оно дышит, оно стряхивает с себя гнёт своего сна и от его вялости не остаётся следа. Вот в таком состоянии надо быть всегда, это и есть истинная собранность, творящая жизнь из себя — вокруг себя. Научиться собранности нельзя посредством каких-то методов, но следить за собой неустанно, будить, подхлёстывать свою инертность — необходимо. Только живым сердцам — живое слово. Те мгновения, когда сердце живёт и дышит, всегда оставляют след в жизни людей, как бы свет молний, озарявший их. Как же велико и интенсивно должно быть напряжение сердца, чтобы жить в этом свете всегда. Каждый шаг, отмеченный таким состоянием, глубок и значителен; каждый поступок прост, прям и носит в себе зерно вдохновения. Ищущий получить помощь извне не найдёт её, если он не примет её сам от себя, из глубин своего сердца. Но для этого проснитесь! Оживите! Осознайте себя живущими, ликующими от экстаза жизни в сердцах ваших. Всё, о чём только мечтал мудрец, и вся фантазия, которая осеняет мечты ребёнка, — это всё существует в Реальности. Жизнь безгранична, её мощь неопишима, её творчество потрясает, и мы, носители её в себе, владеем всеми её дарами в те мгновения, когда наше сердце живёт и дышит, когда оно совершает поступки вне обычного своего понимания, когда оно поднимается над всем обычным и случайным и вливается сверкающим потоком сил (своих неосознанных сил) в океан Жизни. И ещё: наука, укрепляя мышление человека и его настойчивость и волю, тогда поднимается на должную высоту, когда мудро сочетает интеллект и интуицию, дающую вдохновенные прозрения.

К. Х.

Это всё.

И вот я сижу и вижу, что этот стол, почерневший от дождей, весь засыпан розами. Они срезаны без зелени, их тысячи, они лежат нежной, благоухающей горой... И я смотрю на них и не знаю, почему они здесь лежат и кому предназначено их благоухание... Но Вам предназначена я — «всё моё благоухание сердца». И я запечатаваю сейчас не письмо, а солнце, много солнца, любовь и часть этих воздушных роз, которые лежат передо мной. Эти передачи прочтите Г. и Ф., так же как передайте им мою любовь и ласку.

Ваша Л.

Мне хочется ещё сказать, что сейчас я переписывала в отдельную тетрадь статьи К. Х. Их всего шесть, но это пока. Я их писала и перечитывала и чувствовала огромную волну радости. Это вроде передач К., но только в последних есть какая-то существенная разница. Там есть такая глубина, которую, написав, я сама ещё не могу осилить. И меня бесконечно радует мысль, что возле меня вскоре встанет мой друг, мой возлюбленный, мой нежный брат, которому я смогу всё прочесть, который всё поймёт и разделит со мной, которому всё

это так же (а может, и больше) близко, как и мне. Это ли не счастье?! Я знаю, что, держа Вашу руку в своей, я окрепну, что Вы многое мне поможет закрепить в себе, во многом разобратся по-новому. Я знаю, что встреча наша не простая. О, мой друг, от всей полноты сердца говорю Вам: как счастлива я, что встретила Вас на своём пути, как я бесконечно благодарна У., что они дали мне эту возможность, что они благословили наш союз. Всё время сердце поёт во мне и дышит радостью... Я верю в то, что мы вместе и рядом поймём новое творчество жизни, о котором говорит Кр. Оно в нас, оно бьётся в наших сердцах, и даже влюблённость, которая кружит голову временами, и та чудесна, потому что в ней аромат Жизни. Я чувствую себя переполненной Вами, я вдохновенна, светла, переполнена ликованием и нежностью к Вам, и я тяну, тяну к Вам объятия такие чистые в своей страсти, как чиста любовь, подарившая нас друг другу, проведя нас через века многих и многих скорбей... Весь день полон Вами!

Ваша Л.

20.10.36

Я Вам хочу сказать об огненном просторе,
Раскинутом вдали на облачных горах...
О том, что сердце вдруг в себя вместило море
И всю вселенную качаю я в руках...
Что сердце ширится, полно восторга, муки.
Оно живёт в мирах, где нет значенья слов,
Там, где рождаются величественно звуки,
Где встречи лучшие, неповторимых снов...
О, милый друг, поймите, если можно,
Что долгие века, вставив в единый миг,
По-новому душа взволнованно-тревожна
И счастье трепетно в ней прорезает крик.

Это Вам. Мой второй дар. Это сегодня вечером я написала, сидя у моря и думая о нас с Вами. <...>

Ваша Л.

22.10.36

<...> У меня в сердце сейчас тихо и светло. Ну что мне сказать? Прекрасное стихотворение Тагора сказало всё. Я тоже люблю эту вещь — она полна прелести. Мне хочется приплыть к берегу... «Синяя птица» хочет лететь в свой дом. Я не боюсь ничего. Я верю Вам и знаю, что будет всё как надо. Получив Ваше письмо и Г., я помчалась к морю, конечно. А тут к вечеру вдруг тучи раздёрнулись, и закат во всей потрясающей красоте предстал передо мной. Я ходила по мокрому берегу, волнение захлёстывало меня, всё было слишком хорошо в то мгновение. И вот в сердце родилось третье стихотворение:

Я стерегу те дни, которые настанут...
Мне страшно прикоснуться и мечтой
К цветам любви, они так быстро вянут...
Я не хочу коснуться их рукой.
Я стерегу мечты, которые, как птицы,
Стремятся улететь в родные им края...
И, жизни развернув по-новому страницы,
Хочу по-новому вписать обеты я.
Я стерегу всю нежность тех созвучий,
Которые, быть может, передам,

Когда душа волною чувств могучих
Себя отдаст взволнованным губам.

Это Вам. Мой дар. Третий. Ну, не странно ли всё это? А я вижу, как горит и сверкает огненный цветок в какой-то прозрачной и глубокой синеве... И он ещё не распустился. И это — наша любовь! И я смотрю на него зачарованным взглядом, чуть дыша, и уже тут нет слов... Пусть всё будет так, как Вы хотите, а я пойду туда, куда поведёт Ваша рука. А я Ваша. Карточку Вашу жду.

25.10.36

У. говорил мне о значении моей любви и о том, как я должна уметь её держать чистой и светлой и не давать проникнуть в неё тёмным вибрациям. «Отношения глубокой чистоты сердца и прозрачности чувств — вот основная мелодия вашей любви друг к другу», — говорил он. Я это не записала, а сохранила в сердце и канву этого разговора посылаю Вам. <...>

Ваша Л.

26.10.36

Я третий день сижу у моря. Ухожу далеко к Солоникам, ложусь на песок и целый день пишу, читаю и размышляю. Надо мной высятся сосны, высоко на обрыве, а передо мной море... К вечеру я тихо возвращаюсь домой, вся словно омытая и внутри, и снаружи светом, морем и воздухом... Мой дорогой, вот какие мысли сегодня прошли через моё сердце о творчестве:

Есть истинное творчество, то, которое даёт ценность и присутствует в Жизни, это творчество сердца, когда оно, вдохновенно и взволнованно ликуя, ткёт пряжу своего бытия. В этом смысл творчества, а не в том преходящем и мимолётном, что запечатлевает ваше творчество на временном и преходящем, пусть это будут гениальные произведения великих мастеров и прославленного гения. Не этим ценен он для нас, а той великой, внутренней напряжённостью, которая, рождаясь в сердце, вознесла его над всем тусклым и повседневным. И ещё о творчестве.

Творчество не даётся в удел гению, оно даётся каждому сердцу. И в те минуты, когда оно творит в вечном, — оно гениально. Пусть он не будет прославленным поэтом, художником, мастером слова или жеста — он будет гениален, ибо его творчество в глубине сердца и есть истинное творчество. Не губите себя схоластикой, суетными размышлениями, но всегда горячо стремитесь держаться на приподнятой высокой точке вашего сознания, глядя с которой на всё преходящее, вы оцениваете правильно все события, не умаляя их, но ставя на должное место и не приписывая им той силы, которой они не имеют. Всё есть творчество, что является плодом внутреннего, глубокого и чистого сосредоточения. Но я говорю только о творчестве духа, о творчестве сердца, которые не очерчены никакими гранями, никакими рамками. Это творчество граничит с восторгом экстаза, и оно родит гения, имя которому: человек. Это не гений одной узкой области, какого-либо искусства или мысли, а это яркий творец своего собственного существа (естества), сотканного его собственным творчеством.

Кр.

Право, стоит просидеть у моря с утра до вечера, чтобы родить в себе такие прозрачные и глубокие мысли! <...>

Ваша Л.

28.10.36

Ночью опять были передачи... А утром я проснулась с мыслями о Вас и подумала... Ну что же, любимый, будьте готовы принять бурю в своё сердце... Если Вы полагаете, что

любовь это нечто очень спокойное и окрашивающее всё розовым цветом, то Вы ошибаетесь, она имеет все цвета и оттенки. И если Вы думаете, что примете в своё сердце тишину, то Вы примете в своё сердце бурю. Это пугает Вас? Может быть, Вам станет жаль расстаться со своим покоем, когда Вы охранялись от всех вибраций? Я не думаю, чтобы я была способна Вас охранить от них, я думаю наоборот... Подумайте, пока не поздно! Потому что я несу в своём сердце пламя, оно обжигает, и в нём сгорят многие Ваши «принципы» и многие Ваши понятия. Я не продолжаю... Но пока ещё не поздно, подумайте. Любовь сделает из Вас безумца и сумасброда, ребёнка и мудреца, она поведёт Вас за собой, и Вы должны довериться ей и не оглядываться назад. Готовы ли Вы следовать за ней? Она требовательна и покорна. Она властна и совсем кроткая. И она требует себе всех привилегий, чтобы тут же склониться ниц и вручить их любимому. И, отдавая, она берёт, и она не считает, не меряет, и она же возносит выше звёзд, и в тёмных омутах её глаз исчезает весь мир. Готовы ли Вы, любимый, встретить её — меня? А сейчас я хочу закончить письмо, рассказав Вам о вчерашней моей встрече с У.:

«5 часов 27-го. Я вошла на терраску к У. Я опустилась на колени около его ног и сказала сквозь слёзы...

— У., прости мне мою слабость! Вы дали мне дивную розу, а она вонзилась в моё сердце шипами, и я не умею оценить её нежности и благородства.

У. улыбнулся и сказал:

— О, дитя, неразумное дитя! Это так несерьёзно, это всё пройдёт как лёгкий туман утра. Мы дали тебе цветок не для того, чтобы ты кололась о его шипы, но чтобы ты оценила его благоухание и чтобы он дал особый аромат счастья дням твоим. Сядь, дитя. Я расскажу тебе сказочку.

Я села на скамеечку у его ног, и У., положив свою нежную руку мне на плечо, начал говорить:

— Жила в лесу белочка. У неё в дупле дерева родились три детёныша. Она была счастлива, но сова утащила одного новорождённого крошку. Белочка погоревала, но у неё осталось ещё два детёныша в утешение. Прошло некоторое время, и дикая кошка утащила второго, уже более взрослого. Белочка горевала, но у неё остался ещё один детёныш. И этот, подрастая, стал прелестен, но и его подхватила однажды сова. И белочка стала одинокой. Как ты думаешь, о ком из них она скорбела более всего?

— Я думаю, У., что в равной мере ей были дороги все три.

— Да, ты права; я думаю, что для истинной Любви (а мы предположили на мгновение, что белочка обладает истинной Любовью) нет различий... Но вот пришла новая весна, и у белочки родились новые детёныши. И на этот раз все они остались живы, и она была вполне счастлива и забыла о прошлогодних скорбях... Ах, как часто человеческие скорби проходят так же бесследно, как скорби этой белочки. Дитя, запомни: всё, что на поверхности дел твоих, всё это несерьёзно. Серьёзна лишь бездонная глубина сердца. И чувства, которые возникли по поводу временных слёз или улыбок, истаяв, исчезнут.

У. замолчал. Его рука всё ещё лежала на моём плече. Сгущались сумерки. В сердце вступила тишина и покой уверенности. Рука У. была на моём плече и Его Любовь была в моём сердце».

И ещё я Вам хочу сказать, что сегодня я родилась! И это для Вас я теперь родилась. И я иду, иду к Вам по тоненькой, тоненькой нити, которая протянулась от моего сердца к Вашему. И я иду не оглядываясь, я иду потому, что Любовь ведёт меня. И руки мои протянулись навстречу — ищут Вас!

Л.

29.10.36

Я получила от Вас посылку сегодня: самое дорогое в ней — Ваше письмо...

Я имею Вам что передать. Вот:

Есть некоторые способы понимания Жизни, которые сложились в системы, и

люди, следуя им, теряют то, что я называю «аромат Жизни». Мне кажется, что гораздо лучше и совершеннее не предаваться никаким системам. У Жизни нет систем. И Жизнь нельзя уложить ни в какие мерки. Всё, что вековая мудрость человечества, проникая в глубину Жизни, вынесла на поверхность, — это ещё не вся Жизнь. Она вся хранится только в сердцах людей, в понимании жизни настоящего дня, то есть того творческого мгновения, которое и есть миг Вечности. Не следуйте ни за кем, не записывайте моих слов, если вы их превращаете в святилище, не создавайте себе привязанностей ни в прошлом, ни в будущем. Только *миг* сегодняшнего дня полноценен. У Жизни много разнообразных форм, но все они преходящи. А я вам говорю не о формах, а о том, что за формой. Истиной я называю то, что не имеет ни формы, ни определённого выражения, но Она — совокупность всех форм, всех выражений. Истина невыразима и, однако, люди постоянно стремятся низвести Её. У Истины нет ни начала, ни конца с которых можно было бы Её рассматривать и давать Ей определяться, потому что Она вне всего этого и всё же Она объёмлет всё. Я бы хотел вам указать на тщетность попыток определить Истину, но я хотел бы вам указать на то, как важно суметь найти Её в себе. Для того чтобы начать правильно познавать Жизнь, надо научиться находить во всём Её бытие... Надо научиться принимать Жизнь во всём: и в малом, и в великом. Не в мире фактов творит Жизнь и даже не в мире идей, а в совокупности всего составляющего мир. Я говорю вам: не предавайтесь соблазну успокоиться, а ищите расширяться. Поймите, Жизнь не в тесноте ваших замкнутых квартир, а в широком просторе мира. Жизнь не может быть ни замкнута, ни ограничена. Всюду и во всём — Жизнь. Следуйте Её велениям. Она проста, и Голос Её, не заглушённый вашими суетными и воображаемыми делами внятно возносится над всем миром. Он говорит: «Следуйте за мной. Я не учу вас ничему, но Я в вас, и вы — во Мне. Нет ничего, что было бы вне Меня».

Истинная собранность — это есть наивысшая напряжённость Жизни; Жизни, готовой в вас обратиться в любую сторону, в любой момент. В своём великом напряжении человек прост, прям. Он не поучает никого, он не морализует — он живёт. Он одухотворён Жизнью, и она через него творчески проявляет себя. Мне кажется, что это так просто, друзья мои, так просто, что даже не требуется особых условий для того, чтобы понять это, кроме одного: иметь великую жажду раскрыть в себе этот живой источник Жизни и черпать из него.

Кр.

<...> Ваша Л.

31.10.36

Доброе утро! Сегодня опять чудесный день. <...>

Вчера я видела сон... Он какой-то вещий. Я Вам расскажу: «Где-то на каком-то дворе между домами (небольшой город типа провинции) стою я и какие-то мои близкие, но кто, не знаю... Идёт дождь, сначала слабо, потом превращается в ливень; все прячутся, и я тоже становлюсь под крышу. И вдруг вижу, что вместе с потоками дождя падает с неба огонь синевато-жёлтый. И это очень страшно. И тут же возле меня спускается с неба деревянная свеча. Она огромная и похожа на круглое бревно, но посередине, как и у свечи, горит огонь. И эта деревянная свеча опять поднимается в воздух на крышу того дома, где я живу, и поджигает его. Я кричу тем, что со мною:

— Смотрите, смотрите, она поджигает мой дом.

А кто-то говорит:

— Это очень хорошо. И пусть горит. А мы уйдём отсюда.

И мы направляемся к воротам. Но я говорю:

— Но ведь кругом люди, и они спят. Надо разбудить их.

И кто-то из тех, что со мною, опять отвечает:

— Не надо. Они сами проснутся, когда придёт их время.

И мы продолжаем уходить... Тогда я опять говорю:

— Может быть, вернуться в дом и взять там какие-либо вещи, пока не поздно?

И мне отвечают:

— Нет, братъ с собой ничего не надо оттуда. Пусть всё сгорит.

И мы выходим на большую дорогу. А в руках у меня какие-то стеклянные пустые вещи, которые прижимаю к себе, и я смотрю в удивлении на них: зачем это я их несу с собой? А дорога широкая и большая, и, несмотря на тревогу, какая-то радость в сердце — что нет ничего, что привязывало, и весь мир лежит перед тобой...»

И я проснулась. И вот этот сон не забывается. Он вещий. Я знаю... Но ещё не умею понять его до конца. <...>

Ваши Л.

3.11.36

Сегодня день необычный... День великого счастья и... великой боли. Но о боли я Вам писать ничего не буду, а только о счастье. Сегодня днём налетело счастье, и вот что оно нашептало мне, когда я сидела на берегу моря:

Друзья, примите вестъ. В эти солнечные и короткие дни, когда осень отдаёт нам свои последние улыбки и готовится вступить зима, сердце как-то особенно трепещет от нежности... От нежности к этому короткому угасанию, к этой умиротворённости природы, принимающей своё скорое молчание. Друзья, не так ли и сердца наши должны учиться у природы, вступая в Жизнь, встречать в глубокой умиротворённости все чувства. Нельзя сразу стать богами, но открыть в себе человечность, приоткрыть душу навстречу льющимся звукам, свету и аромату — это может каждый из нас. Я хочу только сказать, что в такие дни у меня особенно много нежности в сердце к каждому из вас и каждому хочется напомнить, что он — это я и я — это он. Не чуждайтесь себя-меня, мы с вами — одно. Там, где я обрёл тишину и покой, — обретёте и вы, важно только насколько интенсивно вы желаете и чувствуете этот трепет экстаза. Мне кажется, что гораздо лучше не заглушать в себе голоса природы, чем давить его аскетическими упражнениями, когда всё ваше существо ещё в расцвете сил и энергии. Поймите меня, друзья мои, всё в мире гармонично. Все мы струны, протянутые в одном общем аккорде, но каждая звучит так, как свойственно только ей. Нельзя перетягивать, иначе струна лопнет, но добиться, чтобы струна звучала так, как ей свойственно, — необходимо. Это всё, друзья. И ещё я скажу всем вам про великую Радость, которая, зародившись в веках, скоро пронесётся над нами, как могучая волна, как весна Жизни, и те, кто могут и кто уже достаточно зрелы, чтобы ощутить это, почувствует в себе небывалый расцвет: и силы, и Жизни (творчества) и счастья.

Кр.

Это всё.

Эта передача налетела какой-то тёплой волной. Я почувствовала её нарастание ещё лёжа на террасе и (увы, не побежала!) доплелась до моря. Сегодня день счастья. После этой передачи я сидела у моря, и трепет вдохновения пронёсся в сердце. Я написала одним взмахом, без помарок стихи — вот они:

О, Боже, я за всё тебя благодарю:
За то, что я дышу, смотрю и осязаю,
За то, что я люблю, за то, что я горю,
За то, что с каждым днём неотвратно таю.
За то, что предо мной морская дышит даль,
За то, что Радостью делиться я умею,
Что запах осени как розовый миндаль,
За то, что до краёв я счастьем пламенею.
За то, что я люблю, за то, что я горю,

За то, что не усох мой жизненный поток,
Что сердцем трепетным я биться не устану,
За то, что над землёй подняться мне помог,
За то, что на земле мне выжиг рану,
За то, что близится Тобою данный срок
И кончатся отсчитанные муки.
И распутившийся сверкающий цветок
Я передам в протянутые руки.
Это тебе мой дар. Четвёртый... <...>

Ваша Л.

4.11.36

Я шла к морю. Было уже около пяти часов. <...>

Я села на берегу лицом к заходящему солнцу и вот посылаю Вам это благоухание из сада У.:

«Я подошла к терраске. У. молча мне сделал знак приблизиться и сесть у его ног. У. был задумчив. Его прекрасное лицо было серьёзно и глаза смотрели вдаль... Великая тишина овеяла меня... Наконец У. тихо сказал:

Открой глаза и запиши слова мои.

Священной любви трепет в сердцах людей означает ступень возрождения. Умейте учуять в себе Любовь и дайте ей раскрыть крылья зари огненной. Не таитесь и не бегите Её. Через Любовь счастье осеняет сердца Ваши. Там, где сердце, как каминосница, курится фимиамом Любви, — там вечное сверкание света, звука и аромата. Пребудьте мудрыми в сердцах ваших и умейте принять не только выражения Любви, но и Силу, которую Она несёт в себе, излучаясь в вас! Пребудьте сверкающими, когда Любовь коснётся часа вашего, ибо она животворит и в трепетном сверкании, звезде подобной, Она подымлет ваше сердце, как жертвенную чашу, и прольёт в мир.

Всё. Закрой глаза.

Я опять была возле У.

— Встань на колени, — сказал У., — и я благословлю тебя на великое счастье, на великую муку и на свершение...

Я склонилась перед У., и он благословил меня. Когда я подняла лицо и взглянула на У., в его глазах сверкали как бы непролитые слёзы.

— О, У., — прошептала я, поражённая, — в твоих глазах слёзы.

— Глаза У. провидят дальше, чем глаза ученика, и слёзы наши не стынут. Иди, дитя, и пребывай в мире сердца.

И У. отпустил меня».

Закат разметал по небу огненные арки и какие-то багровые крылья, море чуть плескалось... Быстро смеркалось. Я прочитала Ваше письмо. Оно вонзилось в моё сердце острой болью. Почему? Я не сумею Вам объяснить. Я попыталась это сделать там же на берегу, набросав это маленькое письмо «К Снегурочке»...

Ваша Л.

8.11.36

Я сижу на берегу и молюсь заходящему солнцу. Я говорю ему: «Я завтра уезжаю... Я скоро перестану видеть тебя, благослови меня своим светом». Я молюсь морю, которое всегда давало мне столько силы, и говорю ему: «Дай мне от твоей чистоты, от твоей глубины». И я молюсь закату: «Дай мне пламенеть, не жалея себя...»

— О, мир! Благослови меня, идущую к людям. Я понесу им своё сердце и всё то чудесное, что мне дала Жизнь! Помоги мне не расплескать этот источник счастья...

Любимый, завтра я начну свой полёт к Вам... Я ещё больна...

Завтра 9-го мы рано уезжаем в Сочи. Я не писала Вам эти дни. Я Вам написала те чудесные слова, что получила для Вас 3-го, но лишь завтра я смогу послать их. После них трудно писать что-либо. Я принимаю в каком-то великом блаженстве нашу приближающуюся встречу. Смогу ли я выразить Вам всё то, что я думаю и чувствую... Я хочу быть для Вас тоже той, которая «не любит и не ненавидит»... Вы научите меня бесстрастием. Меня Жизнь никогда этому не учила, и жар моего сердца касался всего... Но я склоняюсь ниц, в великой тишине сердца и говорю: «Научи меня бесстрастием!»

Л.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

